

РОССИЙСКАЯ	RUSSIAN
АКАДЕМИЯ НАУК	ACADEMY OF SCIENCES
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ	FEDERAL CENTER
ФЕДЕРАЛЬНОГО	OF THEORETICAL AND
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО	APPLIED SOCIOLOGY
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА	INSTITUTE OF SOCIOLOGY

РОССИЙСКИЙ	RUSSIAN
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ	STATE UNIVERSITY
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ	FOR THE HUMANITIES
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	FACULTY OF SOCIOLOGY

Zh.T. Toshchenko

PRECARIAT

From Protoclass
to New Class

Ж.Т. Тощенко

ПРЕКАРИАТ

От протокласса
к новому классу

УДК 314; 316.3/.4
ББК 60.4
Т64

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда
фундаментальных исследований
по проекту № 12-111-00028*

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Ж.Т. Тощенко. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. — М.

В монографии члена-корреспондента РАН Тощенко Ж.Т. обосновывается появление нового социального класса — прекариата, дается объяснение причин его возникновения, его структура и основные его характеристики. Показывается, как созревали идеи о прекариате в недрах научной мысли, в мировой и отечественной социальной практике. Выявляются главные черты этого класса, осуществляется сравнение с другими социальными группами. Раскрывается специфика этого класса, его место и роль в современном разделении труда, его положение на рынке труда, первые ростки его осознания как «класса для себя». Выясняются последствия существования и функционирования этого нового социального феномена.

Специалистам, аспирантам и студентам, занимающимся проблемами социально-классовой структуры общества, труда и занятости.

ISBN 978-5-02-040118-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
<i>Раздел 1</i>	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕКАРИАТА	10
<i>Глава 1. Общество травмы: между эволюцией и революцией</i>	10
К истории понятия «общество травмы»	10
Как возникали общества травмы?	12
Родовые черты общества травмы	16
Специфические черты общества травмы в России	21
Общество травмы вечно?	27
<i>Глава 2. Эволюция идей: от пролетариата к прекариату</i>	32
От классовой к социально-классовой и стратификационной структуре	32
Поиски новых объяснений социально-классовых изменений	35
На пути к обоснованию прекариата	40
<i>Глава 3. Опыт классификации занятости как особой формы трудовых отношений</i>	46
Первые шаги к осмыслению феномена занятости	46
Основные концепции трактовки занятости	49
Социальное лицо современных трудовых отношений	57
<i>Глава 4. Причины появления прекариата</i>	63
Неопределенность как глобальная причина возникновения и формирования прекариата	63
Социально-экономические условия	65
Политические причины	69
Социально-психологические факторы	72
<i>Глава 5. Что такое прекариат?</i>	76
Место прекариата в социальной структуре общества	76
Сущность и содержание понятия «прекариат»	78
Структура прекариата	81
О соотношении понятий «прекариат» и «андеркласс»	85
<i>Раздел 2</i>	
СТРУКТУРА ПРЕКАРИАТА: ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ	89
<i>Глава 6. Неформальная занятость</i>	89
Объемы и величина неформальной занятости	89
Особенности и социальные проблемы неформальных трудовых отношений	97

Глава 7. Временная и неполная занятость	104
Структура занятых на временной работе	104
Основные проблемы временной и неполной занятости	109
Глава 8. Сезонная и фрагментарная (эпизодическая) занятость	116
Причины и особенности сезонной и фрагментарной занятости	116
Специфика сезонной занятости	118
Фрагментарная (эпизодическая) занятость	122
Глава 9. Заемный труд: смыслы и риски	128
Сущность и формы заемного труда	128
Объективные и субъективные причины появления заемного труда	130
Социальный портрет занятых заемным трудом	132
Правовое регулирование заемного труда	135
Социальные последствия заемного труда	137
Глава 10. Безработные и безработица	140
Характеристика пространства безработицы	140
Социальное положение безработных	144
Безработица как социально-политическая проблема	149
Последствия безработицы	153
Глава 11. Фрилансеры — кандидаты в прекариат?	157
Фриланс как новая форма наемного труда	157
Позитивные характеристики занятости фрилансеров	160
Прекарные характеристики занятости фрилансеров	163
Проблемные ситуации в жизни фрилансеров	165
Глава 12. Трудовые мигранты как прекарии	171
К вопросу об определении понятия «трудовая миграция»	171
Общие прекарные черты трудовых мигрантов	175
Специфика работы с внешними мигрантами	176
Особенности занятости внутренних мигрантов	181
Прекаризация соотечественников на рынке труда	184
Глава 13. Прекаризация занятости на молодежном рынке труда	188
Трудовая занятость молодежи: состояние и проблемы	188
Реальности социального исключения труда студенческой молодежи: ожидания и ограничения	191
NEET-молодежь как специфическая реальность рынка труда	201
Раздел 3	
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРЕКАРИАТА	209
Глава 14. Особенности жизненного мира прекариата	209
Базовые основы жизненного мира прекариата	209
Характеристика основных и специфических черт жизненного мира прекариата	211
Глава 15. Прекаризация смыслов жизненного мира наемных работников	220

Главные смыслы современного жизненного мира наемных работников	220
Смыслы сознания и поведения в сфере экономики.....	224
Смыслы жизненного мира прекариев в социальной сфере	228
Прекаризация смыслов жизненного мира в сфере политики .	230
Смыслы жизни человека в духовно-нравственной сфере.....	236
Глава 16. На пути от протокласса к классу	240
Прекариат — принципиально новое социоструктурное образование.....	240
Новые формы классовой самоорганизации.....	244
Возможна ли объединяющая идеология у прекариата?.....	249
Глава 17. Социальные последствия возникновения прекариата.....	253
На пути усложнения социально-классовой структуры	253
Экономические последствия	255
Социоструктурные последствия	260
Политические последствия	264
Духовно-культурные последствия	267
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	272
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	275
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	341

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «прекариат» образовано от лат. *precarium* (неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в свое время представлял класс, отчужденный от результатов труда и подвергавшийся эксплуатации в интересах господствующего класса — буржуазии. Прекариат — принципиально новое образование, означающее социальный слой, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, что, в конечном счете, влияет на качество их жизни.

Феномен прекаризации труда был известен и на предшествующих этапах развития индустриального и постиндустриального общества, но именно на грани XX—XXI вв. он приобрел особое звучание — он начал стремительно расти, охватывая все новые и новые общности и группы трудоспособного населения. Естественно возник вопрос — а что представляют собой эти новые слои, являются ли они издержкой и побочным исключением из логики общественного развития, или это принципиально новое явление, которое требует более глубокого осмысления и определения их действительной роли не только в настоящем, но и в будущем времени. По мере накопления информации об этом социальном явлении в условиях происходящих кардинальных изменений занятости и рынка труда возник вопрос о том, что можно ли говорить о них не как об отдельных социальных слоях (общностях, группах), а как о вполне определенном субъекте исторического процесса, который имеет свое обоснование и, более того, может претендовать на собственное название — прекариат. Подобно пролетариату в настоящее время он представляет разрозненные социальные группы (общности), которые живут самостоятельной жизнью, имеют не только прошлое и настоящее, но и перспективы существования в будущем с непременным условием — желанием изменить свое состояние и положение. Иначе говоря, прекариат превращается в особый социальный класс, который, как и пролетариат, на самом начальном этапе своего существования состоит из различных слоев трудоспособного населения. Так как это принципиально новый социальный феномен, к нему не применимы прежние характеристики и индикаторы, которые использовались при анализе социально-классовой структуры XIX—XX вв. и которые в большинстве случаев идентифицировались

с марксистским определением классов. Это новое образование — прекариат — требует выявления индикаторов его определения, которое бы опиралось на характеристики и черты, присущие именно ему как классу. Иначе говоря, классовый подход к анализу социальной структуры сохраняется, но он приобретает иные характеристики, имеет другую социально-экономическую основу.

Для того чтобы охарактеризовать суть этой основы, считаю нужным дать объяснение и выявить особенности того общества, которое породило этот феномен. На наш взгляд, здесь не применимы ранее используемые понятия — капиталистическое и социалистическое общество. Не дают ответа и более поздние характеристики общества — информационное, постиндустриальное, общество (пост) модерна и другие изобретения, которые описывают иные черты и признаки существующей реальности. Скорее всего, первостепенное значение приобретает оценка социально-экономического положения людей, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп. Поэтому в данной монографии использовано понятие «общество травмы», которое в большей мере позволяет подойти к анализу такого уникального феномена, как прекариат.

Далее в монографии дается анализ эволюции идей о социально-классовой структуре общества, начиная с марксистской ее трактовки и продолжая рассмотрение иных концепций, корректирующих это представление в XX в. Затем выявляется их эволюция в период индустриального и постиндустриального развития, объясняются попытки осмысления тех изменений и преобразований, которые принесла информационно-технологическая революция. Все это позволило выйти на анализ совершенно новой идеи о существовании нового класса — прекариата.

Это в свою очередь потребовало определения причин появления прекариата, его сущности и содержания, его структуры. В соответствии со сформулированными характеристиками этой структуры дается статистический и социологический анализ каждого из его элементов с проблемной постановкой вопроса — какие социальные слои (общности, группы) можно отнести к этому новому социальному феномену, а какие являются кандидатами в эту социальную нишу, занимают промежуточное неустойчивое социальное положение.

Так как изложение текста опирается на описание и объяснение сущностных сторон каждого прекаризованного слоя, необходимо было ответить на вопрос — а есть ли, несмотря на многообразие этих социальных слоев (общностей, групп), у них общие черты, общий жизненный мир, смысл жизни, которые бы позволили объединить их в единое целое — класс?

В заключительной части монографии на основе выявленных и проанализированных характеристик этих социальных слоев (общностей, групп) делается попытка определить прекариат как класс, который еще во многом носит черты протокласса. Особое внимание уделяется возможностям образования идеологии этим классом и социальные последствия его существования.

Исследование прекариата опирается на данные официальной статистической отчетности (см. Приложение 1), а также данные Института социологии ФНИСЦ, ИСПИ РАН, Левада-Центра, ВЦИОМ, ФОМ, на мониторинг газеты «Коммерсантъ». Значительное место в аргументации выдвинутых положений занимают выборочные материалы всероссийских исследований, проведенных под руководством автора: а) «Жизненный мир-2014» (СЖ-2014) (РГГУ, 25–30 октября 2014 г.) в 18 регионах страны; опрошено 1750 человек с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу; б) данные всероссийского социологического опроса «Сельская жизнь» (СЖ-2015), проведенного в августе 2015 г. в 9 федеральных округах и 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, охвативших 1000 человек. Особенность этого исследования и основным объектом стали населенные пункты (крупные и средние, с численностью более 50 человек), в которых сохранилось сельскохозяйственное производство и органы управления им, начиная с самого низового организационно-хозяйственного звена — отделения, участка, фермы и т.д. Исследования проведены с участием Центра социального прогнозирования и маркетинга (Ф.Э. Шереги); в) всероссийское исследование «Трансформация экономического сознания россиян» (РГГУ, 5–10 октября 2012 г.), 1201 человек в возрасте 18 лет и старше в 12 субъектах Российской Федерации (в Красноярском, Ставропольском, Хабаровском краях, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Челябинской областях, гг. Москва и Санкт-Петербург), по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности) (ЭС-2012)). (См. Приложение 2).

Автор выражает признательность коллективам Института социологии ФНИСЦ РАН, социологического факультета РГГУ, на Ученых советах которых обсуждалась эта проблема. Эти идеи анализировались на заседании Отделения общественных наук Российской академии наук, докладывались на международных и всероссийских конгрессах и конференциях, на круглых столах и семинарах в ряде университетов, на которых коллеги уточняли свое отношение к этому феномену, предлагали свое видение происходящих изме-

нений, сопоставляли с накопленной информацией о современной социально-классовой структуре в России и за рубежом, высказывали мнение о публикациях, посвященных прекариату, особенно на первую из них (см. журнал «Социологические исследования», 2015, № 6).

Большую помощь в подготовке материалов оказали Р.И. Анисимов, Т.Г. Евдокимова, Н.В. Краснова, И.Ж. и Ю.Ж. Тощенко, которым автор выражает признательность и благодарность.

Раздел 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕКАРИАТА

Глава 1

ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ: МЕЖДУ ЭВОЛЮЦИЕЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ

К истории понятия «общество травмы»

В научных исследованиях Нового времени, начиная с XVIII в., преобладал один тип анализа развития (реального или желательного) существующего мира — в категории «прогресс», который трактовался в двух его вариантах — «эволюция» и «революция». Не вдаваясь в подробное рассмотрение существующих точек зрения по этой проблеме (для этого существует обширная литература), обратим особое внимание на то, что почти вся научная литература, в том числе и социологическая, а также практически все ее представители вплоть до начала XX в. оперировали этими понятиями. Несмотря на различие в трактовках, их сближала глубокая убежденность в непрерывности постоянно обогащающегося и усложняющегося исторического процесса для всего человечества, для каждого народа, для всех государств и обществ.

Потрясения, вызванные Первой, а затем Второй мировыми войнами, ростом классовых конфликтов, постоянно увеличивающимся сопротивлением в колониальных странах навязываемому им западноевропейскому стандарту жизни, растущим числом общественных катаклизмов, поставили под сомнение как непрерывность позитивных изменений в жизни человечества, так и полноту существующих концепций и теорий, объясняющих противоречивое многообразие экономической и социальной жизни. Реальный ход исторического процесса показал, что нет линейности в его развитии: современный мир стал свидетелем и регресса, и архаизации, и турбулентности [Кравченко, 2010]. Попытки объяснения этих «зигзагов» и «отступлений» в отдельных государствах и обществах обычно сводились к выявлению объективных условий и субъективных факторов, которые давали возможность судить о причинах, приведших к деформациям, но не отвечающих на кардинальный вопрос — как все же описать этот феномен при всем многообразии его проявления.

В поисках ответа на этот вопрос автор, опираясь на имеющиеся обобщения зарубежных и отечественных ученых, вышел на необходимость использования термина «травма». Напомню некоторые исходные трактовки этого слова.

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской и особенно психиатрической литературе этот термин понимается не только как физическая рана, но и как рана сознания, в результате эмоционального шока, который нарушает «осознание времени, себя и мира» [Caruth, 1996: 6]. Постепенно при изучении травмы стали обращать внимание на ее социальное содержание, как это сделал Ю.Хабермас, когда связал ее с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе [Habermas, 2001].

Современные определения травмы привели к попыткам рассмотреть новую ее трактовку как особое состояние общественных процессов, которое представляет собой неопределенность, неоднозначность, деформированность, разноплановость развития. Характеризуя совокупность изменений, происходящих в мире и в большинстве стран, П. Штомпка употребил это понятие для анализа социально-культурного развития («социальная и культурная травма»). Он рассмотрел *травму* как «социальную трансформацию», в основе которой лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [Штомпка, 2001: 6–7]. При изучении происходящих в западных обществах потрясений Д. Александер утверждал, что многие события в современном мире сами по себе травматичны, т.е. являются непосредственными причинами деформирующего эффекта [Alexander, 2004]. Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман [Bauman, 1989]. Р. Айерман считает, что некоторые события, как, например, политические убийства, могут создавать условия для появления социальной травмы [Eyerman, 2008]. Социальная трактовка травмы начала использоваться и при анализе других процессов, например, коллективной идентичности, включая религиозную и этническую [Narrating trauma, 2011].

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, они анализировали травмирующие аспекты периода перестройки и «лихих 90-х» выявляя процессы стагнации, непредвиденности, непредсказуемости и неопределенности во всех сферах общественной жизни и особенно в экономике и социаль-

ной сфере (Подробнее см. труды: Ю.Ю. Болдырева, С.Ю. Глазьева, М.К. Горшкова, Р.С. Гринберга, М.Г. Делягина, А.С. Запесоцкого, В.К. Левашова, О.Н. Смолина и др.).

В настоящее время поставлено под сомнение использование для объяснения происходящих в мире трансформаций не только таких теорий, как буржуазное и социалистическое общества, но и постиндустриальное и информационное, постмодернистские концепции и даже общество знания, которые до конца XX в. задавали тон в социологической трактовке социально-экономических и социально-политических процессов, происходящих в мире. Одновременно в пространство анализа вернулась перспектива рассмотрения современных обществ как неокapиталистических, но серьезно деформированных происходящими неоднозначными сдвигами [Полякова, 2016:84].

На наш взгляд, трактовки происходящих деформаций, данных названными авторами, можно расширить до понятия «общество травмы», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности реальных преобразований (катастроф). Соглашаясь с основными объяснениями этого понятия П. Штомпкой, нам хотелось уточнить его применение, предложить иное его объяснение или, вернее, объяснить иной подход.

Обобщая имеющиеся наработки по этой проблеме, прежде чем дать определение, назовем те страны, которые характеризуются чертами, присущими обществам травмы и сделавшими их значимыми феноменами в современном мире.

Как возникали общества травмы?

Анализ состояния, тенденций и функционирования деформированных обществ — обществ травмы — позволяют раскрыть механизм их образования (создания) и назвать причины, приведшие к их возникновению.

Во-первых, общества травмы порождаются внутренними катаклизмами, как это произошло в России, Болгарии, Румынии и ряде других стран. Их предтечей стали потрясения, осуществлявшиеся под лозунгом неотложности кардинальных изменений на грани 1980—1990-х годов, при декларировании необходимости содержательных сдвигов в экономике и социальной сфере, при обещании добиться достойной жизни людей и их благополучия. Эти лозунги сдабривались посулами поднять на более высокий уровень

соблюдение прав и свобод человека. Однако уже вскоре выявилось вопиющее несоответствие между официально провозглашенными целями и реальной жизнью. В результате росло число конфликтных зон, катастрофических явлений и событий в этих странах. Это случилось потому, что к власти пришли силы, не имеющие ни ясной стратегической цели, ни четкой программы действий, кроме намерения непременно сломать все (подчеркиваю все, без исключения), что было до них, и построить что-то такое, которого никто не знал ранее или, в крайнем случае, повторить то, что положительно рекомендовало себя в других странах. В этих странах не оказалось руководителей планетарного мышления и масштаба, способных согласовать общемировые тенденции и национальные особенности и интересы, обеспечить сочетание научных и практически целесообразных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных преобразований по реализации требований научно-технического и социального прогресса. Иначе говоря, в этих странах не решилась кардинальная задача — продвинуть государство и общество на более достойные рубежи, достичь позиций, диктуемых современной информационной эпохой, предоставить населению достойную жизнь не столько на уровне высокоразвитых держав, сколько по сравнению с тем, что имели люди до катастрофических событий в своей стране. Это отсутствие политики стратегического развития тем более очевидно, если сравнить с тем, что подобную задачу решали — и успешно и, главное, в течение сравнительно короткого времени — как капиталистические (Сингапур, Малайзия, Южная Корея), так и социалистические страны (Китай, Вьетнам). Что касается России и ряда стран Восточной Европы, то они уже более чем четверти века находятся в ситуации стагнации или рецессии, замерли или отступили от ранее достигнутых рубежей, и даже, если происходят в них изменения в некоторых отраслях национального хозяйства, это можно квалифицировать, по меткому выражению Й. Шумпетера, «ростом без развития» [Шумпетер, 2007: 21].

Во-вторых, путь к созданию обществ травмы проложили *цветные революции*, которые назывались по-разному — арабская весна, оранжевая, тюльпановая, революция роз и т.п. По своей сути они означали(ют) кардинальные качественные изменения, смену господствующего строя методами мобилизации «групп давления», осуществляющих агрессивные действия посредством «мягкой силы», не исключающей применения открытых форм насилия [Подробнее см.: Кара-Мурза, 2005; Кьеца, 2016; Пономарева, 2012]. В большинстве случаев эти «революции» не столько открывали (предлагали) новый путь развития, сколько порождали эффект

травмы, так как действовали силы, ориентированные на слом предшествующего режима, но без внятной, обоснованной и четко ориентированной программы действий при полном игнорировании объективных закономерностей общественного развития, без учета специфики своей страны, но с ориентацией на достижение политических целей, олицетворяющих устремления коллаборационистских сил. Причем ведущую роль в этом процессе занимают геополитические интересы ведущих государств мира и прежде всего США и идущего в фарватере его политики Европейского Союза.

В-третьих, если не срабатывали механизмы цветных революций, стратегия и тактика «мягкой силы», то в дело вступали внешние силы, которые осуществляли непосредственное *насильственное изменение существующего политического режима и соответствующих институтов управления*, что наглядно продемонстрировали события в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, а в настоящее время в Сирии. Очевидно, что создание обществ травмы в этих странах происходило под непосредственным вмешательством внешних сил, которые открыто навязывали свои установки о путях развития, нередко механически перенося свои представления о государственном устройстве без учета их исторических и культурных особенностей. Именно органически не связанной с потребностями подвергаемого насилию общества как правило приводило к дезорганизации государственной и общественной жизни этих стран [подробнее см.: Брутер, 2014; Брутенц, 2015]. Именно вторжение вооруженных сил США и их союзников по НАТО в эти страны на длительное время травмировало, дезорганизовало их развитие, ввергло в хаотичное состояние национальное хозяйство, породило радикальные силы, дезорганизовало социальную и культурную жизнь. Вмешательство внешних сил в Ираке, Ливии, Афганистане привело к тому, что эти страны не вышли из кровопролитных междоусобиц, не говоря о том, что в экономическом развитии, в социальной обеспеченности, защищенности и гарантированности жизни людей они не только не добились успехов — а наоборот, произошла деградация всех без исключения общественных сфер. И что очень важно, это вмешательство не только раскололо эти общества по многим основаниям, но и привело к власти агентов, которые без помощи от поставивших их сил не могут осуществлять даже элементарную управленческую деятельность.

В-четвертых, общества травмы создавали (или были источниками) *экстремистские религиозные и националистические силы*, которые под флагом защиты и использования этнических и конфессиональных ценностей навязывали их, не без поддержки извне, не считаясь с интересами и устремлениями других не менее значимых,

но менее активных общественных групп, слоев, классов. В 1990-е годы это продемонстрировали кровопролитные религиозные войны на территории бывшей Югославии, ввергшие на длительное время в состояние хаоса вновь образованные на ее территории государства, сформировавшиеся в основном по конфессиональному признаку. Но особенно ярко процесс возникновения общества травмы проявился в деструктивной радикально религиозной воинствующей деятельности так называемого Исламского государства (ИГИЛ), которое по всем параметрам выпадает из логики естественного развития и функционирования любого общества, пытаясь возродить средневековые нормы организации общественной и государственной жизни.

И наконец, общества травмы могут возникать в тех случаях, если экономическое, социальное и, конечно, политическое *развитие страны пустить на самотек*, не осуществляя мер по постоянному согласованию различных социальных интересов, а тем более, не заботясь о будущем страны, как это произошло на Филиппинах. Напомним, что в начале 1960-х годов это государство считалось примером для стран Юго-Восточной Азии по достижению впечатляющих результатов в развитии экономики и благосостоянию населения. Эти успехи были вскоре утрачены в результате стихийного развития страны, что привело ее в длительное пребывание в состоянии деградации основных отраслей экономики, к стремительному снижению жизненного уровня, к резкому обострению классовых противостояний, к росту межэтнических и межрелигиозных столкновений, к активизации радикальных сил.

Наряду с названными причинами можно сказать, что и так называемые развитые страны не избавлены от травмирующих их процессов, будь то желание выйти из-под влияния Европейского Союза (брексит Великобритании) или попытки раскола на основе некоторых этнонациональных (Испания, Бельгия, Нидерланды) или конфессиональных (Македония, Украина) факторов. На наш взгляд, травматические явления происходят и в США, где правящие группы стимулируют действия деструктивных сил, что выразилось во вспышках реанимации прежних расовых отношений. И в этой связи можно также сказать о травмированном западном обществе из-за действий террористических сил и огромнейших масштабов миграции из стран Ближнего Востока и Африки.

Обобщая сказанное выше, можно отметить, что если эволюция и революция — это процессы реализации объективных потребностей развития, хотя и разными методами, то травма — это результат длительной неопределенной, турбулентной трансформации общества, характеризующейся деформацией экономических, со-

циальных, политических и духовно-культурных отношений и, как следствие — имеющей непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы позитивных преобразований и преодолению деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов (правящего класса, «элиты»), ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы.

Родовые черты общества травмы

Обобщая научное осмысление и практическую интерпретацию неоднозначных и противоречивых, деформированных процессов в названных странах Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, необходимо ответить на важное теоретико-методологическое положение — образуют ли общества травмы новую социальную модальность наряду с такими модальностями, как эволюция и революция. Поэтому попытаемся дать характеристику сначала родовых (т.е. присущих всем без исключения) черт травмы, которые, несмотря на различие, при всем их разнообразии, имеют все эти общества, а затем специфических черт, которые характерны только отдельным из них.

Что касается особенностей общества травмы, которые коренным, принципиальным образом отличаются от состояния, развития и функционирования обществ, развивающихся и функционирующих как в эволюционном, так и революционном обличье, то они проявляются в следующем.

К родовым чертам всех *обществ травмы следует, прежде всего, отнести дезорганизацию экономической и политической жизни, стагнацию и даже потерю и откат от тех экономических и социальных рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития*. Более того, можно говорить о деградации, которая отбросила эти страны от достигнутого уровня. Это касается не только Ирака, Ливии, Афганистана и Сирии, у которых ныне существующая экономика представляет разваленные и раздавленные отрасли национального хозяйства, но и Украины, Молдавии, Грузии и других постсоветских стран.

Такая ситуация присуща и современной России. Речь идет не только о потере темпов экономического развития, а утрате ранее достигнутых и до сих пор не восстановленных рубежей. За период

рыночных реформ в 1990-е годы народное хозяйство страны потеряло больше, чем за годы Великой Отечественной войны. Итоги реформ в России оказались «драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как европейских, так и азиатских» [Богомолов, 2001:9]. В значительной мере это объясняется обстоятельствами прихода к власти Б. Ельцина, его предпочтениями в выборе команды реформаторов, их политико-идеологические ориентации, методы их внедрения в жизнь, полное игнорирование мнений и стремлений народа. Мало что исправили и 2000-е годы. В эти годы безапелляционно, без всяких оглядок на интересы населения реализовывались принципы либеральной политики. «Все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено» [Гринберг, 2013]. Как отметил бывший экс-министр экономики и финансов Польши Гжегож Колодко, именно отсутствие грамотной экономической стратегии в России привело к тому, что, если 25 лет назад ВВП России втрое превышал ВВП Китая, на данном этапе Китай превосходит РФ по этому показателю в шесть раз [Цит. по: Московский экономический форум... 2016:13].

Обычно, когда говорят о потерях России в сфере экономики, их связывают с кризисами 1990-х и 2000-х годов. Называются разные причины, но официально не признается тот фат, что сложилась неэффективная экономическая модель. Так, после некоторого подъема в начале 2000-х годов кризис в экономике наметился задолго до 2014 г., когда произошло снижение мировых цен на энергоносители и были введены США и их союзниками экономические санкции. Напомним, с 2010 г., после прекращения предыдущего кризиса в 2008–2009 годах, ВВП постоянно сокращался. Если в 2010 г. его рост составил 4,5%, то 2011 г. — 4,5%, в 2012 г. — 3,4%, в 2013 г. — 1,3%, 2014 г. — 0,6%, в 2015 г. — минус 3,5% [ВВП России по годам: 1990–2015]. Заслуживают внимания и такие данные по ВВП. Так, в 1910 г. по объему ВВП Россия находилась на пятом месте в мире, а величина ВВП на душу населения составляла 28% от аналогичного показателя США. Сейчас мы имеем те же 28%, а по объему ВВП занимаем 6–7 место в мире [Сенчагов, 2013:12]. При этом по доле ВВП на душу населения Россия оказалась на 80 месте в мире, а по темпам роста — почти на 100-м месте [Глазьев, 2013:6].

О том, что экономическая политика России, продолжавшаяся четверть века, рухнула, признали творцы либеральных реформ. «Прежние модели экономики, основанные на экспорте сырья и стимулирования потребления ... исчерпаны, — признала председатель Центробанка Э. Набиуллина. — Поэтому экономика начинает (?? — Ж.Т.) нащупывать новую модель развития» [Набиулли-

на, 2016]. Оценивая ситуацию, которая сложилась в России после 25 лет рыночных реформ, один из инициаторов и последовательный сторонник неолиберальной политики А. Кудрин заявил о наличии для России риска потерять статус технологической державы, признав, что только отказ от сырьевой направленности экономики, за которую ратовали неолибералы, может способствовать тому, что останется ли страна технологической державой в рамках четвертой промышленной революции [Кудрин..., 2017].

Но либералы не намерены складывать оружие. Для этого в своей аргументации они используют различные способы доказательства верности своих идей — от попыток убедить, что все просчеты и провалы российской экономики случились из-за непоследовательной реализации их идей до того, что нужно для уточнения применить новую теорию — *концепцию неолиберализма* (???-Ж.Т.) [Подробнее см.: Матвеев, 2015].

Все это позволяет прийти к заключению, что во многих названных странах травма порождена такой родовой чертой, как *отсутствие четкой и ясной стратегии и понимания перспектив развития. Ни в одной из них не была сформулирована программа действий по научно обоснованному преобразованию государства и общества.* Декларируемые меры в основном сводились к тому, чтобы ориентироваться на решение отдельных проблем, иногда с учетом опыта в других странах (как это было в России), или на выполнение навязанных рецептов без учета национальной специфики (Афганистан, Ирак, Ливия), причем нередко в рамках внешнего экономического и военного давления. В этом проявилась и проявляется неспособность вписаться не только в существующие масштабные процессы, происходящие в мире, но и в назревающие грядущие изменения, а также соблюдать логику предвидения и прогнозирования, следования их требованиям и соответствующего их учета в стратегии развития своей страны. И как результат — превращение российской экономики в сырьевую привело к тому, что если в 1985 г. на долю РСФСР приходилось около 12% мирового промышленного производства, то в 2000 г. доля России исчислялась 4,4%, а в 2013 г. — 3,2% [ВВП России по годам: 1990—2015]. К этому стоит добавить и тот факт, что удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в России, в 2015 г. составил 8,3%, почти не изменившись по сравнению с 2010 г. — 7,9%, при том, что в Германии эта доля составила 55% [Цит.по: Кудрин..., 2017].

В России до сих пор остается невыясненным и неопределенным вопрос — какое же общество в ней строится [Подробнее см.: Бузгалин, Колганов, 2014; Бодрунов, 2017]. Обсуждалось немало рецептов, но они сводились в основном к тому, чтобы отказаться от

прошлого социалистического пути развития, воспользоваться рекомендациями, основанными на опыте других стран или просто некими умозрительными конструкциями, вроде положений чикагской школы, на выводы которой уповали российские либералы и которые упорно пытаются навязать стране представители гайдоровского Института переходной экономики. Немало было доморощенных предложений, которые идут скорее от фантазий, чем от научно обоснованных программ развития.

Показателен в этом отношении вклад неолибералов в создание общества травмы в России. Долгое время они ратовали за деиндустриализацию страны, за развитие сферы услуг, за максимальное расширение прав работодателя в его взаимоотношениях с работником. И вот в 2017 г. Центр стратегических разработок (руководитель А. Кудрин) признал, что «деиндустриализация» экономики завершена и что по «развитости сервисного сектора РФ уже не является типичной экономикой переходного периода». Т.е. признано, что тот путь, по которому вели Россию неолибералы, оказался неэффективным, затратным, принесшим огромные издержки не только самому государству, но и большинству живущих в нем людям. Но что касается рынка труда, то их предложения носят, на наш взгляд, характер, закладывающий основы для экономической, а затем и политической раздробленности России — децентрализовать регулирование рынка труда, перестать бороться с его теневизацией (иначе, мол, будет расти безработица). Кроме того, они объявляют, что причины сохранения социального неравенства неизвестны (? — Ж.Т.), поскольку мало исследованы (? — Ж.Т.). И настаивают на своей монетаристской установке — снятие или уменьшение жесткости регулирования рынка труда, поддержка гибкости занятости [Цит. по: Бутрин, 2017]. Это ли не еще одна рекомендация для сохранения в России общества травмы?

О том, что многие акции нанесли огромный ущерб России, признают и другие авторы неолиберальных реформ. Особенно это касается приватизации, под лозунгом которой осуществлялся беспредел, выразившийся в разгроме государственной и кооперативной собственности, под лозунгом повышения эффективности и получения огромной прибыли от ее продажи. Однако даже по признанию инициаторов реформ «по моему глубокому убеждению, денежная фаза приватизации в значительной степени провалилась» [Ясин, 2010:4]. И иначе быть не могло: с 1992 по 1996 г. доход от приватизации составил всего 1,3% в общем доходе бюджета России. Даже Е. Гайдар признавал, что проведенная приватизация была несправедливой, пытаясь в то же время доказать, что ее пересматривать не

нужно. «Не вываливать же в общую кучу то, что успели распахать по карманам» [Гайдар, 1994:193].

Общественная оценка была резко негативной. «Такой быстрой приватизации нигде в мире больше не было. С огромной скоростью раздали за бесценок наши благословенные недра: нефть, цветные металлы, алмазы, уголь, производство. Ограбили до нитки Россию. Чубайс выдвинул лозунг обвальности приватизации, то есть почти мгновенности ее, врасплох» [Солженицын, 2009:22].

Еще одна общая черта, характерная для всех без исключения обществ травмы: в них *нет активных, творческих созидательных сил, олицетворяемых «коллективным агентством»* [Штомпка, 2001:8], которые осуществляли бы руководство желаемыми преобразованиями посредством четкой, продуманной программы действий, опирающейся на объективные законы развития и исходя из национальных интересов своей страны. Имея доступ к экономическим, социальным и культурным ресурсам, официальные структуры, при отсутствии стратегии развития, действуют импульсивно, а нередко и имитируют деятельность, часто меняют приоритеты и ориентиры, что лишь увеличивает возможность негативных социальных последствий. В этих странах нет и подобия таких руководителей, как Ден Сяо Пин (Китай), Ли Куан Ю (Сингапур), Махатхир Мохамад (Малайзия), программы и политический курс которых вывели эти страны на впечатляющие достижения в экономике и социальной жизни миллионов людей. К либеральным властителям всех травмированных обществ в полной мере применимы такие слова: «Они любили свободу, но больше всего любили власть и деньги». Показательно в этом отношении поведение и истинные намерения Б. Ельцина. «Помню, — вспоминает он, — как мы с Львом Сухановым (помощник Ельцина — Ж. Т.) впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Верховного совета РСФСР. Кабинет настолько огромный, что Лев Евгеньевич изумленно сказал: "Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!". Я в своей жизни успел повидать много кабинетов. И все-таки этот мягкий, современный лоск и комфорт как-то приятно кольнули. Ну и что? — подумал я. Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили!» [Ельцин, 1994:33].

В обществах травмы «коллективные агентства» (т.е. правящие круги и политические партии) или не учитывают, или абсолютизируют национальную специфику, то, что было накоплено странами в их историческом развитии. Что касается гипертрофикации национальных особенностей, то этот путь наиболее наглядно демонстрирует национально-государственное строительство на Украине. «Стимулирование этнополитической конфликтности и продвиже-

ние идеологии и системы ценностей, разделяющих этносы и нации по их отношению к свободе, демократии и процветанию, оказыва-ется одной из ключевых составляющих» в «общей стратегии хаотизации социального субстрата неконсолидированных режимов» [Лапкин, 2016:61].

Но особое значение приобретает тот факт, что *в обществах травмы произошел ничем неоправданный и необъяснимый с точки зрения не только теории, но и здравого смысла рост социального неравенства*. Именно нерешенные социальные проблемы рожают зигзаги в развитии этих стран. В названных обществах травмы все индикаторы уровней их развития, будь то индекс человеческого потенциала, доля ВВП на каждого гражданина и другие ориентиры в культуре, образования и т.д., свидетельствуют о глубоком отставании от успешно развивающихся стран. Что касается социального неравенства, то, по данным Global Wealth Report, в России на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех личных активов в России. Для сравнения: в следующих за Россией (крупных) странах, в Индии и Индонезии, этот показатель равен соответственно 49% и 46%. В США он равен 37%, в Китае — 32%, в Японии — 17%. Во всем мире этот показатель равен 46%, в Европе — 32%. (http://www.Vedomosti.ru/opinion/articles/2012/11/06/pervaya_sredi_neravnyh). Есть еще и другой, более «низкий» уровень богатства. В 2017 г. число долларовых миллионеров в России насчитывалось 182,3 тыс., увеличившись за год на 19,7%, в то время как во всем мире только на 7,5% [ежегодный доклад World Wealth Report компании Capgemini//Коммерсантъ-observer, 28.09.2017].

Деформированные процессы, отражающие травму общества, а не революционный и не эволюционный путь развития, происходят и в политической сфере. Демагогия вокруг слов «демократия», «свобода», «права человека» никак не коррелирует с реальной действительностью и насущными устремлениями (желаниями) людей. «Двадцать пять лет реформ прошли в череде социально-экономических и политических кризисов, каждый из которых является результатом не только конъюнктуры, но и системных просчетов и неадекватной государственной политики» [Левашов, 2016:45].

Специфические черты общества травмы в России

К специфическим чертам российского общества травмы, прежде всего, отнесем утрату ею технической и технологической самостоятельности и соответственно независимости, ошибочный курс на деиндустриализацию страны. Потеряна основная часть высокотехнологичных производств — в космической индустрии, в авиационной

промышленности, в автостроении, в ряде других отраслей производства. Сложная ситуация сложилась в базовых отраслях российской экономики — машиностроении, станкостроении, в производстве энергетического оборудования и промышленного транспорта. Такая ситуация привела к тому, что если Россия в 2000 г. закупила машин, транспортных средств, оборудования на 10 млрд долл., то в 2013 г — на 150 млрд долл., т.е в 15 раз больше [Бодрунов, 2017:15]. Не меньшие потери понесла и легкая промышленность. По данным С. Лескова в настоящее время отечественная легкая промышленность выпускает в год 1 пару брюк на 25 мужчин и 1 юбку на 27 женщин.

Не менее важным фактором выступила *конвертация ресурсов власти в капитал и капитала во власть*, так как политическая власть рассматривалась как источник доходов, оправдания и прикрытия сомнительных акций на экономическом и финансовом рынке, а владение капиталом — как гарантия вмешательства в программы политического развития страны [Линецкий, 2016:157]. И результат такого «взаимопроникновения» более чем нагляден: российские миллиардеры владеют 30% всех личных активов российских граждан, в то время как во всем мире миллиардеры владеют таковыми лишь 2% активов. Так, в Китае им принадлежит только 1–2%, в США, где живут 400 миллиардеров, их доля составляет лишь 7% от суммарного богатства всех американцев. К этому можно добавить и следующую информацию: в условиях падения реальных доходов россиян в 2015 г. доходы 10 самых богатых семей по сравнению с предыдущим годом выросли на 40% — с 18 млрд до 25 млрд долларов (Полит.ру. 2016. 24 августа). А иначе и не могло быть. По мнению бывшего вице-премьера и министра финансов А. Лившица, к середине 2000-х годов «рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили экономическую модель типа Филиппин времен Маркоса или Индонезии времен Сукарно. Фактически Ельцин раздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование» [Лившиц, 2007:3].

После провозглашенных реформ россияне долгие годы жили ожиданием того, что коррупционные и другие негативные процессы будут обузданы, что новые перемены обязательно сделают жизнь лучшей. Но вопреки ожиданиям позитивных сдвигов, на которые так надеялись люди после их провозглашения ельцино-гайдаровской командой, происходили нежелательные, неприемлемые негативные изменения — расхищение национального богатства и сосредоточение его в руках сравнительно небольшой группы лиц, рост коррупции, безработица, раскол общества на бедных и богатых,

приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости [Симонян, 2016]. К сожалению, происходящие процессы либерализации экономики породили огромные, поражающие воображение масштабы, коррупции, грабежа национального богатства, вывода огромных финансовых резервов за рубеж, которыми полны сообщения всех средств массовой информации и особенно тех, которые отслеживают эти криминальные процессы — «Ведомости», «Коммерсантъ», «Российская газета» и др. Эта коррозия властных структур затронула и высшие эшелоны власти — министров (Улюкаев), губернаторов (Хорошавин, Белых, Глезер и др.), не говоря о втором эшелоне, масштабы экономико-финансовых преступлений которых не поддаются никакому элементарному представлению о порядочности, честности, ответственности [Подробнее см., например: Делягин, 2016].

Не в меньшей мере поразительна ситуация с отказом от государственной идеологии, исходя из того, что «творцы» Конституции России добились утверждения статьи об ее отсутствии при полном игнорировании того факта, что ни одно из существовавших и существующих государств не обходится без официальной идеологии при признании возможности одновременного существования других мировоззренческих ориентаций. Понимание того, что идеология является духовной скрепой общества, пришло для политического руководства России позже. Были предприняты попытки вместо нее сформулировать национальную идею, которые окончились ничем, так как они отражали гипотетические представления/пожелания отдельных представителей правящих слоев России или предложения ряда научных работников, но не чаяния и устремления народа. В результате в обществе, как в калейдоскопе, сложился конгломерат различных мировоззренческих ориентаций, которые самым причудливым образом отражают устремления политически ангажированных групп и слоев. При этом полностью и безапелляционно отвергнут опыт не только советского, но и предшествующего исторического прошлого, исходя из заведомо ущербной установки — в прежней России и особенно в СССР идеология ничего не дала, кроме оправдания существующего строя. Именно с этих позиций в последнее время происходит интенсивная дегероизация отечественной истории, когда ниспровергается все, что являлось ориентиром для того, чтобы человек чувствовал себя патриотом. Нашлись лица (С. Тарошина, «Новая газета», 2016, 27.07), назвавшие подвиг З. Космодемьянской фейком, а сражение 28 панфиловцев с гитлеровскими танками — вымыслом «советской пропаганды». В таких условиях ничего святого не остается, кроме чувства пол-

ной растерянности, неуважения и даже презрения к отечественной истории.

В последние годы этот идеологический вакуум стал заполняться стихийным поиском путей трансформации этнического, регионального и локального самосознания, который при всей их важности не может заменить идеологические ориентиры, их роль в сплочении народа [Евгеньева, Селезнева 2016: 35]. *В этих противоречивых условиях резко увеличивают свой вес и свое воздействие на общество амбициозные и реваншистские силы, рвущиеся к власти*, для которых два основных ориентира — рынок и демократия — являются лишь прикрытием для достижения эгоистических групповых целей.

Общественному сознанию была нанесена колоссальная травма, ибо в этой ситуации *произошла потеря прежних ориентиров, а новые не сформировались* [Славин, 2009]. Были утрачены прежние каналы обратной связи, которая является (или должна являться) непременным атрибутом всякой эффективной власти. Эта непонятная, и потому неприемлемая для населения ситуация, порожденная в России бесплодным и разрушающим воздействием либеральной политики, привела к устранению большинства россиян от участия в работе государственных и общественных организаций: 80,3% не состоят ни в одной общественной организации, 93,7% считают, что они никак не влияют на принятие государственных решений [Жизненный мир, 2016:356—357].

Травму российскому обществу нанесли те группы, которые находились во власти или захватили многие СМИ. Большинство представителей этих групп страдали патологической ненавистью ко всему советскому, требовали и до сих пор требуют десоветизации, «декоммунизации», что нередко означает и «деруссификацию». По их мнению, ничего светлого, приемлемого, достойного в период существования Советского Союза не было. Поэтому долой все — и Госплан (при том, что плановые органы существуют во многих странах Западной Европы), и государственную собственность, и само государство (ему отводится роль «ночного сторожа»). Но будучи не способными реализовать стратегические задачи, их усилия сосредоточивались на решении эгоистических групповых или личных устремлений. «Истинные интересы и мотивы власти, которая взяла на себя ответственность за историческую судьбу России в 1991 г., никак не связаны с декларированными целями. Разговоры о демократической рыночной экономике и, соответственно, политических и экономических реформах, призванных обеспечить ее становление, были не более чем идеологическим прикрытием для куда более прозаических целей и задач» [Явлинский, 2003:26].

Именно общество травмы в России породило тот феномен, который с полным основанием можно назвать фантомными ликами, руководствовавшимися в своих действиях только такими ориентирами — иметь капитал, быть при власти и быть в центре общественного внимания [Подробнее см.: Делягин, 2016; Тощенко, 2015]. Будучи неспособными решать стратегические задачи общественного развития, они прибегают к различного рода утверждениям, вроде апелляции к авторитету Шумпетера, утверждая, что Россия, как и весь мир, «переживает очередной этап созидательного (!?) разрушения» [Цит. по: Делягин, 2014: 22].

Нанесен большой ущерб и науке. Это выразилось в резком сокращении занятых в сфере науки практически вдвое — с 1532,6 тыс. в 1992 г. до 726,3 тыс. человек до 2012 г. Научных организаций стало за этот период меньше на 22%. В 15 раз (с 495 до 33) сократилось число проектных и проектно-изыскательских организаций [Россия в цифрах, 2014]. Произошло резкое уменьшение финансирования науки. В результате по показателю удельного веса затрат на науку в ВВП — 1,1% — Россия существенно отстает от ведущих стран мира, находясь на 31 месте [Ратай, 2017:22]. В результате такой политики доля России на рынке новых технологий составляет всего 0,3%, в то время как США — 39%, Японии — 30%, Германии — 16%. Согласно оценкам Роспатента, импорт интеллектуальной собственности в Россию превышает экспорт в 11 раз [Цит.по: Загашвили, 2016:52]. И перспективы коренного изменения этой ситуации неолибералы не видят: они предлагают стремиться к тому, чтобы доля РФ на мировом рынке высокотехнологичных товаров к 2024 г. достигла 0,5%, а к 2030 г. — 1% [Кудрин..., 2017].

Губительно сказался на развитии науки и пресловутый закон № 253-ФЗ от 27.09.2013, который фактически привел к разрушению Российской академии наук. Выступая 25 сентября 2017 г. на сессии РАН будущий ее президент А.М. Сергеев заявил: «Эти четыре года (с 2013 по 2017 г. — Ж.Т.) показали неверность принятых решений, оставивших российскую академическую науку на грань катастрофы» [Сергеев, 2017: 1]. Эффект от пренебрежения к науке проявился в отношении и к другим научным кадрам, которые на эту ситуацию прореагировали по-разному — уход в другие отрасли, в бизнес, отъезд за границу. Ректор МГУ В.А. Садовничий в выступлении в Совете по науке и образованию привел следующие цифры: в США к 2015 г. работало 18 тыс. докторов наук, эмигрировавших из России, тогда как осталось в стране 28 тыс. докторов наук [Садовничий, 2015]. Это означает, что каждый третий ученый, выучивший и получивший докторскую степень в России, сейчас трудится на благо другого государства, что с учетом сегод-

няшной геополитической обстановки означает, что они фактически работают в ущерб интересам своей Родины. Сокращая расходы на науку, России угрожает опасность превратиться в технологическое захолустье, а в перспективе попасть в политическую зависимость от развитых стран.

В сельском хозяйстве бездумно распущены успешные колхозы и совхозы, потеряны многие эффективно развивающиеся производства. В результате так называемой аграрной реформы объем продукции сельскохозяйственной отрасли не вышел на уровень советского 1990 г., а по животноводству уменьшился на одну треть [Цит. по: Бондаренко, 2015; Смыслы сельской жизни, 2016; Узун, Шагайда, 2015]. Располагая богатым природным потенциалом, Россия оказалась не в состоянии прокормить население страны. За годы либеральных преобразований провал в производстве продовольственной, прежде всего животноводческой продукции приходилось восполнять огромным импортом (27 млрд долл. в 2007 г., 36 млрд долл. в 2010 г. и 40,5 млрд долл. в 2012 г.) [Осейчук, 2014:29].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что вместо принятия стратегических решений внимание часто сосредоточивалось на малозначимых и весьма спорных и далеко небезвредных проблемах вроде переименования милиции в полицию, смены часовых поясов, введения нулевого промилле для шоферов и т.п.

Из травмирующих факторов следует отметить еще и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты общественного сознания и социальных практик, которые невозможно игнорировать при оценке их состояния и тенденций — *увеличение влияния изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости.*

Но возможно одной из главных черт общества травмы является потеря большинством населения стабильности личной и общественной жизни, их неустойчивое социально-экономическое положение, неуверенность в гарантиях будущего, что нашло отражение в *быстром увеличении социальных слоев (общностей), называемых прекариатом*, на раскрытие сущностных характеристик которого мы остановимся в следующих главах. По данным РАНХ и ГС в 2016 г. свое материальное положение как плохое или очень плохое оценивали 26% пенсионеров, 24% людей с низким уровнем образования и 22% жителей сел [Шаповалов, 2017].

Таким образом, из этой информации, из приведенных данных понятно, в чьих интересах, для чьей выгоды совершен государственный переворот (а не революция), который не только изменил общественно-политический уклад страны, но и разрушил саму страну, и не только ее экономику, но и тот уровень социаль-

ного равенства, при котором жило население страны, называемой Советским Союзом.

Общество травмы вечно?

Для выхода из общества травмы нужен комплекс мер, охватывающий, по мнению Н.И. Лапина, все основные компоненты модернизации — технико-технологические, социально-экономические, социокультурные и институционно-регулятивные [Лапин, 2016]. В дальнейшем анализе мы выделим в основном только социальные аспекты названных компонентов модернизации.

Травмированность общества возникает тогда, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, становясь другим, даже противоположным культурным комплексом» [Штомпка, 2001:8]. В то же время несомненно, что общества травмы не могут быть вечными — при определенных обстоятельствах они должны выйти из этого кризиса.

Каким он видится в применении к России?

В 1990-е — 2000-е годы неоднократно предпринимались шаги по выходу на новые рубежи экономического и социального развития. Сначала это была приватизация с ее спутниками — девальвацией рубля, залоговыми аукционами, созданием олигархического капитализма, что привело к полнейшему разгрому национального хозяйства. Затем были проекты развития здравоохранения, сельского хозяйства, образования, провозглашенные Д. Медведевым в бытность его премьер-министром, но оказавшиеся несостоятельными и теперь всеми забытыми. Потом были четыре И — Институты, Инфраструктура, Инновации и Инвестиции, которые также остались благими пожеланиями, ничего не дав стране. В рамках этих амбициозных проектов был создан дорогостоящий проект Сколково, который, по мнению бывшего президента Сибирского отделения РАН Н. Агеева, является «мраморной телефонной трубкой в руках старика Хоттабыча», а по мнению проф. Л. Грэма, дорогостоящим, сомнительным актом, от которого «скорее всего, выиграют западные компании» [Грэм, 2016].

В этой ситуации проблема власти состоит в том, как поступать: ведь обществу известно, что крупнейшие состояния заработаны или приобретены несправедливо. И что для выравнивания требуется прогрессивная шкала налогов на получаемые доходы и богатство. Очевидно, что без определенных форм принуждения ситуацию из-

менить нельзя. Но насильственный подход вряд ли целесообразен, ибо проблема состоит в том, что план по потрясениям и революциям Россия не только выполнила, но и перевыполнила. А ждать эволюционного, постепенного развития (а вдруг рассосется) вряд ли целесообразно. *В этих условиях требуется политическая воля*, поворот экономической политики в русло, по которому построены социальные государства, например, в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, в которых налог на прибыль составляет от 40 до 65%. В этих условиях российскому обществу не понятно, почему не устраняется экономический блок правительства, который в несколько иных вариантах продолжает либеральные реформы 1990-х годов, несмотря на тот факт, что их осуществление более чем за четверть века не привели не только к росту, но и еще и не достигли тех рубежей в экономике, которыми владела республика до 1991 г. Примечательно в этом плане признание одного из инициаторов рыночных преобразований, одного из прорабов перестройки, бывшего мэра Москвы Г. Попова: «За ельцинское десятилетие никакого подлинного рынка и подлинной конкуренции как движущих сил экономики в России не появилось. Появился Черкизон Тельмана Исмаилова. Никакого подъема экономики не было. Масштабного роста благосостояния масс не было» [Попов, 2015:16]. Прозрели и многие ученые, которые на первых порах реформирования России были искренними их сторонниками: «Пора, наконец, понять, что в нынешнем правящем слое России демократов не только нет, но и не было. Деятельность этого слоя подчинена, в первую очередь, его собственным интересам, ко всему остальному он глух» [Заславская, 2002:145].

Постепенно большинство в лице общественного сознания пошло к выводу, что прозападную либеральную политику следует завершать. Л. Грэм, профессор Массачусетского технологического института, выступивший на Петербургском экономическом форуме в мае 2016 г., образно сформулировал парадоксальное состояние современной России: «Вам нужно молоко без коровы», предлагая раскрепощение созидательных сил не только бизнеса, но и творческих людей, которые олицетворяют «научный гений русских людей», а также социальные реформы, которые не только бы удовлетворяли потребности народа, но и подпитывали новые технологии в экономике [Грэм, 2016]. Признают травмированность российского общества и инициаторы рыночных реформ в России, оценивая их результат, как это сделал Г. Греф, и назвав ее страной дауншифтером. Только вопрос остается не ответченным — а кто довел страну до этого состояния — не Греф ли, будучи министром экономики, и его многочисленные соратники, многие

из которых и сейчас продолжают ту же самую экономическую политику? Иначе говоря, в этом суждении выражена суть исходной базы «успешных» неolibеральных преобразований, тормозящих выход из травмированного состояния, которое не позволяет преодолеть как экономические, так и социальные и политические просчеты и противоречия. Сторонники и апологеты неolibерализма никак не хотят признать поражения проводимых ими реформ. Причину их провала «следует искать не в неolibеральной идеологии как таковой, а в доминирующем проекте элит», под которым понимается политика Ельцина, который де не прислушался к голосу либералов, а решал вопросы присвоения и использования ресурсов государства в интересах узкой группы собственников [Матвеев, 2015:27].

Но важнейшей, а возможно, самой главной издержкой общества травмы является нарушение социальной справедливости, которое отразилось на деформации социально-классовой структуры и резко увеличивающихся в ней социально и экономически неустроенных слоев — имеющих временную, сезонную, официально неоформленную занятость, занятость неполный рабочий день, безработных, молодежи, потерявшей надежду найти работу по профессии, неустроенных и эксплуатируемых мигрантов. Эта принципиально новая ситуация привела к появлению нового социального класса — прекариата [Стэндинг, 2014, Тощенко, 2016]. В то же время этот процесс свидетельствует о том, что такое изобретение как средний класс интенсивно распадается и не может в полной мере отвечать за те надежды, которые возлагали на него и ученые и политики.

В преодолении травмированности, в возвращении к признанию значимости России в современном мире может сыграть практически единодушная поддержка населением нового внешнеполитического и принципиально нового внутривполитического курса. По данным всероссийского исследования «Жизненный мир россиян» (РГГУ, 25–30 октября 2014 г.) 47,2% заявили о своем желании, чтобы Россия возвратилась к статусу великой державы, а 63,2% ратуют за соблюдение в стране справедливости, равных прав для всех (Жизненный мир россиян... 2016:364).

И наконец, чтобы выйти из травмированного состояния, предстоит мобилизация творческого потенциала народа во всех сферах общественной жизни, так как «основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу» [Сорокин, 1999:7]. А этому препятствует всего лишь малость — социальное устройство «формировалось не на базе общественного

договора, заключаемого в публично-правовом пространстве, а на основе негласного сговора между властью и сформированным ее крупным бизнесом, с одной стороны, и наиболее расторопной на тот момент частью общества — с другой» [Лапаева, 2014:141].

Литература

Анисимов Р.И. Трансформация экономической составляющей жизненно-го мира (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Жизненный мир Россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)/ Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016. С. 51—68.

Богомолов О.Т. Реформы в зеркале международных сравнений. М.: Экономика, 1998.

Бодрунов И.С. Реиндустриализация: социально-экономические параметры и реинтеграция производства, науки и образования // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 20—28.

Бондаренко Л.В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 76—82.

Брутенц К. Обреченная политика // Международная жизнь. 2015, март.

Брутер В.И. Украина и политика абсурда // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 1.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120—130.

Бутрин Д. По месту жительства и зарплата. ЦСР рекомендует децентрализацию регулирования трудового рынка // Коммерсантъ. 2017, 22 марта.

ВВП России по годам: 1990—2015. URL: <http://cycron.livejournal.com/5359772.html> (дата обращения 05.04.2017).

Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Альпина, 1994.

Глазьев С. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал. 2013. № 3.

Гринберг Р.С. Третья улыбка фортуны /Ведомости. 2013, 7 сентября]

Грэм Л. Россия может предложить великие идеи, но не в состоянии ими воспользоваться // Новая газета. 2016, 25 июля.

Делягин М. Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчака и Навального. М.: Институт проблем глобализации, Книжный мир, 2016.

Делягин М. В жерновах глобальной депрессии // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 5—18.

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Политические исследования. 2016. № 3. С. 25—39.

Ельцин Б. Записки президента. М.: Изд. Дом «Огонек», 1994.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.

Загашивили В., Диверсификация российской экономики в условиях санкций //Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 6. С. 52—60.

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

- Кара-Мурза С.Г.* Экспорт революции. Ющенко. Саакашвили. М.: Алгоритм, 2005.
- Кравченко С.А.* Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 14–25.
- Кудрин заявил о риске потери Россией статуса технологической державы // Interfax.ru. 2017, 23 ноября.
- Кбеза Д.* О «цветных революциях» // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 15–18.
- Лапаева В.В.* Приватизация социалистической собственности как конституционно-правовая проблема // Право и политика. 2014. № 2.
- Лавин Н.И. (ред.).* Атлас модернизации России и ее регионов: Социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир, 2016.
- Ланкин В.В.* Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // Политические исследования. 2016. № 4. С. 54–64.
- Левашов В.К.* Российское общество: 25 лет неолиберальных реформ // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 45–54.
- Лившиц А.* Интервью // Московский комсомолец, 2007. 8 июня. С. 2–3.
- Линецкий А.И.* Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития // Политические исследования. 2016. № 2. С. 152–170.
- Матвеев И.А.* Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // Полития. 2015. № 4 (79). С. 25–44.
- Московский экономический форум – 2016: 25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше? // Предпринимательство. 2016. № 2. С. 6–23.
- Набиуллина Э.* Речь на форуме «Россия зовет» // Полит. Ру. 2016, 14 ноября.
- Осейчук В.И.* О банкротстве либеральной модели государства и стратегии строительства нового государства // Государство и право. 2014. № 11. С. 27–34.
- Полякова Н.Л.* Новые горизонты теории общества начала XXI в.: От постиндустриализма к неокapитализму // Вестник МГУ. Серия: Социология и политология. 2016. № 2. С. 83–115.
- Пономарева Е.Г.* Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 3–4. С. 43–59; № 5. С. 38–48.
- Попов Г.* 250 лет на службе Отечества // Предпринимательство. 2015. № 6. С. 15–39.
- Ратай Т.* Жадность сгубит? Страна по-прежнему скупится на науку // Поиск. 2017, 22 сентября.
- Россия в цифрах – 2014. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2014.
- Садовничий В.А.* Выступление на заседании Совета по науке и образованию 24 июня 2015 г. Официальный сайт Президента России: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49755> (дата обращения 10.05/2016).
- Сенчагов В.* Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 10.
- Симонян Р.Х.* Без гнева и пристрастия: экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2016.
- Славин Б.Ф.* Идеология возвращается. М.: Социогуманитарные исследования, 2009.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социолог. прогнозирования и маркетинга, 2016.
- Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 2009.
- Сорокин П.А.* Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–12.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

Тощенко Ж.Т. Зарождение нового социального класса // Вестник Рос. академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 37–42.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСП и М., 2015.

Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело, 2015.

Шановалов А. У россиян копится быстрее всех // Коммерсантъ. 2017. № 181.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Экспо, 2007.

Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. М.: Интеграл-Информ, 2003.

Ясин Е. Интервью // Московский комсомолец. 2010, 25 января. С. 3–4.

Alexander J.C. and Sztompka P. (eds.). Rethinking Progress: Movements, Forces and Ideas of the End of the 20th Century. London: Routledge? 1990. 284 p.

Bauman Z. Modernity and the Holocaust. 1989. Ithaca: Cornell University Press. 254 p.

Caruth C. Trauma. Explorations in Memory. Baltimore: John Hopkins University Press. 1995. 288 p.

Eyerman R. Social theory and trauma // Acta sociologica. 2013. Vol.12. № 1. P. 121–138.

Habermas J. The Post-National Constellation and the Future Democracy / Habermas J. The Post-National Constellation: Political Essays / Ed.M. Pensky. Cambridge MA: MIT Press, 2001. P. 58–112.

Narrating trauma: on the impact of collective suffering. Boulder: Paradigm Publisher, 2011.

Глава 2

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ: ОТ ПРОЛЕТАРИАТА К ПРЕКАРИАТУ

От классовой к социально-классовой и стратификационной структуре

В течение более чем двух столетий социальная мысль оперировала понятием «классы». Сначала это были немецкие историки, которые первыми попытались осмыслить новые реалии становящегося буржуазного общества. До этого и научная мысль и политико-правовая практики оперировали понятиями «господин» (в разных вариантах) и «раб» (рабовладельческий строй), сословия (феодальный строй), отражавших иерархию подчинения и место в разделении труда. С приходом буржуазного общества прежние лики социального расслоения приобрели новое выражение и новое звучание, так как отражали новую реальность экономического и политического устройства общества. Постепенно пришлось осоз-

нение, что возникли принципиально новые социальные группы и общности, которые в результате поступательного развития приобрели вид двух основных классов — буржуазии и пролетариата (рабочего класса). При этом крестьянство, которое в эпоху наступивших капиталистических преобразований, составляло большинство населения, считалось пассивной социальной силой, которая была лишь базой формирования пролетарских слоев и некоей вспомогательной силой, обеспечивающей функционирование одной из отраслей национального хозяйства — сельскохозяйственное производство.

Новые реалии получили у К. Маркса принципиально иной анализ, на основе которого он создал теоретическую концепцию, согласно которой основными классами во вновь преобразованном капиталистическом обществе стали пролетариат (рабочий класс), буржуазия, крестьянство. Такое представление о классах было практически единственным до начала XX в. Так как у Маркса не было специального определения этого понятия, марксисты пользовались трактовкой класса, данного В.И. Лениным: «Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически сложившейся системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [Ленин, 1970: т. 39: 49]. Это аргументированное определение в основном соответствовало реально сложившимся социально-экономическим отношениям, особенно применительно к европейскому и североамериканскому контексту. Оно в той или иной мере разделялась многими последующими мыслителями, хотя и с определенными оговорками.

Так, М. Вебер, соглашаясь с таким возможным определением класса, в качестве основных его показателей называл частную собственность в условиях рынка (в соответствии с этим он считал, что классы присущи только капитализму, в отличие от Маркса, утверждавшего, что классы сопровождают человечество во все периоды исторического развития частнособственнических формаций), уровень образования и квалификации. Он доказывал, что при характеристике классов необходимо учитывать не только экономические индикаторы, но и социально-культурный контекст. «Я хотел бы возразить, — подчеркивал он, — против утверждения... что только какой-то один фактор, будь то технология или экономика, может быть “последней” или “истинной” причиной» [Вебер, 1990].

Предложенная П.А. Сорокиным стратификационная модель общества также брала за основу иное видение социально-классовой структуры — социально-профессиональное деление общества в сочетании с социальной мобильностью и социальным статусом (престижем), что позволяло видеть социальную структуру в огромном многообразии компонентов общественного устройства [Сорокин, 1992].

Реальная жизнь все же требовала ответить на вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение — так какова же социальная структура современных обществ, в том числе и российского? Какие изменения происходят в ней, в каком направлении и в чем это выражается?

В XX в. продолжился поиск ответа на эти поставленные жизнью вопросы. Наряду с названными концепциями стали рождаться и другие трактовки социально-классовой структуры. Среди них особую популярность с конца 1920-х годов приобрела «революция менеджеров», согласно которой высший слой общества разделялся на класс буржуазии (собственников) и управляющих этой собственностью — «менеджеров». Именно последние, по этой трактовке, стали реально доминировать в процессе организации и управления промышленным (да и не только им) производством. Некоторые исследователи (М. Бёрнгейм «Революция менеджеров» (1941)) стали говорить о коренном изменении их роли: к ним, дескать, переходит вся реальная власть по руководству развитием экономики и, соответственно, общества. Однако эта концепция продержалась недолго: процесс развития общественного производства показал, что определяющая роль собственников-капиталистов никуда не делась — она просто модифицировалась под влиянием происходящих сдвигов в индустриальном развитии общества, что сказалось на росте влияния менеджеров, но без права вершить ими судьбы экономики отдельных отраслей экономики, а тем паче мира.

Особо следует отметить, что под влиянием Октябрьской революции класс капиталистов пошел на значительные уступки пролетариату (рабочему классу), что привело к серьезным сдвигам в их взаимоотношениях, в социально-классовой структуре общества и стало отражением стремительного изменения современного мира и соответственно сказалось в появившихся новых трактовках происходящего. В 1950-е — 1970-е гг. в теорию и практику вошли некоторые положения кейнсианской теории, что позволило утверждать о наступившей эпохе государства всеобщего благоденствия. Кейнс исходил из того, что мир меняется не только в технико-технологическом, экономическом и политическом, но и социальном смысле: прежние классы серьезно модифицировались, приобрели новые ка-

чества, что, как следствие, потребовало иной интерпретации происходящих классовых трансформаций [Кейнс, 2007].

Реальное развитие капиталистических обществ показало, что отношения собственности, место работника в процессе труда уже в неполной мере характеризовали современное их устройство. Поэтому для некоторых исследователей эти изменения позволили предположить, что классы как таковые исчезают, прекращают существование и превращаются в одну слабо дифференцированную массу в соответствии с выдвинутой концепцией о государстве всеобщего благоденствия. С этих позиций были высказаны сомнения и даже отвергнуты все прежние формулировки и определения классов, как изжившие себя, не отражающие новые реалии и не объясняющие коренные трансформации социальной структуры общества. Именно поэтому А. Горц писал о «конце рабочего класса» [Gorz, 1982]. Фактически классовая структура отрицалась в произведениях Э. Тоффлера в связи с вступлением обществ в информационную эпоху [Тоффлер, 2001]. Прежней социально-классовой структуре не находилось места и в размышлениях Хатингтона [Хатингтон, 2003].

Поиски новых объяснений социально-классовых изменений

Реальная жизнь и ее осмысление показали, что *классовая структура никуда не исчезла — она приобрела иной вид и иные параметры*. А так как прежние ориентиры перестали быть определяющими, начался поиск новых индикаторов того состояния социальной структуры, которая была присуща большинству существующих в настоящее время обществ.

Научный мир двигался к необходимости понимания новой реальности через многочисленные попытки определить и объяснить кардинальные сдвиги, происходящие в обществе. Так, У. Бек выступил с концепцией общества риска [Бек, 2000], в которой охарактеризовал многочисленные изъяны и непредвиденные деформации, ставшие неотъемлемой частью экономической, социальной, политической и культурной жизни многих стран мира. С особыми ображениями по поводу классовой структуры выступил М. Хальбвакс [Хальбвакс, 2002]. Осмысливал неопределенность в обществе и в ее социальной структуре и З. Бауман [Бауман, 2008], который подчеркивал стремительно меняющуюся ситуацию во всех сферах общественной жизни, растущую нестабильность всех ранее относительно устойчивых процессов.

Среди этих новых поисков можно отметить принципиально другие идеи, связанные с установлением взаимосвязи с экономической и главным образом с рынком труда.

Предтечей к новому разговору о социальной структуре общества послужил обстоятельный (один из первых) анализ формального и неформального сектора экономики, осуществленный К. Харт в конце 1960—1970-х годов. Анализируя виды и формы получения доходов по результатам трудовой деятельности, было обращено внимание на их специфику в сфере услуг, ремесел, строительства, транспорта, мелкой торговли, которые качественно и количественно отличались от оплаты труда в секторах формальной (официальной) экономики. Эти формы вознаграждения за труд в этих сферах во все большей мере связывались с таким индикатором, как занятость, которая все чаще и в постоянно расширяющихся масштабах базировалась на самом факте устной (личной) договоренности об условиях оплаты труда, и нередко на изначальном отсутствии социальных гарантий (отпусков, больничных листов и т.д.) [Hart, 1973:68].

У Дарендорфа эта новая классовая структура стала производной от структуры власти, которой класс определяется через отношение к власти [Дарендорф, 2002]. Э. Гидденс ключевым в своих рассуждениях о классе сделал понятие «рынок», который он считал не только совокупностью экономических отношений, но и фундаментом политической власти. В его модели общества понятие «структурация» выступает общим, а понятие «класс» — частным ее проявлением. Его выражение «дуальность структуры» означает, что люди, с одной стороны, создают общество, а с другой — сами же ограничены этим обществом. Действие и структура не могут быть анализированы по отдельности [Гидденс, 2003].

Получила определенное распространение трактовка бюрократии как господствующего и определяющего строй общества класса, что нашло яркое выражение в произведении М. Джиласа «Новый класс» (1957) [Джилас, 1961]. Именно его обозначение бюрократии как «нового класса», оказывающего определяющее влияние на развитие общества, олицетворяет такие показатели, как владение ею символическим и политическим капиталом. В применении к Советскому Союзу такой анализ осуществил М.С. Восленский [Восленский, 1961]. Именно эти показатели развития бюрократии отражали новый тип классовообразования в отличие от всех ранее предлагаемых. Сходный вывод сделал и Паркин: «Важным вопросом является не производство прибавочного продукта, а предоставление государством ограниченному кругу избранных права на перекрытие доступа оставшейся части общества к средствам, необходимым для жизни и труда» [Цит. по: Ильин, 2000: 236].

Стоит упомянуть и позицию И. Валлерстайна, который, будучи неомарксистом, поддержал идею Маркса о «классе в себе» и «клас-

се для себя», понимая под первым «становящиеся классы», а под вторым — «ставшими классами». Причем в отличие от многих марксистов он не проводит различия между объективным положением класса и субъективной принадлежностью к нему. «Объективное положение класса является реальностью лишь постольку, поскольку оно становится субъективной реальностью для группы» [Валлерстайн, 2001: 86].

Из поисков в объяснении социально-классовых изменений, на наш взгляд, стоит отметить появление концепции *креативного класса*, которую связывают с именем американского социолога Р. Флорида. По его мнению, это совокупность людей, занятых в научной и технической сфере, архитектуре, образовании, искусстве, музыке, индустрии развлечений, а также занятые в бизнесе, финансах, праве [Флорида, 2007:23]. В характеристике этого класса акцент делался не на материальном благополучии, а на новых принципах работы, на преобладании горизонтальных связей в их жизни, на новую этику.

В отечественной литературе в последние годы стало также обосновываться употребление такого понятия, как «креативный класс», «креативные группы», в основе деятельности которых, по мнению О.И. Шкаратана и Г.А. Ястребова, все возрастающее значение приобретало «творчество путем создания радикально новых или преобразования уже существующих форм» [Нова ли новая Россия, 2016:328].

Однако это была характеристика хотя и важного, но одного фрагмента в стратификационной структуре общества. Попытки отечественных социологов [например, Волков, 2016] применить это к ситуации в России все же оставили открытым вопрос об индикаторах этой креативности, о том, всем ли представителям названных профессий и специальностей присуще проявление творчества, и могут ли претендовать на это наименование высококвалифицированные рабочие, а не только специалисты в области производства? И в этой концепции нет ответа на вопрос — если есть такой класс, то какие еще классы наряду с ним существуют в современном обществе?

Особое место в анализе классовых и стратификационных отношений занимает постепенно складывающаяся концепция о разделении социальной структуры общества на «белых» и ««синих» воротничков, получившая распространение с 20–40-х годов XX в. как отрицание марксистского утверждения о разделении общества на буржуазию и эксплуатируемый ею пролетариат. Эта концепция исходила из того, что удельный вес интеллектуального труда изменил весь ландшафт классовой структуры общества. Согласно

ей сложилась принципиально иная ситуация, когда работники умственного и физического труда сблизались как в профессиональном отношении, так и в значительной степени в оплате их труда, в результате чего их социальное положение во все меньшей степени противостояло друг другу. Эта концепция и практика ее реализации в производственной и общественной жизни постепенно *подготовила новый этап в осмыслении происходящих изменений в социальной структуре общества*, что нашло отражение в появлении нового концепта — *средний класс*. Его сторонники постепенно пришли к выводу, что технологическая и информационная революция подготовили появление достаточно широкого слоя работников, которые мало чем отличались друг от друга по уровню доходов, по образованию и квалификации, по схожести жизненного мира, по сопричастности к жизни не только своих трудовых организаций, но и страны в целом. Более того, среднему классу стали приписывать такую функцию, как обеспечение стабильности общества, осуществление гарантий функционирования существующего строя, сохранения последовательного соблюдения прав и свобод человека.

Идеи этой концепции были поддержаны и отечественными исследователями. Представление о среднем классе в условиях постсоветской России заняло особое место, быстро приобрело популярность и получило значительное развитие (Подробнее см. работы Л.А. Беляевой, В.Н. Бобкова, М.К. Горшкова, З.Т. Голенковой, Н.Е. Тихоновой, О.И. Шкаратана и др.). Этому классу приписывалась сравнительно высокая материальная обеспеченность, стабильный потребительский спрос, социальный престиж, гарантированная занятость, чувство автономности существования.

Вместе с тем исследователями социально-экономических и социально-политических проблем, в том числе и разработчиками концепции среднего класса (слоя), достаточно быстро было обнаружено, что при всей привлекательности такого подхода к социальной структуре общества стало очевидным, что этот класс слишком неоднороден. Более того, он один из первых подвергся размыванию, уменьшению своего количества и объема. Поэтому появилась концепция «сплюснутого среднего класса», «сплюснутой середины» (the squeezed middle) Э. Милибанда, под которой он понимал часть социальных слоев общества, особенно страдающих от инфляции, замораживания зарплат и сокращения государственных расходов во времена экономических кризисов и обладающих средним и низким уровнем дохода. Но такой подход фиксирует некоторые внешние признаки деформации социально-классовой структуры, в данном случае среднего класса, и мало что дает как для науки, так и практики управления.

По-новому осмыслить происходящие изменения в среднем классе привели отечественных исследователей к попыткам разделить его на высший, средний и низший классы, в большинстве случаев центральным показателем делая уровень дохода, и не всегда давая убедительное объяснение, что же все-таки считать средним классом. Так, в 2008 г. в исследовании Левада-Центра «Российский средний класс» были применены следующие критерии отбора для «зачисления» в этот класс: средний доход на члена семьи в месяц по стране 800 евро (для Москвы — 1500 евро, для Санкт-Петербурга — 1000 евро), образование не ниже незаконченного высшего. В 2017 г. эти ориентации существенно изменились — в среднем россияне претендовали на среднедушевой доход в размере 80 тыс. руб. (1100 евро) в диапазоне от 60 тыс. до 120 тыс. руб. по различным регионам страны.

Обстоятельный анализ структуры среднего класса привел Н.Е. Тихонову к выводу, что современное «российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса» наряду с верхним средним и средним слоями, и в то же время подчеркивая, что в России сложилась неустойчивая социальная структура с «плавающим» социальным статусом [Тихонова, 2016: 325, 334]

Ряд исследователей обосновывают другие индикаторы социально-классовой структуры, среди которых нередко на первое место выходят не объективные показатели, а самооценка своего положения. В результате получались парадоксальные данные: при исследовании жизненного мира жителей сибирских поселков, в которых прекратили свое существование леспромхозы и были ликвидированы колхозы и совхозы, более половины из них отнесли себя к среднему классу (мол, у нас есть огород, в тайгу ходим за дичью, грибами и ягодами, в реке ловим рыбу, т.е. все есть для «нормальной жизни»). В этом случае сыграл эффект так называемого пафоса, согласно которому человек не хочет признать свое ущербное положение и ищет оправдание своему теперешнему жизнеустройству.

Поэтому не удивительно, что в социологической литературе мы встречаем разные количественные оценки этого класса — от нескольких процентов до 44% всего населения и 47% работающих [Мареева, 2016:20]. Вместе с тем, понимая рыхлость конструкции этого понятия, когда при основном критерии — доходе — сюда попадали разнородные слои населения, были предприняты попытки упорядочить представления о среднем классе, разделив его на нижний, средний и высший средний классы. Такое деление отражало не столько сущность этого феномена, сколько текущую социально-экономическую ситуацию, когда под влиянием ее изменений, особенно кризиса, численность этих слоев и особенно нижнего

серьезно менялась [Горшков, 2017: 5–13; Тихонова, 2005]. В отечественной литературе этот поиск также нашел отражение и в других объяснениях этой новой ситуации [См., например, Радаев, Шкаратан, 1996].

Некоторые исследователи поставили под сомнение само понятие «средний класс». Они стали утверждать, что средний класс лучше именовать средним слоем (средними слоями), так как выявить их общие характеристики оказалось слишком затруднительным [Симонян, 2016]. Другие критики обратили внимание на то, что абсолютизация и некритичное отношение к социально-классовой структуре привело к неприемлемому утверждению, будто иных классов в современном обществе, кроме среднего, не существует. Понимая ограниченность такой интерпретации были предприняты попытки найти выход из этого положения и выявить и такое социально-классовое образование, как андеркласс [Балабанова, 2014; Гонтмахер, 2017; Жвитиашвили, 2008], что при всей важности такого определения все же не отвечает на вопрос о тех социальных общностях и группах, которые не обладают чертами среднего класса, но и не могут относиться и к пауперизированным слоям.

На пути к обоснованию прекариата

Новые реалии второй половины XX — начала XXI в. наглядно демонстрировали тот факт, что во многих странах мира все большее количество населения оказались в положении, которое многие предпочли называть деформированным, теневым, неформальным (неофициальным). Это означало, что в трудовых отношениях для все возрастающего количества людей все большее и большее место стала занимать проблема занятости, т.е. обеспеченности работой со всеми вытекающими отсюда жизненными потребностями и интересами. Как государство, так и работодатели стали в той или иной мере дистанцироваться от официальных обязательств: между работодателем и работником начала все чаще проявляться и даже преобладать персональная договоренность без взаимных правовых гарантий, без гарантий защиты элементарных норм труда, которые ранее существовали в цивилизованном мире. Такие отношения приводили к тому, что работодатели (или его представители) могли произвольно менять формы и объемы занятости, место приложения труда, оплату труда, добиваться «сдержанности» в своих требованиях, ссылаясь на объективные и другие затруднения. Это неопределенное, преходящее в бесправное положение особенно ярко демонстрируют так называемые временные (сезонные, эпизодические) работники, которых берут выполнять трудовые функции без права

фиксированной, регулярной и гарантированной занятости и часто неопределенных размеров оплаты труда. Для молодежи нередко использовались оговорки — для якобы проверки их профессиональной готовности выполнять порученные обязанности, их нередко увольняли как «не оправдавших надежд», а на их место набирали новых людей, готовых на ущемленные права, временные жертвы и лишения.

В конце XX — начале XXI в. было выявлено, что наряду с *трактовкой среднего класса и другими изменениями в социально-классовой структуре общества стали созреть иные представления, которые в основу ее классификации ставили не доход, образование и социальный статус, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищенности, сохранения профессиональной идентичности, соучастия в управлении и уверенность в будущем*. Такая направленность анализа становилась чрезвычайно важной хотя бы потому, что слои населения, стремящиеся к достижению этих характеристик, стремительно росли за счет не только рабочего класса и крестьянства, но и всех слоев населения.

Однако такое осознание возникновения нового класса/общности произошло не сразу, хотя эти новые изменения социально-классовой структуры происходили во всем мире, и в первую очередь, в развитых странах.

Один из первых шагов в этом направлении осуществили французские социологи в 1980-е годы. Принципиально новый подход к осмыслению изменений в социальной структуре совершил П. Бурдьё, исследуя положение сезонных рабочих. Он расширил представление об этой общности, включив в анализ все увеличивающуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово «прекариат», которым обозначали слой работников, который характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций [Бурдьё, 1993; Bourdieu, 1998; Бурдьё, 2004]. Постепенно эти слои стали привлекать внимание и других исследователей таких, как З. Бауман [Bauman, 1998В], Ю. Хабермас [Habermas, 1985], Хардт и Т. Негри (Hardt, Negri, 2000).

В ответ на эти новые тенденции и реальную практику отечественные исследователи, осмысливая новые реалии, обратили внимание на отдельные процессы и социальные группы, которые не были присущи советскому обществу, но стали реальностью в постсоветской России. Эти попытки нашли отражение в изучении и анализе нового социального положения людей, связанного с феноменом безработицы (В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, Р.Х. Си-

монян), дауншифтинга (Н.Е. Покровский), фриланса (О.Д. Стрелков, А.В. Шевчук) и т.д. Особое место в этом поиске занимает концепция неформальной занятости, когда люди вступают в трудовые отношения на основе устной договоренности (В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников). Все они в той или иной степени обратили внимание на то, что эти отношения резко увеличивают риски ущемления работодателями трудовых прав и социальных гарантий работников. В результате значительная часть занятых этим трудом приобретает статус и черты прекариата.

В процессе осмысления новой реальности постепенно появились оригинальные и обстоятельные работы, анализирующие состояние и проблемы отдельных групп работников, относимых к прекариату: заемный труд [Козина, 2013], труд занятых в сфере услуг со своеобразной его характеристикой как эмоционального труда [Hochschild, 2003], концепции стратегий занятости [Резник; Резник, 2014].

К попытке увидеть многообразие изменений в социально-классовой структуре можно отнести и предложение некоторых исследователей обратиться к понятию «*сословие*», что, на наш взгляд, имеет некоторые основания [См. Кордонский, 2008, 2012; Немировский, 2017]. К таким весьма спорным феноменам можно отнести такие феномены, как новые дворяне, казаки, «офисный планктон» и др.

В современных условиях большое значение стала приобретать концепция самозанятости, которая предложила иную трактовку, нацеленную на преодоление противоречивости при использовании термина о неформальном секторе труда и о неформальной занятости. Этот подход позволяет конституировать часть неформально занятых при приобретении ими официального признания их труда и установления с государством особых правовых отношений. Но, на наш взгляд, это признание достаточно противоречиво. С одной стороны, после указа Президента о признании такого вида занятости при перечислении профессий не все самозанятые могут воспользоваться этим правом. С другой стороны, такое оформление связано со сложностью своего конституирования как самозанятого, права и обязанности которых отягощены для многих из них неуверенностью и неопределенностью как своего настоящего, так и своего будущего. В результате за год после Указа в общей сложности зарегистрировалось всего около двухсот человек, в основном нянь и парикмахеров, что ставит под сомнение (при всей привлекательности исходной идеи) продуманность законодательного акта, его научную обоснованность и применимость в реально складывающихся трудовых отношениях [Подробнее см.: Белоусов, 2016].

Так как названные слои связаны с серой и черной (теневой) экономикой, то вполне естественно возник вопрос о *криминальной*

ее составляющей, так как в реальности, как показала жизнь, иногда трудно провести границу между ними.

В новом словаре формирующихся рыночных отношений возникла еще одна идея — говорить еще об одном слое (общности? классе?), который именуют *элитой*. Появилось значительное количество произведений, в которых доказывается существование этого слоя, главными индикаторами которой выступают наличие власти (определенного уровня) и значительного капитала [Ашин, Охотский, 2005; Гаман-Голутвина, 2006; Крыштановская, 2005; Понделков, 1995 и др.].

Были предприняты и другие попытки выявить и охарактеризовать особенности новой конфигурации социально-классовой структуры [Мальцева и др., 2016].

Иначе говоря, все большим количеством исследователей было обращено внимание на то, что в мире, в большинстве стран сложилась социально-классовая структура нового типа, для описания и анализа которой старые понятия не работают [Подробнее см.: Тощенко, 2015]. Наиболее отчетливо эту изменившуюся реальность и потребность в ее осмыслении сформулировал и осуществил Г. Стэндинг, который один из первых не только заметил специфику и характерные особенности новых слоев, но и констатировал их постоянное увеличение, их распространение практически во всех странах мира, назвав этот феномен *прекариатом* [Стэндинг, 2014:23].

В 2000-е годы к пониманию новой ситуации в социально-классовой структуре постепенно подошли и отечественные исследователи [Голенкова, 2016; Бизюков, 2014; Михайлова, 2015; Шкаратан, 2015], публицисты [Мельник, 2007; Механик, 2014; Мармер, 2009]. Каждый из них по-разному трактовал сущностные и содержательные признаки прекариата, но все сходятся на том, что он представляет собой новое, объективное и все четче проявляющее себя явление, с которым невозможно не считаться.

Все это позволяет утверждать, что *наличие такого разнообразия новых деформированных социальных слоев (общностей, групп) говорит не о некоторых издержках развития, а об устойчивой тенденции по формированию нового социального класса — прекариата*. Для этого рассмотрим сначала специфику понимания такого его *ключевого индикатора, как занятость*, но не саму по себе, а в контексте социального пространства, которое включает совокупность социально-трудовых отношений, качество жизни, гарантии стабильной правовой защищенности работы и уверенности в своем будущем. Такой подход требует также выявления причин возникновения и функцио-

нирования этих социальных слоев, претендующих на превращение их из «класса-в-себе» в самостоятельный класс — «класс-для-себя».

Но для этого, прежде всего, как мы отметили, остановимся на анализе проблем занятости, которые рассматривались в основном в рамках экономического или политэкономического подхода к этому феномену.

Литература

- Ашин Г.К., Охотский Е.В.* Элитология. М., 2000.
- Балабанова Е.* Андеркласс: понятие и место в обществе / http://ecsocman.hse.ru/data/751/615/1231/009_balabanov.pdf
- Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- Белюсов О.А.* Самозанятость как действенный ресурс жизнеобеспечения населения современной России // Российское предпринимательство. 2016. № 17.
- Бизюков П.* Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014, 1 мая.
- Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения (фрагменты из книги) / Пер. с франц. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
- Бурдые П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. Т. 1. № 2.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Волков Ю.Г.* Креативный класс. Ростов н/Дону, 2016.
- Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерки теории структуризации. М., 2003.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал ВШЭ. 2013. № 1.
- Голенкова З.Т., Голушова Ю.В.* Прекариат как новое явление в современной социальной структуре / Наемный работник в современной России. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 121–138.
- Гонтмахер Е.* Российский человеческий капитал: состояние и тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3.
- Горшков М.К.* Российский социум в условиях кризисного развития // Социологические исследования. 2017. № 1.
- Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002.
- Джилас М.* Новый класс. М., 1961.
- Жвиташвили А.Ш.* Андеркласс в классово-стратификационной структуре российского общества / Модернизация социальной структуры российского общества / Отв.ред. З.Т. Голенкова. М., ИС РАН, 2008. С. 124–139.
- Ильин В.И.* Социальное неравенство. М., 2000.
- Капелюшников Р.* Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? Препринт ВШЭ, WP3/2012/04. <https://iq/hse.ru/news/177671307.html>
- Кейнс Д.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж.М. Кейнс; вступ. статья Н.А. Макашевой. М.: Эксмо, 2007.

Козина И.М. Работники заемного труда // Социологические исследования. 2013. № 5.

Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О.А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. 2012. Т. 21. № 2. С. 62–102.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников) // Полн. собр. соч. Т. 39.

Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. Об эмпирических индикаторах социальной структуры и социальной стратификации // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 33–42.

Мареева С.В. Численность и состав среднего класса в Современной России / Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. 2016. С. 15–37.

Мармер Э. Что такое прекариат // Neue Ztiten. 2009. Май. N05(071).

Мельник Е. Прекариат всех стран, соединяйся! // Еженедельник 2000 – Свобода слова. 2007 № 48, 30 ноября–6 декабря.

Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт. 2014, № 1 (929).

Михайлова М.Н. Прекаризация трудовых отношений // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.

Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 40–47.

Нова ли новая Россия? / Под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова; науч. консультант Д. Лейн. М.: Университ. книга, 2016.

Понеделков А.В. Элита (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры. Ростов н/Д, 1995.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности http://ecsocman.hse.ru/data/381/829/1219/001_Reznik_100–105.pdf

Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия: экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2016.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Стрелков Д.О. Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

Тихонова Н.Е. Место среднего класса в социальной структуре российского общества / Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. С. 310–336.

Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2005.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001.

Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.: СПб., 2002.

Хатингтон С.Ф. Третья волна. Демократия в оценке XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

Bauman Z. Work, consumerism and the new poor. Philadelphia: Open University Press, 1998.

Bourdieu P. Le precariat est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Novadays) // Contre-feux. Paris, 1998. P. 96–102.

Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. L., 1982.

Habermas J. 1985. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main, 1985.

Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, MA, 2000.

Hart K. Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies. 1973. No 1. P. 61–90.

Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkley: Univ. of California Press, 2003.

Weber M. Economy and Society. Berkley, 1978. V.1.

Глава 3

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ЗАНЯТОСТИ КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Первые шаги к осмыслению феномена занятости

Кардинальные изменения не только экономических, но и всей совокупности общественных отношений в современном мире привели к необходимости осмыслить преобразующиеся трудовые отношения, и особенно проблемы занятости, которые в условиях происходящей глобализации несут на себе печать принципиально новых положений, касающихся всех без исключений сфер жизнедеятельности людей.

Для начала напомним некоторые исходные позиции для их анализа.

Труд, трудовые отношения стали объектом постоянно крепнущего внимания с началом становления капиталистического общества. Именно его зарождение и развитие вызвали к жизни и первые опыты научного анализа по мере того, когда принципиально новые формы организации труда, взаимоотношений между работодателем и работником стали господствовать сначала в промышленном производстве, а затем во всех других отраслях национального хозяйства. И не удивительно, что эти научные и практические потребности были впервые реализованы в Великобритании, ставшей авангардом в реализации, а затем и познании новых экономических закономерностей. В XVIII в. с подачи А. Смита занятость

рассматривалась и анализировалась в основном в двух отношениях — работающие (занятые в набирающей силу промышленности, отражающей процесс индустриализации страны) и не вовлеченные в сферу производства, представленные самим себе решать свою судьбу, в том числе и безработные. Однако долгое время, не только в XVIII в., но и в XIX в. и в начале XX в., проблемы безработицы мало волновали как капиталистов, так и политическое руководство стран, вставших на путь индустриального развития. Все внимание и заботы были сосредоточены в основном на способах и формах эксплуатации живого труда под эгидой рациональной его организации (продолжительности рабочего дня, внедрения технологии и техники, контроля за количеством и качеством работы). В это время никого из власть предержащих особенно не волновали социальные проблемы работников, а также условия труда, стимулирование, профессиональная подготовка. Интересовали только объемы полученной продукции, их реализация. Речи вообще не было о сокращении продолжительности рабочего дня, об усилении техники безопасности, об обеспечении гарантий занятости и минимальной заботы о людях. В этих условиях марксистская модель классового устройства общества точно отражала объективный характер общественных отношений [Подробнее см.: Тощенко, 2005].

Но уже на грани XIX в. — в начале XX века, когда стали кардинально изменяться техника и технология производства, потребовался иной подход к решению проблем занятости, так как появились новые виды специализации, новые профессии, стали существенно меняться формы участия работников в производственной деятельности. Рабочая сила начала использоваться в самых различных комбинациях и вариантах, значительно усилив дифференциацию социально-классовой структуры общества, что в свою очередь привело к качественным изменениям рынка труда, появлению новых схем занятости. И этот процесс усложнения занятости лишь возрастал весь XX в. К началу третьего тысячелетия занятость представляла мозаичное полотно, которое отражало огромное количество форм и видов трудовых отношений, во многом возникающих и конституировавшихся постепенно, под влиянием происходившей научно-технической революции. Модель стандартных трудовых отношений, для которой была характерна стабильная, защищенная и полная занятость, постепенно стала вытесняться гибкими и неустойчивыми формами найма и нестандартной занятостью [Bertola, Rogerson, 1997; Davis and el., 2006; Garibaldi, 1998; Haltiwager, 1997; Pissarides, 2000; Vosko, 2010]. Сама история возникновения нестандартных форм занятости длительна и ареал их распространения обширен [Клеман, 2007; Нестандартная занятость..., 2006; Синявская, 2005].

Особую лепту в изменение ранее сложившихся форм занятости и соответственно в образование новых специфических социальных групп (общностей) внесли кардинальные изменения в технологии и организацию производства, выразившиеся в массовом распространении гибких производственных систем, в потребности оперативно перестраиваться под нужды постоянно меняющегося рынка. Немалое, а порой значительное и решающее влияние на изменение структуры профессиональных групп оказала новая техника, которая ограничивала, а порой вытесняла рабочую силу. Налицо реализовывалось труднопреодолимое противоречие между научно-техническим прогрессом и интересами работников. Прогресс техники и технологии вкупе с эгоистическими устремлениями собственников, добивающихся максимальной нормы прибыли, вел к образованию неустойчивых слоев работников и не только физического, но и умственного труда.

В соответствии с этим возникали различные реальные формы и виды использования рабочей силы и, соответственно, разные объяснения происходящих изменений в сфере труда. Среди новаторских объяснений и интерпретации происходящих изменений особое место занимает Центр трудовых исследований Высшей школы экономики (рук. В.Е. Гипельсон, Р.И. Капелюшников), работы которых выполнены в основном как эконометрические, в результате чего социальный анализ причин отношения людей к этим проблемам присутствует в небольшом объеме [Подробнее см., например: Мобильность и стабильность...2017; В тени регулирования...2014; Нестандартная занятость, 2005]. В других исследованиях по проблемам занятости (рук. В.Н. Бобков) социальным аспектам трудовых отношений уделено более значительное внимание [Подробнее см., например: Неустойчивость занятости..., 2017; Бобков, Вередюк, 2013]. Еще в одном научном коллективе (рук. О.И. Шкаратан) проблемы занятости рассмотрены с позиций анализа трансформации социальной структуры и ее воспроизводства на основе повторных представительных исследований [Подробнее см., например: Нова ли новая Россия... 2016; Шкаратан, 2012]. Социальные проблемы трудовой деятельности рассматривались в работах Л.А. Беляевой [2001], З.Т. Голенковой [2003], М.К. Горшкова [2016], Н.Е. Тихоновой [2014].

Остановимся на тех из них, которые обладают известной степенью доказательности. Подчеркнем, что именно новая социальная реальность привела к появлению не только иных форм эксплуатации, но и новых теоретических концепций, пытающихся охарактеризовать происходящие преобразования в сфере трудовых отношений, в сфере занятости.

Основные концепции трактовки занятости

Стандартная и нестандартная занятость. Под первой из них понимается занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации при нормированной заработной плате под непосредственным руководством работодателя или назначенным им менеджером [Неустойчивость занятости...2017:141]. Очевидно, что данная схема является классической формой прежних (капиталистических и социалистических) производственных отношений.

Подчеркнем, что стандартная форма занятости доминировала при характеристике совокупной рабочей силы количественно и качественно сравнительно долгое время — с конца XIX в. в связи с набиравшей темп индустриализацией. Развитие массового промышленного производства и конвейерных технологий в сочетании с фордистско-тэйлористскими подходами к организации труда требовали именно такой формы труда и занятости.

Именно в этом сегменте рабочих мест работодатели осуществляли инвестиции в человеческий капитал, считая, что подобные затраты защищены высокими издержками оборота рабочей силы. Даже в середине XX столетия стандартная занятость в индустриально развитых странах абсолютно преобладала, составляя ядро рынка труда, хотя к этому времени она уже не была единственной формой занятости. К середине 70-х гг. прошлого столетия комплекс условий, при которых стандартная занятость могла доминировать, начал разрушаться. Движение в сторону постиндустриальной и более гибкой экономики стало общепризнанным фактом. Современный рынок труда коренным образом изменил ситуацию — в настоящее время по таким формам занятости трудится менее половины трудоспособного населения, для многих из них различные виды нестандартных форм труда стали нормой труда. Соответственно, сегмент рабочих мест, предполагающих отношения занятости, отличных от стандартных, заметно вырос.

В новых условиях стала расти нестандартная занятость (хотя ее формы в той или иной степени существовали и на предшествующих этапах развития человечества). По данным МОТ, в мире доля таких работников превышает 50% [Мануйлова, 2017, 17 октября]. В российской интерпретации она включает в себя неформальную, временную, неполную, частичную, сезонную занятость, самозанятость и др. В англоязычной литературе для обозначения нестандартных отношений занятости используются и другие термины: «atypical», «contingent», «peripheral», «marginal», «flexible». Мы обращаем вни-

мание на тот аспект характеристики нестандартного труда, который связан с термином «precarious».

Насколько разнообразны формы нестандартной занятости, настолько многообразны факторы и обстоятельства, вызывающие размывание и сужение масштабов стандартной занятости. Некоторые из них лежат на стороне спроса на труд, другие – на стороне предложения.

Особо отметим, что «нестандартность» трудовых отношений может рассматриваться в двух отношениях. Во-первых, нестандартность трудового договора, т.е. отклонение формальных условий контракта от принятого стандарта (суженная трактовка); во-вторых, нестандартность фактических условий занятости (расширенная трактовка). В этом смысле к нестандартным работникам могут относиться не только те, кто заключил нестандартный контракт, но и не имеющие контракта (например, занятые на основе устных договоренностей) или те, кто при наличии стандартного контракта реально трудится в нестандартном режиме [Гимпельсон, Капелюшников, 2006; Черкасов, Ваховский, 2012].

Таким образом, хотя формулировка «стандартная и нестандартная занятость» в определенном смысле приемлема, но это слишком общая характеристика проблем труда, схематично и упрощенно описывающая чрезвычайно большое многообразие трудовых отношений в современном мире. Отметим также, что понятия «стандартной» и «нестандартной» занятости не являются общепринятыми, но они часто используются политиками, журналистами и отдельными исследователями.

Типичные и нетипичные трудовые отношения. Деление труда на эти формы труда исходит из того, насколько они отражают государственно-правовую политику в сфере занятости. Согласно этой точке зрения, к типичным относятся не только прежняя «занятость в режиме полного рабочего дня», но и все те, которые признаются полностью или частично современной экономической политикой. При этом в нетипичные трудовые отношения попадают те, которые практикуются на рынке труда, но не стали еще официально регулироваться соответствующим трудовым законодательством. Так в этот разряд попадают так называемые самозанятые. Они долгое время проходили (и продолжают проходить в ряде регионов) как безработные. Однако согласно федеральному законодательству такие четыре группы самозанятых как няни, сиделки, горничные и репетиторы (а их по оценкам экспертов насчитывается около 400–500 тыс. человек) официально признаются как работники, которым будет гарантировано обязательное медицинское страхование [см. Мануйлова, 2017]. Нечто аналогичное происходит с другими группа-

ми, которые недавно считались нетипичными (например, заемный труд), в случае их признания, можно считать типичными, так как они прошли апробацию на рынке и официально признаны [Заключенная, 2016:59–66]. Все это позволяет говорить об условности деления на типичные и нетипичные трудовые отношения, тем более что последние стихийно порождаются объективно происходящими техно-технологическими и социально-экономическими изменениями и имеют возможность при определенных обстоятельствах перейти в разряд первых.

Формальная или неформальная занятость. Эта точка зрения наиболее ярко выражена в трудах экономистов и юристов, которые исходят в основном из того, отражены ли эти формы занятости в государственном законодательстве, в трудовом праве, мало обращая внимания на то, что и при неформальной занятости работодатели руководствуются определенными правовыми актами. Т.е. основным критерием такой занятости является то, что «она не регистрируется, не регулируется и не защищается государством» [Chen, 2006]. Иногда подчеркивается, что особенностью такого подхода является соблюдение трудового законодательства [Вередюк, 2016; Лушников, Лушникова, 2004; Скобелкин и др., 2002]. При этом игнорируется тот факт, что практически сложились и распространились формы занятости, которые стали реальной стороной производственной деятельности, но не нашли закрепление в законодательстве. Ведь неформальные работники, хотя они и не зафиксированы в правовом поле, в то же время заняты *легальными* видами деятельности, участвуют в производстве *легальных* товаров и услуг, но их занятость ускользает (полностью или частично) из-под контроля и надзора государства, не фиксируется и не регулируется его органами [Капелюшников, 2012:14].

Нужно особо отметить, что при определении и выявлении объема и масштабов неформальной занятости используются разные критерии, что позволяет считать количество неформально занятых от 5% до 30%, а иногда до 45% занятых. Это вызвано тем, что эту группу считают по разным основаниям — 1) только как занятых в неформальном секторе; 2) сюда добавляют занятых неформальной деятельностью в формальном секторе; 3) увеличивают объемы неформальной занятости до так называемой вторичной занятости [Подробнее см.: Синявская, 2005; Карабчук, Никитина, 2011; Гимпельсон, Зудина, 2011; Леманн, 2011]. С особым подходом к определению неформальной занятости подошел Р.И. Капелюшников, предложивший четыре варианта анализа, которые по-иному характеризовали этот вид занятости: количественный, контрактный, социальный и комбинированный [Капелюшников, 2012]. Нужно отметить и такой аспект при анализе проблем неформальной заня-

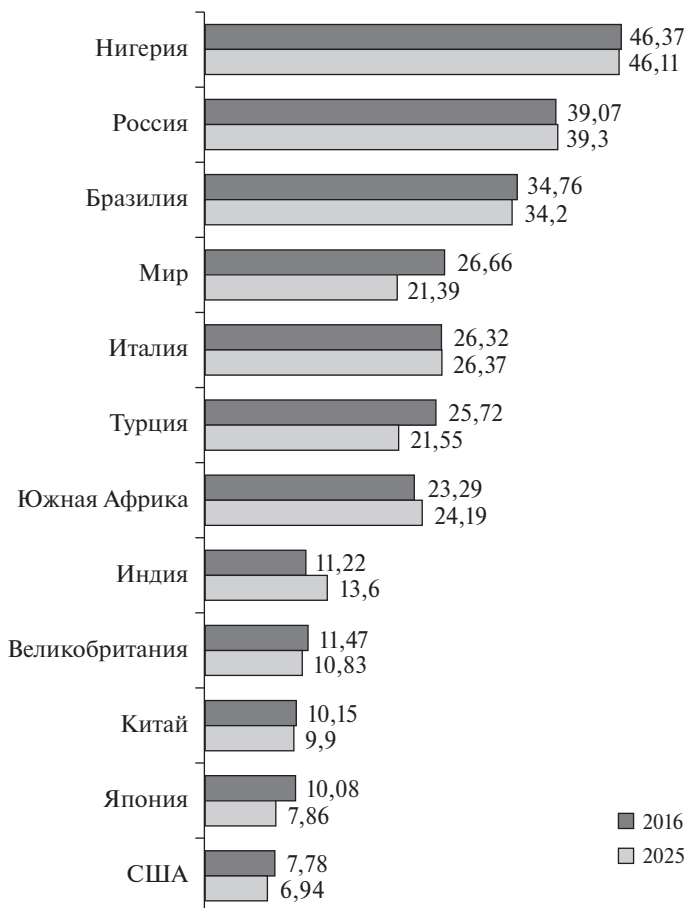
тости, которого придерживаются в Центре трудовых исследований ВШЭ и Лаборатории исследований рынка труда ВШЭ: они предупреждают власть от активных попыток более жесткого регулирования рынка труда и детенивизации, полагая, что неформальная занятость для РФ по многим параметрам рациональнее неизбежного в случае «боев с тенью» — всплеска безработицы на рынке труда [Цит. по: Бутрин, 2017]. Однако такая постановка вопроса рождает большие сомнения, так как будучи рациональной с точки зрения эконометрического подхода, она приносит в жертву многие социальные обязательства и социальные гарантии государства.

Сравнительно близко, но не идентично понятию неформальной занятости, работа в *теневой экономике*. Ей тоже посвящено немало исследований, хотя акцент там делается в основном на анализ и трактовку этой формы экономики [Ахмедуев, 2015; Барсукова, 2012; Гимпельсон, Капелюшников, 2013; Найденов, Кривенко, 2013; Пескова, 2013; Платонов, 2009].

В настоящее время теневая экономика получила широкое распространение во всем мире (см. рис. 1).

Эти данные показывают, что теневая экономика существует во всех странах. Многие эксперты, исходя из мирового опыта, считают ее неизбежной и допустимой в экономике страны, но в размере не более 10%. Однако такая доля характерна только для трех стран — Швейцарии, США и Австрии [Цит. по: Ахмедуев, 2015: 156]. Что касается российской экономики, то ее удельный вес оценивается различными экспертами от 15 до 46%, но достоверной информации о ней не имеется. Обычно ее сравнивают с легальной (официальной) экономикой. В этом проявляется попытка по-разному трактовать занятых как официально регистрируемых работающих, с одной стороны, и вовлеченных в неподотчетную теневую, в том числе и криминальную сферу, — с другой.

По сути дела, эта точка зрения близка к позиции юристов с их трактовкой неформальных и частично нетипичных трудовых отношений. Однако есть и существенные особенности. При характеристике теневой экономики обычно имеют в виду, что она представляет собой, во-первых, скрытое от официального учета и налогообложения производство товаров и услуг, которое может осуществляться не только в неформальной экономике, но и в официальных государственных и частных предприятиях. Во-вторых, в рамках теневой экономики искажается процесс денежного оборота и сделок во всех разрешенных законом видах экономической деятельности. В-третьих, особые масштабы злоупотреблений касаются налоговой политики, когда при помощи существующих налоговых правил происходит увод «в тень» многих доходов в самом

Источник: АССА (Ассоциация специалистов в области финансов, учета и аудита [Вислогузов, 2017].

Рис. 1. Доля теневой экономики в странах мира (% ВВП)

широком диапазоне — от использования «дырок» и несогласованностей в существующем законодательстве до скрытия доходов в офшорных зонах. Отметим, что этот аспект теневой экономики является большой головной болью российского государства, которое до сих пор не нашло эффективного способа борьбы с укрытием налоговой базы. Можно при этом отметить, что большинство судебных процессов, происходящих в настоящее время как над чиновниками, так и над представителями бизнеса нацелено на раскрытие теневых практик ухода от налогов. Это важно еще и потому, что именно этот аспект теневой экономики является мощной питательной базой для коррупции, различных форм взяточничества.

Трудность преодоления последствий теневой экономики состоит в том, что ее участие в законодательно разрешенной, но официально не учитываемой (полностью или частично) деятельности скрывается, камуфлируется.

Так как нас в большей мере волнуют социальные аспекты теневой экономики, кратко остановимся на таких проблемах, которые стесняют работников, ограничивают их права, ставят их в зависимое положение. Уже при оформлении трудовых договоров (контрактов) (бессрочных, или временных, или эпизодических) работнику навязываются определенные условия, которые ставят его в зависимое положение, в том числе и величиной вознаграждения за труд [Заславская, Шабанова, 2002].

Особо следует отметить и существование такой практики, когда трудовой договор с работником заключен, но часть зарплаты он получает официально, через кассу, а часть «в конверте». По данным Центра социально-политического мониторинга РАГС и НХ в теневую экономику в настоящее время вовлечены 33 млн работников, или 44,8% занятого населения. По этим данным в 2016 г. 11,7% (в 2017 г. — 13,6%) заявили о том, что у них не оформлен трудовой договор (не заключен контракт). 15,6% (в 2017 г. — 12,5%) показали, что в их предприятиях (организациях) существует распространенная практика неофициальной выплаты заработной платы, «в конверте», минуя кассу, в чем заинтересованы не только сами работодатели (инициаторы такого распределения доходов), но и потребители этой формы оплаты труда (работники) [Покида, 2016:13; Николаева, 2017].

Есть еще одна сторона экономики, которую, на наш взгляд, неправильно относят к ее теневой составляющей. Речь идет о законодательно разрешенной экономической деятельности, которая слабо или совсем не учитывается и не контролируется, и соответственно не облагается налогом: производство в личных подсобных хозяйствах, садовых и огороднических участках (дачах); домашнее производство для собственного потребления; строительство и ремонт собственными силами; транспортные услуги в своем хозяйстве. Например, в Дагестане 80% сельхозпродукции производится в личных подсобных хозяйствах, значительная часть продовольствия заготавливается в домашних условиях, а большая часть домохозяйств, особенно в сельской местности, обходится собственными силами [Ахмедуев, 2015: 153].

На наш взгляд, отнесение этой деятельности к теневой весьма спорно. Эти виды экономической деятельности надо квалифицировать как отдельные виды *самозанятости*, которая, в принципе, тоже должна регулироваться государством. На это в последнее время

обращено внимание, принят даже закон, хотя он не учитывает все многообразие и специфику работы тех, кто занят этой не учитываемой государством деятельностью. А между тем она весьма значима — она все же вовлечена в производственный процесс, участвует в создании ВВП, создает общественно полезные продукты, товары и услуги, снижает уровень безработицы и играет позитивную роль в материальном обеспечении и выживании части населения. В настоящее время самозанятость включает в себя не только то, что производится для себя, для своей семьи, не только услуги, оказываемые близким и знакомым, но и общественно полезную деятельность (программирование, художественное творчество, содействие организации общественных и личных мероприятий). По данным Росстата, к группе самозанятых относятся 3,9 млн человек, из которых не по найму работают около 900 тыс., в том числе 400–500 тыс. фермеров [Мануйлова, 2017].

Самозанятость нередко приобретает форму дополнительной занятости. Число работников, имеющих дополнительный заработок, выросло с 30,4% до 35,5%. Большинство (62%) самозанятых трудится без официального оформления. Предпринимаемые официально меры по выводу этих работников «из тени», в частности принятие закона о самозанятых или расширение безналичной формы расчета, не принесли должного эффекта. Опрос занятых этой формой работы показал, что для работников важны наличие самой работы и уровень оплаты труда, чем ее официальное оформление. Доля работников, для которых статус занятости не имеет значения, выросла с 26,7% в 2016 г. до 36,8% в 2017 г. Возможность наказания за неуплату налогов и отсутствие гарантий государства по социальному и пенсионному обеспечению мало кого беспокоит. В результате, по данным Министерства труда, на 1 декабря 2017 г. в стране зарегистрировались только 812 самозанятых.

В ряде публикаций в теневую экономику иногда неправомерно включают криминальную и иную противоправную деятельность, которую Евростат трактует как коррупцию, откаты, воровство, мошенничество, хищения, грабежи, контрабанду, наркобизнес, рэкет, рейдерство, вымогательство, сутенерство, проституцию и т.д. Вместе с тем, несомненно, теневая экономика является одной из серьезных исходных баз криминализации общества.

Для понимания проблемы занятости особую важность приобретает получившее широкое распространение как в науке, так и политической практике понятие средний класс. Именно с представлением о нем связана гарантированность его трудовой занятости. Напомним, что именно такой подход приобрел наибольшую популярность в конце XX — начале XXI в. Он был ответом на вопрос — а кто же яв-

ляется основой и опорой существующих обществ взамен ушедшей в прошлое марксистской установки о рабочем классе и его союзе с крестьянством при активной поддержке интеллигенции. Такую опору, ориентируясь на опыт развитых стран, увидели в так называемом среднем классе, который занимал достойное место по социально-экономическим показателям (по устойчивой занятости, по гарантированному доходу), по уровню квалификации, по участию в управлении [Беляева, 2001; Голенкова, 2003; Горшков, 2000; Тихонова, 2014; Гонтмахер, 2017]. Согласно этой концепции, в западноевропейских странах его численность достигала 60–70% среди взрослого населения. В России различные исследователи давали разные цифры – от нескольких процентов до 40–50%. (По данным Центра исследований швейцарского банка Credit Suisse, в мире этот класс в 2015 г. составлял 14% населения планеты.) Были и полностью отрицающие существование этого класса. Вместе с тем реальная жизнь показала, что средний класс включал в себя плохо сравнимые и нередко несопоставимые данные, особенно если это касалось доходов. Одной из первых это несоответствие заметила Т.И. Заславская, попытавшаяся разделить средний класс на несколько страт – верхнюю, среднюю, низшую [Заславская, 2002]. О распаде среднего класса на несколько социальных уровней стали писать и другие исследователи, обнаружив серьезные расхождения между различными слоями этого общества [Горшков, 2016; Гонтмахер, 2017].

При анализе трудовых отношений обязательно следует упомянуть и то, что ряд исследователей, анализируя социальные проблемы, подчеркивает необходимость говорить об андерклассе. Суждения о его появлении и росте звучали по-разному, но сходились в одном – речь идет о «социальном дне». «Социальный вопрос становится... вопросом о месте, которое могут занять в индустриальном обществе наиболее десоциализированные пограничные слои трудящихся» [Кастель, 2009]. Об этом феномене применительно к российским условиям говорили и российские социологи [Тихонова, 2014].

Осознавая ограниченность такого подхода, была предпринята попытка разделить социальную структуру по уровню богатства, по уровню обладания финансовыми средствами, приходящимися на душу населения. В соответствии с этим возникло подразделение всей социальной структуры на 10 классов – начиная от самых богатых и кончая самыми бедными. Это нашло отражение в появлении таких понятий, как находящиеся на уровне нищеты, самые бедные, среднеобеспеченные, зажиточные, богатые, сверхбогатые.

Но все эти (или большинство) классификации (концепции) имели один недостаток — многие из них не были «привязаны» к конкретным социальным группам и общностям, а были скорее теоретико-логическими конструктами. Поэтому при анализе социальных трудовых отношений необходимо исходить из того, что мы должны оперировать такими понятиями, которые можно соотнести с реальными явлениями и процессами и главным образом с таким термином, как занятость в контексте окружающего ее социального пространства, характеризующего качество жизни.

Социальное лицо современных трудовых отношений

Мы будем ориентироваться на определение рынка труда как сферы социально-экономических и правовых отношений, в которой должны согласовываться интересы работодателя и наемных работников в целях обеспечения нормального функционирования рабочей силы и ее эффективного труда [Кокин, Шендлер, 2010].

С точки зрения совокупности различных форм трудовых отношений и соответственно форм занятости рассмотрим предложение О. Ромашова (см. табл. 1).

На наш взгляд, предложенная классификация форм занятости достаточно полно описывает существующие формы занятости, уделяя внимание нестандартным и неформальным и производным от них вовлеченности людей в существующее общественное производство. В ней определяются основные индикаторы каждого вида занятости — работодателя и работника, их взаимоотношений (наличие договора, контракта), временная загруженность, а также формы контроля. Такой подход дает объемную картину по структуре сложившихся трудовых отношений, социально-экономических и правовых отклонений от стандарта и видов ответственности за результаты труда. Эту классификацию, как мы полагаем, можно принять за основу с обязательным уточнением некоторых новых тенденций, таких как заемный труд, труд фрилансеров, особенности трудоустройства молодежи и ряд других.

Следует обратить внимание и на такую форму, как дополнительная занятость к основной деятельности работника. Как показывают данные социологического исследования «Жизненный мир-2014», 18,7% заявили о регулярности и 29,5% о нерегулярности дополнительных подработок наряду с основной работой. Иначе говоря, практически каждый второй работник не реализует свои возможности и запросы на основной работе и вынужден по тем или иным обстоятельствам прибегать к мерам специфической занятости [Жизненный мир...2016:355].

Таблица 1

Сравнительная характеристика видов занятости

Вид занятости	Работодатель	Работа по найму	Продолжительность рабочего дня	Тип трудового контракта	Кто осуществляет контроль за процессом труда
Стандартная	Организация	Да	Нормальная	Бессрочный контракт	Работодатель
Нестандартная, не на предприятии	Частное лицо либо сам работник	Да, либо самозанятость	По обстоятельствам	Контракт может быть любым или может отсутствовать	Работодатель либо сам работник
Неполная	Организация, частное лицо либо сам работник	Да, либо самозанятость	Короче установленной и общепринятой	Может быть любой контракт	Работодатель или сам работник
Сверхурочная	Организация, частное лицо либо сам работник	Да, либо самозанятость	Дольше установленной и общепринятой	Может быть любой контракт	Работодатель или сам работник
Временная	Организация, частное лицо либо сам работник	Да	По обстоятельствам	На определенный срок	Работодатель
Случайная	Организация, частное лицо либо сам работник	Да, либо самозанятость	По обстоятельствам	Разовая работа	Как правило, клиент или сам работник
Вторичная	Организация, частное лицо либо сам работник	Да, либо самозанятость	По обстоятельствам, но за пределами нормальной продолжительности	По обстоятельствам	По обстоятельствам
Неформальная	Организация, частное лицо или работодатель отсутствуют	Да, либо самозанятость	По обстоятельствам	Как правило, контракт отсутствует	Как правило, клиент или сам работник
Самозанятость	Работодатель отсутствует	Нет	По обстоятельствам	Контракт отсутствует	Сам работник

Источник: [Ромашов, 2003: 58].

Анализ реальных показателей занятости в современной России показывает различные ее комбинации как в территориальном, так и отраслевом разрезе. Смешанные, так называемые гибкие формы характерны в большей степени в сфере услуг, торговли, жилищно-коммунального хозяйства. Расширяется их применение и в таких отраслях производства, как строительство, транспорт, сельское хозяйство. Но особенно остро вопрос об их внедрении стоит в таких отраслях производства, как машиностроение, обрабатывающие производства, что самым непосредственным образом связано с цифровой экономикой.

Общая тенденция в изменении трудовых отношений состоит из противостоящих друг другу направлений: с одной стороны, все более быстро трансформирующихся технологий, требующих быстрой переналадки рабочей силы в соответствии с научно-информационными потребностями производства и происходящей его модернизацией. С другой стороны, происходит постоянный процесс сокращения трудовых ресурсов под влиянием технологической и информационной революций, в процессе которой работники теряют относительную гарантированную занятость, не обладают устойчивым социальным положением.

Иначе говоря, в занятости наряду с традиционными и ранее распространенными ее видами появились деформированные, ущемленные, нестандартные формы трудовых отношений — неформальные, нетипичные, временные, неполные. В соответствии с этим в современной экономике стали расти группы людей, которые находятся в неустойчивом, негарантированном социальном положении. Возникла потребность осмыслить этот новый аспект в развитии трудовых отношений, найти ему наименование, увидеть в них принципиально иные, новые грани социально-классовой структуры, которые, на наш взгляд, займут одно из решающих общественных сил в развитии современных обществ. *Речь идет о прекариате* — феномене, который приобрел огромную общественную, политическую и экономическую значимость. Причем подчеркнем, что наша позиция состоит в том, что прекариат включает в себя (олицетворяет) самые различные социальные слои (общности). Это часть социализированного населения, нацеленного на участие в трудовой жизни общества, на сохранение своего пусть и деформированного статуса, не утратившего социальные связи с окружающим миром, нацеленного на удовлетворение потребностей, часто выражающихся в поддержании своего достойного времени существования, но поставленных в ограничивающую их сферу трудовых и социально-экономических отношений. Но особую роль имеет в нашем анализе учет и использование нравственных регуляторов

в объяснении происходящих сдвигов. «Если исключить нравственно-этический фактор из социологического анализа, то нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, так же как и об октябрьском «черном вторник» 1994 г. и о дефолте 1998 г., но и вообще об экономической трансформации России 1990-х годов» [Абалкин, 1998:173].

Научно обоснованному представлению о реальном положении населения противостоят далеко не безобидные изобретения, вроде международного индекса счастья (МИС). Рассчитанный впервые в 2006 г. он включает в себя произвольные показатели как социологического, так и статистического характера: удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый экологический след. Этот механический набор, примененный, например, в 2009 г., показал, что самыми «счастливыми» странами оказались Коста-Рика, Доминиканская республика и Ямайка (Россия заняла 108 место из 144 стран). К сожалению, эта мода стала популяризоваться и некоторыми российскими социологами, что, на наш взгляд, запутывает и без того сложную и противоречивую картину реального благосостояния россиян и позволяя манипулировать их сознанием, уводит в сторону от оценки и путей решения актуальных и злободневных проблем. Кроме того, такая постановка вопроса имеет и нравственный аспект: понятие счастья нельзя ограничивать важными, но достаточно упрощенными характеристиками очень небольших аспектов жизни человека. И что особенно важно, такая постановка вопроса о МИС примитивизирует очень богатое по своей сущности и содержанию понятие «счастье», сводя его к таким произвольно выбранным индикаторам.

Подробнее о причинах реальных социально-экономических проблем, обусловивших появление прекариата в современной ситуации, остановимся в следующей главе.

Литература

- Абалкин Л.И.* Выбор за Россией. М.: Изд-во ИЭ РАН, 1998.
- Ахмедиев А.Ш.* Теневая экономика: системный ресурс и фактор торможения социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 152–160.
- Барсукова С.Ю.* Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 133–145.
- Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России. 10 лет постсоветского развития. М., 2001.
- Бобков В.Н., Вередюк О.В.* Социальная уязвимость работников и общества как результат неустойчивости занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184).
- Бутрин Д.* По месту жительства и зарплата /Коммерсантъ. 2017, 22 марта.

Вередюк О.В. Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2016. Вып. 4. с. 33–48.

Вислогузов В. Теневой сектор будет расти вместе с ВВП // Коммерсантъ. 2017, 3 июля.

В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. М.: Изд. Дом НИУ ВШЭ, 2014.

Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? М.: Изд. Дом ВШ, 2011.

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Жить в тени или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда // Вопросы экономики, 2013. № 11. С. 65–88.

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред). Нестандартная занятость в российской экономике. М., 2005.

Голенкова З.Т. (ред.) Социальная структура российского общества. М., 2003.

Гонтмахер Е.Ш. Российский человеческий капитал: состояние и тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 15–24.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2016.

Закалюжная Н.В. Заемный труд и дистанционная занятость как основные формы нетипичных трудовых отношений // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2015. № 4.

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2002.

Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3–17.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.

Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: Что говорят альтернативные определения?: препринт WP3/2012/04. М.: Изд. дом ВШЭ. 2012.

Карабчук Т.С., Никитина М.В. Динамика и структура случайной и неформальной занятости в России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ / Отв. ред. П.М. Козырева. М.: ВШЭ, 2011.

Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб: Алетейя, 2009.

Клеман К. “Флексибельность по-русски”: очерк о новых формах труда и подчинения в сфере услуг // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 75–96.

Кокин Ю.П., Шендлер П.Э. Экономика труда. М.: Магистр, 2010.

Лушикова М.В., Лушников А.М. Курс трудового права. Т. 2. Трудовое право в системе прав человека. Индивидуальное трудовое право. М., 2004.

Мануйлова А. Самозанятых продолжают лечить бесплатно // Коммерсантъ. 2017. 15 февраля.

Мануйлова А. Нестандартная занятость берет свое / Коммерсантъ. 2017, 17 октября.

Мобильность и стабильность на российском рынке труда / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2017.

Найденов А.С., Кривенко И.А. Теневая экономика в условиях экономического кризиса: диагностика состояния и прогнозирование последствий // Экономика региона. 2013. № 1. С. 46–52.

Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М., 2006.

Неустойчивость занятости: международный и российский контексты / Гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М.: Изд-во РеалПринт, 2017.

Николаева Д. Теневая занятость вновь растет // Коммерсантъ. 2017. 24 августа.

Нова ли новая Россия? /Под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова; науч. консультант Д. Лейн. М.: Универ. Книга. 2016.

Пескова Д. Теоретические подходы к исследованию и оценке теневой экономики // Экономика и управление: научно-технический журнал. 2013. № 2. С. 49–53.

Платонов Д.В. Теневая экономика и трудовые отношения в условиях кризиса. М.: МГУ, 2009.

Покида А. «Теневой» рынок труда: состояние, особенности формирования и перспективы // Государственная служба. 2016. № 9. С. 12–17.

Ромашов О.В. Рынок труда: Формирование и развитие. Проблемы занятости и безработицы //Социология труда. М., 2003.

Синявская О.В. Неформальная занятость в России: измерение, масштабы, динамика // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2.

Скобелкин В.Н. Передерин С.В., Чуча С.Ю., Семенюта Н.Н. Трудовое процедурно-процессуальное право. Воронеж, 2002.

Тихонова Н.Е. Социальная структура общества. М.: Новый хронограф, 2014.

Тощенко Ж.Т. Социология труда. Опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.

Черкасов В.Е., Ваховский Е.В. Нестандартные формы занятости в условиях постиндустриальной экономики // Вестник ПАГС. 2012. № 2. С. 205–212.

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. Дом НИУ ВШЭ, 2012.

Betola G., Rogerson R. Institutions and Labour Reallocation // European Economic Review.1997. Vol.41. P. 1147–1171.

Davis S.J., Faberman J., Haltiwanger J. The Flow Approach to labor Markets: New Data Sources and Micro-Macro Links //Journal of Economic Perspectives/ 2006. Vol.20. No 3. P. 3–26.

Garibaldi P. Job Flow Dynamics and Firing Restrictions // European Economic Review.1998. Vol.42. No 2. P. 245–275.

Haltiwanger J. Measuring and Analyzing Aggregate Fluctuations: The Importance of Building from Micro-economic Evidence // Saint Louis Federal Reserve Bank Economic Review. 1997. January/February. P. 35–85.

Lehmann H., Razzolini T., Zaiceva A. Job Separations and Informality in the Russian Labour Market. Bonn: IZA, 2011.

Pissarides C. Equilibrium Unemployment Theory. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Vosko Leah F. Managing the Margins. Gender, Citizenship and the International Regulation of Precarious Employment. New York, 2010.

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ПРЕКАРИАТА

Неопределенность как глобальная причина возникновения и формирования прекариата

Прекариат как феномен возник не сразу. Мы не будем останавливаться на всех исторических его предшественниках. Люди с временной, непостоянной занятостью и сезонной работой в той или иной мере всегда были в истории каждого общества во все периоды его существования. Проанализируем современный период, когда *эти группы стали представлять собой не эпизодическое, а устойчивое и все увеличивающееся явление, с преобладанием специфических форм использования трудоспособного населения и формированием специфических социально-экономических отношений.*

Прежде всего обратим внимание на то, что современный мир приобрел яркие черты неопределенности. Она стала присуща, *во-первых*, всему макромиру, всей жизни человечества, практически похоронив не только идею прогресса, которая была так популярна в XIX – начале XX в., но и варианты как капиталистического, так и социалистического развития. По мнению многих исследователей неопределенность стала неотъемлемым атрибутом современности [Стэндинг, 2014:23].

Капитализм долгое время после жесточайших кризисов XIX и первой половины XX в. пытался реализовать ряд подходов к демократическому развитию, что особенно наглядно нашло выражение в кейнсианской политике социального государства, и которая была осуществлена во многих развитых государствах Западной Европы. Идея строительства социалистического общества после распада СССР также померкла, что повлекло за собой большие сомнения в жизнеспособности такого мироустройства. На наш взгляд, возникла своеобразная патовая ситуация – в своих существующих формах и капитализм и социализм изжили себя, дискредитировали имеющуюся практику и пока не предложили ничего убедительного взамен. Возникла огромная зона неопределенности – куда должны идти народы, на что ориентироваться, что ожидать от будущего?

Уход с исторической арены СССР и социалистических государств Восточной Европы не устранил ситуацию неопределенности. Угрозы непримиримого противостояния государств приобрели новые черты в виде цветных революций, гибридных и информационных войн, вмешательства во внутренние дела стран, не угодивших господствующим в мире странам (в первую очередь, США). Все это усиливается различными авантюрами на финансовых рын-

ках, что порождает экономические кризисы, охватывающие все страны мира.

Неясность и неопределенность охватила фактически все страны, и стало непонятно — то ли страны продолжают идти по капиталистическому пути, то ли пытаются вернуться к прежней дороге развития (как некоторые бывшие республики СССР), то ли намереваются найти некий третий вариант, который был бы чем-то принципиально иным, особенно если предполагается учесть этнонациональные и конфессиональные особенности. В этой связи на поле публичного пространства и обсуждения были внесены идеи конвергенции, которые волновали творчески мыслящих людей задолго до наступившего времени, что нашло отражение в работах П. Сорокина, У. Ростоу и др. Неоднократно на реализации этой идеи настаивал академик А. Сахаров, считая, что сочетание позитивных черт капитализма и социализма отвечает требованиям оптимального решения проблем человечества.

Неопределенность не ограничилась сферой трудовых отношений, она стала неотъемлемой характеристикой практически всех сфер жизнедеятельности людей, взаимоотношений с социальными институтами, с государством и обществом, семьей, профессией, образованием. Демонтаж советского государства вкупе с беспределом, порожденным рыночной стихией, привел к тому, что российское общество приобрело черты многозначности и неопределенности, что способствовало размыванию смысла и адекватности таких основополагающих понятий, как гражданство, профессиональная, национальная и региональная идентичность [Анисимов, 2017].

И именно эта неопределенность привела к тому, что под ее воздействием произошла деформация не только традиционной социально-классовой структуры, но и тех позитивных изменений, которыми характеризовалось общество благоденствия с ее определенными достижениями по созданию среднего класса (слоя). В результате возник и стал расти слой «униженных и оскорбленных» (Ф. Достоевский), который охватил значительное число социальных общностей и групп в современном обществе. Усилился процесс дальнейшего его дробления по мировоззренческим ориентациям, по социальному положению, по возможностям реализации материальных и духовных потребностей. Это привело к появлению такого уникального явления, как парадоксальный человек [Подробнее см.: Тощенко, 2009], который свои противоречивые черты воплотил в таком явлении как прекариат, попав в зону неопределенности и не получив возможности выразить свою позицию.

Социально-экономические условия

Происходящие процессы модернизации, ставшие олицетворением глобализационных сдвигов, создали по всем параметрам — технико-технологическим, организационным, экономическим, социальным и культурным — огромную зону не только неопределенности, но и неустойчивости, которая только в наступившем XXI в. наглядно проявилась в двух мировых экономических кризисах — 2008/09 и 2014/2015 годов [Лапин, 2016]. Эти потрясения, затронувшие, в разной степени, все страны мира, привели к разбалансированию финансовой системы, краху многих банков, к спаду производства и соответственно к глубоким трансформационным процессам на рынке труда. Сдвиги сопровождались и объективной потребностью гибкой организации производственного процесса, но нередко сдобренного демагогией, оправдывавшей произвольное отношение к работникам [Санкова, 2014].

Фактически произошел отказ от решения проблемы устойчивой занятости, «незащищенного труда». Была провозглашена политика гибкости рынка труда, которая включала в себя много аспектов: «гибкость заработной платы означала приспособление к необходимым изменениям, особенно в сторону понижения; гибкость занятости — возможность для фирм быстро и без затрат менять уровень занятости, тоже преимущественно в сторону понижения, причем с сокращением гарантий обеспечения занятости; гибкость должностей означала возможность перемещать наемных работников внутри фирмы (с одной должности на другую) и менять структуру должностей с минимальным сопротивлением и затратами; гибкость профессиональных навыков означала, что работника легко можно переучить» [Стэндинг, 2014:18]. По сути, эта гибкость означала, что наемных работников можно ставить во все более уязвимое положение — под предлогом того, что это необходимая жертва происходящей глобализации и модернизации ради сохранения существования организации (производства) и, соответственно, рабочих мест. В этих условиях любые затруднения в развитии экономики, конкретного производства объясняли и объявляли негибкостью и отсутствием структурных реформ рынка труда.

Именно рынок труда отразил глубокие изменения в собственно социально-экономических отношениях, породив новые тенденции в использовании рабочей силы.

Это проявилось, прежде всего, в том, что в настоящее время *масштабы негарантированной занятости получают все большее и быстрое распространение*. Так, в Германии при рабочей силе, оцениваемой в 43,4 млн человек (2010), 7,7 млн трудились на вакан-

сиях с нестандартной занятостью. Сходные процессы происходят во Франции и Нидерландах. В Японии, в стране с традициями пожизненного найма, в такой форме занятости трудятся около половины женского населения и каждый пятый мужчина. Что касается России, то, по данным RLMS-HSE (20-я волна мониторинга), 6% наемных работников отнесены к группе с наиболее высокой неустойчивостью занятости и свыше 50% — к группе с умеренной неустойчивой занятостью [Цит. по: Шкаратан, 2009].

Одновременно рушилось сложившееся представление о технологиях индустриального и постиндустриального путей развития. На его смену приходят *гибкие технологии*, которые требуют постоянной и быстрой перестройки производства, в результате чего меняются требования к рабочей силе, способной или неспособной оперативно перестраиваться под эти новые потребности происходящей модернизации экономики. *Но это не означает, что такие кардинальные изменения должны вести к необходимости коренного изменения политики занятости.* Технологический прогресс с началом эры капитализма, который продолжается и в период информационной, а теперь и цифровой революции, изменил многое в структуре занятости, устранил многие прежние профессии, но и породив новые. И за этот более чем трехсотлетний период, несмотря на кризисы, спады производства, не произошло устойчивого снижения уровня занятости [Любимов, 2017]. Поэтому упование на непреодолимый, по мнению неolibералов, процесс, оправдывающий безработицу, необходимость учитывать объективные и неизбежные изменения в процессе, и перекладывающий всю ответственность на самого работника, не всегда умеющего приспособливаться к требованиям времени — это не более чем уловка, прикрытая лженаучными обоснованиями. Для того чтобы решить проблему занятости, нужно политическая воля, которая бы привела в соответствие изменившуюся объективную реальность и субъективную нацеленность людей на обеспечение их стабильного жизнеустройства.

Среди социально-экономических причин следует назвать не просто неравенство, но *неравенство возможностей*. Среди части неolibеральных экономистов существует твердая убежденность, что неравенство стимулирует экономическое развитие. Но реальная жизнь говорит об обратном: в силу ущербной экономической политики это развитие привело к тому, что численность бедного населения непомерно увеличилась, произошло обогащение «эффективных» собственников и менеджеров при значительном росте числа тех, кто не получил доступа к ресурсам, использование которых могло бы повысить их качество жизни (доступ к рабочим местам, желаемой занятости, социальным услугам, к благам, накоплен-

ным усилиями предшествующих поколений) [Малева, Авраамова, 2016:178]. Вопиющее экономическое неравенство дополняется и другими его видами, в частности в сфере образования, здравоохранения, отдыха. В результате в стране сложилось элитное и массовое образование: последнее дает довольно ограниченные шансы на профессиональную и общественную карьеру в будущем. В обычной жизни это проявляется в таких экстравагантных случаях, когда в одной школе, где все же обучаются обычные и «элитные» дети, для последних построили отдельный туалет [Коммерсантъ. 2017, 17 ноября]! Ограниченными возможностями пользуются большинство людей с точки зрения поддержания и сохранения своего здоровья. Тем более что в современной России поражают, с одной стороны, уникальные достижения отечественной медицины, которые доступны, за редким исключением, ограниченному количеству лиц, а с другой — запущенность и низкое качество так называемой народной медицины.

К этому следует добавить и такой фактор в неравенстве — огромное влияние так называемых социально-личностных связей, которые начинаются с доступа к персонам или субъектам управления для решения индивидуальных и групповых проблем и завершая участием в распределении прибавочного продукта, создаваемого в общественном производстве. В этой связи следует сказать, что 60% россиян достаточно спокойно относятся к самому неравенству, понимая, что люди различаются по трудолюбию, по способностям, по таланту. Другое дело — природа неравенства. И тут возникает напряженность, непонимание и отвержение сложившейся структуры распределения национального богатства и производимого прибавочного продукта. Большинству россиян очевидно, что богатства российских олигархов и мультимиллионеров появились не в результате личной работоспособности, постепенного наращивания управленческих навыков, многолетних усилий по умелому и рациональному использованию достижений науки и техники, а в результате умышленной экономической политики, предоставившей этой группе людей массу уловок, в том числе и правового характера, чем они не замедлили воспользоваться. В этой ситуации интересы общественного развития, нужды и потребности населения просто игнорировались.

Неопределенность в жизненном мире людей проявила себя как всеохватывающая *коммерциализации* («товаризация») всего и вся, начиная с экономических отношений и охватывая духовно-нравственные аспекты. Внедрение рыночных отношений привело к тому, что не только сам человек превратился в товар, но и все, связанное с его жизнью и деятельностью, стало предметом купли-про-

дажи. Это усугубляется тем фактом, что и само экономическое развитие становится неподконтрольным традиционным нормам и правилам со стороны государства — на его смену идут транснациональные компании, которые наряду с крупным национальным капиталом диктуют направление развития, под которым подразумевается превращение любого явления и процесса в предмет товарной сделки. Этой «товаризации» подвергаются даже те области, которые находились под опекой социального государства — культура, образование, наука, здравоохранение. В результате даже в официальных документах слово «здравоохранение» практически всегда заменяется на «медицинские услуги», а слово «образование» — на «образовательные услуги». А раз это услуги, за них в самом деле надо платить, что и происходит во все возрастающих масштабах. Так, уже более половины студентов (свыше 52%) оплачивают свое обучение в вузах. Поэтому не удивительно, почему происходит также во все возрастающих масштабах коммерциализация трудовых отношений и такой ее сферы, как занятость.

Среди причин, способствующих образованию и увеличению прекарных слоев в России, следует назвать *резкое сокращение влияния государственного сектора экономики*, что стало следствием значительного уменьшения численности работающих особенно в промышленности — за последнее десятилетие их доля во всех развитых странах сократилась на 10—12%. Поставленные в условия выживания многие из лишившихся работы людей стали искать разные варианты применения своих сил и способностей. Под влиянием неолиберальной политики произошел важный структурный сдвиг — торговля стала крупнейшим отраслевым работодателем (21% от численности занятых), обогнав обрабатывающую промышленность (около 20% в 2000 г. и менее 15% в 2005 г.). По мнению В.Е. Гимпельсона, «это означает сокращение спроса на промышленно-ориентированные компетенции и необходимость в навыках совершенно другого типа» [Гимпельсон, 2016: 132—133].

Абсолютное торжество частной собственности вкупе с ростом сферы услуг резко уменьшило возможности реализации качественных жизненных планов. Несмотря на многочисленные призывы искать себя в бизнесе и не находя выхода в этом занятии (то стало уделом немногих), люди соглашались на все возможные способы продолжения своей занятости, в том числе и не соответствующие их профессиональной подготовке и трудовому опыту.

Важной причиной, внесшей свой вклад в быстрый рост прекариата, стала позиция предпринимателей, которые, следуя традициям дикого рынка и ориентируясь только на получение прибыли, активно искали *пути снижения расходов на оплату труда, применяя «черные»*

и «серые» схемы. В этой ситуации возникли реальные противоречия в организации трудового процесса: работодателей с их ориентацией на доход. Во вновь создавшихся условиях их интересовала быстрая перестройка технико-технологических процессов, которая не нуждалась в постоянных работниках, и поэтому обеспечение временной занятости было выходом из складывающейся специфики организации производственных процессов. Работники в условиях в силу предъявляемых новых требований к рабочей силе не всегда соответствовали профессиональной квалификации, тем более что в результате происходивших изменений многие профессии отмирали. Многие работники в силу возраста, семейного положения, физического здоровья не могли (часто им и не предлагали) пройти переподготовку и в результате становились выброшенными из трудовой базы.

Не в меньшей мере на увеличение групп с неопределенным социально-профессиональным статусом влияли становящиеся все более жесткими рыночные отношения, которые мало и далеко не всегда предусматривали защиту прав работников при перестройке производства и обеспечении их социальными гарантиями. Этому в немалой степени способствовала потеря роли и влияния профсоюзов. При отсутствии элементарных форм социальной защиты высвобождаемые работники или пополняли слои безработных, или соглашались на менее престижные виды труда или даже превращались в отверженных от общества [Гринберг, 2009].

Особое место в этом процессе занимает *аграрная отрасль экономики, в которой всегда был высок уровень неформальной занятости*, в значительной степени оправдывавший себя сезонностью работы. Но если в советский период в колхозах и совхозах в той или иной мере сохранялась скрытая безработица, устраивающая многих жителей села, то с приходом рыночных отношений, связанных не только с рационализацией производства, но и с прекращением деятельности многих бывших производств на селе, с сокращением площадей сельскохозяйственных угодий и численности животноводства, выявилось аграрное перенаселение. Оно повлекло за собой образование значительных слоев сельчан, которые были согласны на временную, эпизодическую и часто никем не гарантированную занятость [Подробнее см.: Смыслы сельской жизни... 2016].

Политические причины

Разнородные и разнообразные слои, составившие феномен прекариата, во многом сформировались под влиянием (нео)либеральной политики, которая после того, как в 1980–1990-е годы в развитых странах практически закончила существование лейбо-

ристская модель государства всеобщего благоденствия (социально-го государства), привела к резкому сокращению числа рабочих мест с их долгосрочными гарантиями занятости и соответствующим социальным обеспечением.

Неолиберализм, особенно отчетливо начавший проявлять себя уже в 70-е годы прошлого века, категорически отрицал роль государства в решении социально-экономических проблем и абсолютно не переносил идеи централизованного планирования и регулирования. Неолибералы характеризовали мир и страны рыночной экономики как свободное пространство, в котором трудовая занятость, прибыль и, соответственно, инвестиции без всяких ограничений перетекают туда, где для капитала нет никаких ограничений. Более того, они категорически выступили против социал-демократической политики, которую в той или иной мере исповедовали в послевоенное время большинство стран Западной Европы. Неолибералы были убеждены, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, снижению процесса деиндустриализации, понижению эффективности производства. Они также доказывали, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества [Фишман, 2016]. В конечном счете эта установка реализовала *основную цель неолибералов — переложить бремя рисков, все заботы об общественной (публичной) и личной (приватной) жизни на плечи самих людей*. Либералы отказывались обращать внимание на тот факт, что такая организации экономики повышает уязвимость людей, делает их зависимыми от обстоятельств, на которые они не могут повлиять. *Этой политикой неолибералов была порождена изоциренная эксплуатация трудовых ресурсов*, которая максимально освобождает собственника от ответственности за нормальное существование миллионов людей и их семей. Получили распространение добровольно-принудительные компромиссы, когда усилия работодателей были нацелены на предотвращение возникновения конфликтов с одновременным обеспечением мер по дальнейшему росту своих доходов. Показательны в этом отношении данные об увольнении с предприятий и организаций: в России с формулировкой по собственному желанию увольняется 70–80%, в то время как во Франции — 17%.

После многолетних усилий обратить внимание на их идеи, неолибералы в 1980-е годы добились поддержки, что нашло особо яркое воплощение в политике Рейгана и Тэтчер, начавших действовать согласно этим рекомендациям. И хотя реализация их идей

привела на самом деле к реальному повышению эффективности экономики, но одновременно означала колоссальную деформацию социальной структуры, резкий рост безработицы, возникновение социальных групп, социально-экономические позиции которых были расплывчатыми, неустойчивыми, неопределенными. Но именно эта политика неолиберализма создала условия, когда американский прекариат, при всех его особенностях, базировавшийся в малых и средних городах, обеспечил победу Трампу в его борьбе за пост президента США. Именно прекариат, значительно выросший в результате либеральной политики Рейгана, постепенно и стихийно созрел, чтобы на определенном этапе заявить о себе как о политической силе. Этот факт привел к неподдельному и беспредельному изумлению и огромному удивлению отдельных политических сил и поддерживающих их олигархов, которые не приняли во внимание появление этой новой созревающей социально-политической силы. Конечно, прекариат в США и Великобритании имеет свои существенные особенности, но суть его остается одна — эти слои трудоспособного населения по-своему пострадали от «упорядочивания» экономической жизни страны, от стагнации своих доходов и разуверились в разумности политики, осуществляемой современными неолиберальными силами.

В России усилиями неолибералов, уверовавших в могущество и беспрекословную верность идей монетаризма, строилось нечто подобное капитализму, но не современному, а капитализму его начального периода с его беспредельным пренебрежением к нуждам и чаяниям людей, что, в конечном счете, приобрело спекулятивно-рыночный облик. В результате в течение короткого времени сформировались не благополучные группы профессий и специальностей, а огромная армия безработных, людей, лишенных не только своего социального положения, но и перспектив на будущее. Одним из таких наглядных проявлений унижения народа стало появление в 1990-е годы огромной армии так называемых челноков — бывших инженеров, преподавателей, высококвалифицированных рабочих, граждан других профессий, вынужденных заниматься торговлей: доставкой товаров из-за рубежа или других районов бывшего СССР, чтобы обеспечить хотя бы минимум для материального существования семьи [Бочаров, 2010; Масленникова, 2012].

И хотя неолибералы любят говорить, что они создают новые субъекты экономики, но на деле они решали политические задачи. В проводимой ими политике, по словам А. Чубайса, «главное, что с каждым новым собственником забивался очередной гвоздь в крышку гроба коммунизма». В своей ненависти к социализму неолибералы пошли на крайние и беспрецедентные меры — прак-

тически закрыли все заводы военно-промышленного комплекса, распустили колхозы и совхозы (не желая сохранить или дать возможность существовать даже оправдавшим свою эффективность в новых рыночных условиях). Другие отрасли народного хозяйства были заданы ложно провозглашенной и реализованной конкуренцией, в результате чего значительная часть товаров, как длительного пользования, так и для нужд повседневной жизни, была вытеснена зарубежной продукцией. Но на самом деле были созданы беспредельные возможности для кучки людей, безмерно и беспредельно обогатившихся. И в то же время появилась огромная масса обездоленных, которые, имея профессиональную подготовку, квалификацию и богатый трудовой опыт, вынуждены были колебаться между занятостью и безработицей, между официальной и теневой (а иногда и криминальной) экономикой, между провозглашенными в Конституции РФ правами и свободами и реальностью, где все диктовалось теми, кто имел политическую власть и/или капитал.

Обратим внимание и на такой факт: миллионы людей живут в условиях неформальной занятости (подробнее см. гл. 3), в условиях серой и теневой экономики. Разве это их сознательный выбор? Это способ их выживания в условиях, которые им заданы и которые сформулированы не ими и на которые они никак не могут воздействовать в желательном для них направлении [Кордонский, 2017]. Они обречены на такую жизнь и такую занятость реально сложившейся экономической политикой, предписывающей им самостоятельно действовать в очень ограниченном диапазоне.

Иначе говоря, возникновению прекариата во многом способствовала политика российских неолибералов, которые реализовывали придуманные ими схемы исходя из личных измышлений, не советуясь с экспертами, а тем более с народом, которого они стремились (в который раз!) осчастливить [Подробнее см.: Тощенко, 2015].

Социально-психологические факторы

Сложность определения социально-психологических факторов занятости в виде прекарного труда заключается в том, что он нередко становится вынужденной мерой [см. Стребков, Шевчук, 2015:86]. Лишившись работы чаще всего под давлением не зависящих от него обстоятельств, человек начинает искать различные возможности, устраивающее его рабочее место. Но его встречают предложения, которые далеки от гарантированной постоянной занятости. Ему предлагают (если предлагают) временную, частичную, сезонную, эпизодическую и другие так называемые формы гибкой занятости

или предложение работать не по специальности и не по полученной ранее профессии, не соответствующей квалификации, что нередко означает не(мало)квалифицированную работу.

Но нередко избрание этих форм занятости осуществляется посредством *сознательного решения*. К этой причине, способствующей прекаризированной занятости, можно отнести и *вынужденность людей приспосабливаться к новым социально-психологическим установкам*, вплоть до признания такого стиля жизни — «жить одним днем», т.е. решать проблемы только ближайшей перспективы, повседневной заботы о выживании. По социологическим данным середины 2010 гг., 42,1% людей ответили, что они никак не планируют свою будущую жизнь, а 30,1% — только на 1–2 года (что относится в основном к молодежи, что вполне естественно, так как это время условного жизненного отрезка времени, связанного с учебой, созданием семьи, определением будущей работы или занятости) [Жизненный мир... 2016: 352].

В условиях неопределенности прекарный труд для одних становится компромиссной мерой, верой в то, что этот вид занятости будет временным вариантом, что есть надежда изменить его, добиться иного поворота судьбы. Но такое решение приводит к тому, что эта временность становится постоянной величиной, что вынуждает человека к смирению и/или попыткам активного сопротивления этому состоянию.

Тяжким испытанием для другой группы становится потеря социального статуса, когда прекарный труд начинает означать утрату прежних привычных жизненных позиций, прежней профессии, социального положения. Обычно это связано с изменением ранее имеющихся профессиональных навыков, уменьшение контактов с ранее имевшимся социальным окружением, неустойчивые и не всегда определенные взаимодействия с новым коллективом или совместно работающими коллегами.

Для третьей группы социально-психологическое воздействие от занятия прекарным трудом выражается в безразличии, в анонии, в принятии создавшегося положения как абсолютно непреодолимого, с которым надо смириться. Эта группа часто ностальгирует по ушедшей в прошлое советской стране и существующим тогда трудовым нормам, имевшейся социальной защите и гарантиям права на труд.

Еще для одной из групп прекариев срабатывает такая социально-психологическая установка как фрустрация, когда люди не хотят мириться с создавшимся положением и начинают активно искать выходы из создавшегося положения. Во-первых, это проявляется в попытках обучиться или приобрести новую профессию, как

в предлагаемых официальными структурами организациями подготовки и переподготовки, так и самостоятельно, при помощи общественных объединений или коммерческих структур. Во-вторых, искать работу в виде такой формы как отходничество, которой в той или иной мере охвачено не менее 15–20 млн человек, что касается практически трети семей, живущих в провинции [Плюсинин и др. 2015:35]. И если это ранее было в основном прерогативой сельской жизни [Великий, 2010], сейчас отходничество охватило и малые и средние города. В-третьих, прекарные слои начинают вовлекаться в борьбу за свои не только трудовые права, но и в общественно-политические конфликты по самым разным поводам.

Есть и такая группа прекариата, представители которой страдают от социально- правового диссонанса. Хотя отношения между работодателем и работником зафиксированы в Трудовом кодексе, в их взаимоотношениях «рыночные стимулы превалируют над стимулами социальными» [Смирнов, 2015:147]. И способ их решения часто лежит вне правового поля: господствует принуждение или нередко принимаются устные взаимные соглашения, при которых нормы Трудового кодекса остаются на бумаге.

С этой причиной и коррелирует высокий уровень недоверия к многим государственным структурам, которые по многим действиям (и не только по проблемам занятости) не соответствуют ожиданиям населения. По состоянию на апрель 2017 г., по данным Института социологии РАН, наряду с высоким доверием президенту (71,7%), Российской армии (67,2%), остальные официальные политические структуры функционируют в условиях антиномии (баланса или дисбаланса): правительству России доверяют 42,5% и 37,9% не доверяют, Государственной Думе соответственно 24,8% и 48%, Совету Федерации соответственно 27,2% и 48,8%, руководителям республики, губернатору области или края соответственно 36,6% и 41,8%, полиции соответственно 35,5% и 44,1%, судебной системе соответственно 25,6% и 47,6%.

Угнетающе и обреченно воздействует на людей тот факт, что происходит торможение социальных лифтов, вертикальная мобильность, которая характерна для динамично развивающегося общества, в российских условиях становится прерогативой только для богатых слоев, которые используют свои инструменты – власть и капитал – для продвижения по служебной и профессиональной лестнице, практически или в незначительной степени используя интеллектуальный потенциал, особенно при сравнении с представителями нижних слоев общества [Аврамова, 2015; Малева, Аврамова, 2016; 177]. В рамках Международной программы социальных исследований в 2009 г. респондентам 40 стран задавали вопрос, что

необходимо для того, чтобы добиться успеха в жизни. 30% россиян отметили, что для успеха необходимы «хорошие связи», и 60% — нужно «знать правильных людей» (в других странах эти показатели были соответственно равны 26 и 45%). В этом исследовании выяснялось, насколько важно давать взятки, чтобы добиться успеха в жизни. В США, Германии, Великобритании, Франции доля таких ответов составила 2—4%, а в России — почти 25% [Цит. по: Гимпельсон, 2016;141]. Иначе говоря, люди уверены, что для продвижения по социальной лестнице без необходимой «смазки» в виде связей и взяток не обойтись, а ориентация на важность получения образования помогает мало.

Определенную лепту в формирование precarious занятости внесли такие факторы духовно-культурной жизни, как *традиции и привычки, в том числе и в этнонациональном и конфессиональном воплощении*. В новых условиях рыночных отношений они получили дополнительный импульс для сохранения и распространения сложившихся связей между работодателем и работником, нередко под воздействием религиозной и этнической специфики. В результате в некоторых национальных республиках (например, в Дагестане) доля precarious труда достигает чуть ли не половины всех занятых.

Таким образом, в результате объективно сложившихся изменений в технико-технологической сфере и субъективных действий работодателей возник слой, превращающийся в особый класс, который вправе стали называть прекариатом.

Литература

Аврамова Е.М. Есть ли в современном обществе запрос на социальный либерализм? //Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 101—114.

Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности //Социологические исследования. 2017. № 11.

Бочаров В.Ю. Социальный институт наемного труда в современной России. Самара: СамГУ, 2010.

Великий П.П. Неотходничество или лишние люди современной деревни? //Социологические исследования. 2010. № 9.

Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений //Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129—143.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической дигностики). М., 2011.

Гринберг Р.С. Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) Науч. издание / Под ред. *Ж.Т. Тощенко*. М.: ЦСП и М., 2016.

Кордонский С. «Сама концепция пути ошибочна» //Огонек. 2017. № 47.

Лалин Н.И. (ред.). Атлас модернизации России и ее регионов: Социо-экономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир, 2016.

Любимов И. «Бедность останется в России надолго» //Новая газета. 2017, 1 марта.

Малева Т., Авраамова Е. Основания многофункциональной социальной политики // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 2. С. 177–193.

Масленникова Е.В. Особенности развития социально-трудовых отношений в России // Вестник Челябинского гос. университета. Челябинск. 2002. № 3. С. 98–101.

Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. Т. 24. № 1. С. 35–71.

Санкова Л.В. Прекариатизация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексификации // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4(194). С. 44–53.

Смирнов С.Н. Прописные истины трудовой сферы // Мир России. 2015. Т. 24. № 1.

Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.

Стрелков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

Тощенко Ж.Т. Чертополохи? Гапоновцы? Демоны? // Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ., 2015. С. 600–654.

Фишман Л.Г. Закат «общества труда»; современная идеологическая констелляция // Политика. 2016. № 3 (82).

Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.

Глава 5

ЧТО ТАКОЕ ПРЕКАРИАТ?

Место прекариата в социальной структуре общества

Прежде всего, определим место и соотношение прекариата с другими социальными группами (общностями) на современном этапе развития человечества.

В научной литературе имеются различные трактовки этой проблемы. Одной из них, достаточно четко выраженной, является утверждение Г. Стэндинга, что современная классовая структура приобретает следующие очертания. На вершине классовой пирамиды располагается элита – незначительный слой «абсурдно богатых граждан, способных навязать свои решения любому правительству». Затем следует «салариат» (от англ. salary – зарплата), который характеризуется стабильной занятостью и полным рабочим днем. Он обладает такими атрибутами социального благополучия, как оплачиваемый отпуск, пособия, будущая пенсия. Далее следуют «профессионалы-техники», обладающие определенными знаниями и опытом, которые позволяют выступать на рынке в качестве неза-

висимых работников, не обременяющих себя «стандартными трудовыми отношениями». Четвертая группа — это классический пролетариат, ядро старого рабочего класса, который переживает упадок и потерю чувства солидарности. И под этими четырьмя классами располагается быстро растущий новый класс — прекариат, который состоит из множества необеспеченных людей, живущих неопределенной, негарантированной жизнью, работающих на случайных и постоянно меняющихся местах без всяких перспектив профессионального роста [Standing, 2011: 7–8].

С такой классификацией социально-классовой структуры трудно согласиться. И не только потому, что, во-первых, нет единого основания для построения такой структуры: в одном случае он говорит о форме занятости, в другом — о форме использования знаниями, в третьем — о социальном положении. Во-вторых, к элите он относит только по размеру богатства и ее влиянию на политическую власть. В-третьих, он никак не упоминает и не говорит о среднем классе, хотя согласно его подходу на это звание могут претендовать и салиариат, и техники-профессионалы и даже частично пролетариат. В-четвертых, он, характеризуя прекариат, к нему относит и такие специфические слои, которые многие исследователи называют андерклассом — деклассированными, люмпенизированными группами, фактически олицетворяющими деградированное социальное положение.

Рыхлость и неопределенность сущностных черт прекариата приводит его к такому выводу, что занятость является не основной, а лишь одной из характеристик его положения, наряду со специфическими формами получения средств существования и отсутствием профессиональной идентичности. Поэтому мы согласны с критикой Г. Стэндинга, когда ему предъявляют претензии, что все его характеристики прекариата сводятся к тому, чтобы доказать, что он *не является, не обладает, не имеет, лишен и т.д.* С такими ключевыми характеристиками «нового класса», построенными на отрицании, трудно согласиться [Бирюков, 2016].

Нет определенности в выявлении сущности и места прекариата в современной социально-классовой структуре и у других исследователей, которые стали оперировать этим понятием. Применяя его, Р. Сеймур утверждает, что «ни одна из приведенных Стэндингом характеристик “прекариата” не является фундаментальной для классового анализа в марксистском понимании» [Seymour, 2012]. Но в мире существует не только марксистский подход — есть и другие определения класса, которые могут быть основанием иного подхода к его определению, — открывать новые, иные качественные его характеристики. Другое дело, что Стэндинг не всегда последо-

вателен в своей логике при определении прекариата и его исторической миссии. Например, так как Стэндинг не относит прекариат к пролетариату, то непонятно, кому он противостоит, так как классы определяются с точки зрения их социального отношения к другим классам в отличие от пролетариата [Райт, 1980]. Желание Стэндинга провести четкую грань между пролетариатом и прекариатом отражает не совсем понятную специфику, которая, возможно, присуща некоторым группам рабочей силы на производстве в западно-европейских странах и поэтому страдает европоцентризмом.

Вместе с тем трудно согласиться с мнением, когда прекариат рассматривают как составную часть пролетариата, хотя бы потому, что черты прекариата присущи не только рабочему классу, но и многим другим социальным группам и общностям в сфере производства, науки, образования, культуры и здравоохранения [Бирюков, 2016].

Что касается других попыток определить место прекариата, то они или незначительны, или его многие показатели включаются в анализ среднего класса при его классификации на высший, средний и низший средний слой. Именно в последний нередко включают тех, кого мы относим к прекариату, так как именно этот слой подвергается размыванию, что и показали результаты социологических исследований, проводимых Институтом социологии РАН [Средний класс в современной России, 2016].

Говоря о резком ухудшении ситуации на рынке труда в условиях происходящего экономического и финансового кризиса, роста безработицы, снижения уровня благосостояния во многих экономиках мира, ряд исследователей предпочитает рассматривать прекаризацию труда как процесс, который проявился в условиях тотального господства принципов «политической экономии неопределенности» (З. Бауман) и введения новых мер жесткой экономии. Именно процесс прекаризации показывает всю глубину социальной нестабильности, непредсказуемости дальнейшего развития многих обществ [Шкаратан и др., 2015].

Сущность и содержание понятия «прекариат»

Итак, что же такое прекариат?

Начнем с того, что во второй половине XX в. стали увеличиваться социальные слои (группы, общности), которые хотя и имели своих предшественников, но не в таком объеме и количестве. Более того, они стали серьезно влиять на состояние и перспективы рынка труда, породив принципиально новые отношения между работником и работодателем. Когда была обнаружена специфика этих сло-

ев, они на первом этапе осмысления этого феномена описывались и объяснялись с точки зрения определенного социально-экономического положения. Так, П. Бурдьё в 1970-е годы дан анализ сезонным работникам, занятым на виноградниках, их специфическому положению, их правам и возможностям реализовать свои жизненные планы [Bourdieu, 1998].

В работах других исследователей анализировались характерные черты таких социальных групп, как частично или не полностью занятые работники, люди совмещающие учебу и работу, особенности профессионального становления молодежи. Так, Д. Пинк, который один из первых обратил внимание на кардинальное изменение структуры занятости, на появление новых слоев, теряющих постоянное место работы, сформулировал свое предложение разделить всех работников на две группы: а) на «людей организации» и б) «свободных агентов». Если первые полностью подчинены тем или иным официальным стандартам трудового поведения, то для вторых на первом месте оказывается независимость от внешних (государственно-правовых и корпоративных) факторов [Pink, 2001: 54]. С такой трактовкой трудно согласиться. Если первое определение «человек организации» еще в известной мере совпадает со стандартной, формальной, типичной занятостью, то второе определение – свободный агент – охватывает очень ограниченный круг новых форм занятости, полностью игнорируя значительное количество трудоспособного населения, вовлеченных во временную, неполную, сезонную, эпизодическую работу, не говоря о безработных. А где их место в анализируемой Пинком структуре? Или это забота самих лиц, находящихся в деформированном социальном положении? Правда, говоря о «свободных агентах», он все же признает, что часть из них страдают от нестабильности, от отсутствия постоянной работы, социального пакета, но считая их незначительной массой – в США, по его мнению, таких людей всего 3,5 млн [Pink, 2001:41]. По нашему мнению, это скорее всего разговор о тех представителях трудоспособного населения, которых называют фрилансерами (подробнее см. гл. 11).

В конце XX – начале XXI в. все больше исследователей стали обращать внимание на те группы населения, которые были ущемлены в своих трудовых правах, ограничены в использовании социальных возможностей, часто меняли место и профессиональную занятость. Поэтому в их выводах также часто присутствует утверждение через отрицание [Wright, 2005].

Стэндинг в своем определении прекариата тоже прибегает к формулировкам через отрицание – «не является», «не обладает», «не имеет», «не включен» и т.д. Такой подход серьезно ограничивает

выявление сущности и содержания этого понятия, так как фиксирует только отсутствие причастности к основополагающим характеристикам существующего общества. Если же исходить из классово-образующих факторов, формирующих этот социально-классовый феномен, то следует обратить внимание на то, что в первую очередь определяет его место в современной общественной структуре общества.

Что касается отечественных исследователей, то при характеристике прекариата они уделяют внимание тем или иным сторонам, присущим этим социальным группам (общностям).

Во-первых, прекариат трактуется как конгломерат бесправных людей, лишенных любых социальных прав, что означает крах теории и практики социального государства. Обращается внимание на тот факт, что для этих слоев перестали существовать защита от безработицы, соблюдение социальных обязательств, гарантии по поддержке в трудных жизненных обстоятельствах [Механик, 2014].

Во-вторых, прекариат рассматривается как вид наемного труда, который охватил подавляющее количество населения и стал неотъемлемой частью всего промышленного производства, сферы культуры, образования, здравоохранения, жизненного мира многих людей [Голенкова, 2013, 2015].

В-третьих, при его определении особо выделяется и подчеркивается маргинальное положение людей, попавших в ряды прекариата, особенно работников ликвидируемых предприятий, которым не гарантируется постоянное рабочее место в рамках стандартной занятости [Бизюков, 2014]. На наш взгляд, это неполное определение источников социальной базы прекариата — он пополняется практически из всех социальных групп в современном обществе.

В-четвертых, существуют и такие трактовки: прекариат — это такой класс, который идет на смену пролетариату. Он пока класс-в-себе, но находится на пути превращения его в класс-для-себя [Мельник, 2007]. Но это неточное определение. Если пролетариат комплектовался в основном за счет промышленного производства, то прекариат пополняется за счет всех слоев современного общества.

В-пятых, в то же время есть точки зрения, что не надо множить мифы об «исчезновении» или «смерти» рабочего класса, поскольку пролетариат в виде прекариата никуда не делся — он не просто «вернулся», а на самом деле никуда не исчезал [Бирюков, 2016].

И наконец, имеется точка зрения, что прекариат комплектуется из всех слоев населения, а не только из рабочих и молодежи — его ряды постоянно пополняет и интеллигенция, и люди умственного труда, и представители самых разных профессий [Мармер, 2009; Шкаратан и др., 2015].

Существуют и такие точки зрения, когда нужно говорить только об определенных социальных группах precarious труда, но говорить о прекариате как классе или неправильно или рано [Бирюков, 2016; Бусыгина, 2016: 44].

Обзор имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что *прекариат — это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны — это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни.*

Добавим, что скорость и масштаб этих глобально протекающих изменений значительно выросли. Отсюда вытекает понимание *прекаризации* как процесса количественного и качественного изменения занятости, которая касается большинства населения и проявляется в постоянном наступлении объективных условий и субъективных факторов в лице работодателей, существующих правовых законов, ориентированных на беспрекословное подчинение власти имущим, осуществляющим экономическое и политическое управление.

Структура прекариата

Из чего состоит современный прекариат?

Во-первых, это *часть населения России, занятого, по оценке МОТ, на неформальной (20%) работе.* По заключению некоторых экспертов эти социальные группы насчитывают до 40% трудоспособного населения. Эта группа ограничена в использовании своего труда и полностью или частично лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Доходы неформально занятых очень низки — они отличаются от официальных зарплат на 43–65%. Согласно данным МОТ среди формально устроенных в развитых странах бедность не превышает 12%, в то время как среди неформально занятых она может достигать 35% [Мануйлова, 2017, 17 октября]. Члены этих социальных групп (общностей) в силу своего специфического положения, как правило, не обладают социальными правами, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь

в приобретении жилья. Забота о детстве становится их личным делом, так же как и получение образования и повышение квалификации. Все это дополняется еще и тем, что у временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, профессиональной карьеры.

Во-вторых, прекариат в России состоит из занятых *на временной (10%) работе*, в то время как в странах Западной Европы этот вид занятости включает в себя максимальное число работников (более 20%), в странах Азии — от 24% на Филиппинах и 67% во Вьетнаме. По данным МОТ временные работники получают на 15–55% меньше тех, кто обладает постоянным контрактом. Каждый третий из них относится к группе прекариев, к тем работникам, которые живут ниже прожиточного уровня. По словам Дж. Джонсона, главы аналитического управления департамента МОТ, они практически полностью лишены полноценной социальной защиты, подвержены в большей степени рискам заболеваний и вероятности травм в результате слабого контроля за техникой безопасности и соблюдения нормальных условий работы [Мануйлова, 2017, 17 октября].

В России это, например, ярко проявилось в так называемой рационализации труда преподавателей вузов и других учебных заведений, когда под флагом совершенствования и повышения эффективности их труда, их переводят на неполную занятость с неадекватным повышением интенсивности труда. *И главное — временная занятость становится постоянно действующей величиной, которая начинает сопровождать человека всю жизнь.* Стоит отметить, что такая ситуация — удел не только России. По данным К. Дёрре, профессора Йенского университета, «каждый третий работающий по найму в Германии находится в состоянии подвешенного или текущего прекариата» [Что желает ...2015].

В-третьих, *прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или пробывающих сезонными и случайными (эпизодическими) приработками.* Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день. Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что они подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, которая часто неадекватна вознаграждению за их труд. Эта группа попадает в ситуацию, когда они постоянно подвергаются самым различным ограничениям, вынуждающих их прибегать в смене прежней и поиску новой работы. Причем интенсивность такой смены мест приложения труда постоянно растет. Так, соглас-

но данным мониторингового исследования, проведенного в Новосибирской области, если в 1995 г. только 9,2% людей несколько раз меняли место работы, то в 2013 г. такой опыт имели уже 21,2% [Воловская и др., 2015]. При этой форме занятости происходит расхищение интеллектуального богатства страны. Согласно данным всероссийского исследования «Жизненный мир-2014» (окт. 2014 г., 1800 чел., 8 регионов страны) почти 50% указали, что их образование не соответствует выполняемой работе или затруднились ответить на этот вопрос [Жизненный мир...2016: 351].

В-четвертых, *аналогичные характеристики можно отнести и к занятым заемным трудом, суть которого заключается в том, что возникли посреднические фирмы, которые нанимают работников и передают их другим фирмам, предприятиям, организациям для выполнения нужных им видов работ или оказание услуг другим заказчикам.* Это принципиально новая форма занятости, которая использует рабочую силу через посредника. В этом случае работник уподобляется товару, где участвующие в этой своеобразной логистике имеют свою выгоду, за исключением самого работника. Причем это уже касается всех видов труда, в том числе и высококвалифицированного. В отличие от рекрутинговых агентств, которые только предлагают те или иные вакансии, эти фирмы и набирают и расплачиваются с работником, а не там, где он трудиться согласно тем или иным договоренностям между работодателем и посредником [Козина, 2013]. Особо отметим, что на таких принципах, но деформированных и скрытых, отмечено появление рабского труда, которое получило распространение во всем мире. По данным The Walk Free Foundation в мире насчитывается 45,8 млн человек, живущих в рабстве, в том числе около 1 млн в России. Поясним: под современным рабством такая организация труда понимает ситуации, когда один человек лишает свободы другого, включая свободу контролировать свое тело и свободу отказаться от насильственной работы. Сюда же следует отнести и принуждение к выполнению определенных обязанностей посредством угроз, насилия, злоупотребления властью и обманом с целью наживы и/или эксплуатации [Подробнее см.: Макеева, 2018].

В-пятых, *прекариат представлен безработными*, численность которых весьма значительна. Особенно она обостряется в годы кризиса. Так, после кризиса 2008 г. безработица населения выросла почти на 50% и в 2009 г. составила 6373 тыс. человек. Такая же ситуация характерна и для 2014–2015 гг. в условиях кризисных явлений в экономике, а также после введения санкций против России и падения цен на нефть. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в пределах 3,5

до 7 раз. Академик и советник президента РФ С. Глазьев считает, что в России «скрытая безработица составляет до 20%» [Цит. по: Истомин, 2015:17]. Особо следует отметить, что скрытая безработица часто маскируется под нежелание регистрироваться, под случайные приработки, под эпизодическую занятость в личном, особенно сельском хозяйстве.

И наконец, к прекариату примыкает, на наш взгляд, часть *мигрантов*, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение также характеризуется как ситуация, в которой многие из них ущемлены в правах, они ниже оплачиваются по сравнению с официальными гражданами, им не гарантируются многие социальные блага. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации [Малахов, 2015:115].

В этой структуре следует, на наш взгляд, *выделить кандидатов в состав прекариата*, тех, которые находятся в пограничном состоянии, занимая промежуточное состояние, подвергаясь размыванию своей группы (общности). К ним, на наш взгляд, относятся фрилансеры и вступающая в трудовую жизнь молодежь (в основном студенческая), которая в ситуации ожидания занимает или готовится занять желаемое ею социальное положение.

Что касается *фрилансеров*, то они представляют собой трудно подвергающуюся учету социальную группу *так называемых креативных профессий — специалистов* по информационным технологиям, программистов и др. Их нередко пытаются представить приверженцами свободолобивого духа, независимых от строгой и мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [Харченко, 2014: 57]). Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачивается тем, что эта показная и хотя иногда в чем-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, как и названные ранее группы — беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем. То есть и для этой категории значимо весьма проблемное положение многих из них с точки зрения устойчивой постоянной занятости [Стребков, Шевчук, 2016].

К кандидатам в прекариат следует отнести такую проблемную группу, как молодежь и особенно *студенчество*, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и в профессии устойчивое положение. Однако часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий.

Именно все эти социальные группы, образующие прекариат во всех его проявлениях, и есть ответ на вопрос вице-премьера правительства России О. Голодец, заявившей в апреле 2013 г. на XIV Международной конференции «Модернизация экономики и общества», что 38 млн людей трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что «наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам» [Голодец, 2013]. Из свыше 76 млн трудоспособного населения такое количество россиян непонятно *где* заняты, *чем* заняты, *как* заняты, в результате чего условия жизни, их доходы не отражаются в официальных статистических данных.

Обзор и анализ этих сложно и трудно учитываемых социальных слоев и общностей позволяет нам согласиться с обобщенным их названием — *прекариат* — социальный слой, который представлен значительными социальными группами, имеющими особые характеристики, отличающими их от других признанных социальных образований. В эту группу включают тех, кто вовлечен в теневой или, как выразилась О. Голодец, «нелегитимизированный» сектор рынка труда, занят временной, эпизодической работой, вследствие чего имеет урезанные социальные права и обладает ущемленным социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая от 30 до 50% численности трудоспособного населения.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX — начале XXI в. появился новый социальный класс — прекариат, который характеризуется неформальной, временной, сезонной или частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, неустойчивый, преходящий характер. Его численность постоянно растет, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и которых часто относят к среднему классу.

О соотношении понятий «прекариат» и «андеркласс»

Прекариат нередко пытаются толковать расширительно. В поиске возможных кандидатов в состав прекариата неоправданно начинают включать все обездоленные слои общества, т.е. тех людей, которых в других классификациях относят *к андерклассу*, т.е. люмпинизированным слоям, и которые в значительной степени утратили, а иногда стремятся утратить социальные связи с обществом. Так, Д. Коупленд в своей книге «Поколение X» в состав этой группы включает молодежь, обладающую высоким уровнем апатии и низким уровнем знаний, путешествующей по континентам

и странам в поисках определенного смысла жизни и пробивающихся случайными заработками. Назвав их «космической беднотой», он пытается обосновать их поведение бунтом против образа жизни и ценностей среднего класса, подчеркивая в основном субъективные факторы, с чем трудно согласиться, так как на такое поведение влияют и объективные условия существующих социально-экономических и социально-политических отношений.

В некоторых исследованиях в качестве одной из причин «массового появления такой страты (прекариата) в России называют “одичание” населения (??? – Ж.Т.), отсутствие у него базовых знаний, без которых немислим постиндустриальный мир – знание иностранных языков, углубленного изучения какой-либо профессии, отсутствие навыка выстраивания горизонтальных связей» [Что желает молодежный прекариат России, 2011]. Такие безответственные суждения отражают тот факт, что его авторы смешивают и пытаются свое слабое знание реальности выдать за саму реальность. Или, по крайней мере, некоторые проблемы становления и развития части молодежи (в самом деле реально существующие) перенести на всех молодых людей, вступающих в трудовую и повседневную жизнь.

В андеркласс включаются и такие социальные группы, как бомжи, поведение которых уже не связано со стремлением добиться устойчивого социального положения [См., например, Шляков, 2017]. Сюда же можно отнести нищих, бродяг, попрошайек, проституток и др. пауперизированных слоев, которые ведут приспособленческую жизнь, в основном направленную на добычу пропитания по разным случайным обстоятельствам и обеспечение крыши над головой [Дадаева, Спиридонова, 2017]. Поэтому попытки включение этих социальных групп в прекариат имеют далеко идущие последствия – с таким «хвостом» трудно говорить о нем как о классе, находящемся в становлении своей сущности и своего содержания [См. например, Гонтмахер, 2017].

Именно то, что прекариат – это достаточно активный социальный слой общества, говорит о том, что он при всех невзгодах сохраняет социальные качества, стремится занять и отстоять право на достойную жизнь при всех имеющихся ограничениях и ущемлениях, решить возникшие производственные и личные проблемы. И именно эта социальная позиция делает его кандидатом на название класса и четко отделяет от того слоя, который относят к пауперизированным слоям – андерклассу.

Литература

- Бирюков А.А.* Появление прекариата или возвращение пролетариата? // Социологические исследования. 2015. № 10.
- Бизюков П.* Что такое прекариат? // Газета.ру, 2014, 1 мая.
- Бусыгина И.М.* Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г. Стэндинга) // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 34–45.
- Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В.* Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования. 2015. № 5.
- Голенкова З.Т.* Прекариат как новое явление в современной структуре / Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015.
- Голенкова З.Т., Голицова Ю.В.* Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3.
- Голодец О.* 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. 2013, 3 апреля.
- Гонтмахер Е.* Российский человеческий капитал: состояние и тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3.
- Дадаева Т.М., Спиридонова К.М.* На обочине жизни; феномен маргинала в городской среде // Социологические исследования. 2017. № 12.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.).* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- Истомин В.* Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия. 2015. № 3:17.
- Козина И.М.* Работники заемного труда // Социологические исследования. 2013. № 5.
- Макеева А.* Не по своей воле / Коммерсантъ. 2018, 23 января.
- Малахов А.* Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального (взаимо) действия // Политические исследования. 2015. № 1.
- Мануйлова А.* Нестандартная занятость берет свое / Коммерсантъ. 2017, 17 октября.
- Мармер Э.* Что такое прекариат // Neue Züiten. 2009. N5.
- Мельник Е.* Прекариат всех стран, соединяйся! // Еженедельник 2000—Свобода слова. 2007. № 48, 30 ноября–6 декабря.
- Механик А.* Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт. 2014. № 1.
- Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований* / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016.
- Стрелков Д.О., Шевчук А.В.* Трудовые ценности самостоятельной и организованной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81–93.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- Тощенко Ж.Т.* Прекариат: новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 16. С. 3–13.
- Харченко В.С.* Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

Шляков А.В. Бродяжничество как социальное явление // Социологические исследования. 2017. № 8.

Что желает молодежный прекариат России? // Facebook. 29/01/2011 www.chaskor.ru/article/chego_zhelaet_molodezhnyy...

Bourdieu P., Le precariat est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Novadays) // Contre Feux. Paris, 1998. P. 96–102.

Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. L., 1982.

Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, MA, 2000.

Pink D. Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live. New York: Warner Books, 2001.

Seymor R. We are All Precarious – On the Concept of the “Precariat” and its Misuses. 2012.

Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. L. and N.Y.: Bloomsbury Academic. 2011.

Wright E.O. Approaches to class analysis. UK: Cambridge University Press. 2005.

СТРУКТУРА ПРЕКАРИАТА: ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ

Глава 6

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ

Объемы и величина неформальной занятости

Одним из первых, кто ввел в научный оборот в начале 1970-х годов понятие *неформального сектора* на рынке труда, был английский исследователь К. Харт, который, осмыслив реальную ситуацию и назревшие потребности развития многих экономик стран мира, сформулировал предложение, как не только изучать и анализировать новые виды и формы хозяйствования, но и какие выводы для управления этим процессом можно сделать [Hart, 1973]. Так как это было своеобразным открытием, оно привлекло внимание не только ученых, занимающихся проблемами труда, но и экспертов МОТ, а затем и статистиков многих стран. Но долгое время объяснение этого феномена шло по-разному, его сущность интерпретировалась исходя из особенностей каждой страны, различных отраслей производства.

Первая попытка упорядочить представление о неформальном секторе и занятости в нем была предпринята в 1993 г. на 15-й Международной конференции статистиков труда. В начале 2000-х годов на 17-й конференции этих специалистов было введено новое, более широкое понятие — неформальная занятость, которая определялась исходя из характера трудовых отношений. Значительную роль в упорядочении представлений о неформальной занятости сыграла Международная организация труда, которая помогла преодолеть разночтения и сблизить позиции разных исследователей и практику применения расчетов, применяемых статистиками в разных странах [Подробнее см. : Капелюшников, 2012].

Однако до сих пор существуют различные точки зрения, разные объяснения этого феномена, а также разная практика расчета и применения в деятельности экономических организаций многих государств. Так, О. Синявская под трудовыми неформалами понимала, во-первых, всех занятых не на предприятиях, во-вторых, занятых на предприятиях, но без их официального оформления. На основе

ее расчетов по базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭС) эти группы составили сравнительно небольшую величину — 6,5–7,5% от общей численности экономически активного населения, а с учетом вторичной неформальной занятости — 14–15% [Синявская, 2005].

В работе Т. Карабчук и М. Никитиной к ранее двум указанным показателям добавлялся еще один — занятые на микропредприятиях со штатом не более 5 человек. В результате на основе расчетов РМЭС за 2003–2009 гг. всего неформально занятых насчитывалось примерно 17% [Карабчук, Никитина, 2011]. В этом подходе есть один очень очевидный просчет. Дело в том, что в реальном хозяйственном строительстве массово процветают предприятия в строительстве, в легкой и пищевой промышленности, в торговле, в которых заняты десятки, а нередко и сотни неоформленных официально работников, особенно мигрантов. Конечно, их выявить и вычислить трудно, но это не отменяет того факта, что такие исключения охватывают значительное количество как неформальных, так и официальных предприятий. Можно только отметить, что предприятия государственного сектора сравнительно редко идут на такие нарушения по сравнению с частным бизнесом.

Еще один подход отражен в работе Ф. Слонимчика, который называют расширенным и модифицированным. Помимо занятых не на предприятиях, а также не имеющих оформления на официальных предприятиях добавлялись занятые нерегулярными подработками. В целом эти три группы для периода 2000-х годов составляли 20–24% от общей численности российских работников [Slonimczyk, 2011].

Стоит отметить еще один подсчет, осуществленный М. Хазансом на основе пятой волны Европейского социального исследования в 2008–2009 гг. Он опирался на рекомендации этого международного исследования, отнеся к неформально занятым а) работающих по найму без письменного контракта; б) работники-индивидуалы или работодатели, имеющие в штате не более 5 человек; в) работники, занятые на семейных предприятиях без официально оформленных договоров. Согласно такого подхода для России уровень неформальной занятости равнялся 12% [Nazans, 2011].

Оригинальный подход к определению неформально занятых предложил Р.И. Капелюшников. Он, опираясь на данные РМЭС, считает возможным предложить альтернативные определения неформальной занятости. Первый подход — комбинированный — предполагает учет не только производственного (на каком предприятии работает) и правового (оформлена ли договором занятость) характера трудовых отношений, но и с добавлением неформально заня-

тых, чьи рабочие места находятся в формальном секторе. Применяв этот подход, автор получил оценку уровня неформальной занятости в 24,1% (из их 19,9% — работники неформального сектора и 4,2% неформальные работники, которые трудятся в формальном секторе) [Капелюшников, 2012 : : 30—32]. Второй подход — количественный, который устанавливает жесткий порог численности персонала — менее 5 человек независимо от форм собственности. Уровень неформальной занятости при таком подходе оказывается равен относительно небольшой величине — 10,8%. Но, по мнению автора, этот подход на основе данных РМЭС позволяет поставить под сомнение возможность его эффективного использования [Капелюшников, 2012 : 32—33]. Третий подход — контрактный — учитывает только неформально занятых без официально оформленных каких-либо контрактов, в том числе работающих по гражданско-правовым договорам. При таком подходе доля неформально занятых равна 13,7% (отметим, что согласно всероссийскому исследованию «Жизненный мир — 2014» 18,7% отметили о своей регулярной и 29,5% — о нерегулярной дополнительной подработке на стороне [Жизненный мир... 2016 : 355]). И наконец, Капелюшников предлагает использовать еще один подход — социальный. В этом случае к неформально занятым относятся наемные работники, с чьей заработной платы не производились никакие отчисления в социальные фонды. Этот подход выводит на оценку уровня неформальной занятости, близок к той, что дает контрактный подход [Капелюшников, 2012 : 34].

При анализе существующих точек зрения необходимо обязательно упомянуть подход, применяемый Росстатом РФ при проведении Обследований населения по вопросам занятости (ОНПЗ), которые проводятся ежегодно с 1992 г., ежеквартально с 1999 г. и ежемесячно с сентября 2009 г. Ключевым вопросом при определении принадлежности работника к формальному или неформальному сектору является вопрос о типе работы [Горбачева, Рыжикова, 2004]. Все работники, которые не работали на предприятиях со статусом юридического лица, квалифицировались как занятые неформальным трудом. Согласно этому подходу за 2000-е годы доля занятых в неформальном секторе увеличилась примерно в 1,5 раза — с 12,4% до 16,5% [Капелюшников, 2012 : 21].

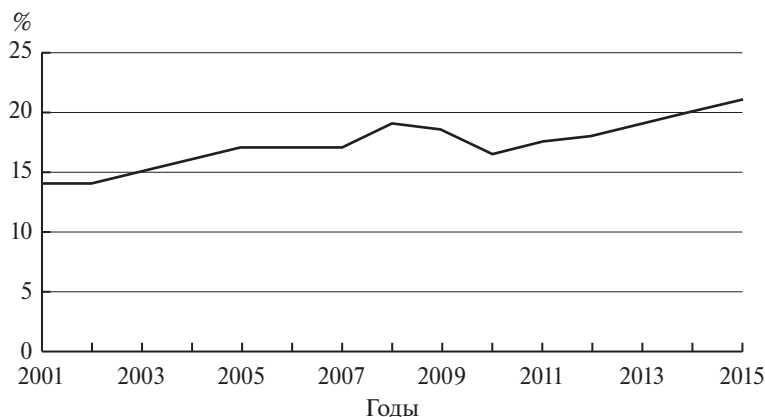
Специально оговоримся, что в неформальную занятость мы, как и другие исследователи [Гимпельзон, Капелюшников, 2014 : 157], не включаем криминальную деятельность — нелегальное производство и торговля оружием, боеприпасами, алкоголем, лекарственными препаратами, производство и распространение наркотиков, фальсификация товаров.

Анализ этих подходов и других точек зрения [Кубишин, 2016; Михайлова, 2015; Притворова, 2016] позволил прийти к следующему выводу. Самым предельно общим понятием является неформальная занятость — «совокупность неформальных рабочих мест независимо от того, где они находятся» [Гимпельсон, Капелюшников, 2014 : 87]. Она представлена, во-первых, работниками неформального сектора экономики; во-вторых, неформально занятыми в официальной, формальной экономике. И в первом и во втором случае — для этих работников — это основное место работы. Поэтому, в-третьих, нужно иметь в виду то, что для некоторых групп людей неформальная занятость является дополнительным местом работы наряду с официально оформленной деятельностью. По нашему мнению, к неформально занятым не надо относить тех, кто занимается личным и/или подсобным хозяйством, в котором осуществляются безвозмездные услуги, не приобретающие товарно-денежную форму. Особое место занимают самозанятые, которые могут быть рассмотрены с разных позиций, особенно если учесть намерение российского государства придать им официально признаваемую форму.

При этом надо иметь в виду, что нужно различать неформальный сектор экономики и неформальную занятость, которая существует и в формальной экономике.

Что касается неформального сектора, то обратим внимание на его роль и значение в разрезе мировой экономики. По данным АССА (Ассоциация специалистов в области финансов, учета и аудита) доля неформального сектора в России в 2016 г. оценена в 33,07% ВВП (или 33,55 млрд руб.). «Показатель теневой экономики в России, как считает один из руководителей АССА Фей Чуа, — является одним из самых высоких и почти на 84% выше, чем в среднем по миру». Для сравнения — наименьшие объемы теневого сектора в США (7,78% ВВП), Японии (10,08%) и Китае (10,15%), а наивысшие — у Азербайджана (67,04%), Нигерии (48,37%) и Украины (45,96%) [Рынок труда...].

Что касается России, то российские оценки доли формальной экономики разнятся от 15 до 40% ВВП. Согласно официальным данным доля неформального сектора в структуре занятости в России стала увеличиваться с начала рыночных реформ, особенно в XXI в. В этом секторе трудятся миллионы работоспособного населения. К этому стоит добавить долю неформально занятых в официальном секторе — 4% и 20,1% в неформальном секторе от общей занятости. Т.е. практически каждый четвертый находился в рядах тех, кто занимался трудом, который никак не фиксировался фискальными органами. А если сюда добавить и тех, кто получал заработную плату в кон-

Источник: Данные Росстата.

Рис. 1. Доля неформального сектора в общей занятости (в %)

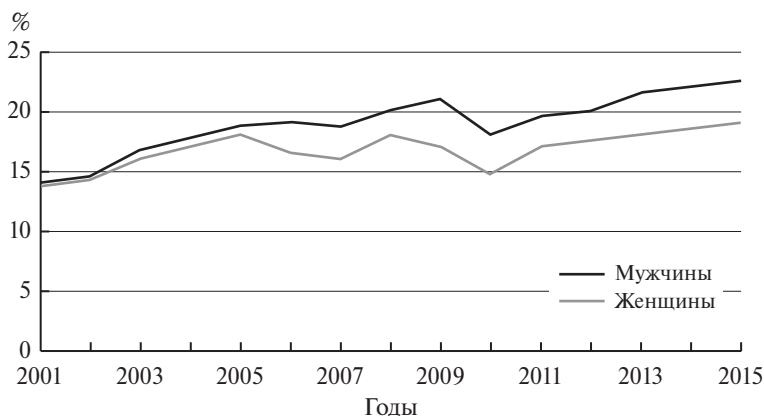
вертах, то можно представить масштабы этой экономики, которые достигают внушительных размеров. В этих условиях красноречивее всего свидетельствует признание вице-премьера правительства О. Голодец о том, что правительство не знает, где трудятся 38 млн человек (из 75 млн лиц трудоспособного возраста) (см. рис. 1).

Особо следует отметить, что именно эта форма занятости в России по величине и удельному весу превышает другие виды нестандартной занятости, в то время как в странах Европейского Союза этот вид занятости занимает второе место после временной занятости. Что касается России, то этот вид занятости, по данным Росстата, *составляет примерно 20%* трудоспособного населения. Неформальная занятость существенно разнится по сферам национального хозяйства : эти социальные группы (общности) насчитывают в отдельных отраслях достаточно большие величины : в оптовой и розничной торговле – 34%, в сельском и лесном хозяйстве – 30,5% от общего количества занятых, в то время как в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых, финансовая деятельность, электроэнергетика, машиностроение и др. она не превышает 0,2%. Но это не значит, что в этих отраслях не распространена неформальная занятость – она существует в виде дополнительной занятости к основному виду работы. Ее трудно уловить, вычислить. Так, по данным исследования «Жизненный мир-2014», 18% опрошенных признались, что они помимо основной заняты и на дополнительной работе [Жизненный мир..., 2016 : 355].

Неравномерность этого вида занятости проявляется и в территориальном разрезе. В настоящее время она выглядит следующим образом (см. рис. 2). С точки зрения официальных данных она

Рис. 2. Неформальная занятость в территориальном разрезе

Источник: Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2016 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) — <http://www.gsk.ru/bgd/free/B0403/Isswww.exe/Stg/d05/36.h>

Рис. 3. Гендерная характеристика неформальной занятости

характеризуется следующими особенностями, которые в известном смысле являются контрагентами; неформальная занятость господствует или в индустриально развитых, или в депрессивных районах. Что касается развитых в промышленном отношении районов, в которых значительное место занимает сфера услуг, то именно она привлекает дополнительную рабочую силу, которая комплектуется не столько за счет местных трудовых ресурсов, сколько из внешних

и внутренних мигрантов, которыми можно манипулировать. Преобладание неформально занятых в депрессивных районах связано с другими причинами — неразвитостью инфраструктуры, преобладанием мелкого товарного производства, наличием значительной избыточной трудовой силы [Подробнее см. : Лапин, 2015].

Неформальная занятость имеет и гендерные особенности (рис. 3).

О масштабах и реальной оценке неформальной занятости можно судить на основе социологических обследований, в том числе проводимых в рамках RLMS-HSE (см. табл. 1), хотя по другим исследованиям некоторые показатели отличаются от этих данных.

С точки зрения временных затрат на выполнение своих служебных обязанностей неформальная занятость представляет собой причудливое мозаичное полотно. Было выявлено, что 46% мужчин и 48% женщин тратят в среднем на работу в неформальном секторе от 35 до 40 часов в неделю. Очевидно, что для этой группы людей — это основной вид трудовой деятельности. Но есть и другая группа (16,5%), члены которой заняты в неделю менее 15 часов. Более подробный анализ показал, что эту группу составляют лица, которые претендуют на частичную занятость — студенты, пенсионеры, лица, подрабатывающие кроме основной работы на эпизодических работах.

Анализ неформальной занятости показывает и такую ее специфику — более половины этих работников находятся в возрасте до 40 лет. Более того, эти работники моложе 30 лет готовы поступиться своими, по сути, неясными перспективами приобретения гарантий будущего пенсионного обеспечения, социальной защиты и социальных услуг, что предусматривается при официально оформленной занятости, в обмен на более высокую оплату их труда в рамках неформальной занятости.

Долгое время неформальная занятость была в основном уделом людей, не имеющих соответствующей общеобразовательной и профессиональной подготовки. Т.е. большинство неформально занятых имело начальный уровень образования. Меньший процент этих работников составляли те, кто имел среднее и средне-специальное образование. Еще меньше было таких среди лиц, получивших высшее образование. Однако финансово-экономические кризисы 1998 г., начала 2000-х годов (2008 г. и 2014 г.) внесли большие коррективы в это ранее сложившееся положение. Что проявилось в значительном увеличении безработных среди людей, имеющих высшее образование, которые соглашались на работу в неформальном секторе экономики, рассматривая это как наименьшее зло по сравнению с отсутствием другой работы.

Обобщая данные этого анализа, можно сказать, что неформальный сектор экономики в значительной степени комплектуется ра-

Таблица 1

**Средние значения выборочных характеристик групп занятых
(неформально и формально) в России в 2009 и 2014 гг.**

Критерий сравнения групп	Занятые Неформально		Занятые в неформаль- ном сектор Предпринима- тели и самозанятые		Другие занятые в неформальном секторе		Занятые Формально	
	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.
Доля в общей численности занятых, %	6,5	6,1	2,5	3,0	6,1	7,8	84,9	83,2
Пол (ж = 1), %	47,9	42,3	49,5	41,5	52,8	39,9	56,7	55,5
Возраст*, лет	43,6	45,2	48,8	49,2	42,1	45,1	47,1	47,7
Образование*, лет	12,1	12,2	12,4	12,9	12,2	11,9	13,2	13,5
Образование (уровень), %								
Общее	24,6	25,6	17,1	20,4	15,1	30,7	12,6	12,8
Среднее профессиональное	63,0	59,4	59,5	51,5	66,2	57,8	57,1	51,1
Высшее	12,0	15,0	22,5	28,1	13,4	11,4	30,2	36,0
Семейное положение (холост/незамужем = 1), %	56,0	57,3	34,2	27,4	53,5	51,1	41,2	40,5
Национальность (нерусский = 1)	13,4	12,2	26,1	18,1	12,6	22,0	12,5	11,5
Наличие второй работы (есть = 1)	1,8	4,8	0,0	2,9	1,5	1,8	4,7	4,2
Получение пенсии (да = 1)	15,8	11,9	14,4	12,9	10,4	8,7	19,1	18,5
Стаж работы на текущем месте*, лет	3,2	3,6	9,0	9,1	3,8	5,6	9,4	9,3
Зар. плата (в мес.), тыс. руб.	12 562	20 192	16 160	33 469	10 005	18 636	13 052	22 302

Источник: RLMS-HSE. URL: www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 09.05.2016).

Примечание: * средневзвешенная арифметическая величина.

бочей силой, практически полностью олицетворяющей занятость прекарным трудом. Но это не означает, что все занятые в неформальной экономике не руководствуются определенными правовыми нормами или полностью игнорируют их. Особенно это касается занятых работами в домашнем и личном хозяйстве, при реализации садово-огородных дел и операций. Под давлением объективных обстоятельств некоторые из элементов неформальной экономики, как самозанятые, стали постепенно приобретать право официального признания, что в настоящее время находит отражение в поиске форм и методов их экономического и правового включения в структуру общенациональной экономики.

Особенности и социальные проблемы неформальных трудовых отношений

Неформальная занятость — это основной костяк прекариата.

Эта общность представляет собой весьма пеструю картину вовлеченных в данную форму трудовой занятости. В большинстве случаев это социально уязвимые группы работников.

Во-первых, это люди, потерявшие работу из-за сокращения или закрытия производства и не имеющие возможность предложить свои знания другим производственным организациям в тех населенных пунктах, где они живут. Они потеряли перспективы в продолжении своей профессиональной деятельности, не имеют возможности переместиться в другие регионы, нуждающиеся в таких профессиях. Для них очевидна угроза невозможности добиться нормального жизнеустройства в этих условиях. Такая вынужденная социально-бытовая ситуация заставляет их принимать невыгодные, негарантированные предложения при условных взаимных обязательствах [Неустойчивость занятости...2017].

Во-вторых, это группы людей, не имеющие достаточной квалификации, как правило не обладающие основательной общеобразовательной подготовкой и имеющие навыки выполнения только простых и элементарных трудовых операций. Они в этой ситуации представляют мало или слабоконкурентную рабочую силу, и поэтому согласную выполнять все то, что по большому счету можно отнести к вспомогательной работе. По подсчетам Р.И. Каплюшникова доля лиц, имеющих неполное среднее образование и ниже среди неформально занятых, составляла от 12,5% до 15,2% (при разных подходах к их определению) от общей численности рабочей силы, в то время как среди формально занятых их доля равнялась 6,0—6,2%. Прямо противоположная картина представлена при сравнении долей лиц с высшим образованием : их среди неформально за-

нятых было от 12,3 до 14,8%, а среди формально занятых от 29,4 до 31% [Капелюшников, 2012 : 68]. Такая разница в определенной степени обусловлена тем, что в тех секторах экономики, как торговля, рыночные услуги, строительство, охрана порядка, в меньшей мере требуются работники высокой образовательной подготовки, так как для выполнения порученных производственных функций нужны качества исполнителей простых и несложных трудовых операций.

В-третьих, имеет место существенная разница между формально и неформально занятыми по уровню профессиональной подготовки. Так, неквалифицированные работники среди неформально занятых насчитываются в пределах 17,5 и 23,5%, в то время как у формально занятых этот показатель колеблется в пределах 11,3 и 12,3%. Разница по такому показателю, как специалисты высшей квалификации, еще более существенна : от 4,2% до 20,6%. Очевидно, что эти группы неформально занятых при учете их низкой общеобразовательной и профессиональной подготовки поставлены на более низкий уровень оплаты их труда [Капелюшников, 2012 : 69].

В-четвертых, в сфере неформальной занятости меньше задерживаются работники со специальным трудовым стажем. Как бы ни были привлекательны те или иные аспекты производственной деятельности, у работников довлеет неустойчивость их положения. Анализ имеющихся данных, полученных на основе Российского мониторинга экономического положения и здоровья, показывает, что доля новичков со специальным стажем менее 1 года существенно преобладает среди неформально занятых (от 31,1% до 43,2%) по сравнению с формально занятыми, среди которых эта группа не превышает 15,6%. Еще более убедительно звучит сравнение при выявлении доли старожилов со специальным стажем более 10 лет : среди неформально занятых их доля не превышает 8,4%, в то время как среди формально занятых она колеблется от 24,0 до 25,7% [Капелюшников, 2012 : 69]. Очевидно, что занятость на неформальной работе не способствует закреплению кадров, не является безусловной ориентацией при определении перспектив трудовой жизни.

В-пятых, огромный рынок неформальной экономики представляют самозанятые. В настоящее время *самостоятельная занятость* (self-employment) охватывает работодателей и членов производственных кооперативов и самозанятых в узком смысле (own-account workers), к которым, согласно поправке в Гражданский кодекс в 2017 г., относятся лица старше 16 лет и оказывающие услуги другим физическим лицам и выполняющие работы в одиночку «самостоятельно на свой риск для систематического получения прибыли». Это няни, сиделки, блогеры, репетиторы, кос-

метологи, таксисты-бомбилы и другие частники, не являющиеся индивидуальными предпринимателями. Очевидно, что эта группа представляет собой калейдоскоп работников самого разного уровня подготовки, квалификации, трудового опыта и жизненных ориентаций. Здесь как нигде остро проявляется случайность или эпизодичность вовлеченности в эту сферу деятельности. Их численность может стремительно меняться в зависимости от объективных обстоятельств (например, взлет и массовое участие населения в так называемой челночной торговле), так и специфики жизни в тех или иных регионах и при учете этноконфессиональных особенностей места проживания. Особо оговоримся, что из этой группы мы сознательно исключаем фрилансеров, которые могут оказывать услуги не только физическим лицам, но и официальным структурам, а также являться индивидуальными предпринимателями (об этом подробнее см. главу 11, поскольку фрилансеры представляют особую группу трудоспособного населения, занятую высокоинтеллектуальным трудом, требующим соответствующей квалификации).

В-шестых, в эту сферу и в такую форму занятости идет часть молодежи. Обычно это ситуативное решение, рассчитываемое на определенный временный характер такой работы с намерением затем найти более достойный вариант будущей занятости. Среди неформально занятых почти каждый пятый человек в возрасте до 25 лет (от 18,6 до 21,6%) вовлечен в эту сферу деятельности, в то время как среди формально занятых только каждый десятый (от 10,7 до 11,3%). Более подробные исследования показывают, что некоторых молодых людей в неформальную занятость привлекает оплата труда по сравнению с той, которую предлагают ей в официальном секторе экономики [Павлова, 2017].

И наконец, в эту сферу занятости включаются те слои андер-класса (бомжи, бездомные и др.), которые еще не полностью потеряли надежду вернуться к прежней нормальной гражданской жизни, рассматривая вовлеченность в эту временную работу как шаг к личной социальной реабилитации. Это относительно незначительная группа, но ее надо обязательно поддерживать как в основном со стороны государства, так со стороны и благотворительных организаций. Для участия в решении этого вопроса могла бы сыграть большую роль церковь, которая, на наш взгляд, недостаточно уделяет внимание этому феномену, что сказывается на ее авторитете.

Особо отметим, что в неформальную занятость достаточно интенсивно вовлекаются такие группы людей, как домохозяйки, студенты, лица с ограниченными возможностями, рассматривающие этот вид деятельности как эпизодическую работу, нацеленную на решение текущих краткосрочных задач. *Занятость в домашних хо-*

зяйствах населения (household employment) охватывает также тех, кто производит товары или услуги в домашних условиях либо для продажи на рынке, либо для собственного потребления. На грани неформальных форм занятости лежит производство товаров и оказание услуг вне правового поля деятельности. Возникает определенное противоречие : эти виды работ, не имеющие правового оформления, вовлечены и в производство признаваемых и необходимых обществу товаров и услуг [Ахмадеев, Нуреев, 2015 : 21]. Поэтому такие формы деятельности представляют собой причудливую смесь официальной, формальной занятости (в меньшинстве случаев) и неформальной, которая в настоящее время преобладает. Особенно ярко это проявляется в сфере торговли и услуг, в сельском хозяйстве, где очень часто нанимают работников без оформления с ними трудовых договоров. Это приводит к тому, что во многих странах (в том числе и в России) лица, производящие продукты исключительно для собственного потребления, не рассматриваются как занятые и включаются в состав экономически неактивного населения.

Говоря об особенностях неформально занятых, сразу же отметим, что они олицетворяют самые уязвимые группы среди трудоспособного населения, которым *присущи все основные характеристики прекариата*. Более того, они представляют собой наиболее обездоленные слои, которым по сравнению с другими группами присущ ярко выраженный характер прекаризованного труда, неустойчивого социально-экономического положения, обделенности полноценной правовой защиты и практически лишенных социальных гарантий. Они находятся в состоянии больших рисков, которые характеризуют их ущемленность по всем сферам их жизненного мира, отсутствие должной социальной защиты и нахождение в крайней степени неопределенности по многим социально-экономическим показателям.

Это, прежде всего, проявляется в том, что в этой группе велик риск попасть на низкооплачиваемую работу, нередко достаточно произвольно устанавливаемую работодателем. И особенно это характерно для регионов, в которых велика безработица, значителен риск закрытия предприятий и организаций и/или сокращения рабочей силы. Именно в этой ситуации соискатель занятости встречается с недобросовестностью, с примитивным эгоизмом менеджеров и их хозяев, стремящихся к максимальной норме прибыли, в том числе и за счет экономии на оплате труда. В результате доля заработной платы, получаемой официально, среди неформально занятых составляет от 13,1% до 19,1% при 92–93% у формально занятых. Но к этому следует добавить и такой парадокс. Неформально заня-

тые, особенно молодежь, мало обращает внимания на отдаленные последствия такого положения — обеспечение будущей пенсией. А есть уже определенные официальные предупреждения : в 2017 г. состоялись первые решения Роскомтруда об отказе в назначении пенсий тем, кто не имел требуемого законодательством официально оформленного трудового стажа.

В настоящее время широко распространен миф о высокой оплате труда неформально занятых. Однако анализ их реального социально-экономического положения показывает, что средняя заработная плата колеблется в пределах от 10,3 тыс. до 11,1 тыс. рублей, в то время как у формально занятых она несколько больше — 13,3 тыс. В целом низкий уровень оплаты труда характерен для всех отраслей экономики, за исключением топливно-энергетического комплекса и сферы управления. О низкой обеспеченности неформально занятых говорит и тот факт, что у них доля самого нижнего дециля по заработной плате колеблется в пределах 16,1%—22,0%, в то время как у формально занятых он равен примерно 7% [Капелюшников, 2012 : 69]. Все это позволяет сделать вывод, что формально незанятые как значительная часть прекариата олицетворяют низкий уровень материальной обеспеченности.

Анализ социально-правового положения работников, находящихся в незарегистрированных трудовых отношениях, показывает, что они фиксируются на основе устных договоренностей, нередко произвольно трактуемых, и поэтому также нередко нарушаемых со стороны работодателя, функционирующего в рамках как формальной, так и неформальной экономики. По данным РМЭС при оценке степени соблюдения трудового законодательства было выявлено, что среди неформально занятых она равна примерно 45—58% (при разных вариантах подсчетов), что почти в два раза ниже, если это касается формально занятых (87—88%). Нередко работодатель, пользуясь сложностью трудоустройства на существующем рынке труда, фактически навязывает свои условия, часто не допуская даже возможности выслушать предложения и пожелания нанимаемого на работу. Действуя по принципу : или соглашайся или уходи. При такой постановке вопроса, находясь в стесненном положении, продающий свою рабочую силу соглашается на предлагаемые условия или мирясь с такой ситуацией, или надеясь в будущем при демонстрации хорошего выполнения обязанностей на изменение своего положения в лучшую сторону. Именно поэтому в этой группе нередко фиксируется переработка, выполнение своих обязанностей в воскресные дни, отказ от отпуска или уход в него только по согласию (разрешению) работодателя.

Неформально занятые (в отличие от других групп прекариев, занятых на временной или сезонной работе) практически полностью лишены правовой защиты, так как у них нет формальных оснований предъявить свои претензии, свои предложения в том случае, если они обратятся к официальным структурам. На их положение правовые органы как правило обращают внимание только в крайнем случае, когда случается ЧП на производстве, возникает острая конфликтная ситуация, угрожающая окружающей социальной среде.

Неформально занятые лишены возможности использовать социальные права, получить социальные гарантии по медицинскому обслуживанию, по кредитам, по бытоустройству. С этим коррелирует и использование социальной защищенности. На основе данных РМЭС был произведен анализ количества социальных льгот (из 11 возможных) в расчете на 1 работника. Этот подсчет показал, что на 1 неформально работающего падает от 0,3 до 1,2 льготы, в то время как на 1 формально работающего падает 3,8–3,9 льготы, что показывает крайнюю степень дискриминации тех, кто поставил себя в зависимое и бесправное положение. Правда, это в некоторой степени компенсируется тем, что характер взаимоотношений работников и работодателей при оценке в 11 баллов в неформальном секторе более неофициальны (от 5,2 до 6,7 баллов), чем среди официальных структур, в которых более высок показатель формальности отношений (от 7,7 до 8,0 баллов). Эта разница, на наш взгляд, зависима скорее не от человеческих качеств руководителей, а от величины неформальных предприятий, среди которых преобладают малочисленные организации, что диктует и иной характер взаимоотношений в коллективе [Капелюшников, 2012 : 64].

Так как представители этой группы обычно привлекаются на неквалифицированную, тяжелую работу, на выполнение примитивных неотложных повседневных функций, они чаще других попадают в группы риска. Это проявляется в том, что мало или совсем не учитывается прежний профессиональный опыт, профессиональные знания, квалификационные навыки. В результате человек постепенно теряет накопленный опыт личного мастерства, превращается в единицу, выполняющую упрощенные обязанности. Об этом свидетельствует массовое превращение бывших специалистов — инженеров, преподавателей, работников культуры и даже медицины в работников сферы обслуживания — охранников, статистов, торговцев, регистраторов в различных учреждениях, в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса. В результате не только человек теряет профессиональную компетентность, свой творческий потенциал, но снижается уровень креативности отдельных регионов и всего

общества, что уменьшает их конкурентоспособность в общенациональном масштабе и в мире.

Есть и частные, но важные случаи, связанные с наступлением неблагоприятных событий, таких как временная нетрудоспособность, заболевания, производственные травмы, которые серьезно осложняют жизнь неформально занятых, практически всегда оставляя их работника наедине с ними, отводя их в компетенцию личной ответственности за такие жизненные и производственные ситуации.

В этой сфере — сфере неформальной занятости — происходят и такие процессы, которые, как правило, мало затрагивают интересы работника, но очень серьезно затрагивают интересы государства и общества. С одной стороны, это уход от налогообложения, потеря государством значительных поступлений в бюджет, что приводит к уменьшению средств, направляемых на реализацию общественно значимых социальных программ, снижению объема средств по удовлетворению социальных нужд не только в рамках всей страны, но и регионов. Анализ данных на основе РМЭС показал, что доля заработной платы, с которой работодатели уплачивают взносы в социальные фонды, среди неформально занятых составляет 11,8%, а среди формально занятых — 95,2%. Очевидность ухода от налогообложения, отказ от участия в пополнении социальных гарантий для всего населения является характерной чертой российского бизнеса во всех его формах и проявлениях, показывает его гражданскую безответственность и ограниченность, преследование меркантильных интересов. И главное состоит в том, что ни государство, ни общество не выработали такой политики, такого механизма, которые бы противостояли этому социальному эгоизму.

В заключение необходимо особо отметить, что для вовлеченных в неформальную занятость велика опасность задержаться на периферии рынка труда, окончательно утратить прежние профессиональные навыки и превратиться на всю оставшуюся жизнь в исполнителя простых, несложных и даже примитивных операций. А это, в свою очередь, грозит возможностью непредвиденной и непланируемой потерей работы и превращением человека в поденщика с негарантированной последующей занятостью или дальнейшим снижением своего социального статуса, положения на социальной лестнице.

Литература

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.). В тени регулирования : неформальность на российском рынке труда : монография. М. : Изд. Дом ВШЭ, 2014.

Горбачева Т.Л., Рыжикова З.А. Методологические подходы измерения занятости в неформальном секторе экономики // Вопросы статистики. 2002. № 4.

Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России : Что говорят альтернативные определения? : препринт WP3/2012/04. М. : Изд. Дом ВШЭ, 2012.

Карачук Т.С., Никитина М.В. Динамика и структура случайной и неформальной занятости в России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ / Отв. ред. П.М. Козырева. М. : ВШЭ, 2011.

Кубишин Е. Неформальная занятость : сущность, структура // Человек и труд. 2016. № 12. С. 10–12.

Лалин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5–10.

Михайлова М.Н. Неформальная занятость и прекариатизация работников // Фундаментальные исследования. 2015. № 11–3. С. 590–594.

Неустойчивость занятости : международный и российский контексты / Гл. научный ред. В.Н. Бобков. М. : Изд-во РеалПринт. 2017.

Павлова А.А. Молодежь на рынке труда в условиях неформальных трудовых отношений. Выпускная квалификационная работа. М. : РГГУ, 2017.

Притворова Т.П. Специфика неформальной занятости как одной из форм нестандартной занятости // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2016. № 2. С. 154–161.

Синявская О.В. Неформальная занятость в России : измерение, масштабы, динамика // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2.

Hazans M. Informal Workers across Europe Evidence from 30 European Countries. Washington D.C./.: The World Bank. 2011. Policy Research Working, Paper No 5912.

Slonimczyk F. The Effect of Taxation on Informal Employment : Evidence from the Russian Flat Tax Reform. Research in Labor Economics Informal Employment in Emerging and Transition Economies. Bingley : Emerald Group Publishing Limited. 2011. Vol. 34. Н. 55–99.

Глава 7

ВРЕМЕННАЯ И НЕПОЛНАЯ ЗАНЯТОСТЬ

Структура занятых на временной работе

Эта группа – одна из основных структурных компонентов прекариата. По сути это определенная модификация формальной и неформальной занятости, но со своими специфическими особенностями. Состав этой группы многообразен и включает в себя :

– *временную занятость* (full-time employment) – работник трудится в условиях заключения трудовых контрактов только на короткий срок (до 1 года) или на бездоговорной основе на период выпол-

нения конкретного объема работ в зафиксированный временной интервал;

— *неполную занятость* (part-time employment), которая существует в двух основных вариантах. В первом — к не полностью занятым относят работников, обычная продолжительность рабочего времени которых меньше нормативной величины (как правило, до 30 рабочих часов в неделю; это так называемые малозанятые), во втором — тех, кто (не) имеет трудовые контракты на неполное рабочее время;

— *недозанятость* (underemployment). Эту категорию составляют работники, которые трудятся меньше обычного времени по не зависящим от них причинам, таким как отпуска по инициативе работодателей, вынужденные переводы на сокращенный график работы, отсутствие клиентов или заказов и т.д.; эту группы иногда относят к категории скрытой неполной занятости или скрытой безработицы.

— *сверхзанятость* (overtime employment). Сверхзанятыми считаются работники, продолжительность рабочего времени которых больше определенной пороговой величины (обычно свыше 40 рабочих часов в неделю), которая нередко практикуется как в условиях формальной, так и неформальной занятости.

В наиболее общем виде сущность и содержание этих форм занятости обусловлены тем, что, обеспечивая гибкость рынка труда, они вместе с тем ослабляют позиции работников, так как они приводят к существенным социальным издержкам: потере дохода, отсутствию социальных гарантий и социальных прав (полному или частичному). Некоторые исследователи пытаются найти плюсы в таких видах занятости, усматривая в них инструмент адаптации производств и работников к непрерывным изменениям условий трудовых отношений, экономической и социальной жизни [Подробнее см.: Берендеева и др. 2009; Захаров, 2009; Ромашов, 2003].

Для работодателя применение этих форм занятости означает обеспечение гибкости в организации производственных процессов, расширение возможностей снижения издержек на труд и повышение конкурентоспособности в кратко- и среднесрочной перспективе. В то же время из-за чрезмерной изменчивости трудовых отношений вследствие либерализации законодательства о защите занятости или его игнорирования (если оно остается слишком жестким) повышается доля работников не(мало)квалифицированного труда. Это, в свою очередь, подрывает стимулы к вложениям по развитию человеческого капитала и разрушает трудовую мотивацию.

вацию работников, что чревато снижением качества выпускаемой продукции и ослаблением конкурентоспособности.

Для работника такой рынок труда, ориентирующийся на создание временных, неполных или неформальных рабочих мест, ассоциируется, прежде всего, с отсутствием (полным или частичным) социальной защиты и перспектив профессионального роста, а также с низкой оплатой труда. При этом применение и распространение такой занятости приводит к поддержке высокого уровня обеспеченности работой трудоспособного населения, снижая тем самым риск безработицы и повышая шансы трудоустройства для ищущих места приложения своего труда [Подробнее см.: Неустойчивость занятости...2017].

Эти виды занятости – временная и неполная (частичная) – получили в современной России значительное распространение, порождая иллюзию избавления от безработицы. Например, в сфере науки и образования по данным ряда экспертов, временная и неполная занятость охватывает значительные группы преподавателей и научных работников, иногда до 80% списочного состава. В связи с реализацией майских (2012 г.) указов президента РФ о ставке преподавателя вуза выше средней по региону складывается следующая ситуация. Так как это требование реализуется не за счет повышения отчислений ВВП на образование, а за счет внутренних ресурсов, этот процесс превращается в повышение учебной нагрузки на преподавателя в 1,5–2 раза и необходимость сокращения штатов. Так как сокращение численности профессорско-преподавательских составов, особенно в устоявшихся и длительное время работающих учреждениях, представляет собой болезненный процесс, распространилась практика деления оставшихся ставок на разные их доли – от символических 0,1 ставки до четверти, трети и т.д. частей. В результате в немалом числе вузовских коллективов практически нет ни одного полностью занятого преподавателя. Это приводит к тому, что преподаватели вузов ищут всякие дополнительные заработки и не всегда по своему профессиональному профилю [Зборовский и др., 2017; Смолин, 2016]. Нечто похожее происходит и в научных учреждениях.

Другая ситуация складывается в школах, когда применяется практика сверхзанятости, когда учителя берут нагрузку выше обычной, в результате у них не остается времени на элементарное пополнение своих знаний, на повышение своей квалификации [Константиновский, 2016].

Эти виды занятости получили распространение и в других отраслях национального хозяйства, особенно в торговле и сфере услуг. Причем нередко работодатель, чтобы «облегчить» себе работу с ка-

драми, при приеме в организацию вынуждают работника оставлять заявление об увольнении с открытой датой, что потом используется в удобном для собственника случае или при определенных обстоятельствах. Возможно, это сказывается на таких официальных данных — с начала 1990-х годов в России по собственному желанию увольнялось от 64 до 80%, в то время как во Франции этот показатель равнялся 17%.

Таким образом, в настоящее время на рынке труда образовалась значительная ниша *трудоспособного населения, включенного в такие специфические формы занятости, когда работник трудится на временной работе или неполный рабочий день, будучи вынужден соглашаться на деятельность, которая формально ограничивает его способности*, олицетворяя разрыв между возможностями и реальным их использованием. Эти социальные общности и группы, насчитывающие в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40% трудоспособного населения, состоят из нескольких слоев, каждый из которых имеет свои особенности.

Первый, все расширяющийся слой состоит из тех, кто имеет трудовые договора на ограниченный (от месяца до года) срок и/или кто согласен на самые различные предложения, не требующие высокой квалификации. Это особенно часто практикуется не только в сфере образования и науки, но и в строительстве, в торговле, в бытовом и коммунальном обслуживании. И хотя эта работа официально оформляется, но на строго ограниченный период времени. Такая тактика позволяет работодателю действовать в широком диапазоне, имеющем как объективные основы, так и субъективные моменты в этом процессе. Что касается объективных аспектов такого временного использования работников, то он отвечает потребности быстрой перестройки производства, когда требуются другие профессии, другие специальности, другой состав исполнителей. Субъективные стороны этого процесса связаны с тем, что этот договор мало ограничивает возможность произвола работодателя по его прекращению. Иногда эти действия работодателя прикрываются проверкой работника на профпригодность, с введением в практику так называемых испытательных сроков. Здесь часто проявляется корысть — при временно оформленной работе имеется возможность без особых проблем избавиться от неустраивающего работника, произвольно варьировать размеры оплаты труда, изменять условия труда.

Второй слой — занятые неполный рабочий день (частичная занятость), кто широко используется в так называемой серой и теневой экономике, хотя от этой практики не избавлена и формальная экономика. Эти люди в большинстве случаев ограничены и в зна-

чительной степени лишены тех прав, которыми обладают официально оформленные работающие сотрудники и работающие по бессрочным договорам, или имеющие гарантированную занятость на обозначенный в трудовом договоре срок.

Особо надо отметить тех, кого устраивает временность работы в связи с семейными обстоятельствами, учебой, воспитанием детей, необходимостью оказывать помощь близким или родственникам. Для части из них это дополнительная занятость, когда наряду с основной работой человек ищет возможности получения некоторого источника дополнительного дохода и поэтому соглашается на эпизодическую работу и далеко не всегда по своей специальности. Для них гарантии стабильности нередко отходят на второй план и/или им не всегда придается большое значение.

Нужно специально подчеркнуть, что эти специфические формы занятости получают дополнительный импульс в период экономических кризисов, когда широко распространяются практики «неоплачиваемых отпусков и задержки заработной платы, несоблюдение работодателями трудового законодательства, включающее все в большей степени перевод занятости «в тень» [Горшков, 2017 : 7].

Обобщим характеристику этих форм занятости по сравнению с другими формами, обратив внимание, прежде всего, на совокупность вопросов, кардинально значимых для сопоставления временных и не полностью занятых и касающихся *продолжительности работы на одном рабочем месте, когда работа превращается в постоянную смену ее видов* [Анисимов, 2017]. При этом отметим, что временность работы нередко связана с изменением характера и содержания труда, что вынуждает человека соглашаться на выполнение простых, часто неквалифицированных или малоквалифицированных работ, требующих минимального уровня образования и профессиональной подготовки. Были проведены дополнительные расчеты, которые показали доли занятых, сменивших работу в течение определенного периода времени. Так, доля занятых, сменивших работу к 2014 г. после 2009 г., составила для неформально занятых 79%, для формально занятых — 47%, а для предпринимателей и самозанятых — 43% [Вередюк, 2016 : 43]. Эти данные коррелируют с результатами, полученными сибирскими социологами, которые показывают все возрастающие масштабы частой смены работы [Воловская и др. 2015]. Они еще раз подчеркивают неустойчивость мест работы тех, кто занят временной занятостью. И этот процесс усугубляется тем, что *временная занятость становится постоянной чертой трудоустройства все возрастающего количества работников.*

Основные проблемы временной и неполной занятости

Так как *временность работы становится постоянной величиной*, она имеет три варианта своего дальнейшего использования. Во-первых, после окончания краткосрочного договора работодатель может его продолжить (и нередко продолжает), но уже допускает большую вариативность по изменению условий труда и далеко не всегда в сторону их улучшения. Во-вторых, такая форма труда позволяет на следующий срок предложить иное рабочее место работы, мало или совсем не связанное с прежней профессиональной подготовкой и прежним опытом работы. И, в-третьих, для работодателя открывается необременительная с точки зрения существующего трудового законодательства возможность отказаться от продолжения условий найма и прекращения трудовых отношений. В результате *временная занятость становится постоянно действующим фактором, который начинает сопровождать человека всю его трудовую жизнь*. И это далеко не добровольный выбор такой формы занятости, хотя и он используется некоторыми людьми, особенно молодежью, как некий промежуточный этап в профессиональной биографии.

Такие взаимоотношения с работодателем имеют серьезные последствия.

Анализ имеющейся информации, данных социологических исследований говорят о том, что в большинстве случаев из-за отсутствия соответствующих рабочих мест не только работы по профессии и по специальности, но и вообще какой-либо работы, человек вынужден соглашаться на любые предложения. Особенно этот фактор проявляется в моногородах, когда закрытие или фактическое прекращение функционирования предприятия лишает человека возможного выбора, связанного с предшествующим трудовым (производственным) опытом. Такая же ситуация и с районами с высоким уровнем безработицы, когда предложения рабочих мест ограничены, жестко лимитированы и превышают потребности хозяйствующих организаций. И тогда человек соглашается на любую работу, чтобы поддержать свое существование или своей семьи.

Отсутствие соответствующих рабочих мест в известной степени усложняется перекосами в подготовке кадров. Так, модные в 1990-е годы специальности «юрист», «экономист», «менеджер» превратились в 2000-е годы в избыточные профессии, когда выпускнику вуза затруднительно найти вакантное место работы. Именно этот фактор наравне с другими в немалой степени способствовал тому, что эта форма занятости имела ярко выраженное «молодежное лицо», ибо на этот период жизни человека падает большее количество

самых различных забот, в том числе и трудоустройство. Поэтому не удивительно, что, по данным PLMS-HSE, 60% молодых людей в возрасте 16–24 лет и почти 46% в возрасте 25–29 лет указали на вынужденный выбор неоформленной временной работы («работодатель не хотел оформлять») [Российский мониторинг...].

Именно отсутствие необходимых рыночных рабочих мест, перекосы в подготовке отдельных видов профессий ведут или к использованию временной и частичной занятости, или к структурной безработице. Такая ситуация дополняется тем, что у временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, профессиональной карьеры.

К негативным аспектам таких форм занятости относится *нерегулярность и нестабильность в оплате труда*. Именно краткосрочность или частичная занятость позволяют работодателю достаточно произвольно относиться к вознаграждению за выполнение трудовых обязанностей, особенно после окончания срока договора. Анализ статистических и социологических данных выявил устойчивые различия в оплате труда постоянно и временно занятых, а также между подгруппами последних. Обратим внимание на *разницу в среднем уровне заработной платы*: она у временно занятых ниже, чем у тех, кто имеет постоянную формальную занятость, за исключением подгруппы индивидуальных предпринимателей и самозанятых, для которых характерен наибольший уровень дохода среди занятых [Павленков, 2004].

Члены этих групп (общностей) временной и неполной занятости, как правило, или частично или совсем не обладают социальными правами (оплачиваемый отпуск, социальное страхование) и социальной защищенностью прежде всего в сфере трудовых отношений. Работодатель имеет уникальную возможность в условиях краткосрочности договора или ограниченности прав работника при частичной занятости произвольно менять те гарантии, которые записаны в трудовом законодательстве. Даже если взять минимум обязательных социальных льгот (по 3 возможным), что возможно при временной и частичной занятости, то они в неформальном секторе выполняются в диапазоне 0,3–1,0, в то время как в формальном секторе этот показатель колеблется в радиусе 2,7–2,8 [Капелюшников, 2012: 64].

В условиях временности и частичности труда снижаются определенности в трудовых отношениях, что ведет к росту сомнений и недоверия к действиям работодателя, тем более временные и не полностью занятые работники, особенно в неформальном секторе, в большей степени подвержены произволу по всем основным позициям трудового законодательства. Неустойчивость их позиции во

многим объясняется неопределенностью реакций работодателя на противоречивые ситуации, которые встречаются в производственном процессе.

Большая зависимость занятых временным или частичным трудом проявляется и в *возможности иметь* дополнительное место работы. Анализ данных показывает, что эти работники ограничены в использовании своего свободного времени, чтобы распорядится им и потратить его на другие виды деятельности, в том числе и на возможность получения дополнительных доходов посредством выполнения заданий на другом месте работы [Клопов, 1997; Темницкий, Шкаратан, 2012].

Но есть одна принципиальная особенность в деятельности временно и частично занятых, а именно, степень добровольности в процессе выполнения такой работы [Вишневская, 2013]. Эта работа имеет несколько вариантов. Во-первых, особенно в серой или теневой экономике работнику предлагается более высокий уровень оплаты труда, и он соглашается на это предложение, когда считает, что уровень дохода по тем или иным причинам для него важнее, чем продолжение прежней работы по профессии. Во-вторых, на такую работу соглашаются те, кто заранее видит временность этой работы и принимает ее как некоторый этап в решении повседневных проблем (студенты, совмещающие учебу с приработками, молодые матери, могущие в такой работе совмещать семейные и трудовые обязанности, как правило, с урезанным рабочим днем). В-третьих, его добровольно избирают работники, которые имеют основную работу (официально оформленную) с целью дополнительного заработка или по своей специальности, или по приемлемому с их точки зрения месту работы для пополнения семейного или индивидуального дохода. И наконец, следует иметь в виду ситуацию вынужденной добровольности, которую выбрал соискатель трудовой занятости: «и работодатель не хотел оформлять, и сам не хотел». Такая ситуация продиктована, с одной стороны, стремлением работодателя снизить издержки на оплату труда, выйти из-под контроля государства с его обязательными требованиями об участии в социальном налогообложении. С другой стороны, это вынужденно-добровольное согласие работника на такой статус [Воловская и др., 2016: 33].

Эти данные также показывают, что временная и частичная занятость имеет *молодежное лицо* — она наиболее присуща молодому возрасту. Именно молодежь подвергается большей эксплуатации, более ущемлена в правах и более других занимает неустойчивую позицию. С точки зрения соблюдения принципов социальной справедливости молодежь оказывается и в этом случае наиболее уязвимой группой [Кязимов, 2005].

Не менее характерен для этих видов занятости и такой показатель, как *образование*. При всех издержках наличие образования, особенно профессионального, все же гарантирует в большей степени постоянную формальную занятость. Это важный момент в условиях, когда фактор образования в обществе теряет свой дифференцирующий принцип и побуждает часть молодежи ограничиваться минимумом лет, затраченных на учебу, и одновременно соглашаться на временную или неполную занятость.

Среди других показателей, характерных для неформально занятых, некоторую роль играют гендерные особенности и семейное положение. Сравнение данных 2009 г. и 2014 г. показывает, что доля женщин в этом секторе значительно ниже по сравнению с мужчинами, что, на наш взгляд, объясняется тем, что кризисы затрагивают в большей мере рабочие места, занятые мужчинами. Это привело к увеличению мест приложения труда в неформальном секторе или в официальных структурах, но без оформления трудового договора на условиях ограниченной занятости. Характеристика же занятых этим трудом с точки зрения семейного положения показывает, что в этом плане в значительной мере касается тех, кто не имеет семью, кто обладает еще неустоявшимся, неопределенным социальным статусом — поиском себя, ответственностью только за себя, что дает возможность проявить рискованное поведение в отношении мест работы [Попова, Седова, 2004].

В условиях России временная и частичная занятость серьезно колеблется в зависимости от регионов страны и мест проживания работника. Исследования по состоянию модернизации российских регионов показали уязвимость тех территорий, где произошло закрытие многих предприятий, во многих моногородах, а также в сельской местности, особенно на территориях рискованного земледелия [Лапин, 2016].

Следует особо обратить внимание на отношение к удовлетворенности неоформленным трудом, которое складывается весьма противоречиво. По данным RLMS-HSE среди этой группы удовлетворено трудом 43%, т.е. меньше половины от всех вовлеченных в этот вид труда. Но это достаточно противоречивые утверждения. Если неудовлетворенные высказывают претензии на оплату труда, его условия и организацию, на невостребованность их квалификации, то среди удовлетворенных преобладают сиюминутные установки: «пока это нас устраивает», «а что будет завтра, а тем более к пенсии, есть еще время к этому подготовиться». Осознание этой временности установок при неоформленной работе приходит позже: с возрастом резко уменьшается количество не имеющих трудовых договоров [Заславская, Шабанова, 2002].

Вместе с тем надо отметить, что «формальные» и «неформальные» рабочие места выступают не изолированными сегментами рынка труда, а взаимодействующими друг с другом подсистемами национальной экономики, «сообщающимися сосудами» [Барсукова, 2015: 30; Бородин, Минаева, 2002].

Говоря об этом типе занятости, можно констатировать факт давления (в том числе и политического) на людей с замаскированной угрозой лишить их этой работы. Причем это используют даже официальные органы власти. Так, с директорами ряда школ Иркутской области заключили договор даже не на один год, а на один месяц — сентябрь, когда проходили выборы местных депутатов, с условием, что они должны обеспечить (хотя ни один из них не входил в избиркомы) избрание тех кандидатов в руководители местных муниципалитетов, которые рекомендовал мэр района. И в трех избирательных участках это не было обеспечено, что привело к увольнению директоров школ на основе того, что с ними окончен трудовой договор [Рычева, 2017: 3]. Это вопиющий, но не такой уж редкий случай использования краткосрочных трудовых соглашений в политических целях, когда работа становится заложницей процессов, далеких от самого процесса труда.

В целом, можно сказать, феномен все более растущей временной и неполной занятости является одним из ликов социального неравенства, которое претерпело значительные изменения за период перехода от социалистического типа хозяйствования к капиталистическому, с его пиками в 1990-е годы, когда свою заработную плату считали недостаточной 83–87% россиян [Роуз, 2002: 16–17]. В дальнейшем, в начале 2000-х годов сокращалась бедность [Шкаратан, 2012: 406–411], а в начале экономического кризиса 2014 г. опять увеличилось число живущих за чертой бедности и в 2017 г. достигло 22 млн человек.

Отметим еще одну особенность жизненного мира этих групп занятых — из-за высокой степени зависимости от работодателя у них формируется социальная пассивность, они уклоняются от включения в деятельность профсоюзов, от участия в общественной деятельности, чтобы не поколебать свое положение в организации, реже организуют и участвуют в забастовках. А если и принимают участие в протестных акциях, они больше адресованы государству, исходя из традиционных патерналистских традиций, присущих россиянам еще с советских времен.

В заключение отметим, что этот вид занятости имеет негативные последствия и для работодателя. Он лишает его возможности использования мотивационных механизмов влияния на работников, подрывает их лояльность, не способствует повышению дол-

госрочной конкурентоспособности организации. Происходит экономия на затратах по оплате рабочей силы. Для государства такая занятость имеет также серьезные последствия — сокращаются отчисления с заработной платы в бюджет и внебюджетные социальные фонды. Для общества она оборачивается неопределенностью в социальном положении людей, выступает серьезным маркером в росте дифференциации доходов населения [Вередюк, 2016 : 34]. В реально складывающейся ситуации в России развитие этого сектора занятости имеет, с одной стороны, ярко выраженную тенденцию его значительного увеличения с вовлечением в сферу его функционирования все более возрастающего объема рабочей силы. С другой стороны, использование этих специфических трудовых отношений ведет к снижению опасности роста социальной напряженности, уменьшению численности в результате смягчения проблемы безработицы и уменьшения темпов падения уровня жизни [Маслова и др., 2007 : 58].

Таким образом, работники с временной и неполной занятостью образуют одну из крупных социальных групп (общностей) прекариата, которая в свою очередь состоит из различных слоев с различной неустойчивой занятостью. Подчеркнем только, что в эти виды занятости — временную и частичную — вовлечены практически все слои российского общества, среди которых значительно выросла доля тех, кого было принято относить к работникам умственного труда, к интеллигенции.

Литература

Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности (О европейском и американском взгляде на нестандартную занятость) // Социологические исследования. 2017. № 11.

Ахмадеев Д.Р., Нуреев Р.М. Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // Terra Economicus. 2015. Т. 13. № 1. С. 14–28.

Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной занятости или 16 оттенков серого. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015.

Берендеева А.Б., Николаева Е.Е., Дубровская Т.А. Экономика. Иваново : Изд-во ИвГУ, 2009.

Бородин И.И., Минаева Л.А. Занятость, профсоюзы и незаконные увольнения // Юрист. 2002. № 10.

Вередюк О.В. Неформальная занятость : структура и факторы риска в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.5; Экономика. 2016. № 4.

Вишневская Н.Т. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 19. С. 58–67.

Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Черникова Е.В. Динамика теневой оплаты труда (по данным мониторинга в Новосибирской области) // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 30–40.

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* (ред.). В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2014.
- Горшков М.К.* Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход // Социологические исследования. 2017. № 1.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3—17.
- Захаров М.И.* Управление трудовыми ресурсами / Под ред. М.И. Захарова. М.: ПРИОР, 2009.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Шуклина Е.А.* Существует ли система высшего образования в России? // Социологические исследования. 2017. № 11.
- Клопов Э.В.* Вторичная занятость как форма социально-трудовой мобильности // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 29—45.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С.* Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11.
- Кязимов К.Г.* Рынок труда и занятость населения. М.: Перспектива, 2005.
- Лапин Н.И.* Симптомы социогуманитарной рецессии и способы укрепления социального государства. М., 2016.
- Маслова И.С., Бараненкова Т.А., Кубишин Е.С.* Неформальная занятость в России. М.: Наука, 2007.
- Неустойчивость занятости: международный и российский контексты / Гл. научный ред. В.Н. Бобков. М.: Изд-во РеалПринт, 2017.
- Павленков В.А.* Рынок труда. Занятость. Безработица. М.: Изд-во МГУ, 2004.
- Попова И.П., Седова Н.Н.* Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 31—43.
- Ромашов О.В.* Социология труда. М.: Гардарики, 2003.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) URL: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>
- Роуз Р.* Десять лет «Барометру новой России» // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 6.
- Рынок труда // Коммерсантъ. 2017, 3 июля.
- Рычева Е.* В селах Иркутской области, где оказались провалены выборы, были уволены директора школ // Новая газета. 2017, 27 сентября.
- Смолин О.Н.* Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 30—37.
- Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П.* Вторичная занятость и ее социальные последствия // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 34—40.
- Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд-во ВШЭ, 2012.

Глава 8

СЕЗОННАЯ И ФРАГМЕНТАРНАЯ (ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ) ЗАНЯТОСТЬ

Причины и особенности сезонной и фрагментарной занятости

В современной экономике получила значительное распространение занятость, относящаяся к специфическим ее видам — сезонной и эпизодической (фрагментарной, случайной, нерегулярной), которые олицетворяют еще один структурный компонент прекариата.

Чтобы разобраться в сущности и особенностях занятости этими видами труда, напомним, что в апреле 1991 г. был принят Закон «О занятости населения в Российской Федерации» (с последующими дополнениями и изменениями), в котором сформулированы основные принципы занятости и связанные с ней отношения в условиях рынка. Закон определяет правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе гарантии государства по реализации прав граждан на труд и социальную защиту от безработицы.

Однако в реальной жизни в ходе рыночных реформ произошла существенная диверсификация форм занятости. Отклонения от предписанного стандарта формально разрешены только в особых случаях, которые перечислены в законе. Вскоре в результате масштабной приватизации, закрытия и реформирования производства за короткое время на российском рынке труда появились и распространились разнообразные отклонения как от самого “стандарта”, так и от списка разрешенных исключений. Грань между законодательно разрешенным и запрещенным зачастую оказывается размытой, поэтому такие формы занятости называются специфическими, нестандартными или атипичными. В данной главе речь идет о сезонной, фрагментарной, эпизодической, случайной, нерегулярной разновидностях занятости.

Эти виды занятости, охватывая обширную, но специфическую область социальных и экономических отношений, порождены неустойчивым рынком труда, который в свою очередь олицетворяют особые группы работодателей и лиц наемного труда, своеобразный процесс производства товаров и услуг, не всегда требующих профессиональной подготовки. Все эти виды занятости взаимосвязаны и подвержены влиянию социальных противоречий, носителями которых в сфере занятости являются не только работодатели (вла-

дельцы собственности, средств производства) и лица наемного труда (владельцы рабочей силы), но существующая структура социально-трудовых отношений и шире — общественных отношений.

Особо отметим, что в связи с началом перехода «от плана к рынку» во всех постсоциалистических странах, включая Россию, обострилась потребность в таких формах занятости, как сезонная и эпизодическая. Во-первых, их использование облегчало процессы масштабной реаллокации рабочих мест и рабочей силы, неизбежной в условиях глубоких структурных реформ. Во-вторых, они ослабляли влияние макро- и микроэкономических, а также структурных шоков переходного периода. В-третьих, по мере «взросления» переходной экономики и углубления ее интеграции в мировое хозяйство инструментальные возможности национальной экономической политики заметно сужались. При этом гибкость рынка труда в условиях объективной необходимости становилась одним из немногих реально доступных инструментов адаптации экономики к изменяющимся условиям ее функционирования, но в то же время резко повышалась неустойчивость социального положения все возрастающего числа работников, снижая их надежды на социальную обеспеченность и на гарантии устроенности своего жизненного мира.

Подчеркнем, что сам по себе переход к рынку еще не перечеркивает «стандарт». Характерные для него условия и сегодня типичны для подавляющего большинства россиян, работающих на частных предприятиях и/или в государственном секторе. Однако реформы запустили в действие такие механизмы, как структурные сдвиги в занятости, стремление работодателей к экономии издержек, поиск населением дополнительных источников заработка и т.п., что привело к повышению уровня неудовлетворенности и желания найти способы преодоления нестабильного настоящего и, возможно, такого же нестабильного будущего. Трудящиеся в условиях сезонной и фрагментарной занятости сталкиваются с тем, что они не имеют гарантированного рабочего места, у них отсутствует уверенность в завтрашнем дне. В целом им присуща более низкая заработная плата, ограничение или отсутствие доступа к социальным льготам, особенно таким, как медицинское или пенсионное страхование, повышенный риск для здоровья или безопасности на рабочем месте, отказ в соблюдении трудовых прав работника, постоянная угроза безработицы или неполной занятости.

Сегодня в экономике страны на условиях этих форм занятости трудятся десятки миллионов людей. Такая занятость давно стала «социальной», хотя и не всегда правовой, нормой. Можно даже сказать, что как раз в этих формах занятости всевозможные откло-

нения от правовых норм стали своеобразным стандартом для российского рынка труда, тогда как строгое следование им воспринимается скорее как аномалия. В таких условиях государство не должно игнорировать данный круг явлений и не считаться с возникающими новыми проблемами и тенденциями.

До настоящего времени государство и его политика на рынке труда практически слабо или никак не учитывали эту диверсификацию рабочих мест и форм занятости. Возникают вопросы, относящиеся и к трудовому законодательству. По сложившейся традиции отечественные юристы видят основную задачу трудового права в максимальной защите тех, кто уже имеет постоянную занятость, по сути игнорируя косвенные макро- и микроэкономические эффекты правового регулирования и, прежде всего, — его влияние на положение тех, кто пока не может похвастаться стандартным трудовым договором.

Специфика сезонной занятости

Сезонная занятость обусловлена колебаниями в процессе функционирования определенных отраслей производства. Она схожа с циклической в том плане, что ее также вызывают колебания в спросе на труд. Однако в данном случае эти колебания можно прогнозировать с достаточно большой точностью.

Сезонная занятость широко используется в *сельском и лесном хозяйстве, на рыбных промыслах, на золотодобыче и некоторых других сферах промышленности, строительства, транспорта*. В этой связи стоит напомнить, что именно с анализа положения работников, временно работающих на виноградниках в период напряженных пиков сбора урожая, начинал свои исследования precarious труда П. Бурдьё [Bourdieu, 1998].

В *сельском хозяйстве* есть пики максимальной потребности в сезонных работниках — посевная, уборочная, окот в отарах, работа в садоводстве и огородничестве и некоторых других. Именно в это время резко возрастает количество привлеченных к определенным видам работ. Причем, как показывает практика, работающие далеко не всегда оформляют трудовые договора. Нередко сезонная занятость представляет собой некоторые виды соседской помощи за минимальное вознаграждение, отработка за ранее оказанные услуги, стремление получить натурой за оказанное содействие в наиболее напряженные и ответственные дни (сбор ягод, фруктов, картофеля, ранее хлопка). В советское время распространенным способом решения сезонных трудовых проблем была посылка учащейся молодежи, работников шефствующих предприятий на

помощь работникам сельского хозяйства, что было в большинстве случаев не(мало)эффективно и непродуктивно. В настоящее время это участие в сезонном труде серьезно дифференцировано. В агрохолдингах предпочитают привлекать к кратковременной занятости на дни напряженного труда не только лишившихся работы жителей близлежащих деревень и поселков, но и мигрантов, временно приезжающих в Россию. В акционерных сельскохозяйственных предприятиях обычно привлекают односельчан, занятых в личном подсобном хозяйстве или работающих в других организациях и желающих увеличить свой основной доход [Бондаренко, 2005; Зиятдинова, Кучаева, 2008; Калугина, 2015; Никулин, 2010; Узун, Шагайда, 2015; Широкалова и др., 2002].

Сельская сезонная занятость приводит к тому, что происходит процесс раскрестьянивания, люди безвозвратно теряют органическую связь с землей, становятся классическими работниками наемного труда, которые преследуют удовлетворение повседневных краткосрочных или среднесрочных потребностей [Анисимов, 2016; Великий, 2012; Плюснин и др., 2013].

Нужно сказать, что эта потребность в сезонных рабочих серьезно дифференцируется в зависимости от региона — она серьезно отличается в Сибири от районов Северного Кавказа, Крайнего Севера России, приволжских и приуральских степей [Подробнее см.: Нечипуренко и др., 2015; Покровский, Нефедова, 2013; Салахутдинова, 2009; Фадеева, 2015; Хагуров, 2010].

Что касается *лесного хозяйства*, то его специфика заключается в том, что оно дает много работы осенью и зимой, т.е. в те периоды, когда другие работники, особенно в сельском хозяйстве, наиболее свободны. В тех случаях, когда на лесные культуры требуется много рабочих рук весной и особенно летом для ухода за посадками, нередко между лесным и сельским хозяйством возникает конкуренция, и в лесу может ощущаться даже острый недостаток в рабочей силе. Количество труда, потребляемое лесным хозяйством, изменяется в зависимости от формы хозяйствования и степени интенсивности его, последняя же в свою очередь обуславливается ценностью возвращаемого продукта.

Рассматривая приложение труда в лесном хозяйстве в отношении применения его к различным хозяйственным операциям, надо отметить, что здесь на первое место нужно поставить труд по эксплуатации леса и транспортировке древесины, так как этого рода деятельность проявляется во всех формах лесного хозяйства и на всех ступенях его функционирования. Второе место занимает труд по возобновлению леса и по уходу за ним, не потому, что он не так важен и необходим, как труд по разработке леса, а исключительно

но потому, что на низших ступенях организации лесного хозяйства он количественно подавляется первым. В свою очередь каждый из названных двух родов труда разделяется на различные категории и всегда требует дополнительных трудовых ресурсов в период наибольших трудовых затрат — при его рубке, при посадке возобновляемого леса, при санитарной и послепроизводственной уборке, когда объем выполняемых работ резко возрастает. Именно такая организация труда в лесном хозяйстве приводит не только к формальному использованию привлекаемой рабочей силы, но и активному игнорированию требований по заключению трудовых договоров и широкому теневому использованию рабочей силы.

Объем вовлеченных в сезонную занятость в лесном хозяйстве не такой значительный, как в сельском хозяйстве, но и немалый, так как он связан не только с использованием лесных ресурсов, но и их возобновлением. Поэтому ему требуется не только количество, но и качество рабочей силы, квалификация занятых в этой отрасли национального хозяйства.

Кадры лесного хозяйства — это люди, занятые выращиванием, сбережением и использованием лесов, должны обладать необходимой специальной подготовкой и определенным производственным опытом. Ныне, по данным Росстата, в лесном хозяйстве трудятся около 900 тыс. человек, в том числе 380 тыс. человек непосредственно заняты выращиванием и охраной лесов. Однако прослойка людей, обладающих профессиональными знаниями, невелика. Принятый Закон о лесе привел к резкому сокращению этих кадров — лесничих, лесников, специалистов по рекультивации земель. Одновременно произошло хищническое использование лесных ресурсов, нерегулируемая порубка лесных массивов и его продажа в основном в необработанном виде в зарубежные страны. В то же время даже те небольшие выполняемые объемы работ осуществлялись случайным набором рабочей силы, которые подвергались правовому беспределу в отношении оплаты труда, благоустройства жилья, соблюдению требований Закона о труде.

Что касается *рыбного хозяйства*, то это, прежде всего, не только сфера особого вида трудовых отношений, но нередко и градообразующая отрасль и один из источников занятости населения во многих приморских регионах страны, а также в регионах с большой площадью озер и рек. Особое значение имеет градообразующий характер предприятий отрасли в районах Крайнего Севера, где рыбный промысел зачастую является основным источником жизни проживающего здесь населения, в том числе малочисленных и коренных народностей. Но именно в путину резко увеличивается потребность в дополнительной рабочей силе, которую комплектуют из

людей, желающих иметь хоть и трудную, но гарантирующую хороший заработок работу. Причем в процессе найма происходят основные нарушения трудовых прав работников. Всем известен случай с гибелью команды рыболовецкого судна в Охотском море в 2013 г., когда почти треть из них оказалась никак не оформленной — была лишь устная договоренность о работе на период путины.

Создание каждого рабочего места на рыболовном флоте автоматически влечет за собой образование, как минимум, 6–8 рабочих мест в сфере торговли, транспорта, обработки продукции, судоремонта. Суммарный социально-экономический эффект этой цепочки настолько велик, что необходимо оказывать комплексную государственную поддержку рыбацким поселкам и малым предприятиям, занимающимся прибрежным рыболовством. Однако ошибочные рыночные реформы привели к тому, что ежегодные уловы рыбы в бассейне Азовского моря с 300 тыс. т сократились в настоящее время до 5 тыс. т, или в 60 раз, в Обь-Иртышском бассейне — с 40 тыс. т до 14 тыс.т. Подобная картина наблюдается в бассейнах рек Волга, Печора и др., в том числе в прибрежных регионах страны. В то же время расширяется вылов рыбы в морях и океанах, но в результате нерешенных правовых, технологических и экономических вопросов ее добыча продается зарубежным странам и нередко через них поступает на рыбные прилавки нашей страны.

Такая неразбериха привела к резкому сокращению числа занятых, к использованию временно привлеченных, к снижению требовательности к соблюдению социально-трудовых прав работников. Всем памятен вопрос директора одного из мурманских заводов во время пресс-конференции Путина в декабре 2017 г., который показал крайнюю запущенность в организации рыбной отрасли, что привело к неоправданному росту цен на рыбу и морские деликатесы.

Сезонный характер труда определенно и четко проявляется в таких сферах приложения труда, как *золотодобыча, участие в геологоразведочных экспедициях, разведке и добыче полезных ископаемых*, в которых сезонно возрастает необходимость в привлечении дополнительной рабочей силе. В эти сферы с разной степенью потребности вовлекаются десятки и сотни тысяч человек, для которых этот вид деятельности стал традиционным и которого они придерживаются всю трудовую жизнь, хотя он сопряжен с постоянной неустойчивостью социально-экономического положения.

Иногда к этой форме занятости относят и *вахтовый метод*, который широко распространен при добыче нефти и газа в районах Тюменского Севера и приравненных им территорий. Очевидно, что даже при высокой оплате труда эти работники не всегда имеют

соответствующие их трудной профессии условия работы, должное бытоустройство, возможности отдыха и культурного сопровождения. В то же время очевидно, что этот вид занятости — лишь этап в трудовой жизни людей и он не может продолжаться без ориентации на другие виды занятости.

Какова специфика этой занятости?

Во-первых, работники соглашаются на работу в таких отраслях потому, что для некоторых из них важно знание того, что с течением времени, после окончания сезона они вновь могут быть наняты на работу, хотя в других вариантах, что позволяет им рассматривать такие периоды как некое подобие допустимого перерыва в трудовой деятельности. Другие работники, не рассчитывая на продолжение этой занятости и зная, что они будут безработными, требуют более высокой заработной платы, которая обеспечит им определенный уровень жизни в «мертвом» сезоне.

Во-вторых, формы и «социально-оптимальные» меры гибкости рынка труда в этих отраслях производства — это подстройка под постоянно меняющийся во времени баланс между правовыми и/или практически сложившимися специфическими нормами использования труда и защитными мерами для работника.

В-третьих, в отраслях с сезонным спросом часто предпочитают увольнять работников, а не снижать заработную плату по тем же самым причинам, что и в случае циклических колебаний занятости.

В-четвертых, занятые в этих отраслях нередко не заключают никаких трудовых договоров, и соответственно не имеют никаких социальных гарантий, беря на себя всю ответственность за возможные риски в процессе этой трудовой деятельности.

Иначе говоря, большинство занятых в этих отраслях экономики в полной мере относятся к прекариату, так как характеризуются теми же ограничениями, как и неформально, временно или не полностью занятые.

Фрагментарная (эпизодическая) занятость

К данному виду занятости относятся работники наемного труда, не имеющие постоянной работы и характеризующиеся эпизодической занятостью, часто не имеющей отношения ни к ранее полученной профессиональной подготовке, ни к прежнему опыту работы, когда целью становится получение и выполнение работы для решения проблем выживания, для поддержания приемлемой повседневной жизни [Slonimczyk 2011].

К этому виду занятости относятся такие формы трудового поведения, когда человек выполняет: во-первых, работу, предполагаю-

щую кратковременный найм, без всяких гарантий на его продолжение, часто без оформления трудового договора при произвольной оплате труда; во-вторых, подсобную работу, необходимую в виде элементарных трудовых функций, требующих эпизодического выполнения всякого рода уборочных, вспомогательных, обеспечивающих работ; в-третьих, это выполнение спорадически возникших потребностей по достижению конкретного результата, работа по вызову, обычно вспомогательного свойства. И наконец, сюда можно отнести часть самозанятых (например, «челноков» в 1990-е годы), которые от безысходности при отсутствии всякой перспективы найти удовлетворяющую их работу соглашались заполнять стихийно образующиеся ниши в условиях дезорганизованной экономики. Численность вовлеченных в «челночный бизнес», прямо и косвенно, к концу 1990-х годов, по экспертным данным, достигала 18 млн [Подробнее см.: Ильина, Ильин, 1998; Капралова, Карасева, 2005]. Все эти работники не всегда объявляли себя безработными, поэтому разница между официально регистрируемой безработицей и субъективным признанием о нахождении в состоянии незанятости достигала 4–5-кратного разрыва. Они образовывали «серый» слой, в котором не все лишившиеся постоянной работы стремились зарегистрироваться, продолжая поиск новых мест приложения своего опыта и профессиональных навыков, пробиваясь эпизодическим участием в этой форме занятости [Ильина, Ильин, 2001].

Эта форма эпизодической занятости роднит ее с другими формами (сезонной, частичной и др.): ей, возможно, в самой обнаженной и всеохватывающей форме присуще отсутствие трудовых договоров, не только официальных, государственных, предусмотренных законом о труде, но и корпоративными правилами и установками. В таких видах работ, как раз(по)грузка товаров, разовое или эпизодическое приведение в порядок территорий, участие в мелких ремонтах дорог и т.п. заняты сотни тысяч людей, особенно в городской местности.

Их сопровождает произвольная оплата труда, вынуждающая людей соглашаться на все предлагаемые условия и позволяющая самым примитивным образом эксплуатировать труд людей, находящихся в полной зависимости от сложившихся обстоятельств.

Фрагментарная занятость и частая перемена рабочих мест мешают прекариату обрести чувство принадлежности к профессиональному сообществу, обрести устойчивое социальное положение, что постоянно усиливает ощущение отчужденности и стабильности своего жизнеустройства.

Принцип эпизодической, второстепенной занятости не распространяется на тяжелые и вредные работы, где занятость должна материально стимулироваться.

На наш взгляд, характер фрагментарной, эпизодической занятости имеют так называемые социальные работы — работы, не связанные с непосредственным производством материальных благ и рыночной, коммерческой деятельностью. К социальным работам относятся, например, некоторые медицинские функции, уход за престарелыми и детьми, инвалидами, участие в экологических акциях, организации местных культурных мероприятий, выполнение программ муниципалитетов по уборке территорий, ремонту дорог и т.д. Социальные работы не являются престижными, высокооплачиваемыми. Вместе с тем считается, что каждый человек может при затруднениях в получении постоянной работы временно участвовать в таких видах деятельности до той жизненной ситуации, когда он может приступить к избранной профессионально-трудовой карьере [Мельников, Холостова, 2005; Технологии...2001].

Занятию фрагментарной эпизодической работой, особенно молодежи, во многом способствует тот факт, что многие из них оказываются в парадоксальной, тупиковой ситуации: получить работу они не могут, поскольку у них отсутствует практический опыт в данной специальности, а получить такой опыт у них нет возможности, так как не имеют работы. Правда, чаще это касается не вообще работы, а работы желаемой и в желаемом статусе. Поэтому не только работодатель, но отчасти и сами молодые люди создают такую ситуацию [См., например, Айдарова, 2014; Гарифуллина, 2014].

В эпизодическую занятость вовлекается много женщин, реальное социальное положение которых с точки зрения занятости всегда сложно, противоречиво, переживается как большая или меньшая проблемность. Найти баланс между работой и семьей не всегда просто, и поэтому часть женщин видит решение этой проблемы в частичной занятости в зависимости от жизненных обстоятельств [Силласте, 2004].

Болезненность проблемы женской занятости усугубляется тем, что она связывается с естественной потребностью женщины в деторождении. Женщины, имеющие нескольких детей, иногда воспринимаются работодателем как «не соответствующие» с точки зрения качества рабочей силы. В некоторых случаях любая женщина, способная стать матерью, может быть «заподозрена» работодателем и вызвать скептическое отношение к себе как работнику. Известно немало случаев, когда при найме на работу отбирается женщина, не имеющая детей, или условием приема на работу является обязательство не иметь детей в будущем.

Неравенство в трудовых отношениях имеет и скрытые формы. Например, фактически женщины имеют рабочие места, но при этом выполняют наименее престижные, тяжелые, низкооплачиваемые и вредные работы. Согласно данным социологов и экономистов (в том числе отечественных исследователей) в сфере тяжелого, вредного, низкооплачиваемого труда занято приблизительно в 2 раза больше женщин, чем мужчин. Отстает число женщин по сравнению с числом мужчин и в тех профессиях и занятиях, которые имеют верхние рейтинговые позиции в пирамиде престижности.

Какое-то время в международной практике под влиянием идей гуманизма и феминистских инициатив тяжелые и вредные работы для женщин запрещались, вводилось множество ограничений. Затем также под влиянием идей гуманизма и феминистских инициатив от этих ограничений постепенно стали отказываться, т.е. ценностно-нормативные подходы в этом плане снова либерализировались. Причина обратного процесса заключалась в том, что с запрещением участия в тяжелых и вредных работах у женщин резко понизились перспективы хоть какого-то трудоустройства или получения работы с относительно высоким заработком [Ульянова, 2015].

На различия в трудовых отношениях занятости оказывает влияние и фактор так называемого гендерного разделения труда, т.е. установившегося во времени и возведенного в традицию закрепления отдельных видов труда за разными половыми группами. Объясняется такое разделение принципами профессиональной пригодности, совместимости и способностей. И сегодня можно точно назвать виды труда, его сферы и участки, на которых заняты либо преимущественно мужчины, либо преимущественно женщины. Однако реальная жизнь показывает, что межполовое разделение труда неустойчиво, нестабильно. Круг исключительно женских отраслей труда и профессий, на которые мужчины не могут и не станут претендовать, достаточно ограничен. Это обстоятельство позволяет работодателю проводить особенно жесткий отбор женщин-работниц. Кроме того, в условиях общего обострения безработицы после определенного периода адаптации и переоценки ценностей начинается активное наступление мужчин на рабочие места, которые ранее занимали женщины.

В силу всех этих причин женская занятость аритмична. Это ее значительный социальный недостаток. С улучшением социально-экономической ситуации занятость женщин повышается, а с ухудшением — падает. Поэтому женщины относительно чаще подвержены такого рода нестабильности, как неожиданный перерыв в трудовой карьере, смена профессии или занятия, вовлечение в различные формы частичной, эпизодической занятости и т.д.

Проблема женской занятости всегда рассматривалась с точки зрения перспектив облегчения домашнего труда. И сегодня остаются актуальными многие не решенные в этом плане задачи — изменение и усовершенствование инфраструктуры быта и структуры свободного времени, социализация, автоматизация домашней работы. В то же время среди женщин довольно популярна идея неполного рабочего дня, недели, гибкого графика работы, эпизодической высокооплачиваемой работы. Проблема женской занятости, как следует из результатов опросов, связывается с проблемой детских дошкольных учреждений. Тем не менее, данное обстоятельство не рассматривается как веский повод к тому, чтобы не работать [См. подробнее: Малкова, Рощина, 2011].

При анализе эпизодической, фрагментарной занятости нужно отметить участие в ее выполнении некоторой части андеркласса (бомжей, бездомных, потерявших социальные контакты), которые пытаются вернуться к социальным связям. Они отвергают или воздерживаются от попрошайничества, мелкого воровства, попыток обмана и стремятся заработать на жизнь выполнением кратковременных заданий и эпизодическим оказанием услуг. Эти люди еще окончательно не потеряли представления о человеческом достоинстве, участвуя в частичной общественной деятельности и надеясь вернуться к утраченному образу жизни. Поэтому перед государством и обществом стоит трудная задача всемерно способствовать реабилитации этих лиц, содействовать их как трудо-, так и бытоустройству [См., например: Шляков, 2017].

Анализ занятых сезонной, эпизодической, фрагментарной работой позволяет раскрыть их состав и структуру и увидеть в них черты, которые присущи всему прекариату, хотя и с определенными особенностями.

Литература

Айдарова И.А. Проблемы трудоустройства молодежи на рынке труда // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6 (34).

Анисимов Р.И. Социально-экономическая трансформация смысла жизненного мира российских крестьян // Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.

Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социологические исследования. 2005. № 11.

Великий П.П., Бочарова Е.В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. 2012. № 1.

Гарифуллина А.Ф. Государственная политика в области трудоустройства молодежи // Экономика и социум: Институт управления и социально-экономического развития. Саратов. 2014. № 1—1(10).

- Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И.* Российское село в рыночных условиях. М., 2008.
- Ильина М., Ильин В.* Торговцы городских рынков: штрихи к социальному портрету // Экономика и организация промышленного производства. 1998. № 3.
- Ильина М., Ильин В.* Российский базар: социальная организация и маркетинг. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2001.
- Калугина З.И.* Рыночная трансформация аграрного сектора России. Новосибирск, 2015.
- Капралова Н.Л., Карасева Л.А.* Челночный бизнес в российской экономике: роль и оценка масштабов // Экономический журнал ВШЭ. 2005. № 2.
- Малкова М. А., Рощина Я.М.* Типологический анализ домашнего труда в современной российской семье // Мир России: Социология, этнология. 2011. Т. 20. № 1. С. 147–166.
- Мельников В. П., Холостова Е.И.* История социальной работы в России. 2-е изд. М.: Маркетинг, 2005.
- Нечипуренко О.В., Самсонов В.В., Зазулина М.Р., Мореханова М.Ю.* Крестьянство современной России: Жизненные миры и социальные практики. Новосибирск, 2015.
- Никулин А.* Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 17–34.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М., 2013.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.* (2013). «Клеточная глобализация» и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России / Новые идеи социологии. М., 2013.
- Россия в цифрах. 2016: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2016.
- Салахутдинова Р.Р.* Социально-трудовые отношения в аграрной сфере: теория и практика. М., 2009.
- Силласте Г.Г.* Изменения социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социум. 2004. № 5.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- Технологии социальной работы. Учебник / Ред. Е.И. Холостовой. М.: Инфра-М, 2001.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И.* Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М., 2015.
- Ульянова Н.* Женский труд: проблемы и перспективы // Feminist's. 2015.
- Фадеева О.* Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск, 2015.
- Хагуров А.А.* Социология российского села. М., 2010.
- Широкалова Г.С.* Аграрные отношения и аграрная политика в современной России. Н. Новгород, 2002.
- Шляков А.В.* Бродяжничество как социальное явление // Социологические исследования. 2017. № 11.
- Bourdieu P.* Le precarite est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Novadays) // Contre-feux. Paris, 1998. P. 96–102.
- Slonimczyk F.* The effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Transition Economies / ed. By H. Lehmann, K. Tatsirmos. Bingley, 2011. Vol. 34. P. 55–99.

Глава 9

ЗАЕМНЫЙ ТРУД: СМЫСЛЫ И РИСКИ

Сущность и формы заемного труда

Понятие «заемный труд» — прямой перевод с немецкого — *Leiharbeit*. В англоязычных исследованиях используются названия лизингового или агентского труда — *Labor Leasing, Agency Work*. *Смысл (суть) заемного (лизингового) труда* определяется как форма непрямого, нетипичного трудового найма. Работник заключает договор с агентством-посредником, которое отправляет его для выполнения трудовых обязанностей в другую организацию. Ответственность работодателя в данной схеме найма размыта: одна организация заключает договор с работником, выплачивает заработную плату и производит социальные отчисления, другая организация представляет работу, контролирует ее выполнение, дает производственные задания. Возникающие трудовые отношения имеют нетрадиционную форму участия трех сторон (работник—агентство—фирма-пользователь), и потому представляют определенные сложности, прежде всего, с точки зрения правового статуса работника. Основная особенность лизинга персонала, таким образом, проявляется в том, что работники не всегда являются сотрудниками фирмы, в которой они фактически трудятся.

Первые ростки заемного труда появились в 1920-х гг. в США. Во время сезона сбора урожая работники сельскохозяйственных предприятий ездили из одного штата в другой. С фермами и владельцами этих производств заключались договоры. В те сезоны, когда урожая не было, работникам выплачивались пособия. В 1928 г. в Чикаго С. Воркман основал «*Workman Diversified Enterprises*». Он оформлял договоры с производителями малоликвидной продукции, и при помощи работников, которых обучали продаже, ее реализовывали на основе договоров между этими тремя сторонами. Именно на таких принципах в 1945 г. также в Чикаго возникла компания «*Stivers Office Service*», а спустя год У. Келли обосновал в Детройте «*Kelli Girls Service*», в 1947 г. А. Шейнфилд и Э. Винтер основали подобную компанию «*Manpower*». Эти инициативы дали начало образованию большого количества компаний с одинаковой схемой работы. Компании эти открывали различные вакансии, такие как: секретари, машинистки, стенографистки, швеи для женщин, после чего проводили для них обучение, профессионально их подготавливали и оформляли к себе. Далее приходили запросы от различных организаций и предприятий на определенные услуги

(необходимость в персонале), которые были необходимы часто в срочном порядке, а нередко и временно [Лебедева, 2018].

Позже такие компании стали набирать к себе и профессиональных специалистов. Такая практика привела к совершенствованию гражданско-правовых договоров с клиентами, благодаря чему увеличилась ликвидность и были значительно снижены риски. Так компания «Manpower» имеет в настоящее время более 4300 офисов в 67 странах (в России с 1994 г.), «Kelli Services» — более 2500 офисов в 26 странах [Закалюжная (а), 2015].

В России начали использовать заемных работников в 1990-е годы, и сначала только на предприятиях. Но уже после 1998 г., для того чтобы пережить кризис постоянных работников в организациях, отправляли в неоплачиваемый отпуск, а во время их отсутствия нанимали временных работников, труд которых стоил намного дешевле, чем труд постоянных работников.

На данный момент в России многие кадровые агентства предлагают воспользоваться услугой заемного труда. Его суть заключается в возникновении в современных взаимоотношениях работника и работодателя еще одного обязательного участника — посредника в виде агентских (лизинговых) фирм, нанимающих людей по определенным требованиям и передающих их как товар во временное пользование соответствующим организациям и учреждениям.

Отметим, что данная форма трудовых отношений на предшествующих этапах развития индустриального общества использовалась в исключительных и специфических случаях, имела ограниченный характер (например, труд на дому). Но в настоящее время это *один из новых видов прекаризации труда, ставящий работника в зависимое положение и подвергающий сомнению веками устоявшийся принцип, что объектом аренды (лизинга) может быть только имущество, его рабочая сила, но не сам человек*. Людей, занятых этим трудом, можно с полным основанием отнести к новому социальному классу — прекариату, который стал реальностью социально-экономического развития не только в нашей стране, но и в большинстве государств мира. Отметим только, что на практике немного компаний пользуется данным видом заимствования работников. За рубежом заемный труд более популярен, чем в России.

Существует две основные формы заемного труда (лизинга). Первая (*аутстаффинг*) заключается в том, что работники выводятся за штат и временно переходят в распоряжение посредника — кадрового агентства, в результате чего возникают трехсторонние отношения между работником, юридическим нанимателем и фактическим работодателем. По сути дела, такие работники продолжают работать в организации, работниками которой являлись, но, с другой

стороны, они в большинстве случаев заключают трудовой договор с кадровым агентством, которое предоставляет им новую работу. Одной из сторон этой формы трудовых отношений является работник, а нанимателей в данном случае два — один в организации, из штата которой работник выводится, и другой — агентство как посредник, которое предлагает его другой организации, взимая за эту услугу определенную плату [Бобков, 2012: 13; Смирных, 2011: 27].

Другая форма лизинга — *аутсорсинг*. Здесь понятие заемного труда имеет прямое значение, так как работник фактически является предметом аренды. Непосредственно трудоустройством работника занимается частное агентство занятости. Существование таких агентств дает определенные гарантии работодателям. Работодатель в любое время может найти через агентство как постоянного, так и временного работника.

Очевидно, что обе формы лизинга имеют достаточное количество плюсов для работодателей и создают необходимость существования частных агентств, но в то же время открытым является вопрос о регулировании прав, обязанностей и гарантий работников, которые во многих случаях находятся в зоне риска.

Объективные и субъективные причины появления заемного труда

Что касается объективных причин, то, по мнению ряда исследователей, этот труд «рассматривается как императив, вызванный требованиями современной развитой экономики», отражает «необходимость обеспечения гибкости (flexibility) производства в условиях трансформации индустриального общества в постиндустриальное» [Киселев, 2003: 82]. В период и после экономических кризисов потребность в снижении издержек производства резко возрастает, обостряются взаимоотношения во всех сферах финансово-экономической деятельности, в результате чего выход из сложного положения многие бизнес-структуры видят в уменьшении затрат на все компоненты себестоимости товаров и/или услуг, при этом, нередко, в первую очередь, за счет уменьшения затрат на оплату рабочей силы.

Надо особо отметить, что выполнение работы через посредников осуществляется через так называемые расщепленные трудовые отношения: через «сетового работодателя», частные агентства занятости, работа по вызову, поденная работа и т.д. [Бизюков, Герасимова, Саурин, 2012: 12]. Инициатор этой бизнес-практики Вильямс Рассел Келли создал компанию по предоставлению временного персонала «Kelly services», которая быстро оправдала свою деятель-

ность по предоставлению этого вида услуги. В реальную экономическую и социальную жизнь этот труд вошел в западных странах в середине 1970-х годов, где охватил, по данным Международной конфедерации частных агентств, около 10 млн, или 1,5% работающего населения. Лидером в применении этого вида труда являются США (2 млн работников), а в Европе — Великобритания и Германия. Они по-разному выглядят в различных странах. На некоторых предприятиях таких, как заводы «Кока-Кола», более трети работников наняты не напрямую, а через кадровое агентство [Козина, 2008 : 11]. Что касается России, бизнес по предоставлению услуг заемного труда начал свое действие с конца 1990-х годов и продолжается. В настоящее время, согласно данным обследования российских предприятий, его объем составляет примерно 0,1–0,4% от числа занятого населения. И хотя количество этих работников в России в 2011 г. не превышало 300 тыс. человек, оно имеет тенденцию к росту и вместе с такими работниками свободных профессий, как музыканты, актеры, спортсмены и др., составляет около 5,5 млн человек, или 8,3% от числа занятого населения [Кларк, 1999; Козина, 2013 : 21].

Одним из аргументов по внедрению и использованию заемного труда — содействие трудоустройству не нашедших постоянную работу, а также в предоставлении работы тем, кто по каким-то причинам не желает трудиться на условиях стандартной занятости. Однако практическое применение заемного труда приводит к прекаризации занятости: трудовые права работников ущемляются тем, что страхование от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний, равно как и незарплатные затраты работодателей на рабочую силу, не соответствуют реальным условиям. По отношению к «заемным» работникам не действуют нормы ответственности работодателей по задолженности выплаты заработной платы, за нарушение безопасности труда и др. [Бобков, 2012 : 13].

Вместе с тем в этом естественном процессе — содействие трудоустройству — наряду с государственными организациями в виде отделов по безработице и частными лизинговыми учреждениями, превращающими соискателей трудовой занятости в товар, не могли не возникнуть спекулятивные и даже преступные формы вовлечения людей в такие формы зависимости работника от работодателя, которые граничат с феодальными порядками, и даже, как утверждается в ряде случаев, с взаимоотношениями, похожими на рабский труд. По данным Global Slavery Index Россия занимает 49-е место в мире тех, кто трудится в рабских условиях, находится в долговой кабале и занят подневольной работой, и 6-е место в мире по абсолютному числу работников (540 тыс. человек) после Индии, Ки-

тая, Пакистана, Эфиопии и Нигерии по абсолютному числу тех, кого можно украсть, купить, обменять и даже уничтожить. Очевидно, что во многих случаях это трудно доказать, трудовое это или сексуальное рабство, принуждение на работу только за пропитание или предоставление работы на незаконных основаниях — все эти виды насилия превращают человека в крайне зависимое существо без очевидной возможности отстаивать свои права и свободы. Все данные об этой зависимости трудно собрать и обобщить, хотя косвенно о самых очевидных и доказанных случаях можно судить по судебной статистике: в 2016 г. 281 обвиняемый был осужден за похищение человека, 344 — за незаконное лишение свободы, 25 — за торговлю людьми, 8 — за использование рабского труда. Кроме того, о таких фактах регулярно сообщают средства массовой информации [См., например, Панишев, 2005; Крылова, 2014].

Социальный портрет занятых заемным трудом

Согласно данным опроса Левада-Центра (2012 г.) в России доля женщин среди вовлеченных в этот вид занятости превысила 72% от всех вовлеченных (в странах Запада она составляет от 20 до 30%, за исключением Финляндии, где их доля достигла 66%). Что касается возраста, то 59% занятых заемным трудом падает на лиц до 30 лет и только 10% — на работников старше 45 лет. Самая значительная часть — это 23–26-летние, чей возраст, как правило, совпадает с окончанием получения профессионального образования и первого выхода на рынок труда. Этим объясняется и тот факт, что среди работников заемного труда 51% имеют высшее и незаконченное высшее образование и 25% — среднее профессиональное. Создается парадоксальная ситуация — доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием среди работников заемного труда на 20% превышает долю таких лиц среди всего занятого населения. При сравнении западной и российской специфики заметим, что в большинстве европейских стран заемные работники имеют относительно низкий уровень образования.

Не менее важной характеристикой является тот факт, что конкурентоспособность на рынке труда ограничена отсутствием опыта работы — для 18% — это первое трудоустройство, а 54% имели трудовой стаж менее 2 лет. Очевидно, что в большинстве случаев эта ситуация касается молодежи и главным образом выпускников вузов и техникумов (колледжей). Эти данные коррелируют и с информацией о трудоустройстве выпускников университетов, например, в Испании, где 40% не могут найти работу по профессии после окончания высшего учебного заведения.

Определенный интерес представляют данные о сферах, в которых применяется заемный труд. По данным Левада-Центра, 44% рабочих мест на рынке лизинга персонала предлагаются промышленными предприятиями, 23% — предприятиями связи и информационных технологий, 17% — торговыми и финансовыми организациями и сферой услуг. Но даже в случае с промышленными предприятиями эти рабочие места представляют собой в большинстве случаев неквалифицированный и обслуживающий труд — упаковщики, сортировщики, расфасовщики, что, как правило становится типичным уделом занятости женщин. Такое использование женского труда усиливает гендерный дисбаланс в обеспечении трудоустройства.

Анализ имеющейся статистической и социологической информации показывает значительную роль *субъективных причин в занятости заемным трудом*, который практически всегда носит характер временности, неустойчивости, нестабильности. Согласно данным опроса Левада-Центра 45% согласившихся на этот вид занятости не имели опыта работы, были безработными. 60% были ищущими работу и они обратились в агентства, которые рекрутируют рабочую силу для самых различных производств, учреждений и организаций. Все же многие из них (36%) рассматривали эти предложения как попытку найти постоянную работу и еще для 9% приобрести опыт работы в разных компаниях. Т.е. значительная часть занятых заемным трудом не хотят мириться с временностью и неопределенностью своего положения и ищут рациональный устойчивый путь своего будущего жизнеустройства. Еще половина — 53% — смирились с участью создавшегося положения и сосредоточились на решении утилитарных проблем — быть занятым вообще, без привязки к специальности или профессии, т.е. заняли пассивную позицию. О безысходности поведения этих лиц свидетельствует и то, что 7% говорили об отсутствии выбора, когда жизненные обстоятельства вынуждают согласиться на эту форму занятости. И совсем невелик процент тех (5%), что их работа как временная устраивает. Их, скорее всего, можно отнести к первой группе, в которой хотят постоянства, и лишь на какой-то промежуток времени эта занятость их может устроить из-за специфического социального или личного положения — уход за ребенком, наличие второй работы или пенсии, состояние здоровья или даже желание удовлетвориться малым.

К субъективным причинам можно отнести как основные достоинства, так и основные недостатки (риски) от занятия заемным трудом. Среди достоинств особую значимость приобретает наличие трудового договора (55%), стабильность зарплаты (52%), наличие

основных трудовых гарантий (42%), что фактически их уравнивает с теми, кто имеет прямые трудовые договора с работодателем. К достоинствам некоторые относят возможность приобрести опыт для будущей карьеры (22%), участие в интересных проектах (10%) или пережить период безработицы (8%). По несколько процентов занимает возможность менять места работы, не искать самому работу, возможность делать перерывы в своей занятости. Среди издержек (рисков) — практически зеркально противоположное отражение достоинств — отсутствие гарантий постоянной занятости (43%), отсутствие льгот и гарантий, которые есть у постоянных работников (34%), отсутствие перспектив роста (23%), низкий уровень зарплаты (21%). Среди недостатков этой занятости указываются социально-психологические причины — не чувствую себя «своим» в коллективах, в которых приходится работать и боязнь «застрять» на временной работе. Однако более тщательное рассмотрение проблем заемного труда показывает, что в большинстве случаев не стремление к мобильности и гибкости применения своего труда толкает людей в эту сферу занятости и заключение крайне невыгодного трудового договора, а низкий уровень жизни, невозможность найти работу по специальности, экстремальные или сложные жизненные ситуации [Козина: 2008: 10].

Особо стоит заметить, что такой вид занятости начал поддерживаться как государством, так и бизнесом. Государство рассматривает этот труд как фактор уменьшения безработицы и как возможность снижения напряженности на рынке труда. Это позволяет ему представить ситуацию с обеспечением занятости как более благоприятную или как временную, что повышает его репутацию как во внутренней, так и внешней политике. Бизнес же прибегает к таким мерам, с одной стороны, как удержание излишней рабочей силы (консервация занятости) посредством уменьшения цены труда, административные отпуска, перевод на неполный рабочий день. С другой стороны, заемный труд уменьшает затраты на оплату рабочей силы, освобождает от отчислений в государственные и страховые фонды, позволяет «сбрасывать» непрофильные подразделения, одновременно создавая новые рыночные подразделения уже на новых принципах предоставления услуг — «бизнес бизнесу». В этих условиях и «расцветает» такой прием, как оплата труда «в конвертах».

Если подвести итог того, что представляет собой работник заемного труда, то он, во-первых, рекрутируется из лиц, ищущих постоянную работу и желающих иметь долгосрочные трудовые договора, но не имеющих такой возможности по самым разным причинам. В этой ситуации он нередко принимает решение — временно устро-

иться на такую работу, полагая, что эта специфическая временность составит только момент в его жизни. Но все чаще случается так, что занятость этой работой становится постоянной величиной, в результате чего происходит зависание ищущих занятость в статусе временных работников и закрепление их в качестве аутсайдеров на рынке труда, даже не взирая на то, что среди них многие являются высококвалифицированными специалистами. Во-вторых, на эту работу соглашаются лица, особенно молодого возраста, стремящиеся найти себя, попробовать себя на разных видах деятельности, обрести производственный опыт, определиться с жизненными перспективами и предпочтениями. Они не особенно заботятся о закреплении навыков ранее полученного образования — для них особое значение приобретает поиск самого себя в жизни, в труде, в возможности проявить себя и найти лучшее применение своих способностей, в стремлении достичь некоторых, часто неопределенных жизненных установок. В-третьих, среди лиц заемного труда значительное число составляют внутренние и внешние мигранты, которые прибыли на новое место жительства и работы и рассматривают этот вид труда как некий период в жизни, который позволяет им привыкнуть в новой обстановке и определиться с жизненными перспективами. В-четвертых, соискателей заемного труда часто пополняли работники, массово сокращаемые (и не только в период кризисов) в результате «оптимизации», закрытия и перепрофилирования производств, прекращения деятельности «неэффективных» и «непрофильных» организаций. Особенно страдали от этого жители моно- и малых городов, сельской местности. В результате насильственного лишения их работы в отсутствие подобных или смежных производств, на которых они трудились, они готовы были заняться любой работой, чтобы обеспечить жизнь семьи, свое хотя бы минимальное сносное существование, даже если работа была далеко от дома. И наконец, работников заемного труда пополняли достаточно многочисленные группы людей, которые по разным причинам не могли работать на постоянной основе (студенты, молодые мамы и др.). Потребность в этой работе для них была не реализацией их ценностных ориентаций, а временной мерой, связанной с конкретными жизненными обстоятельствами.

Правовое регулирование заемного труда

Что касается правового оформления заемного труда, то очевидно, что на рынке труда появилась новая институция, которая еще не в полной мере осмыслена, не совсем понята и принята, содержит много неясных аспектов. Этот вид труда носит ярко выраженный ха-

раक्टर прекаризованного труда (работа — без гарантий, ответственность работодателя размыта и не совсем ясна, что создает почву для злоупотреблений) [Капелюшников, 2011]. Поэтому вопрос введения в России законодательного регулирования заемного труда активно обсуждается, высказываются противоположные точки зрения. Аргументы в пользу этого труда и условий его регулирования носят в основном экономический характер: простота найма и увольнения, что позволяет гибко реагировать на изменения на рынке труда. Кроме того, сторонники этого вида занятости оперируют и такими доказательствами — снижение производственных издержек за счет применения заемного труда способствует повышению гибкости в организации производственного процесса, ведет к росту инвестиций и удовлетворяет потребности той части трудовых ресурсов, которые заинтересованы в нестандартных режимах труда.

Аргументы против заемного труда имеют главным образом социальный характер: этот труд занимает одну из низших ступеней в иерархии современных форм занятости, социальная цена гибкости довольно высока, ведет к ущемлению права на труд, что приводит к дискриминации заемных работников, вытеснению с рынка труда квалифицированных специалистов и превращение их в работающих бедных. Заемные работники лишаются равных с другими работниками возможностей реализовать свои возможности, в том числе и творческие, а также права на труд без всякой дискриминации, право на защиту от безработицы, нарушает стабильность трудовых отношений и социально-психологического климата в коллективе.

Правовой основой заемных отношений на международном уровне является Конвенция МОТ от 19 июня 1997 г. «О частных агентствах занятости» и соответствующая его рекомендация. Европейский парламент и Европейский Совет 16 декабря 1996 г. одобрили Директиву 96/71 о предоставлении работникам гарантий и прав в рамках осуществления и оказания услуг. Сравнительный анализ законодательства европейских стран показывает, что одним из основных условий для успешной интеграции заемного труда в экономическую и социальную структуру общества является установление правил допуска только добросовестных фирм к деятельности на рынке заемного труда [Подробнее см.: Закалюжная, 2015: 100; Киселев и др., 2004].

В России этот вид труда сначала развивался стихийно. Были попытки его узаконить при признании его нетипичности, особенности и важности такого использования трудовых ресурсов. Однако Федеральный Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. ввел в Трудовой кодекс РФ статью 56.1, в соответствии с которой заемный труд за-

прещался. Однако позже появились новые разъяснения, которые пытаются все же оправдать заемный труд при соблюдении некоторых правовых норм, правил и рекомендаций. Как это произойдет в реальной жизни, покажет практика применения этих нетипичных трудовых отношений. Этому способствует и разработка Минэкономразвития проекта федерального закона о заемном труде.

По оценке ряда экспертов существующие предложения по регулированию заемного труда скорее направлены на сокращение рисков для бизнеса, чем на обеспечение гарантий работников их права на труд. Они недостаточно учитывают интересы работника, акцентируют внимание на обеспечение прибыли, уменьшение издержек производства и в значительной степени за счет снижения расходов на оплату труда. Более того, эти негативные последствия камуфлируются внешне привлекательными соображениями: дескать, уменьшаются расходы на управленческую деятельность, на непрофильные активы, на необходимость самим готовить кадры, что, мол, обходится и дороже и не эффективнее [Подробнее см.: Коршунова, 2005; Лушников, Лушникова, 2004].

Таким образом, в настоящее время существует объективная необходимость закрепления в рамках трудового законодательства нестандартных форм этого вида занятости, которые получают все большое распространение [Булатова, 2016]. Это, на наш взгляд, позволило бы более точно определить каждую из форм нестандартной временной занятости, определить особенности, права и обязанности сторон и, главное, социальные и правовые гарантии работника, занятого таким трудом. Законодательное оформление заемного труда во многом поможет борьбе с безработицей, так как наряду с существованием государственной службы занятости целесообразно обеспечить функционирование кадровых агентств, занимающихся регистрацией лиц, нуждающихся во временном трудоустройстве, обеспечением их временными рабочими местами путем совместного поиска нанимателей и заключения с ними договоров от имени работника. Это потребует официальной поддержки объективной необходимости детального закрепления прав, обязанностей и гарантий для заемных работников и правовых правил и норм для нанимателей, пользующихся их услугами.

Социальные последствия заемного труда

Они являются неблагоприятными для работников: их трудовая деятельность приобретает характер неустойчивости, зависимости от обстоятельств, что толкает их к негативным оценкам трудового процесса. Так как нет гарантий постоянной занятости, то человек

чувствует себя временщиком, — контракт с ним может быть прерван в любой момент вследствие произвольного поведения работодателя.

Этот негативизм усиливается тем, что часть работников заемного труда не имеют трудовых договоров, что делает их совершенно беззащитными и не имеющими никаких возможностей отстоять свои права в случае возникновения конфликтных ситуаций [Садовая, 2009].

Происходит, как и для всех прекариев, и депрофессионализация работника, потеря им прежней профессиональной культуры, которые он приобретал во время учебы и/или на прежнем месте работы. В условиях, когда он при заемном труде соглашается на любую работу, он теряет прежнюю квалификацию, переходит в разряд подсобных работников или персонала, выполняющего простые, несложные и нередко примитивные трудовые операции. Такая ситуация имеет большие отрицательные последствия и для совокупной рабочей силы — происходит ухудшение трудового потенциала всей страны при утрате многими людьми навыков более квалифицированного труда, на который они способны [См. подробнее: Бобков, 2012; Тощенко, 2016].

В таком случае это положение часто влечет за собой ухудшение социально-психологического самочувствия из-за потери социального статуса, из-за осознания своей ущемленности и ограниченности своих возможностей. Особенно страдают от этого молодежь, которая устремлена на карьеру, и люди старшего возраста, которым отказывают в работе по специальности не по профессиональным качествам, а из-за их принадлежности к «уходящему» поколению.

Не менее важна и такая проблема для работников, занятых в условиях лизинга, которая связана с отсутствием льгот и гарантий соблюдения контракта, которыми обладают постоянно действующие работники — об этом заявили 34% занятых заемным трудом.

Особо отметим, что «социальные риски работодателя связаны с тем, что при использовании заемного труда фактически поощряются отношения, при которых *рабочая сила рассматривается не как ресурс развития, а как статья расходов*. Это влечет за собой серьезные проблемы в сфере управления персоналом, прежде всего, в плане снижения мотивации и лояльности работников. Ведь не только формальные параметры занятости дают работнику чувство защищенности и стабильности, нельзя сбрасывать со счетов и социальные мотивы труда, которые можно охарактеризовать психологической привязанностью к трудовому коллективу, либо, другими словами, притяжением социальной сети. Даже при достаточно долгосрочных договорах (один год — практически максимальный срок контрактов) каждый человек из заштатного корпуса подсознательно

не воспринимает фирму — фактического работодателя как свою. И это нарушает заботливо прививаемый корпоративный дух. В результате, как свидетельствуют кадровые службы, работают заемные сотрудники не то чтобы с прохладцей, но без так привлекающих работодателя горящих глаз» [Козина, 2008 : 7].

И все-таки этот вид труда объективно востребован и дальнейшее развитие экономики и культуры предполагает его использование, так как он отражает формирование новых практик трудовых отношений даже для традиционных профессий, делает их неизбежными в структуре модернизирующихся экономик. В то же время в реальной жизни он ведет к появлению новых социальных страт и новых — прекаризованных — видов труда. *Поэтому речь идет о том, что заемный труд создает основу нового социального неравенства, так как его возникновение и функционирование ведет к снижению стандартов уровня и качества жизни наемных работников, что может привести к увеличению конфликтующих сил и будет способствовать росту социальной напряженности.*

Литература

Бизюков П.В., Герасимов Е.С., Саурин С.А. Заемный труд: последствия для работника. М., 2012.

Бобков В. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. 2012. № 2.

Булатова Г.А. Заемный труд: проблемы и перспективы регулирования // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. № 4. С. 58—62.

Закалюжная Н.В. Заемный труд и дистанционная занятость как основные формы нетипичных трудовых отношений // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2015. № 4.

Закалюжная Н.В.(а) Заемный труд и неустойчивая занятость: Российский и зарубежный опыт // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. С. 116—128.

Капелюшников Р. Как оценивать жесткость законодательной защиты занятости для России. Препринт. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2011.

Киселев И.Я. Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в индустриальное общество). М., 2003.

Киселев И., Корабельников Б., Черкасова Э., Кукса С., Юдкин В., Леонов А., Свечкаренко В. Концепция правового регулирования заемного труда // Хозяйство и право. 2004. № 2. С. 52—60; № 3. С. 40—48.

Коршунова Т. Правовое регулирование отношений, связанных с направлением работников для выполнения работ в других организациях (заемный труд) // Трудовое право. 2005. № 6. С. 7—30.

Кларк С. Новые формы трудового договора и гибкость труда в России // Вопросы экономики. 1999. № 11.

Козина И.М. Работники заемного труда // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 19—30.

Козина И.М. Заемный труд: социальные аспекты // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 3—12.

- Крылова М.* Свобода, равенство, братство // Журнал РБК. 2014. № 3.
- Лебедева К.* Особенности специфики заемного труда в современной российской экономике. Выпускная квалиф. работа (рукопись). М.: РГГУ, 2018.
- Лушиков А., Лушикова М.* Заемный труд: исторический опыт и перспективы правового регулирования // Человек и труд. 2004. № 7. С. 85–88.
- Панищев А.П.* К проблеме рабства и работорговли // Фундаментальные исследования. 2005. Вып. 10.
- Садовая Е.* Некоторые тенденции изменения характера социально-трудовых отношений в современных условиях // Социально-трудовые исследования. Вып. XXII. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 28–42.
- Смирных Л.* Нестандартные трудовые договоры и уровень жизни работников /Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 12.
- Тощенко Ж.Т.* Зарождение нового социального класса – прекариата // Вестник РАН. 2016. № 3. С. 37–42.

Глава 10

БЕЗРАБОТНЫЕ И БЕЗРАБОТИЦА

Характеристика пространства безработицы

Видную часть прекариев занимают безработные, которые в своем большинстве находятся на трудном жизненном переломе, особенно если перерыв в трудовой занятости занимает длительное время.

В настоящее время, согласно российской специфике учета безработных, в ее состав включаются лица, не имеющие работу более трех месяцев.

Однако их состав неоднороден.

Во-первых, это работники, лишившиеся работы в связи с закрытием предприятий, что особенно остро сказалось на машиностроительной, авиационной, текстильной и легкой промышленности, также для занятых в оборонном производстве.

Во-вторых, это работники перепрофилируемых предприятий, владельцы которых претендуют на качественно иную в профессиональном отношении рабочую силу.

В-третьих, это лишившиеся рабочих мест в сельском хозяйстве после ликвидации колхозов и совхозов и не нашедшие себя в новой структуре сельскохозяйственного производства или во вновь возникающих на селе производственных организаций.

В-четвертых, это сокращенные работники в результате начавшегося экономического кризиса, который затронул не только крупное промышленное производство, но и сферу услуг, малый бизнес, а также так называемый офисный планктон, который в недавнем

прошлом процветал в управлении, банковском секторе, в крупных фирмах.

В-пятых, безработица особенно остро коснулась молодежи, которая вступала в жизнь, но ей в трудоустройстве никто не мог помочь. Родилось поколение NEET (Not in Employment, Education or Training).

И наконец, особенно болезненно безработица проявилась в моногородах, где закрытие градообразующего предприятия практически не оставляло никаких шансов найти новое место приложения своего трудового опыта и имеющейся квалификации [Подробнее см.: Бреев, 2005; Мир и Россия...2001; Мосолова, 2010].

Нужно иметь в виду и региональные особенности безработицы, как межстрановые, так и внутренние, присущие только России [Безработица...1995; Занятость...2000; Четвернина, 2002; O'Leary & other, 2001]. В России всплеск роста безработицы всегда связан с началом экономических кризисов и по-разному проявляется в зависимости от региона. Так, если кризис 2014 г. привел к увеличению безработицы в целом по стране до 5,5%, то на Урале она увеличилась уже в 2015 г. до 6,8% [Истомин 2015].

Обычно основными глубинными причинами безработицы в России считают крах национального хозяйства в результате либеральных рыночных реформ, диспропорциональность в его развитии. В 1992–1999 гг. было приватизировано 133,2 тыс. различных предприятий и объектов хозяйственного назначения. Были закрыты, перепрофилированы или сданы в аренду не только тысячи предприятий, но и организации непроизводственного назначения. Эти акции ознаменовали отказ от гарантий полной занятости и переход к новым правилам игры на рынке труда, к которым многие работники были не готовы. В результате уже в 1994 г. по методологии МОТ (Международной организации труда) в стране насчитывалось 5,3 млн безработных или 7,1% экономически активного населения. В 1999 г. безработица достигла рекордного уровня – 14,2% [Шкаратан и др., 2015:100]. В последующие годы безработица увеличивалась в годы кризиса – после 2008 г. и 2014/2015 гг.

Предвестники безработицы, а затем и реальность лишения возможности применить свой труд и квалификацию получили все большее распространение и охватили многие слои населения. Значимость этой проблемы состоит в том, что существует небезобидный разрыв между официальными данными – около 5,5% (2017 г.) зарегистрированных безработных и 20% фактически вовлеченных в скрытую безработицу (данные С.Ю. Глазьева).

Что касается «лица» безработицы, то стоит сказать о социально-демографическом, социально-профессиональном, социально-отраслевом и территориальном ее проявлении.

В социально-демографическом аспекте наиболее пострадавшими, попавшими в прекарное, неустойчивое и нестабильное положение стали две основные социальные общности — женщины и молодежь. Они представляют собой самые уязвимые социальные группы.

Говоря о безработице среди женщин, следует сказать, что они одними из первых подпадают под сокращение при необходимости «оптимизировать» производство, при реализации политики структурной перестройки, сезонной занятости [Мелкумян, 2008; Ржаницина, 2008].

Специфическую группу безработных представляют молодые люди, впервые появившиеся на рынке труда и не имеющие требующийся в экономике уровень профессиональной подготовки и квалификации. Это в первую очередь касается выпускников высших и средних специальных учебных заведений. Численность этих молодых специалистов, не имеющих и ищущих работу, достигает 40—50% в отдельных странах Европейского Союза (например, в Греции и Испании). В России их численность колеблется в пределах 15—25% от общей численности молодежи, а по отдельным регионам и отраслям экономики еще больше. Причем, с одной стороны, она касается молодежи, получившей инженерное и сельскохозяйственное образование и в силу их невостребованности из-за закрытия многих производств. С другой стороны, из-за популярности некоторых «рыночных» специальностей (юристов, экономистов), в результате чего их подготовка была открыта практически в каждом вузе и из-за чего через определенный временной отрезок сказалось их перепроизводство и как следствие затруднение с поиском работы. В целом молодежь попадает в состав прекариата как наименее защищенный от безработицы слой населения. Это было характерно и как для начала рыночных реформ, так и четверть века спустя, в середине 2010-х годов. Как и тогда, так и сейчас основная претензия — «они не имеют опыта работы» с дополнительной ссылкой, что в вузах и колледжах их не тому учат, что нужно производству [Аврамова, Верпаховская, 2006].

В социально-профессиональном плане безработица коснулась в основном высококвалифицированных кадров, главным образом инженерного корпуса. Поэтому особенность российской безработицы состоит в том, что работу ищут уже готовые специалисты с определенным уровнем профессиональной подготовки и квалификации. В результате многие сотни тысяч инженеров, техников, преподавателей в 1990-е годы стали «челноками», феномен которых долгие годы спасал бывших специалистов от голода и нищеты. Их занятие «ручной» доставкой товаров из других стран и последующей их стихийной продажей в той или иной мере гарантировало

удовлетворение нужд семьи и близких, но, в конечном счете, приводило к полной потере своей квалификации и, соответственно, к обеднению интеллектуального потенциала общества. Тем более, время подтвердило скоротечность таких личностных ухищрений, и заставило людей искать иные выходы из создавшегося положения, которые, к сожалению, в большинстве случаев не были возвратом к уже утерянным навыкам и имеющемуся опыту. Очевидно, что прекарность такой занятости связана не с нормализацией или даже не с возвышением человеческих устремлений, а с попытками избежать негативных последствий вновь возникшего не по воле самого человека негативного социального положения. Невостребованность инженерных, сельскохозяйственных, преподавательских, научных профессий отчетливо проявилась в количестве желающих получать эти специальности в высших и средне-специальных учебных заведениях – конкурсы на учебу в такие вузы и колледжи были мизерны, незначительны. И это объяснялось не только и не столько низкой оплатой труда, но и отсутствием выбора места для будущей работы [Абакумов, 2009; Дмитриева, 2008].

Если рассмотреть безработицу *в отраслевом разрезе*, то она поразила в первую очередь оборонную, машиностроительную, легкую и пищевую промышленность, а также сельское хозяйство. Если проблемы военно-промышленного комплекса были связаны с выполнением решений центральных органов власти, то в других отраслях действовало несколько «правил»: а) приобретение за бесценок многих заводов в результате сначала приватизации, а затем залоговых аукционов (один из первых олигархов Бенукидзе хвастался, что он приобрел Уралмаш по цене склада в Москве); б) сокращение или полное увольнение работников и даже закрытие предприятия из-за сложностей наладить новые рыночные связи; в) отказ бывших потребителей покупать отечественную технику и оборудование, отдавая предпочтение зарубежным аналогам; г) распродажа или передача в аренду зданий и инфраструктуры предприятий торговым и коммерческим организациям; д) сдача техники и оборудования на металл, в том числе и в другие страны, что, например, привело к такому казусу, когда в 1990-е годы Эстония вышла на одно из первых мест в Европе по продаже металлолома. Результатом этих акций стала массовая потеря рабочих мест и возникновение такого феномена, которого не знали в советской стране – огромной армии безработных [Плакса, 2005].

К этой форме безработицы примыкает ее проявление *в социально-территориальном разрезе*. Она проявила себя особенно в моногородах, когда закрывалось градообразующее предприятие или оно перестраивалось в некоторый набор оставшихся его подразделений,

которые собственник считал возможным сохранить. Не в меньшей мере это коснулось рабочих поселков, которые были созданы для добычи небольших объемов полезных ископаемых, что также затронуло и леспромхозы, массово закрываемые под натиском частнособственнических инициатив. В этот поток влились многочисленные группы сельских тружеников после ликвидации колхозов и совхозов. В результате многие работники, в том числе и квалифицированные специалисты, стали перед дилеммой — пытаться найти места приложения своего опыта и способностей в других городах или поселениях, или приспособиться к некоторым видам работы, которые предлагались на близком рынке труда [Капелюшников, 2001; Сакс, 1994].

Закрытие, ликвидация, перепрофилирование предприятий и организаций привели к росту такого явления, как неоотходничество, работа вахтовым методом, которые в первую очередь коснулись жителей малых городов и сельской местности. В поисках занятости многие из них, будучи специалистами по разным профессиям и опыту работы, вынуждены были соглашаться на самые различные предложения, в том числе случайного, эпизодического характера, для того, чтобы добыть средства для дальнейшего своего существования [Подробнее о некоторых из этих форм см.: Гордилова, 2010; Кибалов, 2009; Великий, 2012; Плюснин и др., 2013].

Социальное положение безработных

Обычно в научной литературе различают три вида безработицы: фрикционную, структурную и циклическую [Бреев, 2005].

Что касается *фрикционной безработицы*, то она представляет собой явление не только неизбежное, поскольку связана с естественными тенденциями в движении рабочей силы (люди всегда будут менять место работы, в наибольшей степени соответствующую их предпочтениям и квалификации), но и желательное, так как способствует более рациональному размещению рабочей силы и более высокой производительности (любимая работа всегда более производительная и творческая, чем та, которую человек вынужден выполнять). Иначе говоря, эта безработица — краткосрочна, может считаться и нормальной и естественной, поскольку она способствует более эффективному и рациональному размещению и использованию рабочей силы.

Говоря о *структурной безработице*, следует иметь в виду, что она обусловлена кардинальными сдвигами в экономическом развитии, которые связаны с изменением отраслевой структуры производства, причиной чего в настоящее время является информационная

и технологическая революция. Изменение структуры экономики ведет к изменению требований к рабочей силе, вследствие чего отмирают многие ранее существовавшие профессии и появляются новые, отвечающие потребностям перестраивающихся производств и развивающейся сферы услуг. Этот процесс сопровождается болезненными акциями, которые проявляются в сокращении занятости, увольнениях работников и росте числа безработных. Причина структурной безработицы – несоответствие структуры рабочей силы структуре рабочих мест [см. подробнее, например: Попова, 2016]. Это означает, что люди, имеющие профессии и уровень квалификации, не соответствующие современным требованиям современной отраслевой структуре, будучи уволены, не могут найти себе работу. Кроме того, к структурным безработным относятся люди, впервые появившиеся на рынке труда, в том числе выпускники высших и средних специальных учебных заведений, чья профессия уже не (или мало) требуется в экономике. К структурным безработным относятся также люди, потерявшие работу в связи с изменением структуры спроса на продукцию разных отраслей.

Структурная безработица более продолжительна и дорогостояща, чем фрикционная, поскольку найти работу в новых отраслях без специальной подготовки и переквалификации практически невозможно. Однако как и фрикционная, структурная безработица представляет собой явление неизбежное (т.е. связанное с естественными процессами в развитии и движении рабочей силы). Даже в высокоразвитых экономиках из-за постоянно меняющейся отраслевой структуры производства в связи с процессами модернизации эти процессы ведут и будут всегда вести к кардинальным сдвигам, провоцируя социально-экономическую напряженность в обществе.

Циклическая безработица представляет собой глобальную проблему, служит проявлением макроэкономической нестабильности, свидетельством неполной занятости ресурсов. В отличие от фрикционной и структурной безработицы, являющейся следствием несоответствия рабочих мест и рабочей силы, циклическая безработица – результат недостатка рабочих мест и избыток рабочей силы в экономике страны из-за снижения темпов экономического роста. Циклическая безработица связана с движением экономического цикла: в фазе подъема она существенно снижается, в фазе кризиса и депрессии резко возрастает. Выделяют экономические и неэкономические последствия этой безработицы, которые проявляются как на индивидуальном, так и на общественном уровне [См. подробнее: Приходько, 2011]. На уровне общества экономические последствия безработицы состоят в недопроизводстве валового национального продукта, отставании фактического ВВП от по-

тенциального ВВП. Согласно закону Оукена (закон естественного уровня безработицы) – если фактический уровень безработицы превышает естественный уровень на 1%, то отставание фактического ВВП от потенциального составляет 2–2,5%. Наличие циклической безработицы (когда фактический уровень безработицы превышает ее естественный уровень) означает, что ресурсы используются неполностью. Однако циклическая безработица возникает не только вследствие цикличности экономического развития, но и в результате ошибочной экономической политики, хронического экономического застоя. В этом случае ее называют «долговременной стагнацией». Кроме того, это также означает рост социальной напряженности, вплоть до политических переворотов.

На индивидуальном уровне экономические последствия безработицы заключаются в потере дохода или части дохода (т.е. снижении текущего дохода), а также в потере квалификации (что особенно отрицательно влияет на высококвалифицированных работников и тех, кто владеет новейшими профессиями), в уменьшении шансов найти высокооплачиваемую, престижную работу (т.е. в возможном снижении уровня будущих доходов), что может привести к апатии и фрустрации.

Наряду с названными видами безработицы существуют и специфические – зарегистрированная, застойная, технологическая, добровольная, региональная и даже фиктивная. [Более подробно см., например: Курс экономической теории, 2005]. Но особое, специфическое место занимает скрытая безработица. Она проявляется в различного рода модификациях ее основных видов, в которых при всей их специфике трудно и практически невозможно отделить ее некоторые комбинации от латентных ее форм. Именно анализ скрытой безработицы позволяет в наиболее полном виде познать специфические условия экономической жизни России, породившие *прекаризацию трудовых отношений*, которые в несколько модифицированном виде сохраняются и в настоящее время в современной России [Брайер, 2008; Шкаратан, 2012:348]. Причем российская специфика проявляется в том, что в отличие от многих развитых стран ее ряды постоянно пополняют в преобладающей численности высококвалифицированные специалисты, рабочие высокотехнологичных производств, люди, имеющие большой производственный и/или научный опыт, который вынуждает их принимать нестандартные решения.

Почему безработные относятся нами к прекариату?

Во-первых, они находятся на низшей ступени социальной иерархии, хотя большинство из них, особенно в депрессивных районах, являются обладателями необходимых для продуктивного труда

профессий, обладают квалификацией и опытом работы и в отличие от андеркласса (люмпенизированных групп) стремятся занять достойное место в трудовой, общественной и личной жизни. Социологические опросы показывают, что большинство безработных ищут возможность найти устраивающую их работу, чтобы вернуться к такой же или похожей социальной позиции и не утратить социальной статус, к которому они ранее привыкли и считают его показателем взаимоуважения в приемлемой для них социальной среде.

Во-вторых, многие из них лишены гарантированного права на труд, которое на деле, а не только в Конституции СССР, было реализовано в рамках советской социалистической экономики. И хотя в обеспечении этого права в советский период было немало издержек (низкая оплата труда, мелочная регламентация производственного процесса, искусственное политико-идеологическое вмешательство и др.), в принципе каждый работающий был глубоко убежден, что без работы он не останется. В настоящее время таких гарантий нет, хотя память о том, что было в стране раньше, живуча и не только у старших поколений. Поэтому нередко возникает парадоксальная картина — лишение (увольнение) права трудиться осуществляет частный собственник, а претензии за эту акцию работники предъявляют государству. Конечно, они частично правы, так как по большому счету занятость трудоспособного населения должно обеспечивать государство, но в реальной жизни очевидна его неспособность регулировать трудовые отношения во всем их объеме, в том числе и путем воздействия на поведение работодателей, какую бы форму собственности они не представляли.

В-третьих, прекаризация трудовых отношений проявляется в таких скрытых формах безработицы, как: а) формальная принадлежность к предприятию, организации, когда длительное время не оплачивается или задерживается заработная плата (по данным Росстата на декабрь 2017 г. долги по зарплате выросли и достигли 3,5 млрд руб.); б) мимикрией безработицы можно считать и такой прием, когда работникам уменьшались размеры оплаты труда и люди были вынуждены соглашаться на это, поскольку других вариантов поддержать свое существование не было. И в то же время работала старая, оставшаяся от советских времен патерналистская надежда — придет время и государство и работодатель «одумаются» и пойдут навстречу надеждам работников; в) отправление работников в длительные отпуска, что приемлется ими как вынужденная мера, но с надеждой на возвращение к нормальной работе, пусть и с небольшой (но все же гарантированной) оплатой труда. Их численность на разных этапах развития современной России достигала 20–30% работающих [Шкаратан и др., 2015:100].

И наконец, социальные последствия такого положения прямо и косвенно проявляются по многим направлениям, влияющим на качество жизненного мира, как всего населения, так и самих безработных. Они сказались особенно в 1990-е годы, когда уровень даже официальной безработицы достигал более 10%, что влияло на такой важнейший показатель травмы общества, как продолжительность жизни, когда средняя ее величина у мужчин опустилась ниже 60 лет, а у женщин — чуть больше 65. В результате совокупности причин, среди которых был и фактор безработицы, возник так называемый *русский крест*, когда в течение 1990-х годов смертность превышала рождаемость, в результате чего практически каждый год российское население уменьшалось почти на 1 млн человек. В 2017 г., после нескольких лет относительной стабилизации, возродилась опасная тенденция превышения смертности над рождаемостью.

Отсутствие гарантий достойного трудоустройства и достижения материального благополучия породило и такое явление, как отъезд за границу с целью получения работы по специальности и постоянного проживания. Особенно это затронуло высококвалифицированных кадров и научных работников, отток которых стал исчисляться сотнями тысяч человек.

Безработица и ее боязнь стали одной из причин широко распространенных страхов. Они заняли видное место в мотивах поведения и серьезно сказываются на показателях качества жизни [Дмитриева, 2008; Хейнс и др., 2007]. По данным Института социологии РАН эти тревоги в той или иной степени касались практически трети россиян [Средний класс...2016]. По данным Левада-Центра на октябрь 2017 г. 30% россиян убеждены в том, что число безработных растет несмотря на относительную стабилизацию, и почти столько же (29%) утверждают, что происходит сокращение кадров (увольнение) или это произойдет в ближайшее время [Заработная плата...2017].

Безработица безмерно увеличивает социальные болезни — заболеваемость, наркоманию, проституцию. Страдает полноценная забота о семье, о детях, ухудшается питание, уменьшается внимание к удовлетворению культурных потребностей. Увеличивается преступность, что особенно наглядно проявляется в период экономических кризисов.

Но самое, пожалуй, главное состоит в том, что люди попадают в полосу негативных реакций, теряют уверенность в себе, испытывают психологический дискомфорт и даже шок, что проявляется в самых различных вариантах. Как показывают социологические исследования, одни опускаются на социальное дно, пополняя ряды бездомных, бомжей, попрошаек и других представителей андер-

класса. Более того, они не видят выхода из создавшегося положения и прибегают к таким акциям, как самоубийство. (Добавим, что по числу самоубийств Россия вышла на 4-е место в мире.) Другие смиряются с создавшимся положением и пытаются всеми мерами приспособиться к новым условиям жизни, даже за счет утраты прежде завоеванных социальных позиций. Третьи вступают с позиций фрустрации — активного противостояния этому положению, хотя оно реализуется разными методами. Определенная часть вступает на поле политической и экономической борьбы, участвует в проводимых демонстрациях, митингах, пикетах. Еще одна часть пополняет ряды экстремистов националистического, религиозного толка. Кроме того, безработица — одна из причин пополнения рядов преступного мира, ибо потеря стабильного источника дохода может толкнуть человека на девиантные поступки (кражу, грабежи и даже убийство), стимулировать асоциальное поведение. И наконец, следует отметить, что ситуация с занятостью, отягощенная и другими факторами, в частности, с охраной здоровья, приводит к тому, что остается высокой смертность людей в трудоспособном возрасте: в 2016 г. она составила 435,5 тыс. человек [Цит. по: Кудрин, 2017].

На индивидуальном уровне неэкономические последствия безработицы состоят в том, что, если человек в течение продолжительного времени не может найти работу, это часто приводит к психологическим стрессам, отчаянию, нервным и сердечно-сосудистым заболеваниям, развалу семьи. Поэтому в условиях угрозы полной безработицы люди вынуждены приспосабливаться к предлагаемым условиям, соглашаться на неформальные условия труда и на любую работу в ущерб профессиональным возможностям, ориентациям и интересам.

Безработица как социально-политическая проблема

Решение проблем безработицы представляет собой не только собственно экономическую, но и социальную, а нередко и политическую проблему. Не случайно американский президент Франклин Делано Рузвельт, объясняя причину разработки и проведения им политики «Нового курса» для выхода из Великой депрессии, главной проблемой которой была огромная безработица (в США в этот период безработным был каждый четвертый), писал, что тем самым он хотел «предотвратить революцию отчаяния». Действительно, революции и вспышки политической напряженности всегда связаны с высоким уровнем социальной и экономической нестабильности, проявляющейся, в частности, в возникновении и росте армии без-

работных, полубезработных и работников с низким уровнем оплаты труда.

Как показывает анализ, безработица во многом является не только производной от проблем самой экономики, технологического развития, но и от неэффективной экономической политики, осуществляемой государством. Отсутствие или запаздывание реформ, диктуемых объективным процессом развития производства, ведут к деформации назревающих тенденций, возникновению точек напряженности. Это нередко происходит потому, что решение проблем экономики осуществляется узким кругом лиц, без привлечения науки, широкого круга экспертов, придерживающихся самых различных методологических принципов.

Не менее значимой причиной появления безработицы стала официальная установка, усиленно поддерживаемая неолибералами, что ее проблемы может решить рынок. Как следствие реализации этой политики — коммерциализация действий и акций всех компонентов жизнедеятельности общества, превращение их в товар, будь это выпуск продукции на предприятии или организация «заботы» о пенсионерах, молодежи и особенно детей.

Как показала практика многих государств, одним из действенных средств преодоления безработицы является создание рабочих мест, не обязательно таких же, которыми люди владели ранее. Опыт США в период Великой депрессии, когда миллионы людей были переключены на общественные работы по созданию инфраструктуры, в частности, дорог, продемонстрировал успешность такого решения проблемы безработицы. Этот опыт в последствии был использован многими государствами и показал свою действенность, результативность и эффективность. Стремление руководства России пойти по пути создания рабочих мест (президент России о создании 20 млн новых рабочих мест в процессе модернизации производства) решается с большим трудом и нет уверенности, что эта установка будет реализована в срок и с высокой степенью отдачи.

Можно констатировать, что, к большому сожалению, государственная программа по преодолению безработицы строится на суждениях узкого круга лиц (в основном неолиберального толка), которые свои заключения оформляют в виде официальных документов, практически без изучения и учета выводов не только представителей других точек зрения, но и при игнорировании выводов науки, а также мнения трудоспособного населения и самих безработных к предлагаемым мерам. В результате делаются многочисленные попытки реализовать некие умозрительные схемы (пусть даже продиктованные самыми благими намерениями), но без их сопоставления с предложениями специалистов и самих людей, ко-

которые постоянно сталкиваются с этой проблемой. Как показывает реальная практика, все такие проекты и прожекты за четверть века проведения рыночных реформ оказались обречены на провал или испытали серьезную деформацию. Стоит особо отметить, что российские работодатели, в отличие от своих коллег в Европейском союзе, реагируют на экономические шоки снижением зарплат, а не сокращением числа работников, что в определенной степени влияет на объемы безработицы в России и обеспечивает рост численности работающих бедных (до 13,8% в 2017 г.) [Мануйлова, 2017, 17 ноября].

Безработица во многом обусловлена тем, что не обеспечена действенная трудовая мобильность между отраслями, между территориями. При всем желании людей следовать этой принятой в мире тенденции, они сталкиваются с огромными препятствиями на пути осуществления этой мобильности — сначала со стороны государства и собственников, не предложивших (не предлагающих) условия и не гарантирующих безболезненную смену места жительства и места работы, а потом при решении проблем повседневной жизни — с жильем, с затратами на переезд. Важную роль играет установка — как не подвергнуть непредвиденным испытаниям семью и особенно детей.

Хотя государство пошло на такие издержки, как обеспечение безработных социальными пособиями, но они не имеют такой действенности, как забота о создании рабочих мест. Тем более, что предоставление социальных пособий сопровождается массой всяких оговорок и условий, которые не всегда можно соблюсти. Поэтому не удивительно, что многие безработные избегают их получать, стремясь самим найти выход из создавшейся трудной ситуации. Это важно для многих безработных и потому, что получение пособия по безработице частью из тех, кто не имеет работы, рассматривается как признание жизненного поражения, неумения постоять за себя и устоять под прессом неблагоприятных жизненных обстоятельств. Эффективность этой меры снижает и тот факт, что не так уж редки случаи, когда положение безработного устраивает некоторых людей, видящих в этом единственный способ обеспечить себя минимумом необходимого. Так, в одном из районов Москвы одного безработного устраивали на работу 42 раза, но он после короткого времени прерывал работать на рекомендованном ему месте и в очередной раз являлся за получением пособия по безработице. Иначе говоря, социальные гарантии иногда превращаются в удобное средство прикрытия своего паразитического существования.

Серьезный изъян в политике по преодолению безработицы представляет организация по переподготовке и переориентации лиц, лишившихся работы с последующим их трудоустройством.

Демонстрируемые иногда в СМИ успехи таких школ (курсов) пока единичны и не представляют целостную картину помощи тем, кто решил овладеть новой профессией, иной специальностью. К этому примыкает и слабая информированность безработных об имеющихся вакансиях, предложениях и условиях работы в той или иной сфере производства, в том или ином городе, в той или иной отрасли национального хозяйства.

Нет внятной программы по преодолению молодежной безработицы. Получение образования не гарантирует занятость. Тем более, что нарушение социального равенства и в сфере образования ведет к тому, что получает предложения по работе далеко не всегда тот, кто нормально учился, участвовал во всех делах своего учебного заведения, а тот, кто имеет так называемые социальные связи и/или богатых родителей. Такой подход к комплектованию кадров снижает мобилизацию талантов и творческой молодежи в ущерб росту и укреплению интеллектуального потенциала общества. Такая ситуация ведет к утрате веры в социальную справедливость, формирует пренебрежительное отношение к выбору профессии и, как следствие, провоцирует молодежь к участию в различных акциях протеста, что было характерно для всех эпох, а современное сегодняшнее время не является исключением (см. подробнее гл. 13).

Стоит сказать и о том, что существует реальная опасность роста социально-политической напряженности, которая принимает различные формы — от традиционных (демонстрации, забастовки, пикеты) до новых акций в виде Первомай, изобретенных сибирской протестной молодежью Монстраций, причинения в знак протеста ущерба здоровью себе, игнорирования участия в выборах, выставления требований на уровне провокации [Подробнее см. Дмитриев, Сычев, 2017].

На наш взгляд, в настоящее время стоит вернуться к идее Маркса о том, что богатство в будущем обществе будет заключаться в величине свободного времени, которое тратит человек лично на себя. Реализация этой идеи с точки зрения анализируемой проблемы состоит в том, что должна уменьшаться величина рабочего дня, рабочей недели, что даст, с одной стороны, возможность вовлечения в трудовой процесс большего количества трудоспособного населения, а с другой — потребует не только сохранения, но и увеличения количества тех средств, которые человек может потратить на удовлетворение личных потребностей и интересов. Именно такой подход позволит сформировать общество полноценных граждан, не просто обитателей определенных мест проживания или работы, чей круг социально-экономических, социально-политических и социально-культурных прав значительно урезан.

Последствия безработицы

Стабилизация ситуации в сфере занятости требует пересмотра подходов к регулированию занятости в общегосударственном масштабе. Эффективная перспективная стратегия содействия занятости населения может быть реализована только в том случае, если стабилизация занятости будет включена в состав наивысших приоритетов хозяйственной политики наравне с финансовой стабилизацией и рациональной организацией производства [Малева, Прокоров, 1999; Четвернина, 1999, 2002].

Реализация подхода к занятости как к одному из важнейших государственных социально-экономических приоритетов требует введения целевых показателей уровня занятости (безработицы) в официальные прогнозы, бюджетные проектировки и программы действий правительства РФ наравне с присутствующими в настоящее время в указанных документах показателями уровней инфляции, производства и другими, которые рассматриваются как приоритетные. Такая политика требует формирования общегосударственного регулирования занятости, создания новых рабочих мест с целью концентрации усилий на работе с незанятыми и безработными, что влечет соответствующую перестройку законодательства, включая нормативные акты о труде и занятости.

Концепция политики занятости в переходной экономике нуждается в соблюдении таких принципов, как приоритетность мер содействия занятости, прежде всего направленных на сохранение и создание новых рабочих мест, переподготовку кадров, профессиональную ориентацию с целью расширения возможностей трудоустройства. Немалую роль играет поддержание тех направлений спроса на рабочую силу, которые требуют наименьших затрат и дают быстрый результат в сфере занятости; сохранение отдельных элементов гарантированной занятости, в первую очередь, на государственных предприятиях и в процессе банкротства предприятий (фирм, банков).

Реализация мер по сокращению безработицы предполагает гибкую реакцию и максимальную адаптацию политики к потребностям конкретных профессиональных, региональных, отраслевых и социально-демографических групп трудоспособного населения при особом внимании к женщинам, молодежи, пенсионерам и другим социальным группам с пониженной конкурентоспособностью на рынке труда. Так как безработица связана со все возрастающими требованиями к квалификации рабочей силы, то это с жесткой необходимостью влечет приоритетность мер по поддержанию профессионально-квалификационного потенциала общества, в том числе

путем сохранения квалифицированного ядра трудовых коллективов на предприятиях, в организациях, учреждениях, а также заботы о профессиональных обучении и подготовке.

Чтобы избежать масштабов расширения бедности, в политике оказания эффективной социальной поддержки безработным необходимо воспрепятствовать процессам десоциализации (люмпенизации) этого социального слоя населения, что, в конечном счете, послужит профилактике социальных конфликтов.

При анализе безработицы в РФ выявляются не только экономические, но и социальные и политические негативные последствия, а также психологические травмы от потери работы. Что касается политических аспектов, то бедные, которые составляют ядро преркариата, более критично относятся к политике государства, лично к Президенту РФ, сочетая это с повышенным негативным отношением к странам Европейского Союза и США [<http://www.levada.ru/2017/04/13/proektsiya-rossii-na-zapad/>]. Этот протестный потенциал нарастает в период обострения социально-экономической ситуации в стране, а также при ошибочных действиях власти вроде попыток в 2000-е годы монетаризации пенсионного обеспечения, что привело в массовому возмущению.

К социальным последствиям безработицы относится повышение уровня заболеваемости и смертности, а также рост преступности. Издержками безработицы являются также те потери, которое несет общество в связи с расходами на образование, профессиональную подготовку и обеспечение определенного уровня квалификации, которые в результате оказываются не в состоянии их применить, а, следовательно, окупить.

Безработица ведет к неполному использованию экономического и интеллектуального потенциала общества. Незанятая рабочая сила не участвует в росте национального богатства, поэтому в стране возникают потери от неполного использования производительных возможностей. При продолжительной безработице теряется квалификация высвободившихся работников. Особенно ощутимы социально-экономические потери в связи с массовыми увольнениями и вынужденными переходами на малоквалифицированную работу специалистов и научных работников. Даже при последующем включении в производственный процесс работник, как показывают исследования, выходит на нормальную, устойчивую высоту производительности труда примерно за полугодовой срок работы.

Проблема безработицы является ключевым вопросом в рыночной экономике. Не решив его, невозможно наладить эффективное функционирование рабочей силы. Особенно остро проблема безработицы стоит перед Россией, что не удивительно, так как ее эконо-

мика сейчас находится в глубоком кризисе. Огромный экономический спад в 1990-е годы, а затем в кризисы 2008 и 2014/2015 годов, поразив промышленность и другие отрасли национального хозяйства, не могли не затронуть рынок труда. Не менее тяжелы и социальные последствия безработицы. Эксперты по проблемам труда и занятости признают, что «безработица — это нечто большее, чем экономическое бедствие, это также и социальная катастрофа. Депрессия приводит к бездеятельности, а бездеятельность к потере квалификации, потере самоуважения, упадку моральных устоев, а также к общественным и политическим беспорядкам» [Абакумов, 2009; Кейнс, 2009; Сакс, 1994].

Таким образом, к последствиям безработицы следует отнести: падение производства; уменьшение национального дохода и бюджета, снижение налоговой базы; увеличение социального неравенства; порождение массовой депрессии; рост безразличия к содержанию труда; снижение квалификации специалистов в разных сферах; обесценивание образования; а также рост криминогенной ситуации; психоэмоциональной напряженности; числа душевных заболеваний.

Литература

Аврамова Е.М., Верпаховская Ю.Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социологические исследования. 2006. № 4.

Абакумов Н.Н. Безработица и самозанятость. М., 2009.

Брайер К.Х. Безработица и неполная занятость // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 101–108.

Безработица, структурная перестройка экономики и рынок труда в Восточной Европе и России / Под ред. Р. Емцова, С. Коммандера, Ф. Коричелли. М.: ИНФРА-М., 1995.

Бреев Б.Д. Безработица в современной России. М.: Наука, 2005.

Великий П.П. Неотходничество или лишние люди современной деревни? // Социологические исследования. 2010. № 9.

Гордилова О.А. Занятость населения и ее регулирование. Белгород, 2010.

Дмитриев А.В., Сычев Г.Н. Провокация. М., 2017.

Дмитриева М.В. Мотивационные установки личности в ситуации потери работы: теоретический и исследовательский аспекты. Белгород: Политерра, 2008.

Занятость и политика на рынке труда в некоторых странах с переходной экономикой: Серия публикаций по социально-трудовым вопросам в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Вып. 5. М.: Издание бюро МОТ в Москве, 2000.

Заработная плата и безработица // Левада-Центр, 20–24 октября 2017 г.

Истомин В. Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия. 2015. № 3.

Капелюшников Р. Российский рынок труда. Адаптация без реструктуризации. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

- Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2012.
- Кибанов А.Я.* Управление трудовыми ресурсами. М.: ИНФРА-М., 2009.
- Кудрин заявил о риске потери Россией статуса технологической державы / Interfax.ru. 2017, 23 ноября.
- Малева Т.М., Прокопов Ф.Т.* Политика противодействия безработице / Бюро экономического анализа. М.: РОССПЭН, 1999.
- Мануйлова А.*, Восстановление экономики / Коммерсантъ, 2017, 17 ноября.
- Мелкумян А.* Проблемы безработицы // Экономист. 2008. № 8. С. 61–63.
- Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
- Мосолова В.М.* Кризис и безработица в России. Безработица в России в преддверии второй волны кризиса / Российское предпринимательство. 2010. № 2. С. 29–33.
- Плакся В.И.* Безработица: теория и современная практика (социально-экономический аспект). М., 2005.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М., 2013.
- Попова И.П.* Несоответствие профессиональных компетенций требованиям рабочих мест на рынке труда в международном и российском контекстах. М., 2016 (Экономика высшей школы: Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования / ФИРО; вып.11).
- Приходько А.В.* Макроэкономика. М., 2011.
- Прокопов Ф.* Безработица и эффективность государственной политики на рынке труда в переходной экономике России. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ТЕИС, 1999.
- Рикка С.* Служба занятости: природа, назначение, функционирование / Пер. с франц. И.А. Дунаевой. М., 1993.
- Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М., 2016.
- Ржаницына Л.С.* (ред.). Труд, занятость, безработица. М.: Юридлит, 2008.
- Сакс Д.* Рыночная экономика и Россия М.: Экономика, 1994.
- Хейне П., Боуттке П., Причитко Д.* Экономический образ мышления, 10-е издание / Пер. с англ. Т.А. Гуреш. М.: Изд. Дом «Вильямс», 2007.
- Четвернина Т.* Кризис Фонда занятости и механизмы его преодоления // Вопросы экономики. 1999. № 11.
- Четвернина Т.* Российская система социальной защиты от безработицы в контексте мирового опыта // Вопросы экономики. 2002. № 11.
- Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
- O'Leary Ch., Nesporova A., Samorodov A.* Manual on Evaluation of Labour Market Policies in Transition Economics. ILO. Geneva, 2001.

ФРИЛАНСЕРЫ – КАНДИДАТЫ В ПРЕКАРИАТ?

Фриланс как новая форма наемного труда

Впервые понятие «фрилансер» (freelancer), букв. «вольный копеечник» было применено к средневековым наемникам – профессиональным военным, служившим различным хозяевам за вознаграждение. С XIX века так стали именовать «свободных художников», независимых журналистов, а также представителей других творческих занятий. Сегодня профессиональная палитра фриланса значительно обогатилась, а сам термин широко распространился в среде независимых работников, присутствует в названиях Интернет-сайтов (в том числе посвященных поиску работы), различных ассоциаций и даже профсоюзов [Подробнее см.: Стребков, Шевчук, 2010].

Однако как весомая социальная общность—фрилансеры—начала формироваться сравнительно недавно. В 2000-е годы ее объем и влияние стали стремительно расти. Их появление на исторической арене обусловлено новыми потребностями социально-экономического развития – начинается смена «работника организации» независимым работником, занятость которого не будет связана с конкретной фирмой или компанией, а обеспечение доходов, выстраивание карьеры и профессиональная реализация решаются им самостоятельно [Пинк, 2005; Хэнди, 2001]. Среди российских исследователей одними из первых в изучении этого феномена следует назвать уже ставшую известной «Перепись фрилансеров», осуществленную Д. Стребковым и А. Шевчуком в ходе онлайн-опросов в 2008, 2011 и 2014 гг., организованных через биржу удаленной работы. Ими было получено более 7 тыс. валидных анкет фрилансеров (в 2014 г. – 16019 анкет). Методология и методические особенности исследования описаны в: [Стребков, Шевчук, 2009, 2015].

Так как это сравнительно новое явление на рынке труда, оно еще не в полной мере осмыслено. Имеются разноречивые точки зрения при определении сущности и содержания фриланса. Дается и разная трактовка типологии и основных черт фрилансеров.

Одни исследователи относят их к среднему классу, считая их не только высокодоходной группой, но и творческой, самостоятельной в своих действиях, могущей много положительного сделать в определенных отраслях экономики, самодостаточной в организации публичной и приватной жизни. Поэтому в состав среднего класса они включали тех, кто обладает не только такими чертами, как высокий и устойчивый уровень дохода, но и профессиональное мастерство,

автономность в решении общественных и личных проблем, высокий уровень образования и квалификации, их возможность выступать экспертами [Горшков, Седова, 2015].

Есть суждения о том, что это специфическая группа индивидуальных предпринимателей, работающих в особом режиме, имеет родственные черты с малым бизнесом, обладают деловой хваткой, рыночным чутьем, проявляют лучшие менеджерские качества, берут на себя всю ответственность за реализацию поставленных целей. Как правило, они хорошо ориентируются на финансовом поле, их экономическое поведение отличается грамотностью, хорошей ориентировкой при достижении поставленных задач [Чепуренко, 2012]. В ряде случаев их сравнивают с «надомниками» (занимающимися работой на дому), с чем трудно согласиться, так как это сравнение некорректно. И хотя в законодательство введен термин «удаленное рабочее место», все же надо иметь в виду, что надомный работник имеет постоянную работу, постоянно отчитывается перед работодателем. Кроме того, большинство из надомников не могут быть отнесены к работающим при помощи информационных систем. Обычно надомные работники выполняют четко фиксированные формы трудовой деятельности, и их творческие замыслы весьма ограничены. Поэтому сравнение и/или совмещение фриланса с надомной работой только по форме функционирования игнорирует принципиально отличие их при выполнении производственных функций [Харченко, 2014; Хэнди, 2001: 196].

Ряд исследователей относят фрилансеров к специфической группе самозанятых, что вносит серьезные коррективы в представления о социальной структуре общества. Их специфика заключается в принципиально важном критерии — они сами определяют формы, способы и методы участия в производительном труде. Для того, чтобы уточнить, кто может быть причислен к этой форме занятости и к этой профессиональной культуре, были проведены исследования, в которых сопоставлялись данные статистики и социологических опросов фрилансеров [Стребков, Шевчук, 2010, 2015; Нестандартная занятость...2006]. Иногда подчеркивается, что этот вид занятости охватывает и традиционные профессии, имеет четкую ориентацию на достижение личных (персональных) целей, и, более того, создает предпосылки для своеобразной международной мобильности [Чечулина, 2016]. Но в основном и чаще всего к фрилансерам причисляют лиц, которые в своем большинстве выполняют работу в удаленном, «электронном» режиме. В настоящее время в связи с ускоряющейся модернизацией меняется содержание труда многих профессий, в котором увеличивается интеллектуальная составляющая, связанная с производством и обработкой ин-

формации. При этом для выполнения трудовых функций все чаще требуется определенный «набор» инфокоммуникационных средств. Можно разделить фрилансеров и в зависимости от специализации, что, на наш взгляд, достаточно перспективно. В целом же, по данным экспертов, 28% фрилансеров специализируются в области информационных технологий, 35% — в сфере художественного и промышленного дизайна, 38% — заняты текстами и переводами, 12% фото/аудио/видео и 12% — рекламой, маркетингом, консалтингом.

Интересные предложения высказаны Д. Стребковым и А. Шевчуком, которые в основу типологизации положили трудовой статус или статус занятости, на основании чего ими были выделены три основные группы: убежденные фрилансеры (только фриланс), совмещающие фриланс с предпринимательской деятельностью, совмещающие фриланс с работой в штате [Стребков, Шевчук, 2015]. Имеются и другие попытки классифицировать фрилансеров: опытные фрилансеры, мамалансеры, хобби-фрилансеры, студенты-фрилансеры и фрилансеры-востребованные работники [Харченко, 2014: 57–63].

Отметим, что во всех предлагаемых типах особый акцент делается на том, что в реальную жизнь вошли группы высококвалифицированных специалистов, образующих особую специфическую общность с ярко выраженными особенностями, присущими этой форме занятости. При этом надо иметь в виду, что, хотя фрилансеры считаются людьми полностью олицетворяющими самозанятость, часть из них одновременно совмещает ее с работой в официальных государственных, акционерных и частных организациях. То, что этот слой имеет достаточно высокий интеллектуальный уровень, говорит тот факт, что 70% из них имеют высшее образования, а 6% из них два высших образования и/или ученую степень. Поэтому вполне справедливы утверждения, что работу этих слоев иногда называют электронной занятостью, чтобы более четко отличить от других форм и видов самозанятости, связанных с выполнением личных услуг (няни, сиделки, личные парикмахеры и садовники и т.д.), с деятельностью индивидуальных предпринимателей, производящих потребительские товары, а также от домашнего труда.

Надо особо отметить работы, в которых обобщается реальный опыт фрилансеров, которые анализируют конкретные проблемы, возникающие в процессе этой формы деятельности. Правда, для них характерна в основном позитивная оценка работы фрилансеров и содержится определенный элемент рекламы [Антропов, 2007; Бубнов, 2008; Мурадова, 2007].

Особо надо подчеркнуть, что в современном постиндустриальном обществе на рынке труда все чаще востребованными становятся

профессии, связанные с обработкой и производством информации, оказанием услуг в виде проектов, выполнением определенного набора заданий, что не требует быть постоянным сотрудником с полной и стабильной занятостью и фиксированным рабочим местом: их все чаще заменяют работники, готовые трудиться проектно, временно и удаленно [Малоун, 2006; Gareis, 2002; *Inventing the organizations...*, 2003]. В соответствии с этими тенденциями происходит быстрый рост этой формы занятости. Если в 2009 г. количество зарегистрированных пользователей на самом крупном отечественном портале *freelance.ru* составляло 350 тыс. человек, то к концу 2012 г. их было более 1,3 млн [Чеплашкин, 2013:18], а в 2015 г., по мнению экспертов (Д. Стребков, А. Шевчук) их численность превысила 1,5 млн.

Как отмечает В.С. Харченко, изучая практики фриланса, возникает очень важный вопрос: «Почему люди выбирают занятость не в организации, обеспечивающей стабильность и защищенность, а самостоятельно выстраивают трудовую стратегию, биографию с ее рисками и неопределенностью?» И ответ на этот вопрос можно получить, определив, какие позитивные черты фриланса привлекают часть людей и какие негативные моменты их предостерегают от занятия этой формой занятости. При этом надо учесть два момента: а) какие ценности разделяют эти люди, как и при помощи каких тактик, они выстраивают свое поведение, карьеру и что представляет успех в их понимании; б) как это в макроэкономическом плане влияет на решение схемы «занятость *versus* безработица», ибо в фрилансе «речь давно уже идет не о перераспределении занятости, а о перераспределении безработицы, которое происходит в новых формах, комбинирующих безработицу и занятость» [Бек, 1996].

Позитивные характеристики занятости фрилансеров

Когда появились и стали формироваться эти группы самозанятости, преобладали оптимистические оценки их труда [См., например: Демушкина, 2012; Стребков, Шевчук, 2010].

К позитивным ее качествам, во-первых, относят свободный график работы, независимый ни от какого работодателя, возможность строить свой рабочий день по своему усмотрению, делать перерывы для отдыха или релаксации. Ощущение свободы в отличие от работы в офисе, отсутствие постоянной регламентации в организации трудовых обязанностей приводит этих людей к выводу, что можно принципиально по-иному реализовать свой потенциал, в том числе и посредством фриланса.

С этим связана и ответственность за выполнение заказов, нередко влекущих за собой жесткий, уплотненный и напряженный

распорядок работы, но построенный не по приказу, а по личному решению — принимать его для себя или нет. Эта форма работы связана также с личным решением — как строить свой ежегодный режим работы, когда иметь отпуск или делать из него несколько, никак не ограничивая его величиной и продолжительностью. Вот почему в интервью с фрилансерами они нередко подчеркивали эту независимость по установлению своего рабочего графика, хотя в то же время подчеркивали, что это повышает ответственность за выполнение взятых на себя обязательств, требует самодисциплины и высокой степени самоорганизации.

Во-вторых, к позитивным моментам в работе фрилансеров можно отнести и потенциально более высокий уровень оплаты труда. По некоторым подсчетам, она как минимум вдвое превышает оплату такого же труда в компаниях и/или государственных организациях, хотя как показывает социологический анализ у многих «чистых» фрилансеров (около двух третей) заработок не превышает 36 тыс. руб. в месяц [Стребков, Шевчук, 2015:93].

В-третьих, возможность работать сразу на нескольких заказчиках, что гарантирует стабильность в случае, если по тем или иным причинам произойдет уменьшение их числа. Но это и не ставит его в сложные условия как работника в официальных или теневых организациях, когда лишение места работы переводит человека в разряд безработных. Поэтому определение количества заказчиков зависит от самого фрилансера — он сам может сопоставить свои возможности и способности, а также интерес к тому или иному предложению.

В-четвертых, фрилансер имеет возможность работать в удаленном режиме, даже в небольших населенных пунктах, где спрос на имеющуюся у него профессию и специальность может быть низким или нулевым.

В-пятых, фрилансер может работать, путешествовать и отдыхать одновременно, уезжать в другую страну или другой регион, так как заказчикам безразлично, где он работает, как строит свое рабочее время — им важен результат, качество выполненной работы и соблюдение сроков.

И наконец, многие фрилансеры отмечают, что на фрилансе работать комфортнее и спокойнее. При социологических опросах они указывают на возможность проявить творчество, свободно распоряжаться своими намерениями, более полно использовать имеющийся личный социальный капитал, видеть результаты своего труда, полнее использовать полученное ими образование. Но понимание свободы творчества неодинаково, и фрилансеры воспринимают ее по-разному, например, как мобильность, как раз-

нообразии, как отсутствие контроля. Стремление к свободе особо выделили фрилансеры-участники переписей.

Ценность свободы особенно ярко проявляется в описании мотивации перехода в фриланс. По данным В.С. Харченко, в интервью с фрилансерами были выявлены следующие мотивы ухода в «свободное плавание»: независимость, удовлетворение от новой профессии, творческая самореализация, наличие свободного времени и возможность организовать свой досуг, отпуск и, главное, взаимоотношения с близкими, семьей: «ты сам себе хозяин (...) можно какие-то вещи ставить на первый план, а работу все-таки на второй» (художник, стаж 2,5 года). Свобода как отсутствие ограничений выразилась в том, что во фрилансе есть возможность освободиться от привязки к конкретному рабочему месту (48%), не надо подчиняться корпоративным правилам (36%) и начальству (35%). При вопросе о преимуществах фриланса лидирующее место занимают ответы «возможность самому выбирать время работы» (79%), «возможность самому выбирать себе проекты по душе» (55,6%), «возможность совмещать фриланс» (39%) [Стребков, Шевчук, 2011: 105]. В третьем раунде своего исследования Д. Стребков и А. Шевчук, исходя из базового основания анализа трудовых траекторий фрилансеров, выявили следующие по значимости трудовые ценности — на первое место вышла возможность самореализации, на второе — социальная значимость выполняемой трудовой деятельности, на третье — комфортный режим трудовых усилий, на четвертое — стремление к материальной стабильности, на пятое — соответствие работы способностям, склонностям [Стребков, Шевчук, 2015: 81–82].

Формирование собственного стиля работы и выстраивание успешных взаимоотношений зависят от умения фрилансера управлять своим временем, что непосредственно связано с ответственностью, которую он готов нести за выполняемую им работу, с репутацией, с дальнейшим сотрудничеством с заказчиком. Отсюда вытекает их стремление следить за новинками и достижениями как в отечественном, так и мировом информационном потоке и пытаться использовать их в своей деятельности.

Отсюда становится понятной их высокая степень удовлетворенности трудом, атмосферой поиска, противопоставления своей занятости прежним условиям работы (это подчеркивается теми, кто ранее трудился в официальных структурах с мелочной регламентацией трудового процесса). Потребность делать так, как считает сам фрилансер, и быть таким, каким он сам себя ощущает — важное преимущество, которое им высоко оценивается. По данным переписей возможность лично нести ответственность за результат («ре-

зультат работы зависит только от меня, моих усилий») важна для половины фрилансеров (50%) [Стребков, Шевчук, 2011: 105].

Удовлетворенность работой тесно связана с ценностью «возможность самореализации». При опросе фрилансеры упоминали о том, что они могут быть самими собой, когда сравнивали опыт работы в организации: «нет никаких посредников, я работаю напрямую с заказчиком», описывали опыт: «вот как вы видели, так и будет, не лучше не хуже», внешний вид: «вот я сейчас в футболке сижу» и свой настоящий стиль работы: «я сова, и работаю допоздна» (Цит.по: [Харченко, 2014: 57]).

В заключение следует сказать, что в ряде случаев фриланс – первый шаг на пути создания собственного бизнеса. Обычно это присуще тем фрилансерам, которые завоевали авторитет, признание в своей нише услуг, могут опираться на рекомендации, отзывы, демонстрировать качество выполненного заказа. Надежность фрилансера как работника определяется его репутационным ресурсом, который формируется, с одной стороны, через накапливаемые опыт, навыки, умения и портфолио (портфель реализованных проектов, работ), с другой – через социальные сети заказчиков (через рекомендации бывших – будущим) [Стребков, Шевчук, 2015: 79; Харченко, 2014:56; Хэнди, 2001: 70].

«Построение сети» является также одним из факторов развития фриланс-карьеры: в какой-то момент фрилансер перестает искать или минимизирует поиск заказчиков, проекты, так как работодатели сами предлагают работу, обращаются к фрилансеру лично, ибо они заинтересованы в выполнении работы именно этим специалистом, знают, как он умеет работать, как с ним выстроить коммуникацию и, что особенно важно, что ему можно доверять. И конечно, в этом случае фрилансеру надо осознать, что помимо творческой работы ему придется выполнять массу организационных, правовых, экономических и финансовых функций наряду с умением руководить людьми.

Прекарные характеристики занятости фрилансеров

После первоначального этапа одобрения и даже восхваления труда фрилансеров как независимых самостоятельных работников, лично, не по принуждению организующих свой рабочий график, получая большее вознаграждение за свой труд и удовлетворение от выполненной работы, наступило время более взвешенного отношения к этой форме занятости.

Более глубокий анализ их сложившегося жизненного мира и занятости, показал, что есть у них немало черт, которые их роднят не столько со средним классом, сколько с прекариатом.

В чем это проявляется?

Прежде всего, с тем, что большая часть фрилансеров находится вне поля действия трудового законодательства [Чаплышкин, 2013:20]. У них нет защиты во взаимодействии с заказчиком: фрилансер сам отстаивает свои права в случае конфликтной ситуации, так как у него нет официального статуса, который мог бы ему помочь. Такие работники не имеют такой формы организации, как профсоюз, хотя уже первые опыты профессионального объединения фрилансеров в ряде стран Западной Европы уже имеются. Нередко высок риск при недобросовестных действиях заказчика, при которых фрилансеру непросто доказать сам факт наличия договорных отношений (если договор заключается в устной форме или через интернет-ресурсы, где невозможно идентифицировать стороны сделки).

Далее, несмотря на то, что часть фрилансеров получают высокие доходы, хотя и не всегда постоянно, их заработок не стабилен, сама занятость имеет нередко большие перерывы. Доход крайне неравномерен во времени в сравнении со схемой аванс/расчёт при работе в штате. Эта ситуация предполагает дополнительную ответственность, что требует умения планировать свой повседневный среднесрочный и долгосрочный бюджет, в том числе и видеть перспективу — а что будет с будущей пенсией. Именно эта ситуация ставит их в неустойчивое положение. Нестабильность в занятости у них является, возможно, самой главной проблемой.

С этим связана проблема легализации доходов, которая часто не урегулирована в трудовом законодательстве. Если фрилансер не декларирует свои доходы и не уплачивает подоходный налог — возможны проблемы с законом, что является актуальным не только для России, но и для большинства стран мира.

Далеко не все из них имеют постоянные заказы, предложения продолжить работу. Подрывает стабильность и отсутствие клиентов, готовых принять их предложения, а не конкурирующих лиц. Чередование и комбинация занятости, наличие периодов «без работы» — одна из важных характеристик жизненного мира фрилансеров, так как временная и контрактная занятость, зачастую сводимая к работе по проектам, не позволяет обеспечивать стабильность занятости/доходов и, как следствие, постоянство в «работе» [Харченко, 2014:55].

Стоит обратить внимание на отсутствие у многих из них социальных гарантий и льгот — не имеют оплачиваемого отпуска, нет социального пакета, который существует во многих фирмах и организациях.

Для части фриласеров большие трудности в выполнении заказов вызывает несоответствие образования и имеющихся навыков и опыта работы предлагаемым заказам, что при их выполнении проявляется в качестве окончательного результата.

То, что часть фрилансеров – кандидаты в прекариат – показывает анализ выбора пути в эту сферу занятости. Хотя, как показывают социологические данные, среди убежденных фрилансеров 45% избрали этот вид деятельности добровольно, имеется немало тех, для которых такое решение было вынужденным: 16% потеряли работу (увольнились или были уволенными, не могли найти работу в штате), а у 14% возникли семейные проблемы (рождение ребенка, уход за другими членами семьи) [Стребков, Шевчук, 2015: 86].

Нестабильность социального положения ведет к неуверенности в завтрашнем дне, к психологическим переживаниям, и даже к стрессам, что серьезно сказывается на состоянии здоровья. Поэтому необходимо постоянно самостоятельно искать новые заказы, что требует отвлечения внимания, а иногда и прямых финансовых затрат (в случае покупки услуг). При фрилансе необходимо участвовать в тендерах на заказы, бороться с конкурентами, общаться с клиентами. Для некоторых психологических типов личностей это может оказаться более нервным стилем работы, нежели работа в штате компании.

Проблемные ситуации в жизни фрилансеров

Работа по проектам, непостоянство работы и особые тактики профессионализации (наращивание опыта, овладение новыми навыками и специализациями) указывают на то, что в фрилансе карьера имеет нелинейную траекторию и в целом может быть охарактеризована как лоскутная. Нелинейность и лоскутность формирует «фриланс-карьеру», основными чертами которой являются индивидуализация и продвижение не вертикально, а горизонтально (хотя мы допускаем, что переход к статусу индивидуального предпринимателя может быть рассмотрен как случай восходящей мобильности – переход от ненадежного к «защищенному» положению), развитие или расширение профессиональных навыков, компетенций. Все эти особенности фриланса как модели трудовых отношений определяют образ жизни фрилансеров: структуру работы, совмещение (баланс) с другими видами жизнедеятельности, профессию/специализацию, а также удовлетворенность жизнью, социальное самочувствие и успех [Бурлуцкая, Харченко, 2013].

Высокая степень ответственности, которую принимает фрилансер, не всеми воспринимается позитивно — как недостаток фриланса 16,4% участников переписи отметили «необходимость самому себя организовывать и контролировать». Но мы склонны считать, что эти данные свидетельствуют о важном элементе, влияющем на успешность фрилансера, его деятельность и качество жизни — это тайм-менеджмент, или умение управлять своим временем, сочетать различные виды активности (досуговые, трудовые и пр.). Особенно это актуально на начальном этапе фриланса, «входа» или «перехода», когда отсутствие навыков эффективного планирования, соизмерения объема задач и времени, необходимого для их выполнения, приводят к недовольству со стороны заказчиков, задержкам сроков выполнения работы. Это отрицательно влияет на репутацию, которую фрилансеру необходимо заслужить путем формирования не просто объемного портфолио, а положительных отзывов и рекомендаций (особенно бывших и постоянных) заказчиков [Подробнее см.: Хенди, 2001]. Если сами по себе заказчики играют важную роль для самого фрилансера, то еще более значимым является формирование сети заказчиков. Именно установление связей, основанных на позитивном опыте, делают связь устойчивой и, в логике сетевого подхода, плотными и прочными связи между звеньями (фрилансерами и заказчиками).

Карьера во фрилансе дифференцирована по нескольким основаниям — это и «стаж», и особенности дополнительной занятости (учеба в вузе, предпринимательство, уход за детьми и пр.), и объемом социального капитала, которым обладает фрилансер. Поэтому определить успешность карьеры фрилансера достаточно сложно, так как представление об успехе является неконвенциональной характеристикой: для некоторых фрилансеров это уровень доходов, для других — количество заказчиков, рейтинг на виртуальных рынках труда, или сложность заказов, работ, которые они могут выполнить, профессионализм, экспертность и пр. Если охарактеризовать фрилансеров в целом — это независимые профессионалы, для которых фриланс является подходящим, удобным и приемлемым способом выстраивания занятости, карьеры, определяющим их жизненный мир. Возвращаясь к проблематике возможностей фриланса и, в частности, определению баланса между работой и/или семьей, досугом, получением образования, хобби, отметим, что это зачастую основной мотив перехода в фриланс. Как показывают данные переписей, около 80% всех фрилансеров — это совместители: студенты вузов, предприниматели, домохозяйки и штатные сотрудники организаций. Такое деление фрилансеров можно определить как одну из типологий, основанную на критерии наличия/отсутствия

Трудовые ценности: сравнительный анализ
(% по группе, в скобках указан ранг)

Трудовые ценности	Чистые фрилансеры	Совместители	Штатные сотрудники организаций	Население России
	2014 г., N = 2011	2014 г., N = 2610	2013 г., N = 1599	2007 г., N = 6663
Интересная, творческая работа	76 (1)	72 (2)	37 (4-6)	66 (3)
Размер оплаты труда	70 (2-3)	77 (1)	77 (1)	96 (1)
Удобный график работы	70 (2-3)	58 (3)	38 (4-6)	61 (4)
Возможность получать новые знания, умения	64	65	57	—
Соответствие работы способностям	59 (4)	50 (4-5)	37 (4-6)	45 (5)
Работа, на которой Вы чувствуете, что можете чего-то достичь	46 (5)	50 (4-5)	58 (2)	39 (6-7)
Возможность проявлять инициативу	36 (6)	35 (6-7)	34 (7)	25 (9-10)
Надежное место работы	19 (7-9)	36 (6-7)	54 (3)	75 (2)
Работа, вызывающая уважение у людей	18 (7-9)	21 (8-9)	23 (8-9)	35 (8)
Ответственная работа	18 (7-9)	21 (8-9)	22 (8-9)	22 (11)
Не слишком напряженная работа	15 (10)	9 (10)	7 (11)	24 (9-10)
Большой отпуск	11 (11)	7 (11)	10 (10)	39 (6-7)

Источник: [Стребков, Шевчук, 2017: 86]

совмещения фриланса с другими видами занятости,— «чистые» фрилансеры и совместители [Стребков, Шевчук, 2015:89; Харченко, 2014: 57].

Именно многообразие и многовариантность занятости: фриланс — совместительство и штатные сотрудники организаций называется и на трудовых ценностях (см. табл. 2).

По мнению Стребкова и Шевчука, у фрилансеров менее выражена материальная мотивация: «хорошая оплата» является основным приоритетом для работающего населения России в целом (96%), штатных сотрудников и совместителей (по 77%), тогда как для фрилансеров она отходит на второй план (70%). На первом месте у фри-

лансеров «интересная, творческая работа» (76%), которая гораздо меньше интересует штатных работников (37%) и работающих россиян (66%). Совместители в этом отношении ближе к фрилансерам (72%). Фрилансеры также высоко ценят «удобный график работы» (70%) и «соответствие работы способностям» (59%), ценности, которые не входят в число основных приоритетов у штатных работников и работающих россиян. С другой стороны, стремление к достижениям (46%) и социальному признанию (18%) у фрилансеров выражено слабее, чем у других социальных групп работников. Особенно показательным является отношение к стабильности занятости: пункт «надёжное место работы» отметило только 19% фрилансеров, 36% совместителей, 54% штатных работников и 75% работающего населения России. Не в особой цене у фрилансеров ценности трудового комфорта («большой отпуск», «не слишком напряженная работа»). На что они смотрят как на производное от более значимых показателей — творческой работы и материальной обеспеченности.

Рассматривая фриланс как особый стиль жизни, укажем, что его основу составляют ценности, разделяемые «свободными агентами», а именно — свобода, возможность оставаться самим собой, ответственность и собственные критерии успеха. Как показали исследования, именно их разделяют фрилансеры, хотя и с различными интерпретациями [Харченко, 2013]. Обозначая свободу как «первый компонент трудовой этики свободных агентов», Д. Пинк считает, что наивысшей формой ее проявления является возможность «поступать по своей воле», выбирать [Пинк, 2005: 72–73]. Возможность оставаться свободным связана у Пинка с концепцией отчуждения труда К. Маркса: «если вы стали свободным агентом, работа неотделима от вашего “я” ... Однако если работа глубоко проникла в ваше “я”, от нее сложнее абстрагироваться, а это значит, что она может целиком поглотить человека и даже подавить его личность» [Пинк, 2005: 78]. Поэтому при изучении жизненного мира фрилансеров важное место занимает анализ: практик занятости, организации работы, взаимодействия с заказчиками и оценки, восприятия и понимания профессионализма. Ответственность как ценность также имеет важное значение, так как организация (как работодатель) сглаживает дифференциацию в трудовом коллективе, как следствие — «рабочие лошадки» и творческие умы субсидируют «лодырей и бездельников» [Пинк, 2005: 80]. Поэтому для фрилансеров возможность нести ответственность является и мотивом, и требованием, влияющим на успешность. Критерии успеха для них — совершенно разные возможности: для одних — только увеличение дохода, но для все большего числа свободных агентов работа должна приносить удовлетворение, а сам работник может иметь возможность

устанавливать собственные приоритеты и ни от кого не зависеть. Но это не снимает ответственности и одновременно тревожности — сумею ли я выйти самостоятельно из непредвиденных жизненных обстоятельств [Пинк, 2005: 82].

Доверие — одним из важных элементов в фрилансе — оно определяет успешность взаимодействия между фрилансером и заказчиком в целом и влияет на необходимость фрилансеру «изобретать» механизмы для защиты от вероятных рисков (определение доли предоплаты, например, и, что еще интересней, различные технические приемы, установка кодов на выполненную работу). Уровень доверия, таким образом, определяет механизмы, практики, при помощи которых фрилансер может развивать свою карьеру, зарабатывать репутацию, накапливать социальный капитал. Заметим, что начинающие фрилансеры, обладающие большим объемом социального капитала, могут быть в такой же степени успешны, как и их «коллеги», которые обладают внушительным опытом. Все это свидетельствует об особенностях формирования и развития карьеры во фрилансе, важное значение в которой имеют опыт, социальный капитал и сеть постоянных заказчиков.

Появление экспертности в своей профессиональной сфере, специализации является важным шагом в продвижении: фрилансер имеет больше конкурентных преимуществ и возможность устанавливать свою «цену», и далее, как возможные варианты — развиваться в направлении обучения, управления и создания собственных проектов с привлечением других фрилансеров.

Фрилансеры развиваются в профессии зачастую самостоятельно, используя в качестве способов обучения материалы глобальной сети (форумы, публикации на порталах и специализированных 59-ти сайтах). Важную роль играют разнообразные обсуждения — и здесь не имеет значения, разворачивается дискуссия вокруг успешного опыта или ошибок.

И наконец, для фрилансеров важно определение смысла их жизни, понимаемого как «наиболее существенные, наиболее важные ценностные ориентации, ориентирующие людей на достижение целей, определяющих главное содержание их жизни. В известной мере — это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная ценность, так и в качестве ведущей в основных видах деятельности людей» [Тошенко, 2016: 161]. Для фрилансеров сложно определить смысл жизни — он очень различен по ценностным установкам у разных групп, решивших самим строить свою занятость. Но главное, что их объединяет — достичь материального благополучия на основе свободной творческой деятельности.

Литература

Антропов С. Я — фрилансер, или Как навсегда уйти из офиса. М.: Эксмо, 2007.

Бек У. Безработный капитализм // Der Spiegel. 1996. № 20. URL: <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Beck2.shtml> (дата обращения: 19.02.2013).

Бубнов И.Б. Соло на бизнесе. Философия заядлого фрилансера. М.: Гатри, 2008.

Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1.

Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12.

Гурова М.И. Феномен «фриланс» в социально-профессиональной структуре современной России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 79–83.

Демушкина Е.А. Фрилансинг как перспективное направление деятельности // В мире научных открытий. 2012. № 26. С. 87–92.

Клеман К. «Флексибельность по-российски»: очерк о новых формах труда и подчинения в сфере услуг // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 75–96.

Малоун Т.У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организацию, стиль управления и вашу жизнь. М.: ЗАО «Олимп бизнес», 2006.

Мурадова А. Фриланс. Как сам себе начальник. М.: Альпина Паблишер, 2007.

Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гипельсона, Р.И. Капельюшников. М.: ИД ВШЭ, 2006.

Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: ИД «Секрет фирмы», 2005.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров). Препринт WP4/2009/03. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2009.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 45–55.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Электронная самозанятость в России // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 91–112.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология, Этнология. 2015. № 1. С. 72–100.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организованной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81–93.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М., 2016.

Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.

Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб.: Питер, 2001.

Чаплашкин Н. Фрилансер на отечественном рынке труда: реальность, ожидания, перспективы // Человек и труд. 2013. № 3. С. 18–21.

Чепуренко А.Ю. Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? // Журнал Новой Экономической ассоциации. 2012. № 2. С. 102–124.

Чечулина М.Ю. Фриланс как развивающаяся форма модернизации экономической активности // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 3. С. 291–306.

Gareis K. ELancing – The Future of Work? // Challenges and Achievements in E-business and E-work / B. Stanford-Smith et al. (eds.). Amsterdam et al. IOS Press, 2002. P. 448–457.

Inventing the Organizations of the 21st Century / T.W. Malone, R. Laubacher and M.S. Scott Morton, editors. London: MIT Press, 2003.

White K.H. The Organization Man. New York: Simon and Schuster, 1956.

Глава 12

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ КАК ПРЕКАРИИ

К вопросу об определении понятия «трудовая миграция»

Проблемам миграции посвящено значительное количество литературы. Миграция рассматривается в различных ракурсах: иммиграция и эмиграция, вынужденная и добровольная, незаконная (нелегальная, стихийная), деловая и туристическая и даже учебная. Одной из специфических форм миграции стали группы беженцев и вынужденных переселенцев, перемещающихся в поисках убежища в результате политических, националистических и религиозных коллизий.

В настоящей главе мы остановимся только на одной стороне проблемы миграции – трудовой как особой, специфической формы занятости.

Во многих странах мира трудовая миграция стала неотъемлемой частью их социально-экономического устройства, важным компонентом общественного развития и осуществления преобразований в целях стабильного и устойчивого функционирования. Миграционные проблемы признаются международным сообществом как одни из наиболее острых и значимых для решения как экономических и социальных, так и для политических и культурных задач рационального развития общества. Немалое место среди них занимает совершенствование демографической и этнонациональной политики [См.: Каменский, 1999; Рязанцев, 2007].

Отметим, что в различных странах осуществлялись разные варианты миграционной политики, для каждой из них вопросы иммиграции и эмиграции решались с учетом специфики происходящих общественных процессов. Причем многообразие этой политики практически не поддается учету из-за вариативности временных, пространственных и других ситуаций. Не исключением являются и трудовые миграционные проблемы в России [Волох, 2015; Мир в зеркале...2002].

Напомним некоторые штрихи отечественной истории в области трудовой миграции.

Трудовая миграция в Советском Союзе реализовывалась в нескольких формах. Во-первых, это официальный оргнабор, который широко использовался для привлечения трудовых ресурсов для решения крупных народнохозяйственных проблем, особенно для работы в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Во-вторых, широко использовались такие политико-идеологические методы, как комсомольские призывы, привлечение молодежи для участия в строительстве новых городов, новых предприятий, а также для реализации таких масштабных проектов, как освоение целины, в которые вовлекались миллионы молодых людей из всех союзных республик. В-третьих, неоднократно осуществлялись более локальные решения, также имеющие политико-идеологический окрас — мобилизации, в первую очередь, коммунистов и комсомольцев, на подъем сельского хозяйства или той или иной отстающей отрасли народного хозяйства (в роли которых были и горная промышленность, и лесное и рыбное хозяйство). Стоит отметить, что была и принудительная миграция, которая была связана с высылкой кулаков в отдаленные районы страны, с комплектованием заключенными (отбывающими наказание за криминальную деятельность) многих объектов в районах сурового климата. Отдельную страницу во внутренней миграции составляли акции по насильственному переселению народов в период и после Великой Отечественной войны, чему также посвящена значительная литература. Стоит только подчеркнуть, что эти акции решали не только вопросы трудовой занятости. При этом заметим, что практически на всем пространстве советской страны миграция имела внутренний характер, касалась вопросов перемещения людей, живших в одной стране и по тем или иным причинам сменивших и место жительства, и часто профессию. В порядке исключения можно назвать значительный по влиянию, но незначительный по объему приезд иностранных специалистов в годы первых пятилеток для участия в строительстве нового общества, на его вновь создаваемых и строящихся промышленных объектах [Миграционная подвижность...1974].

В настоящее время Россия является одним из основных государств в мире по количеству принимаемых мигрантов. На ее территории постоянно или временно находятся около 11 млн иностранных граждан. Этот среднегодовой показатель в течение многих лет изменялся незначительно, так же как он мало колеблется в зависимости и от сезона. Нужно особо и специально отметить, что сегодня 82% мигрантов в России — это выходцы из стран СНГ, среди кото-

рых преобладает молодежь в возрасте 18–29 лет (36%). Основные потоки желающих трудиться в России составляют жители республик Средней Азии и Закавказья. Если учесть, что часть иностранных граждан посещают страну как туристы, как участники деловых контактов и других целевых краткосрочных поездок (исключив лиц нетрудоспособного возраста), то можно прийти к выводу, что более 2/3 от общего числа мигрантов — это люди, прибывающие в страну для постоянной и кратковременной работы [Ромодановский, Мукомель, 2015:5].

На наш взгляд, надо отметить еще одну важную особенность трудовой миграции в Россию в отличие от стран Западной Европы — к нам едут люди, которые в той или иной мере включены в ареал влияния русской (советской) культуры, с тем или иным уровнем знания русского языка, с некоторой информацией об образе жизни россиян. Это создает базу для рационального решения многих не только общественных проблем, но и нормальной организации повседневной жизни.

Длительное время в России миграционная политика осуществлялась стихийно, непоследовательно, нередко иррационально. Это иногда оправдывалось отсутствием опыта по регулированию этих сложных и непростых вопросов. Однако надо исходить из того, что иммиграция в Россию — не рядовой вопрос, а вопрос необходимости решения ряда актуальных социально-экономических проблем. Иммиграция становится важнейшим элементом дальнейшего развития страны, укрепления ее экономического потенциала, сохранения стабильности в стране и регионах. В России уже сформировался долгосрочный и устойчивый спрос на трудовые ресурсы. Согласно прогнозу Росстата численность населения в России к 2030 г. возрастет на 0,9 млн человек, но население в трудоспособном возрасте уменьшится на 5 млн человек [Россия в цифрах, 2016]. Т.е. предполагается, что важнейшим источником компенсации сокращения трудовых ресурсов будет миграция.

Отметим, что трудовых мигрантов привлекают более высокий уровень оплаты труда, сравнительно приемлемые условия жизни, наличие вакансий, осознание роли связей, когда-то устанавливавшихся их с исторической Родиной. А так как приток иноэтнических трудовых мигрантов постоянно увеличивается, то это становится серьезным вызовом для страны. Остро стоит задача адаптировать их к новым условиям, обеспечить их и членов семей интеграцию в новую социально-культурную среду, понимая, что прибывшие на постоянную или временную работу имеют другие традиции, придерживаются иных форм поведения и образа жизни. От качества решения этой проблемы зависит многое — их превращение в пол-

ноправных членов общества, избегая возможных напряжений и конфликтных ситуаций [Дмитриев, Слепцов, 2004].

Кроме внешней трудовой миграции в решении проблем занятости все большую роль стали играть процессы внутреннего порядка, отражающие перемещения по стране огромного количества людей трудоспособного возраста. Можно утверждать, что уже сформировалась особая внутренняя миграция после закрытия тысяч предприятий самого различного профиля, реформирования организационно-правовых основ сельскохозяйственного производства. Особенно это касается моногородов, средних и малых городов, а также предприятий военно-промышленного комплекса, машиностроительной, легкой и пищевой промышленности. Высвобожденные значительные трудовые ресурсы пытаются реализовать себя в других регионах, где сохранились старые или развиваются новые производства. Но их потоки в основном стихийны, что нашло отражение в разного рода работ вахтовым методом, в неотходничестве, в эпизодической или сезонной занятости [Моисеенко, 2004; Рыбаковский, 2017].

Необходимо сказать и о таком феномене, как репатрианты, т.е. соотечественники, которые пытаются вернуться на историческую родину. После распада СССР одновременно за границей оказалось свыше 25 млн русских, не говоря о миллионах русскоязычных людей. Только за первые 7 лет новой России русские из всех покинувших страну составили 80% из Эстонии, 70% из Латвии, Литвы и Киргизии, 60% — из Таджикистана, Казахстана и Узбекистана, 50% — из Украины и Туркмении [Бабурин, 1999].

Стоит кратко сказать и о таком феномене, как беженцы и вынужденные переселенцы. Этот феномен возник по разным причинам: преследование по политическим и религиозным мотивам, гражданские войны и межэтнические конфликты, природные катаклизмы и другие опасности (голод, эпидемии). И хотя этих людей беспокоят целый комплекс причин по устройству новой жизни, но одна из них — важнейшая — проблема занятости. Так, только войны дали миру 2,7 млн беженцев из Афганистана, 1,2 млн из Пакистана, несколько миллионов из Сирии, Ирака и других стран Ближнего Востока и Северной Африки. Войны в Чечне принесли 220 тыс. русскоязычных беженцев, которые спасались бегством от разворачивающихся там боевых действий [Михеев, 1997]. Отметим также, что жизненные проблемы этих беженцев или никак не решались, или решаются с помощью минимума действий со стороны официальных структур, усиливая и без того большие страдания людей, надеющихся и на сочувствие, и на реальную помощь.

Все это позволяет сделать вывод о том, что характер трудовой миграции в постсоветской России коренным образом изменился — страна столкнулась с интенсивными миграционными потоками при отсутствии законодательной базы, при огромном дефиците возможностей по достойному приему мигрантов [см. также: Постсоветские трансформации..., 2009; Проблемы незаконной миграции... 2004; Тюрюканова, 2009].

Общие прекарные черты трудовых мигрантов

Эти черты во многом обусловлены существующим законодательством, которое неоднократно менялось, уточнялось. Вводились взаимоисключающие требования и рекомендации, что стимулировало незаконные способы решения проблем трудоустройства. Тем более, что органы, ответственные за решение проблем миграции и представления мигрантам прав на занятость, неоднократно преобразовывались, меняли ведомственную подчиненность, выпускали подзаконные акты, которые лишь запутывали дело, но давали возможность «расцвета» бюрократическому произволу с неизбежной коррупцией. В настоящее время в основе решения этих проблем лежит Концепция государственной миграционной политики РФ до 2015 г., утвержденная Указом Президента РФ 13 июня 2012 г., которая определила цели, задачи и основные направления, а также конкретные меры по ее реализации. Но сама Концепция — это еще не само законодательство. Поэтому и сейчас продолжает существовать множество нестыковок между провозглашенными намерениями и реальными способами их воплощения в жизнь. Издержками такой рассогласованности становятся судьбы миллионов людей, которые попадают в условия неустойчивого, негарантированного социального положения вплоть до трагических случаев [Юдина, 2006].

При этом средства, выделяемые государством на решение этих проблем, крайне скудны, при неэффективном и невразумительном управлении лишь усугубляют ситуацию по приему, размещению и предоставлению работы людям, которые готовы трудиться и восполнять трудовые ниши в национальном хозяйстве страны.

Государственная миграционная программа не обладает достаточной степенью гибкости, что также проявляется в слабом учете региональных возможностей. В результате основные потоки мигрантов устремляются в большие города и прилегающие к ним территории, особенно в Москву, Санкт-Петербург. Испытывают огромный приток мигрантов и благоприятные в природно-климатическом отношении регионы, такие как Краснодарский и Став-

ропольский край, Ростовская область. В результате появляются местные, локальные подзаконные акты, которые пытаются — и не лучшим образом — регулировать стремящихся переселиться в эти регионы как внутренних, так и внешних переселенцев, беженцев, репатриантов [Воробьев, 2007; Петров, 2004].

Широкое распространение получила практика незаконного использования рабочей силы без всяких на это разрешительных документов. Прекарность труда мигрантов проявлялась в отсутствие гарантий по обеспечению жильем, необходимыми условиями для повседневной жизни, что получало справедливую оценку их труда как полурабов. О несовершенстве и ущербности позиции мигрантов говорит тот факт, что в 2016 г. суды Москвы выдворили из России более 14 тыс. мигрантов за проживание не по месту регистрации (а может быть, построить или приспособить здание под общежитие? — будет уход и контроль) и почти 12 тыс. за то, что вышли на улицы столицы без документов в карманах (разве это основание для высылки?) Анализ источников коррупции по отношению к мигрантам показал, что 86,3% случаев сотворено полицией, которая, как заметил эксперт по эти проблемам, умеет действовать только одним способом — наказывать [Половинко, Репринцева, 2018]. И это не просто искаженные правовые практики — это верный путь к раздуванию ксенофобии на этнической и нередко профессиональной почве.

Специфика работы с внешними мигрантами

Внешние мигранты, главным образом жители Казахстана, Средней Азии и Закавказья, наталкиваются на несогласованность законодательства стран исхода и России по проблемам миграции. Сотрудничество со странами СНГ по этим вопросам аморфно, затруднено, не упорядочено. Конечно, это сотрудничество невозможно без учета интересов стран-участников, хотя они зачастую противоположны по своей нацеленности. Ясно, что ни одна из сторон не будет действовать в ущерб национальным интересам, без учета внутривнутриполитических последствий. Но очевидно, что есть заинтересованность этих стран — для многих из них работа мигрантов в России приносит им значительные финансовые средства.

Все это приводит к тому, что стратегически важнейшее направление требует обоснования и решения как в многостороннем, так и двустороннем формате по созданию нормативной правовой базы, регулирующей весь комплекс проблем миграции, в том числе и трудовой [Подробнее см.: Ивахнюк, 2005; Красинец, 1997; Цапенко, 2009].

Анализ реальной ситуации показывает, что ущемленность интересов мигрантов проявилась, прежде всего, в попрании их права на труд, на отсутствие его ясной и отчетливой трактовки, на понятные для рядового работника документы и решения. Долгое время существовала коррупционная, ущербная и неэффективная политика квот на выдачу разрешений на работу для людей, живущих в странах безвизового режима. Применяемые до этого административные меры оказались не только неэффективными, но и криминогенными, коррупционными. Поэтому принятие экономических мер по упрощению доступа на рынок труда мигрантов со стран СНГ, введение так называемого патента для работы благотворно сказалось даже на таком факторе, как пополнение государственного бюджета. Введение в 2010 г. такой формы сначала для работы у индивидуальных предпринимателей только за три года позволило не только вывести из «тени» 6,5 млн иностранных работников, но и направить в бюджеты различных уровней 41 млрд руб. [Ромодановский, Мукомель, 2015:9]. С 2015 г. это право приобрести патент и работать у юридических лиц расширило возможности по упорядочиванию труда мигрантов, по обеспечению возможной защиты их прав, хотя и при этом не устранило многие препятствия по оформлению стремления получить работу в России.

Неопределенность в оформлении на работу не была устранена и тем, что были повышены требования к самому мигранту. Непременным условием выдачи разрешения на работу стало обязательное указание цели пребывания при въезде в Россию. И это стало стимулом для «выхода из тени» для тех, кто был заинтересован в легализации трудовой деятельности: если в 2013 г. только 12,4% иностранных граждан указали цель приезда на работу, то в 2014 г. — уже 20,2%, а в 2015 г. — 29,5% [Ромодановский, Мукомель, 2015:9]. Однако эти новые правила не полностью ликвидировали такой феномен, как использование труда мигрантов, не оформивших разрешение на работу. Постоянно вскрываются даже в Москве и Московской области, особенно в строительстве и сфере услуг, факты привлечения к трудовой деятельности лиц, стихийно и без должного оформления прибывших в Россию. Такая ситуация выгодна работодателям, которые спекулируют на бесправном положении таких работников, усиливая и без того их precarious состояние. В такой ситуации заинтересованы и так называемые землячества и так называемые этнические кланы и связанные с ними организации, которые нередко смахивают на полукриминальные сообщества, и под видом кураторства над земляками обирают их за «помощь» в трудоустройстве.

Прекарность трудовых мигрантов проявляется и в таком распространенном явлении как низкая оплата их труда, в результате чего трудовым мигрантам не доплачивается законом предусмотренная сумма. Причем это касается не только «теневиков», но и официальных организаций. Если самим россиянам без всякого предупреждения и согласования снижают оплату труда (что особенно наглядно проявилось в период кризиса), то еще более бесцеремонно поступают с трудовыми мигрантами, уповая на их незащищенность, трудность и сложность в отстаивании своих прав.

Ущемленность трудовых мигрантов проявляется и в таком факте — Россия теряет от неполного использования их человеческого капитала. Речь идет о том, что часть трудовых мигрантов имеет высокую квалификацию и значительный опыт работы по своей профессии. Однако на российском рынке труда они, как правило, не востребованы: 71% мигрантов, оказавшись в России, вынуждены сменить вид экономической деятельности, 60% сменили профессиональную группу. При этом (что очень разорительно и неэффективно) 34% мигрантов с высшим образованием и 45% со средним специальным образованием трудятся на рабочих местах, не требующих никакой квалификации. В результате избыточная квалификация (сверхквалификация) в России среди мигрантов-мужчин достигает 82%, среди женщин-мигрантов — 79%, в то время как в странах ЕС она составляет 35% для мужчин и 38% для женщин. Такое положение представляет собой серьезные социально-экономические потери, которые не только снижают возможности эффективного использования трудовых ресурсов, но и препятствует интеграции мигрантов в принимающее общество [Ромодановский, Мукомель, 2015:14–15].

В работе с трудовыми мигрантами тест на знание русского языка сначала в 2013 г. в качестве пробного шага, а с 2015 г. как нормативное требование стал обязательным условием получения разрешительных документов для занятия особенно в тех отраслях, где контакты с населением предполагают непосредственное общение. При всей внешней разумности такой постановки вопроса мигранты попадают в зависимость от толкования чиновниками уровня этого знания, делает это условие возможным элементом для коррупционных действий и нередко ставит соискателя в сложное и трудное положение. Это требование имеет уязвимое место — фактически каждый соискатель из стран СНГ обладает определенным уровнем знания русского языка, так как при всем националистическом угаре, который прокатился практически по всем новым независимым государствам и был связан с массовым отказом обучения русскому языку, все же сохраняются вековые традиции причастности к рус-

ской культуре и понимания роли русского народа в жизни своей нации. Поэтому это требование выглядит достаточно искусственно. Более того, оно противоречиво. С одной стороны, в Указе Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия» 7 мая 2013 г. предусмотрено «введение обязательного экзамена по русскому языку, истории России, основам законодательства Российской Федерации для трудящихся мигрантов». С другой стороны, в Концепции государственной миграционной политики провозглашается *«создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, включая их обучение русскому языку (курсив мой. — Ж.Т.)*, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения». Как видно, экзамен и обучение — слишком разные понятия. Но именно проблема экзамена порождает возможность произвола со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не лучше ли наладить функционирование курсов русского языка, распространить опыт некоторых существующих и сделать это на безвозмездной основе, перенеся их на территории тех стран, которые поставляют мигрантов? Это будет одним из мощных условий по адаптации и интеграции трудовых мигрантов, одновременно создавая благоприятный климат по их вхождению в производственную и повседневную российскую среду и уменьшая ощущение ущемленности и неустойчивости, сокращая сроки приспособления к новым условиям жизни.

Прекарное состояние трудовых мигрантов усиливается обязательным требованием прохождения медицинского освидетельствования, наличие полиса медицинского страхования. Как и в случае с знанием или обучением русскому языку при всей правильности такой постановки вопроса, так и здесь создается серая и теневая зона для возможных злоупотреблений, которые выливаются в экономическое и социальное угнетение мигрантов.

Социальная среда (дефицит жилья, слабая развитость социальной инфраструктуры, отсутствие необходимой информационной базы) — это еще одна сфера прекарного положения трудовых мигрантов. Только в последнее время от работодателей стали требовать проявлять заботу о месте проживания, о создании хотя бы элементарных условий для их повседневной жизни. К сожалению и до сих пор вскрывается пренебрежение по соблюдению этих требований, когда мигранты живут в приспособленных помещениях (в бытовках, складах, подвалах), не имеющих ничего общего с соблюдением правовых норм и общепринятых правил элементарных жизненных удобств.

К этой проблеме примыкают вопросы, связанные с бытовым устройством семей мигрантов. Они сталкиваются не только с про-

блемами жилья, но и возможностями для продолжения обучения детей [Варшавер, Рочева, Иванова, 2017].

Одной из сложных проблем по созданию благоприятных условий является установление контактов с местным населением. Несмотря на отдельные проявления как недовольства местных жителей, так и случаи нарушения мигрантами общественного порядка, вплоть до криминальных, россияне в целом с пониманием относятся к прибывшим в Россию работать. По данным исследования «Жизненный мир-2014» 74,4% считают приемлемой работу иностранцев (15,4% считают, что надо разрешать работать всем, кто хочет; 20% — только тем, кто имеет специальность и профессию, 35% —регулировать эти потоки при помощи установления лимитов) и лишь 17,4% полагают, что следует запретить привлечение мигрантов из других государств [Жизненный мир россиян..., 2016: 355]. Что касается последней цифры, на наш взгляд, тут играют роль две основные причины: а) мигранты создают конкуренцию на рынке труда и нередко ее выигрывают из-за низкой требовательности к условиям труда; б) россияне сталкиваются со случаями этнической преступности, нарушениями правил общежития.

Ущемление прав трудовых мигрантов встречается и на региональном уровне, когда государственные структуры на местах устанавливают свои подзаконные акты, ограничивающие права трудовых мигрантов по тем или иным причинам. Тем более, что Федеральным законом в ноябре 2014 г. к их компетенции отнесено решение о стоимости патента, о запрете допуска к труду в отдельных отраслях экономики, о временном ограничении выдачи разрешений для работы на данной территории.

Неоднократно ставился вопрос о том, что люди не знают — на какие правила и нормы им ориентироваться.

Поэтому получило распространение так называемое неформальное трудоустройство, когда на приезд человека на работу в Россию решающим условием становятся не официальная миграционная политика и предлагаемые ее методы оформления на работу, а личностные контакты, родственные или дружеские связи, знакомства с «нужными людьми». Такие действия в значительной степени сопряжены с появлением и распространением нелегальной миграции, которая ставит людей в еще более неравноправное положение с точки зрения гарантий справедливой оплаты труда и условий проживания. Это, в первую очередь, касается мигрантов, приезжающих на временную работу, на заработки.

Отдельной проблемой является не только желание работать в России, но и вопросы натурализации, предполагающей последовательное изменение иностранным гражданином своего ста-

туса: разрешение на временное проживание — вид на жительство — гражданство.

Тех же людей, целью которых является не просто заработок, но и решение оформиться на постоянное проживание в России, встречает, помимо других процедур, мало вразумительное требование — отказа от гражданства той страны, из которой человек уезжает. Причем этот отказ — не результат личного решения — требуется и официальное подтверждение из страны убытия, что оборачивается гигантскими не только бюрократическими ухищрениями и проволочками, но и политическими спекуляциями. Так, требования к беженцам и переселенцам из Украины представить официальный документ о прекращении их гражданства в этой стране становится практически невозможным. Но из-за этого страдают сотни тысяч людей (из Украины их переехало в Россию более миллиона человек), в результате чего они находятся в подвешенном состоянии без постоянной работы, без регистрации по месту жительства, без минимальных социальных гарантий и услуг. Поэтому с удовлетворением принята законодательная инициатива максимально облегчить решение этого вопроса, когда именно личное желание человека должно быть решающим в определении страны своего постоянного проживания.

Особенности занятости внутренних мигрантов

Выше говорилось о том, что в результате стихийности рыночных реформ возникла ситуация, когда в ходе приватизации была прекращена работа тысяч предприятий, которые затронули жизнеустройство огромных масс трудоспособного населения. Трудовые ресурсы были деформированы, дезориентированы. В результате возникла армия лишенных работы по специальности, по профессии, по профилю своей прежней деятельности.

Прекарное положение этих работников проявилось в том, что многие из них стали безработными, численность которых, по экспертным данным, колебалась в пределах до 10 млн человек. Официальные данные были гораздо ниже, так как значительная часть работников предпочла решать эту проблему самостоятельно, собственными силами (подробнее см. главу о безработице).

Одним из таких путей по выходу из сложившегося положения, состояния безработицы стала трудовая миграция в другие регионы, в другие города или местности [Аверин, 2006; Рошин, 2012].

Она проявилась в том, что люди стали сначала искать работу по специальности и по профессии в других регионах, так как стало очевидно, что существенных изменений в экономике горо-

да, рабочего поселка, где они жили, в ближайшей перспективе не произойдет. Они стали предлагать свои услуги и в других отраслях производства, которых в меньшей степени охватил процесс сокращения рабочей силы. Но это было чрезвычайно трудно, так как разрушение коснулось не только отдельных предприятий, а целых отраслей, среди которых особенно остро пострадали военно-промышленный комплекс, машиностроительная, легкая и пищевая промышленность.

Потенциальные мигранты реализовывали свои намерения путем согласия работать по другой специальности, по другой профессии даже с условием возможной потери своего профессионального опыта.

Часть ищущих работу принимала предложения работать и на не(мало)квалифицированных должностях, так как только таким образом можно было обеспечить хотя бы минимально удовлетворительный уровень жизни. Такой подход порождал неудовлетворенность своим положением, убежденность в сложившейся несправедливости, проявляющейся в недооценке их возможностей и способностей. По данным социологических исследований до одной трети работников считали, что их потенциал используется плохо, что с их способностями не считаются, недооценивают.

Массовая безработица среди высококвалифицированных специалистов подвигла часть из них на поиск работы за рубежом, что вылилось для России в потере значительного интеллектуального потенциала. По данным Росстата убытие из России в 2015 г. составило 350 тыс. человек, что в 10 раз больше, чем, например, в 2010 г. Это наибольшее количество эмигрантов за последние 16 лет.

В некоторых случаях эта миграция превращалась в эмиграцию и по политическим причинам, по причинам оскорбления национального достоинства. Так, долгое время немцы в России и других бывших союзных республиках надеялись на восстановление исторической справедливости, на возрождение Республики немцев Поволжья. Окрепла эта надежда и в новой России, когда им пообещали решить эту проблему. Были высказаны предложения о размещении желающих создать республику на территории Саратовской и Волгоградской областях, урегулировав взаимоотношения с местным населением. Эту идею поддерживала и Германия, обещавшая вложить немалые средства в такой способ улучшения жизни своих соотечественников. Но после хамского заявления президента Б. Ельцина, что он этого не допустит, что это надуманная идея, произошло ранее непредвиденное событие — не молчаливое согласие с принятым решением, а массовая эмиграция миллионов

российских, казахстанских и немцев других территорий, решивших эмигрировать в Германию, которая предоставила им возможность жить и работать на исторической родине. В результате Россия лишилась более 2 млн эффективно работающего населения.

Что касается других внутренних мигрантов, то на этом пути перед ними встали весьма сложные проблемы.

Во-первых, потребности в их рабочих руках были минимальны — даже менее пострадавшие предприятия от внедрения рыночного капитализма не испытывали необходимости привлечения специалистов и трудовых кадров со стороны, так как и на своей территории из-за закрывающихся других производств стояла задача пытаться решить судьбу своих работников, испытывающих сложности с трудоустройством. Ситуация усиливалась и тем, что не было государственной программы, нацеленной на решение проблем внутренней миграции и обеспечения занятости работников закрывающихся предприятий или признанных бесперспективными производств.

Во-вторых, неудовлетворительно было поставлено информирование населения о существующих возможностях для работы в других регионах. Исключение составляло только трудоустройство в результате так называемой маятниковой миграции, которой было охвачено население близлежащих районов вокруг крупных городов. Но и она протекала стихийно, путем передачи сведений на межличностном уровне.

В-третьих, не была должным образом подготовлена база для переобучения этого вида мигрантов, чтобы они могли занять достойное место в новой структуре складывающегося капиталистического национального хозяйства. Но это было весьма проблематично, так как в ответ на закрытие многих предприятий практически не создавались новые рабочие места или ввод их становился таким незначительным, что не мог компенсировать их потерю на старых производствах.

В-четвертых, даже если работник и был согласен на реализацию своей личной трудовой мобильности и переезд на новое место жительства, то перед ним со всей остротой вставал вопрос о жилье, в котором он мог бы жить, реализовывать свои социальные и повседневные потребности. Такие возможности никем не создавались, а решение их в индивидуальном порядке было в большинстве случаев за пределом имеющихся у людей возможностей.

В-пятых, внутренние мигранты нередко проигрывали внешним, так как те соглашались на более низкую оплату труда, терпели неустроенность бытовых условий, были менее конфликтны при решении трудовых споров.

И наконец, стоит отметить, что реализация предложений по новой работе в других районах требовала отказа от многих привычек, традиций и даже обычаев, что было психологически трудно. Нежелание покидать привычное место жизни тормозило принятия решения о переезде и часто приводило к отказу от такого намерения с последующим приспособлением к непрофильной и даже к неквалифицированной работе, а иногда к эпизодической и случайной занятости [Малахов, 2015]. Нередко к этому примешивался этнонациональный аспект — выезд в другие регионы требовал приспособления к другому образу и стилю жизни, к иному культурному фону. И такое поведение, в отличие, например, от поведения американских мигрантов по таким же проблемам, было немалым препятствием при принятии решения об изменении не только профиля занятости, но и места жительства.

Прекаризация соотечественников на рынке труда

Поясним сначала необходимость особо рассмотреть соотечественников в рамках миграционной политики. Напомним, что понятие «соотечественник» — это русский человек (россиянин), который является гражданином другого государства или проживает в нем. По самым приблизительным подсчетам их численность достигает десятки миллионов человек. Выше упоминалась такая цифра: свыше 25 млн русских людей одновременно в период распада СССР стали помимо своей воли жителями (но не всегда гражданами) других государств. И вполне естественно многие из них составили значительную часть тех, кто пожелал вернуться на историческую родину (это не только русские) и соответственно претендовал на работу, на жилье, на предоставление социально-экономических гарантий по жизненному устройству, в том числе и по трудовой занятости. Эта проблема заявила о себе сразу же после распада СССР, когда националистические страсти разгорелись с новой силой и послужили причиной миграции миллионов соотечественников. Нужно отметить, что проблемы соотечественников частично совпадают и/или пересекаются с проблемами трудовой миграции беженцев и вынужденных переселенцев. Отвечая на эти потребности, Б. Ельцин в своей программе действий, когда шел на второй президентский срок в 1996 г, заявил: «Для репатриантов из стран СНГ необходимо подготовить особую программу их приема и размещения, включая содействие в их расселении и обустройстве, обеспечении их занятости, при необходимости — переобучение новым профессиям, для нетрудоспособных граждан — социальную защиту». Но быть репатриантом из стран ближнего и дальнего зарубежья — это

еще не быть вынужденным переселенцем или беженцем. Именно статус вынужденного переселенца гарантирует помощь в трудоустройстве, выплату проезда и багажа в Россию, старикам — бесплатную квартиру, а молодежи — беспроцентную ссуду сроком на десять лет для покупки жилья. Но для этого надо было предоставить документы о том, что в отношении к ним было применено насилие или осуществлялось преследование, или им угрожала реальная опасность по признаку национальной или религиозной неприязни. Иначе будешь считаться простым репатриантом (т.е. покинувшим страну по экономическим причинам), которому не положено никакой помощи и поддержки. Но а если это травля в повседневной жизни, ущемление из-за незнания языка коренной национальности, мелочные ограничения по работе и даже увольнение? Как и кто выдаст/представит справку о преследовании? В результате человек получает отказ в провозглашенной помощи, как это случилось с семьей Зверевых из Чимкента (Казахстан) со всеми вытекающими отсюда последствиями: трудоустройством, жильем, получением социальной защиты. Разве официальные органы Казахстана выдадут справку о том, что происходит дискриминация русских в этой стране, даже по конкретному факту? К этому следует добавить и то, что и миграционная служба Вологды и ее городской суд в этой ситуации требовали одного — дайте хоть какие-то документы, подтверждающие преследование или поправление прав Зверевых в Казахстане. Вот и остаются без защиты и помощи те, кто не в состоянии приспособиться к изменившимся реалиям, оказавшись заложником большой политики и реально пополняя ряды прекариев, не имея стабильного и устойчивого положения на своей исторической Родине [Филиппов, 1998].

Не менее показателен и другой случай с семьей Харьковых, уехавших тоже из Казахстана по причине притеснений со стороны переселившихся туда казахов из Монголии. В Омскую область приехала семья: четверо взрослых и пятеро детей. И не с пустыми руками — с двумя орловским рысаками, козами, домашней птицей и другой живностью. И им не дали не только гражданство, но и вид на жительство. Затребовали с каждого из них — (русских людей!) сертификат на знание русского языка. На постоянную работу не брали — иностранцы могут быть в России не более трех месяцев. За медпомощь требовали деньги как с иностранцев. Родившийся уже в России внук не мог быть зарегистрирован, потому что у родителей казахстанские паспорта. И все это закончилось тем, что Харьковы вернулись в Казахстан.

Есть и еще не менее удивительные случаи, когда вернувшийся на Родину из Афганистана солдат мог оформить свое и двух сыно-

вей гражданство, кроме жены-афганки, у которой нет даже вида на жительство и она вынуждена раз в три года пересекать границу Афганистана туда и обратно [Чванов, 2017]. И это происходит на фоне случаев стремительного получения российских паспортов как французским актером, так и вышедшему в тираж боксеру из США.

Все эти и подобные примеры не так уж редки. В чем причины попрания прав соотечественников и особенно русских людей? Прежде всего, надо сказать о несовершенстве или отсутствии международных соглашений, главным образом со странами СНГ, откуда идет основной поток стремящихся воссоединиться с Родиной. Попрание прав происходит уже тогда, когда Россия не предъявляет иск за брошенное имущество, дома, квартиры, за моральный и материальный ущерб. Пока в этом плане Россия не защищает своих вернувшихся на Родину сыновей и дочерей. Да и в тех странах, откуда уезжают русскоязычные переселенцы, никто этим даже элементарно не занимается.

Серьезным препятствием для восстановления прав гражданина России являются и внутренние законы, постановления, инструкции, которые нередко произвольно толкуются и не менее произвольно используются. Самыми изощренными бюрократическими проволочками годами не решаются даже кажущиеся элементарные проблемы. Вместо анализа всех причин, вынудивших человека покинуть прежнюю страну, куда он или его родители уехали по зову сердца, по призыву партии, по распределению после окончания учебного заведения, приняли приглашение строить новые предприятия или помогать местным кадрам осваивать новые технологии и технику, свирепствует бюрократический механизм, когда буква закона становится основой для попрания элементарных прав и даже более — издевательства над людьми. В этой ситуации многие соотечественники используют крышу трудовой миграции, которая позволяет заработать деньги на поддержание своей семьи и на надежду все же законно вернуться и получить обещанную помощь. Тем более, что это рабочие руки, нередко высококвалифицированные, которые несут несомненную выгоду государству, его экономике и культуре. По подсчетам экспертов, при нормальном приеме соотечественников из стран СНГ, Россия получила бы пополнение в бюджет более 13 млрд руб. Причем такое отношение к соотечественникам сформировалось еще в 1990-е годы, и с небольшими вариациями продолжает существовать и в настоящее время [см. Айрапетова, 1998].

К этому следует добавить, что призыв вернуться в Россию был обращен ко всем россиянам и особенно к русским людям, чья судьба по разным причинам забросила в различные, в том числе

и далекие страны. В печати рассказывалось о судьбе общины староверов из Аргентины, все члены которой откликнулись на этот призыв и поселились на Дальнем Востоке. Но хлебнув сполна от контактов с российской бюрократией, с реализацией обещаний и прав переселенцев, они вернулись жить в ту страну, где их жизнеустройство было гарантировано в большей степени, ибо они не хотели занимать прекарное место в России.

Таким образом, многие соотечественники приобретают неустойчивое, нестабильное положение, пополняют различные группы прекариата и становятся проблемной строкой не только в решении проблем занятости, но и в развитии экономики и культуры страны.

Литература

- Аверин А.Н.* Миграция населения. М.: Изд-во РАГС. 2006.
- Айрапетова Н.* Будет ли в СНГ общий рынок труда? // Независимая газета. 1997, 17 июля.
- Айрапетова Н.* Поиски стратегии // Независимая газета. 1998, 19 августа.
- Бабурин С.Н.* Реальность и существующий порядок // Независимая газета. 1999, 25 февраля.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С.* Интеграция мигрантов на местном уровне: Результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5.
- Волох В.А.* Новая Россия: политика и управление миграционными процессами. Самара: Изд. Дом «Бахрак-М», 2015.
- Воробьев И.В.* Региональная организация миграции населения в сибирских условиях. Новосибирск: Наука, 2007.
- Демографический прогноз до 2030 года. Росстат, 2015.
- Дмитриев А.В., Слепцов Н.С.* Конфликты миграции. М.: Альфа-М, 2004.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016.
- Ивахнюк И.В.* Международная трудовая миграция. Учеб. пособие. М.: ТЕМС., 2005.
- Каменский А.Н.* Проблемы международного трудового обмена и Россия. М., 1999.
- Красинец Е.С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М.: Наука, 1997.
- Малахов А.* Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального взаимодействия // Политические исследования. 2015. № 1.
- Миграционная подвижность населения в СССР / Под ред. Б.С. Хорева и В.М. Моисеенко. М.: Статистика, 1974.
- Мир в зеркале международной миграции. Научная сессия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. М.: Макс Пресс, 2002.
- Михеев В.* Скитальцы везде не ко двору // Известия. 1997, 11 декабря.
- Моисеенко В.М.* Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004.
- Петров В.Н.* Миграция населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004.
- Половинко В., Репринцева Ю.* Кулаки и погоны // Новая газета. 2018, 5 февраля.

Постсоветские трансформации: отражение в миграциях /Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. М., 2009.

Проблемы незаконной миграции в России. Реалии и поиск решений. М., 2004.

Ромадановский К.О., Мукомель В.И. Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике //Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 5–17.

Россия в цифрах. 2016: Краткий статист. сб. / Росстат. М., 2016.

Роцин Ю.В. Миграция в судьбе России. М.: Авангард, 2012.

Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн.2. Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. М.: ЭконИнформ, 2017.

Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М., 2007.

Торюканова Е.В. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество // Им-мигранты в Москве /Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009.

Филиппов В. Отвергнутые государством мигранты становятся новой политической силой //Известия. 1998, 2 сентября.

Цапенко И. Управление миграцией: опыт развитых стран. М., 2009.

Чванов М. Неродные для Родины // Литературная газета. 2017. № 26. 5–11 июля.

Юдина Т.Н. Социология миграции. М.: Академ. Проект, 2006.

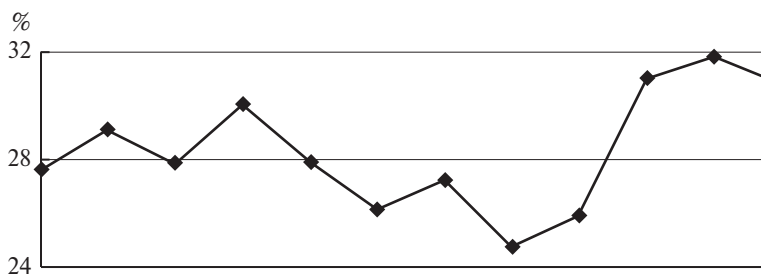
Глава 13

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НА МОЛОДЕЖНОМ РЫНКЕ ТРУДА

Трудовая занятость молодежи: состояние и проблемы

Охарактеризуем общие проблемы занятости молодежи, которые являются основой для более детального анализа нового социального-экономического феномена — прекариата.

Трудоспособное население России представлено следующими данными: из 76 млн трудоспособных 20% — это молодежь в возрасте до 30 лет. Причем численность этой группы постоянно уменьшается в силу очередной «демографической ямы», что ведет к тому, что к 2030 г. ее величина не может замещать количества выбывающих из активной трудовой жизни. Начиная с 1990-х годов в пореформенной России происходило значительное уменьшение молодежи на рынке труда. Уровень экономической активности 15–19-летних сократился с 32,1% в 1992 г. до 9% в 2015 г., 20–24-летних — соответственно с 79,3% до 58,9% [Рабочая сила ..., 2016]. Масштабным было и сокращение занятости молодежи: уровень занятости 15–19-летних упал с 22,7% в 1992 г. до совсем незначительных 4,4% в 2014 г. [Варшавская, 2016:40]. Такая ситуация обусловлена не-

Источник: Данные Росстата.

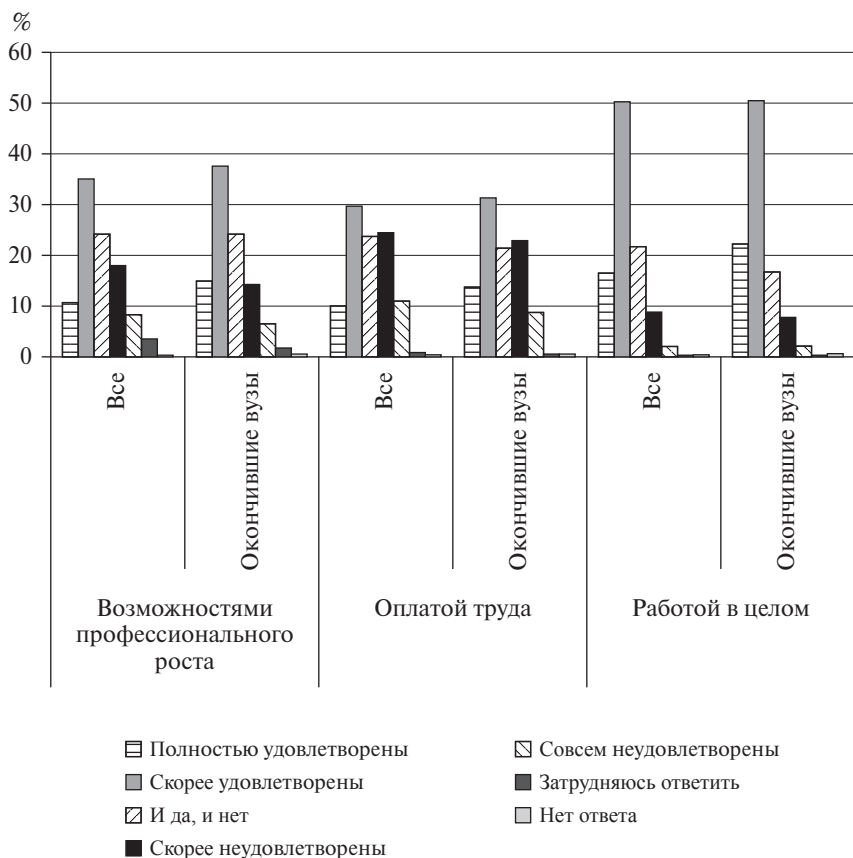
Рис. 4. Уровень молодежной безработицы в России в 2000–2014 гг. (в %)

сколькими причинами: продолжающимся спадом производства, прекращением деятельности многих организаций (только в 1994 г. произошло уменьшение ВВП на 39%), что повлекло за собой не только сокращение занятой рабочей силы, но и резкий спад спроса на молодые кадры. Определенное влияние на этот процесс оказало изменение структуры образования — она стала неким отложенным спросом, поглощая все большее количество выпускников полной средней школы, которые после ее окончания становились студентами вузов и средних профессиональных учреждений. Поэтому следует отметить специфику их выхода на рынок труда: если их доля в 2001 г. составляла 15%, то в 2010 г. она упала до 3% [Андрушак и др., 2012:11–12].

Но даже в этой ситуации реально существует парадокс — при провозглашении потребности в опоре на новое поколение работников именно молодежь (наравне с другой общностью — женщинами) является наиболее ущемленной и дискриминируемой группой — безработица среди них превышает в несколько раз по сравнению со старшими возрастными группами.

В течение 2000–2014 гг. уровень безработицы среди 15–24 летних устойчиво колебался на уровне от одной четвертой до одной третьей (рис. 4).

Безработица среди молодежи за эти годы колебалась в пределах 24–32% в возрастной группе до 20 лет, 12–16% — в возрасте 20–24 лет. Отрыв от среднероссийского показателя увеличился за этот период с 2,8 до 5,4 раза в возрастной группе до 20 лет и с 1,7 до 2,4 раза для 20–24-летних [Варшавская, 2016:40]. Молодежь является в первую очередь увольняемой при сокращении штатов, при закрытии предприятий и организаций. Они также попадают в разряд дискриминируемых при приеме их на работу. Их нередко ограничивают в оплате труда, в оказании материальной поддержки, в предоставлении социальных услуг, в их стремлении повысить квалификацию. Все это свидетельствует о сложной ситуации и даже ухудшении по-

Источник: RLMS, 22 волна (данные 10.2013–02.2014).

Рис. 5. Удовлетворенность работающей молодежи 20–30 лет (годы рождения с 1983 по 1993) возможностями профессионального роста, оплатой труда и работой в целом (в % от опрошенных)

ложения молодежи на рынке труда (вопреки официальным заявлениям), о серьезных проблемах, с которыми сталкивается молодежь в поиске работы, в том числе и первой [Подробнее см.: Константиновский и др. 2014].

Именно качество доступности работы, включающее в себя возможности профессионального роста, оплату труда и занятости в целом, оценивается молодежью достаточно пессимистично, хотя окончившие вузы настроены несколько более позитивно. Особенно проблематично стоят вопросы оплаты труда, что, конечно, вполне объяснимо с точки зрения притязаний молодежи на быстрое достижение материального благополучия (см. рис. 5).

Поэтому справедлив вывод, что подходы к решению проблем занятости (как реальной, так и прожективной) следует искать не в совершенствовании деятельности каких-либо отдельных социально-экономических организаций — они должны быть комплексными, поскольку по своей сути являются социетальными. При этом следует учитывать, что все они так или иначе связаны с важнейшим потенциалом, которым по-прежнему обладает российское общество: стремление молодежи в учебе соответствует мировым тенденциям развития, а ее позитивная мотивация является залогом прогресса и важным ценностным компонентом их социального самочувствия. И то, и другое — ресурс, чрезвычайно ценный для страны. Он всегда был существенным, со временем его значимость возрастала, а в наши дни он стал самым ценным, по сути своей более важным, чем нефть или газ. В интересах страны, стремящейся занять достойное место в мире, — это необходимо учитывать [Константиновский, Попова, 2015:46–47].

Поэтому оправдано наше намерение сосредоточиться на анализе проблем занятости и трудовой практике студентов и выпускников вузов, учащихся средних профессиональных учреждений, которые попадают в большей степени в уязвимое состояние по сравнению с другими молодежными группами

На наш взгляд, эти проблемы особенно остро касаются именно этих групп молодежи, которые стремятся к определенности и ясности в реализации своего профессионального признания. Но они попадают в ситуацию социального исключения, которая имеет все признаки прекаризации их положения. Тем более, что, по оценкам руководителей предприятий и кадровых служб, предприятия в среднем не укомплектованы на четверть от имеющейся потребности в квалифицированных рабочих и специалистах [Ключарев, 2015:50]. При этом надо заметить, что за последние пять лет спрос на специалистов существенно изменился в силу несоответствия структуры и объема подготовки квалифицированных специалистов, в том числе и рабочих, текущим и перспективным потребностям экономики. Данная тенденция, по оценкам экспертов, будет сохраняться и далее, что потребует внесения значительных корректив в процесс подготовки новых высококвалифицированных кадров.

Реальности социального исключения труда студенческой молодежи: ожидания и ограничения

В 1990–2000-е годы происходило стремительное расширение обучающихся в вузах (за исключением нескольких лет в середине 1990-х годов). Если в 1991 г. насчитывалось 514 вузов, то в 2015 г. их стало 896 с огромным количеством филиалов (до 2000) (41% из

них представляли сегмент негосударственных вузов). И количество вузов и обучающихся в них студентов серьезно колебалось. Так, количество студентов в них увеличилось с 2089,9 тыс. в 1992/93 учебном году до 7513,1 тыс. в 2008/09 учебном году, а затем уменьшилась до 4,4 млн человек вследствие наступившей «демографической ямы». Этот образовательный бум отражал новые потребности времени, которые связывают с «революцией притязаний» [Варшавская, 2016:40]. Что касается других уровней образования, то доля молодежи в учреждениях среднего профессионального образования тоже увеличивалась до середины 2000-х годов, когда страна начала испытывать последствия демографического спада. Именно с этого времени началось уменьшение численности студентов в вузах, колледжах (техникумах). Произошло также сокращение обучающихся в начальном профессиональном образовании.

При всех недостатках и колебаниях спроса получение высшего образования все же реально становилось показателем и гарантией более успешной жизненной и профессиональной карьеры. Но так как образование развивалось в сторону его «товаризации», коммерциализации, это не могло привести к такому феномену, как совмещение учебы с работой, с теми или иными видами занятости. Это стремление к «учебе с работой» диктовалось несколькими обстоятельствами (причинами): платить за обучение (во всех его вариантах), быть независимым от родителей и попечителей, готовиться к будущей работе (приобретать опыт), иметь карманные деньги. При этом преобладают два варианта занятости: найти работу по будущей специальности, что является лучшей формой подготовки к будущей профессиональной жизни, или согласиться и выполнять любую работу (подработку) для поддержания приемлемого уровня жизни, что в основном предлагает сфера услуг.

В целом характерной особенностью современного этапа обучения в учебных заведениях стало увеличение масштабов совмещения учебы с работой. Ее первые признаки были зафиксированы еще в конце 1990-х годов [Герчиков, 1999]. В 2000-е годы рост совместительства достиг 40–50% студентов, который увеличился к старшим курсам [Большакова, 2005; Константиновский, Попова, 2016]. «За последние 15–20 лет сложилась новая модель образовательного поведения и трудовой занятости молодежи... все большее распространение получает феномен выхода на рынок труда ... еще во время учебы» [Чередниченко, 2009: 120]. В результате стал развиваться процесс более раннего начала трудовой деятельности, фактически еще во время учебы, а переход «учеба–работа» стал многовариантным и более индивидуализированным (см. подробнее [Рощин, Рудаков, 2014]).

Более подробное описание такой модели совмещения образования и работы дают эмпирические исследования. Так, по данным социологического опроса казанскими социологами (март 2012 г., 1000 студентов, 40,8% юноши и 59,2% девушки, дневной формы обучения в семи вузах, из которых пять – государственные, два – негосударственные), каждый четвертый студент (25,1%) состоял в трудовых отношениях с той или иной организацией. Среди них на постоянной основе с официальным оформлением работали 30,5%. Почти половина студентов (41,6%) были заняты временно, каждый десятый (10,5%) имел случайные заработки и 9% были самозаняты. Каждый двадцатый студент (5%) работал сезонно, 3,4% имели иные формы трудовой занятости. Среди студентов коммерческих университетов и институтов доля работающих во время учебы студентов была несколько больше, чем в государственных вузах [Нагимова, Сафиуллина, 2014]. Аналогичные результаты получены и в Социологическом институте РАН по Санкт-Петербургу (2007 г.): «...Постоянно работает или подрабатывает каждый четвертый из опрошенных студентов (27,0%)» [Родионова, 2011].

Нужно отметить и изменение отношения населения к совмещению молодыми людьми учебы и работы. Если по данным ВЦИОМ в 2006 г. к этому лояльно относились 67% населения, то в 2017 г. положительно оценивали уже 79% (Поиск. 2017, 3 февраля).

Что касается сфер приложения труда, то наиболее распространенной сферой деятельности студентов является торговля, гостиничный и ресторанный бизнес – здесь трудится, по данным Нагимовой и Сафиуллиной, каждый третий. Нужные для работы в этих сферах такие качества, как мобильность, предприимчивость, инициативность, активность влияют на становление трудовых навыков студентов, делая их более конкурентоспособными на данном рынке. Работа в сфере торговли воспитывает у студентов необходимые психологические черты – стрессоустойчивость, коммуникабельность. Однако эта включенность в сферу труда нередко не совпадает с будущей профессией, служа только основой или поводом для решения иных жизненных проблем.

Традиционно студенческой занятостью является работа в организациях образования и культуры – работа в них является подходящей с точки зрения вариативности рабочего времени. Несколько в меньшей степени студенты находят работу в таких сферах, как транспорт и связь, финансы, обрабатывающее производство, сельское хозяйство, здравоохранение, социальные услуги, государственное управление, рынок недвижимости [Подробнее см. Нагимова, Сафиуллина, 2014]. В то же время необходимо отметить, что большинство профессий, предлагаемых студентам на рынке тру-

да, представляют собой малоквалифицированный или физический труд, не требующий профессиональных знаний. Следовательно, в такой ситуации невозможно связывать трудовую занятость с приобретением необходимых компетенций в сфере будущей профессии. Скорее, это необходимость удовлетворения материальных потребностей студента, нежели приобретение опыта будущей работы.

Особая ситуация сложилась в связи с дефицитом рабочих специальностей, которые стали менее востребованы в среде молодежи вопреки растущим потребностям экономики, хотя это особенно важно для тех, у кого в будущем профессия связана именно с этой сферой.

В целом с каждым годом растет число студентов, желающих совмещать учебу и работу. Но процесс их трудоустройства сопряжен со значительными трудностями и осложнениями. Часто работодатели не желают брать на работу студентов, вынужденных отвлекаться на учебный процесс. Многих работодателей не устраивает отсутствие опыта работы, нехватка знаний, низкий профессионализм. Для решения проблемы студенты прибегают к формальным и неформальным каналам трудоустройства. К формальным относятся работа в вузах, государственных органах. Неформальные каналы представляют собой неинституционализированные, иногда латентные каналы – совокупность личных и профессиональных связей (прямая протекция и/или рекомендация родственников, друзей и знакомых); предоставление и получение неофициальной информации о наличии вакансии, не присутствующей открыто на рынке труда, а также в СМИ и Интернете. Поэтому 52% студентов прибегают к неформальным каналам поиска работы, к протекции со стороны друзей, родственников, знакомых. Именно они, обладая некоторыми связями и информационными ресурсами, выступают помощниками в трудоустройстве своих детей, родственников. Помогают также социальные сети: работающие однокурсники, друзья, знакомые выступают источником полезной информации, а иногда поручителями перед работодателем. Юноши несколько чаще (54,6%), чем девушки (50%), обращаются за помощью к родственникам и знакомым [Панченко, 2005: 80].

Более четверти студентов (26,6%) нашли работу, напрямую обратившись непосредственно к работодателю. Лишь каждый пятнадцатый (6,5%) использовал средства массовой информации для поиска, прочтя объявление или получив искомые сведения через газеты, журналы. Каждый десятый участник (10,1%) использовал другие способы поиска работы (например, Интернет). Лишь незначительная часть студентов обратилась в государственную (2,4%)

и/или коммерческую (2,4%) службы занятости, что говорит о низкой эффективности работы данных учреждений [Родионова, 2011].

Среди основных причин поиска работы – желание иметь материальную независимость от родителей (57,1%), собственные карманные деньги (37,6%), необходимость оплачивать обучение (10,6%), получение опыта работы (25,3%), навыков работы (20,8%), помощь в овладении специальностью (6,1%). Доход от занятости позволяет студентам иметь собственные карманные деньги (74,4%), повышает уровень жизни (42,8%), улучшает качество и разнообразие потребления (35,6%) и лишь 20% помогает оплатить обучение. Следовательно, основным мотивом выхода на рынок труда студентов является материальная заинтересованность, а не желание связать теоретическое обучение с практическим опытом, с расширением профессиональных компетенций. Это подтверждается исследованиями петербургских ученых: «...Главными мотивами совмещения работы и учебы ... оказались “необходимость зарабатывать деньги на жизнь” (80,5%) и желание “почувствовать себя независимым человеком” (73,9%)» [Родионова, 2011].

Исследования показывают, что в таком виде, в каком существует студенческая занятость сегодня, она вряд ли направлена на решение основной проблемы модернизации современной России, как в сфере подготовки высокопрофессиональных специалистов, так и для эффективного творческого труда на производстве. «Взаимодействие рынка образовательных услуг и рынка труда определяется не только намерениями работодателей и наемных работников, но и рыночными механизмами и сложившимися “правилами игры”, инфраструктурой рынка труда, доступными материальными активами и ролью государства в этом процессе» [Ключарев, 2015:50]. Особо отметим, что на рынок труда молодежи стал влиять такой небезобидный фактор, как раздача и покупка дипломов (и не только о высшем образовании, но и ученых степеней). В результате выросло недоверие к дипломам не только известных, но особенно неизвестных вузов, что обеспечило появление в общественном обиходе такого выражения, как фейковые дипломы.

С какими дискриминирующими проблемами сталкиваются студенты, а потом выпускники вузов при решении проблем занятости?

Во-первых, требуется наличие опыта, что в молодом возрасте затруднительно и/или просто невозможно. Опрос 120 экспертов в 9 регионах страны (2014 г.) показал, что каждый второй работодатель считает необходимым наличие у выпускника опыта работы, треть обращает особое внимание на персональные рекомендации по итогам производственной практики, а также принимает во внимание репутацию учебного заведения. Само же содержание диплома (на-

звание полученной специальности, перечень и объем прослушанных курсов и практических занятий, полученные за них оценки) интересуют лишь одного из десяти руководителей. Из этого следует, что для успешного трудоустройства особое значение имеют подтвержденные на практике знания и компетенции, которые у молодых выпускников, как правило, отсутствуют [Ключарев, 2015:50]. В этой связи, на наш взгляд, особое значение приобретает производственная практика студентов по избранной им специальности, что, к сожалению, нередко соблюдается формально, без серьезной увязки теории с практикой, что и вызывает справедливые нарекания работодателей. Работодатель ориентируется на предыдущий опыт работы претендента (это может быть отзыв о прохождении практики или стажировки, в идеале, в этой же или подобной организации) или же предпочитает вложить средства в повышение квалификации или переподготовку работника, если его личные качества считают подходящими для выполнения им трудовых функций [Авраамова, Верпаховская, 2006].

Во-вторых, студентам нередко предлагают пройти испытательный срок без оплаты труда. После его завершения обычно следует увольнение с формулировкой «вы нам не подходите» и прием на работу такого же претендента, согласного пойти на такое же предварительное условие. В результате получается административный произвол, самая дикая эксплуатация, сродни если не рабскому, то крепостному труду. Причем этим чаще злоупотребляет средний и малый бизнес, в то время как большинство крупных коммерческих структур предлагают оплату труда, хотя, как правило, по самым низким ставкам. В результате согласившиеся на эти ставки студенты испытывают несправедливость, что их толкает рассматривать работу как временную меру и, соответственно, не отдавать все силы и возможности при выполнении производственных и трудовых обязанностей и поручений.

В-третьих, работодатели нередко предлагают ограничиться устной договоренностью, без заключения трудового договора и с неясной временной перспективой. В результате многие из студентов готовы мириться с такими условиями, если их удовлетворяет размер оплаты их труда. В этом случае сама работа приобретает инструментальный характер — она рассматривается как база удовлетворения потребностей, которые лежат за пределами выполнения будущих должностных обязанностей.

В-четвертых, большой проблемой, влияющей на возможность студентов оказаться в прекарном состоянии, является признание работодателями неэффективным прямое взаимодействие с вузами на основе договорных отношений о подготовке специалистов.

Это еще одно важное свидетельство, что нынешнее качество подготовки специалистов не отвечает требованиям рынка труда. При этом формальное свидетельство (диплом, аттестат) не имеет особого значения. Часть экспертов-работодателей отметила, что они и без договоров приглашают выпускников из тех образовательных учреждений, которые считают заслуживающими доверия, правда, нередко с испытательным сроком и обучением на рабочем месте.

На пути рационального решения вопроса о совмещении учебы и работы лежат различные оценки перспективности и потребности в специалистах разного профиля. Это симптоматично — работники образования в целом не (или слабо) информированы о действительной ситуации на рынке труда и потребностях в специальностях, которым они учат студентов. За этим стоит в большинстве случаев «академический консерватизм» — нежелание что-либо менять в работе учебного заведения, вводить новые курсы и профили обучения, приводить уровень квалификации и компетенции в соответствие с реальными потребностями и возможностями трудоустройства. Немалое значение приобретает такой феномен, когда авторитет образования подрывается, во-первых, покупкой дипломов, стремлением получить абы какой документ об окончании вуза, во-вторых, феноменом возросшей «необучаемости» части студентов. Этот феномен фиксируется многими учебными заведениями, но он реально существует, так как его «замалчивание» вузу приносит выгоду и доход из-за опасности сокращения субсидирования или лишения средств от «платных» студентов [Денисова-Шмидт, Леонтьева, 2015].

Принципиально различные оценки ценности многих специальностей, которые высказали эксперты, связаны с различным смысловым содержанием понятия «потребность в специалистах» и «перспективная профессия». Для представителей предприятий и учреждений — это конкретные должностные позиции, со вполне определенным набором требуемых знаний и компетенций, личностных качеств работников. А для представителей учебных заведений — это перечень специальностей, которые имеют высокий спрос среди абитуриентов и, соответственно, приносящие наибольшую прибыль учебному заведению [Ключарев, 2015:50—51].

По данным социологических исследований для современной студенческой молодежи на первый план выходит беспокойство за будущий социальный статус и карьеру, так как молодые люди не видят гарантий и возможностей реализовать это устремление. Эту тревогу разделяет и население страны. По данным ВЦИОМ, 47% опрошенных в 2017 г. считают, что у молодых людей становится все меньше шансов на получение работы по специальности (По-

иск, 2017, 3 февраля). Одновременно молодежь большое внимание уделяет возможному материальному положению (оплате труда), достижению благоустроенных условий жизни (жилье, здоровье, отдых, экологическая обстановка), регулярному общению с близкими и друзьями [ВЦИОМ /РИА Новости, 2017, 7 июня].

В этих условиях получила значительное распространение установка, когда главной целью становится не профессиональное соответствие работе, а средства получения доступа к приемлемому, желательно комфортабельному проживанию. В таком случае получение диплома приобретает инструментальный характер, когда имеется в виду не содержание будущей профессии, а сам факт получение какой-то работы, но гарантирующей желаемое благополучие. Вот мнения участников обсуждения — зачем учиться. «У нас большая часть выпускников школ идет в вуз. Чтобы получить диплом, а не знания. Само образование потеряло ценность». «Сейчас в вузы идут учиться по трем основным мотивам. Первый: все равно какое образование, лишь бы высшее, чтоб потом работать в офисе, не важно где, но лишь бы не на стройке. Второй мотив: так хотят папа с мамой. Третий: откосить от армии» [Цит. по: Портнягина, 2017].

Большинство экспертов считает, что у молодежи значительно завышен уровень ожиданий относительно предстоящей трудовой деятельности и уровня заработной платы. Это характерно для всей молодежи, вне зависимости от образования. Менее половины молодых людей адекватно оценивают свои трудовые перспективы. Как следствие, у молодежи высок уровень неудовлетворенности трудом — оплатой труда, условиями работы и т.п. Главным мотивом текучести молодых кадров на предприятии в 1990—2000-е годы была, по мнению экспертов, низкая заработная плата [Ключарев, 2015:54].

Однако то, что довольно значительная часть студенческой молодежи совмещает учебу с трудовой занятостью, отражается на качестве и глубине знаний, получаемых в вузе [Зубок, Чупров, 2015].

Вместе с тем надо особенно отметить характерную черту части молодежи — ее привлекает возможность испытать неизведанное в неформальных трудовых отношениях с надеждой иметь более высокие доходы в такой форме занятости (пусть и временно), чем при официальном трудоустройстве. Как показали эмпирические исследования, молодежь мало волнуют проблемы налогов, будущей пенсии. Более того, многие из молодых людей мало знали (и это их не волновало) об обязанностях работодателя перед ними: многие из них считали, что тот ничем не обязан сотруднику, кроме своевременного предоставления заработной платы. Многие молодые люди, особенно в сфере услуг, в своей неоформленной официально рабо-

те видели больше плюсов, чем минусов: свободный график работы, отсутствие жесткой иерархии и субординации, наличие свободного времени, а для некоторых из них — и благоприятная социально-психологическая атмосфера в организации [Коконцева, 2017]. Эти характеристики, как показывают опросы, проявлялись особенно отчетливо при сравнении с работой в официальных организациях, где они получили негативные впечатления о взаимоотношениях с руководителями, оплате и условиях труда. Поэтому молодые люди в этот период времени (обычно в краткосрочной перспективе) чувствуют себя «незащищенными», «брошенными», а свое положение нестабильным. Для них значительную роль играет то, что они имеют возможность себя реализовать, иметь работу, отвечающую их интересам. А будущее пока по большому счету их не беспокоит — они уверены, что со временем они решат свою судьбу сами. Это, на наш взгляд, продиктовано тем, что молодые люди не ожидают поддержки от государства и не надеются получить ее в будущем, рассчитывая в основном на свои силы и на поддержку близких. Как показали исследования «Жизненный мир-2014», в случае трудной жизненной ситуации, затруднительного положения 87% из них обратятся к семье, родным. 59,2% — к друзьям, и лишь 5,9% к местным органам власти и 7,9% — к руководителям предприятия (организации) [Жизненный мир... 2016].

Значительный интерес представляет взаимосвязь между тем, совмещал ли студент учебу и какое время занял у него переход от учебы к работе (см. табл. 3).

Анализ этих данных показывает, что средняя продолжительность перехода от учебы к работе составила 9 месяцев. По длительности перехода обучающихся можно разделить на две группы. Первая, большая по численности, группа выпускников быстро приступает к работе. Так, каждый пятый начал работать сразу же после окончания учебного заведения, т.е. в том же месяце, в котором было завершено обучение. Половина выпускников приступила к работе через 2 месяца после завершения обучения. Вторая группа в течение длительного времени не работала, находясь в состоянии экономической неактивности или безработицы. У каждого четвертого из этой группы продолжительность перехода превысила год, у шестой части — 2 года. Обратим внимание, что совмещающие учебу с работой быстрее устраиваются на работу, сокращая время неопределенности и не попадая в возможные прекарные слои. К сожалению, эта таблица не дает ответа на вопрос — устраиваются они по той же специальности, по которой обучались или пополняют так называемый офисный планктон, или такое рабочее место, на котором могли бы трудиться люди и с меньшим образованием.

Продолжительность перехода «учеба – работа» (в месяцах)

Характеристики	Продолжительность перехода (все респонденты)		Продолжительность перехода без учета респондентов, начавших работать сразу после окончания обучения	
	Средняя	Медиана	Средняя	Медиана
Уровень завершеного образования**				
Основное общее	17,2	9,5	20,4	13,0
Среднее общее	12,8	4,0	14,9	7,0
Начальное профессиональное	9,5	3,0	11,5	4,0
Среднее профессиональное	8,1	2,0	10,3	3,0
Высшее профессиональное	5,3	2,0	7,3	2,0
Пол*				
Мужчины	9,3	3,0	11,7	4,0
Женщины	8,6	2,0	10,9	3,0
Тип поселения*				
Город	8,1	2,0	10,2	3,0
Село	10,8	3,0	13,4	5,0
Совмещение учебы и работы**				
Совмещал	5,4	1,0	8,6	3,0
Не совмещал	10,0	3,0	11,9	4,0
В среднем по всем респондентам	9,0	2,0	11,3	3,0

Примечание. ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Источник: [Варшавская, 2016: 44].

Отдельные кейс-стади показывают, что интенсивно идет замещение рабочих мест средней квалификации выпускниками вузов, что демонстрирует процесс недоиспользования и даже потерю интеллектуального потенциала.

Особое место в анализе проблем занятости занимают студенты-фрилансеры, так как представляют, на наш взгляд, новый тип профессионалов. Вузовское или школьное образование являются временным проектом, который может и не совпадать со специализацией в фрилансе. Это связано, с одной стороны, с тем, что в фрилансе они занимаются конвертацией своих навыков, которые могли получить вне рамок формального (институционального) образова-

ния, с другой стороны – фриланс является возможностью развивать свои знания и получать специализацию в той сфере, которая интересна самому фрилансеру, обучить которой не могут ни в одном вузе. В фрилансе студенты видят, прежде всего, преимущества в совмещении работы с учебой – у них есть возможность подстраивать работу под учебный процесс без издержек в той и другой сферах. Важно отметить, что работники этого типа не имеют четкого представления о том, как будут выстраивать карьеру дальше, но они уверены, что на рынке труда не будут испытывать трудности в поиске подходящей работы [Харченко, 2012; Харченко, 2014].

Вместе с тем следует отметить, что, находясь в составе незащищенных социальных групп занятости и испытывая трудности, аналогичные для других прекарных слоев населения, эта группа в большинстве случаев еще не испытывает общности интересов с другими представителями социальных слоев, подвергающихся трудовой дискриминации. Пока они разобщены. Они – каждый за себя. Выпускница аспирантуры, ассистент на полставки, не осознает своей общности с девочкой из пригорода, работающей в зеленом киоске без регистрации, но зато в режиме 7/13 делит рабочее место с напарницей и считает себя более благоустроенной. Но ведь облик труда и той, и другой порожден объективными процессами развития экономических отношений, которые де-факто уравнивают их в своем весьма проблемном трудоустройстве [Ваннах, 2015]. К этому стоит добавить и то, что молодежи присуще большее беспокойство на сегодняшний день, текущее ее положение, и в то же время отсутствие тревоги, и даже пренебрежение своим будущим.

Изучение процесса «учеба – работа» представляет значительный интерес в силу потенциальной уязвимости студенческой молодежи на рынке труда. Ведь в настоящее время, по данным некоторых исследований, каждый четвертый выпускник не устроен или устроен не по полученной профессии [Трушин, 2017]. Понимание проблем, с которыми сталкиваются выпускники при выходе на рынок труда, позволяет более предметно оценить значение государственных и личных инвестиций в образование, способствовать более щадящей адаптации к реалиям рынка труда и уменьшить риск превращения студенчества в одну из групп прекариата.

NEET-молодежь как специфическая реальность рынка труда

Этим термином обозначают молодежь, которая не учится, не работает и не участвует в профессиональной подготовке. В современной научной литературе и статистике она получила специфическое, особое название – NEET (Not in Employment, Education or

Training). Численность этой молодежи значительно выросла в конце XX — начале XXI в., охватывая все большие слои входящего в жизнь молодого поколения и порождая принципиально новые проблемы как трудоустройства, так и будущей их жизни, становления их как полноценных граждан общества. Появлению этого термина предшествовало поколение «беби-бумеров», которое в 1980-е годы вступило в свою взрослую жизнь. Их постоянная смена работы, экспериментирование с выбором профессии, и как следствие частые смены своего социального положения и социального статуса породили особую напряженность на молодежном рынке труда. Что касается поколения NEET, то оно сформировалось позднее: впервые этот термин был упомянут в официальных документах в 1999 г. В 2010 г. Евростат разработал стандартное определение этой общности молодежи, согласно которому в нее входят молодые люди в возрасте 15–24 лет, безработные или экономически неактивные, при этом не учатся и не проходят профессиональную подготовку или переподготовку [Зудина, 2017: 5].

Такая ситуация возникла во многих странах мира, поскольку сложилась чрезвычайно неблагоприятная обстановка на рынке труда. Так, во Франции в 2015 г. доля безработных в возрасте 15–24 лет составляла почти 25% при среднем уровне безработицы в 10%. В Испании и Греции молодежная безработица составляла 50% при среднем ее значении для всего населения в 20–24% [Youth unemployment rate, 2016]. В России в 2015–2016 гг. показатели по безработным в возрасте 15–19 лет превышали 30%, в возрасте 19–24 года — около 15%, в то время как средний уровень безработицы равнялся 5–6% [Рабочая сила..., 2016; Зудина, 2017: 3].

Однако все эти значения в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ) рассчитаны по отношению к численности рабочей силы, а в молодом возрасте она, как правило, невелика. В этом случае показатели безработицы слабо отражают реальную ситуацию на молодежном рынке труда, что приводит к смещению представлений и, соответственно, путей решения этой проблемы. В свою очередь, экономическая неактивность молодежи также не является проблемой сама по себе, так как многие продолжают обучение, которое является для них основным занятием. В такой ситуации одним из важнейших показателей перехода от учебы к работе становится доля тех, кто и не работает, и не учится, т.е. NEET-молодежь, которая обычно рассчитывается по отношению ко всей численности населения в возрасте 15–24 лет, что делает его гораздо более информативным по сравнению с показателем безработицы.

Анализ масштабов, динамики и отличительных характеристик данной общности в конкретной стране проводится на основе общенациональных обследований рабочей силы.

Показатель доли представителей NEET рассчитывается и для отдельных возрастных групп. Согласно данным европейской статистики в 2011 г. около 7,5 млн молодых людей в возрасте 15–24 лет были исключены из сферы образования и рынка труда. Тем самым доля NEET-молодежи в общей численности молодежи в этом возрасте в Европе составляла около 13%. Сравнение этих цифр с показателями молодежной безработицы в Европе демонстрирует преимущества индикатора NEET. В таком случае абсолютная численность NEET-молодежи превышает соответствующий показатель безработной молодежи (7,5 против 5,2 млн человек), однако доля NEET значительно меньше доли безработных по определению МОТ (13% против 21%). При этом показатели доли группы NEET варьируются по странам. Так, в Испании, Италии, Болгарии и Ирландии они превышают 17% (самые высокие значения по Европе), а в Нидерландах и Люксембурге составляют менее 7% [NEETs, 2012]. К этому следует добавить и такие данные: доля молодых людей, покидающих школу до окончания учебы, составила в странах ЕС от 14,7% в 2008 г. до 10,7% в 2016 г. (в Испании и Мальте этот показатель остается на уровне 20%) [Мануйлова, 2017, 17 октября].

Что касается масштабов и динамики численности NEET-молодежи, воспользуемся данными А. А. Зудиной [Зудина, 2017: 10–13]. В табл. 4 представлено сравнение основных показателей положения молодежи на российском рынке труда, рассчитанных для двух возрастных групп – 15–19-летних и 20–24-летних.

Динамика доли обучающихся по дневным формам в возрасте 15–19 лет демонстрирует обратную тенденцию. Так, в 1995 г. учились лишь 67% всей молодежи в возрасте 15–19 лет и это наименьшее значение данного показателя за весь анализируемый период. В дальнейшем показатель доли обучающихся в возрасте 15–19 лет только увеличивался. На 2015 г. приходится максимальное значение доли обучающихся по дневным формам в возрасте 15–19 лет (почти 90%).

Доля NEET-молодежи в 1995 г. составляла 14,6% всей молодежи в возрасте 15–19 лет, т.е. каждый седьмой был исключен из сферы образования и трудовой деятельности. В 1995–2015 гг. этот показатель стабильно снижался и в 2015 г. составил немногим более 5%. Обратим внимание на большие значения показателя безработицы молодежи в возрасте 15–19 лет. В период 1995–2015 гг. они составляли около 30%, при этом пик молодежной безработицы

Основные характеристики положения молодежи на российском рынке труда
(Обследование населения по проблемам занятости в 1995–2015 гг.)

Статус молодежи на рынке труда	15—19 лет					20–24 лет				
	1995	2000	2005	2010	2015	1995	2000	2005	2010	2015
Безработные ¹	28,7	27,6	29,2	31,8	32,4	15,3	16,2	12,3	14,9	14,3
Занятые ²	18,1	14,0	11,8	7,9	5,9	65,1	57,5	54,4	53,2	49,9
Экономически активные ²	25,3	20,1	15^	11,6	8,7	77,0	697	62,6	62,5	58,2
Группа NEET ³	14,6	12,3	м	6,5	5,4	23,6	24,5	18,5	19,1	16,7
Группа NEET – безработные ³	6,4	4,9	3,0	2,3	1,9	11,4	11,5	7,5	м	7,3
Группа NEET – ЭНАН ³		7,4	5,1	4Д	5^5	12,3	13,0	11,0	10,7	9,4
Доля обучающихся, дневная форма обучения ⁴	67,3	73,7	79,5	85,7	88,7	11,2	18,0	27,1	27,7	33,4
Численность возрастной группы, тыс. человек	10997	12322	11825	8389	6829	10385	11106	12404	12169	9293

Источник: [Зудина, 2017: 11].

Примечания:

¹ показатель рассчитан в соответствии с методологией МОТ, т.е. приводится в % от численности экономически активного населения;

² показатель рассчитан в соответствии с методологией МОТ, т.е. приводится в % от численности возрастной группы.

³ показатель рассчитан в соответствии с методологией Евростата, т.е. приводится в % от численности возрастной группы.

⁴ показатель рассчитан в % от численности возрастной группы.

приходился на 2015 г. Как уже отмечалось выше, показатель безработицы согласно рекомендациям МОТ рассчитывается не по отношению к численности возрастной группы в целом, а по отношению к численности экономически активного населения в данном возрасте. Как видно из этой таблицы, в анализируемый период последний не превышал 25% от общей численности молодежи в возрасте

15–19 лет. При этом наибольшее значение данного показателя было характерно для 1990-х годов, т.е. для 1995 г. По сравнению с более благополучным 2010-м годом в 2014–2015 гг. вовлеченность молодежи 15–19 лет в рынок труда снизилась и достигла минимума (8,7%).

Описанная динамика общего показателя NEET-молодежи на протяжении 1995–2015 гг. определялась изменением численности обеих его составляющих – как безработных, так и экономически неактивных. В 1995 г. доля молодых людей в возрасте 15–19 лет, которые не обучались по дневной форме, не имели работы, искали ее и были готовы к ней приступить, составляла 6,4%. Доля тех, кто не учился и при этом был экономически неактивным, равнялась 8,2%. В 1995–2015 гг. доли безработных и экономически неактивных представителей NEET стабильно снижались и к 2015 г. составляли 1,9% и 3,5% от всей молодежи в возрасте 15–19 лет соответственно. Таким образом, экономическая неактивность осталась преобладающим типом незанятости группы NEET, а основной тенденцией, описывающей изменение положения молодежи 15–19 лет на российском рынке труда в 1995–2015 гг., являлась ее растущая вовлеченность в сферу образования.

Анализ основных характеристик положения молодежи в возрасте 20–24 лет демонстрирует нам сходные тенденции. В 1995–2015 гг. показатели безработицы среди экономически активных представителей данного возраста были довольно стабильными (12–16%). При этом наибольшее значение показателя экономической активности в данных возрастах наблюдалось в 1995 г., когда около 77% 20–24-летних находились на рынке труда.

В дальнейшем экономическая активность молодежи 20–24 лет стабильно снижалась, и к 2015 г. этот показатель составил чуть более 58%. Закономерно, что показатель занятости 20–24-летних в анализируемый период также снижался – с 65% до 49,9% от общей численности молодежи в данных возрастах. Снижение экономической активности и занятости в данных возрастах на протяжении 1995–2015 гг. стало результатом нескольких процессов. Так, из всех молодежных групп 20–24-летние, вероятно, в наибольшей степени почувствовали на себе переломный характер 1990-х годов, связанный с возросшей напряженностью на рынке труда. В такой ситуации получение образования стало альтернативой трудовой деятельности, тем самым реализовывая механизм «отложенного» предложения труда. С другой стороны, с середины 1990-х годов ожидания относительно экономической отдачи от профессионального образования разных уровней активно возрастали, следовательно, увеличивался и спрос на него со стороны молодежи [Рощин, Рудаков, 2014].

Неудивительно, что динамика доли обучающихся в группе 20–24-летних в рассматриваемый период демонстрировала активную тенденцию к росту. Если в 1995 г. соответствующий показатель составлял около 11%, то к 2015 г. он превысил 30%.

Доля представителей NEET-молодежи среди 20–24-летних намного выше, чем среди молодежи в возрасте 15–19 лет. В 1995 г. почти каждый четвертый россиянин в возрасте 20–24 лет не учился и не работал, при этом в структуре данной категории безработные и экономически неактивные были представлены практически поровну. В дальнейшем сам показатель вовлеченности в категорию NEET среди 20–24-летних снизился (к 2015 г. он составлял чуть менее 17%), численность обеих его составляющих также упала, однако разрыв между безработными и экономически неактивными представителями увеличился.

В структуре данной группы стала отчетливо преобладать экономически неактивная молодежь [Зудина, 2017].

Таким образом, хотя на протяжении 1995–2015 гг. доля NEET-молодежи сокращалась, при этом наиболее стабильной являлась доля экономически неактивных 20–24-летних россиян (с 19% в 1995 г. до 12% в 2015 г.). Именно эта возрастная группа часто выступает одной из основных потенциальных сил рынка труда – получив образование того или иного уровня, молодые люди отправляются на поиски рабочего места, и их уход с рынка труда может свидетельствовать о наличии серьезных проблем, возникающих при несогласованности потребностей экономики и полученного образования. Это также говорит о базовых основах этой несогласованности – об ущербности осуществляемой экономической политики, которая привела к упадку в развитии многих отраслей производства, что существенно уменьшило спрос на рабочую силу. Особенно наглядно это проявилось в спаде потребностей в инженерных кадрах и высококвалифицированных рабочих, что привело их к необходимости приспосабливаться к новой ситуации на рынке труда, к возможной перемене профессий. А это аукнулось на резком сокращении желающих приобретать инженерные специальности, что сказалась на конкурсах в технические вузы.

В целом же факт принадлежности к NEET-молодежи в значительной степени связан с ущемленным социальным положением (отсутствием социальных связей), с низким или некачественным уровнем полученного образования, отсутствием опыта работы, что является одним из показателей существующего социального неравенства, деформацией социальной справедливости, что, в свою очередь, может привести к серьезной конфликтной обстановке. Иначе говоря, NEET-молодежь образует еще одну своеобразную

социальную группу, которая по многим показателям примыкает к прекариату.

Литература

Аврамова Е.М., Верпаховская Ю. Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социологические исследования. 2006. № 4.

Андрущак Г.В., Прудникова А.Е., Шугаль Н. Б. Потоки обучающихся и финансовые потоки в системе образования России. М.: НИУ ВШЭ. 2012.

Блинова Т.В., Вьяльшина А.А. Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий // Социологические исследования. 2016. № 9. с. 40–49.

Большакова О.А. Оплачиваемая работа в жизни студентов // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 136–139.

Ваннах М. Прекариат – новый класс рядом с нами. Источник: <http://gosvo-pros.ru/job/professionalnye-navyki/precarian-newclass>

Варшавская Е. Я. Успешность перехода «учеба–работа»: для кого дорога легче? // Социологические исследования. 2016. № 2. с. 39–46.

Герчиков В. И. Феномен работающего студента вуза // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 87–94.

Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э. О. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования, 2015. № 9. С. 86–93.

Зубок Ю.А., Чупров В. И. Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // Социологические исследования, 2015. № 5. С. 114–122.

Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России. (электронный ресурс). М.: Изд. Дом ВШЭ. 2017.

Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.

Коконцева А.А. Неформальная занятость: Состояние и проблемы. Вып. квалиф. работа. М.: РГГУ, 2017.

Константиновский Д.Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования, 2015. № 11. С. 37–48.

Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М., 2014.

Мануйлова А. Европа сокращает социальное неравенство / Коммерсантъ. 2017. 17 ноября

Нагимова А.М., Сафиуллина Ф. Р. Совмещение обучения в вузе и трудовой занятости студентов Казани // Социологические исследования, 2014. № 4.

Портнягина М. Выучиться на безработного // Огонек. 2017. № 33.

Рабочая сила, занятость и безработица (по результатам выборочных обследований рабочей силы): стат. сб. М.: Росстат, 2016.

Родионова А. В. Трудовая занятость студентов в контексте обучения (на примере Санкт-Петербурга) // Теория и практика общественного развития. Электрон. науч. журнал. 2011. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://teoriapractica.ru/-7-2011/sociology/rodionova.pdf>.

Рошин С.Ю., Рудаков В. Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152–179.

Трушин А. Выучиться на безработного // Огонек. 2017, № 30.

Харченко В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.

Чередниченко Г. А. Новое в образовании и профессиональной деятельности молодежи // Социологические исследования. 2009. № 7.

Alfieri S. et al. Who are Italian Neets? Trust in institutions, political engagement, willingness to be activated and attitudes toward the future in a group at risk for social exclusion // *Rivista Internazionale di Scienze Sociali. Vita e Pensiero. Pubblicazioni dell'Universita' Cattolica del Sacro Cuore.* 2015. Vol. 130 (3). P. 285–306.

Carcillo S. et al. NEET Youth in the Aftermath of the Crisis: Challenges and Policies. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2015. No. 164. OECD Publishing. Paris, 2015. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/5js6363503f6-en>

Coles B. et al. Literature review of the costs of being “not in education, employment or training” at age 16–18. Research Report N 347. Department of Education and Skills. Nottingham, 2002.

Gladwell D., Popli G., Tsuchiya A. A Dynamic Analysis of Skill Formation and NEET status. Sheffield Economic Research Paper Series. SERPS No. 2015016. The University of Sheffield. 2016. <http://www.sheffield.ac.uk/polopoly_fs/1.471636!/file/serps_2015016.pdf>

Heckman J., Carneiro P. Human Capital Policy. NBER Working Paper Series. 2003. No. 9495. <<http://www.nber.org/papers/w9495.pdf>>

NEETs. Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe. Eurofound. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2012. <https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1254en.pdf>

OECD Education at a Glance 2013: OECD Indicators. OECD Publishing. Paris, 2013. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2013-en>

OECD Education Indicators in Focus. How Difficult is it to Move from School to Work? 2013. No 13. OECD Publishing. <http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-indicators-infocus_22267077>

OECD Employment Outlook 2016. OECD Publishing. Paris. 2016. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/empl_outlook-2016-en Off to a Good Start? Jobs for Youth. OECD Publishing. Paris, 2010. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264096127-en>

Youth unemployment rate (indicator). OECD, 2016. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/c3634df7-en>.

What does NEETs mean and why is the concept so easily misinterpreted? ILO Employment Policy Department. Youth Employment Programme, 2015. Technical Brief No. 1. <http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/%40dgreports/%40dcomm/documents/publication/wcms_343153.pdf>

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРЕКАРИАТА

Глава 14

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ПРЕКАРИАТА

В предыдущих главах показано, что в мире и соответственно в России сложились специфические социальные группы (общности), которые образуют новый социальный класс — прекариат, который уже во многом определяет лицо современного общества. К нему относятся значительные слои населения, представители которого находятся в нестабильном социально-экономическом состоянии, обладают условным, урезанным и ущемленным статусом, имеющим зыбкие жизненные, финансовые и профессиональные перспективы. Несмотря на все вариации и разные проявления деятельности групп этого класса, они имеют общие черты своего жизненного мира.

Базовые основы жизненного мира прекариата

Жизненный мир — относительно новое понятие в современной социологической теории. Его истоки по своей сути восходят к тому периоду развития философской мысли, когда в центр научного анализа наряду со вселенной, космосом и природой были поставлены проблемы жизни человека в их неразрывном единстве с социальными (а не только природно-биологическими) проблемами развития мира и общества [Шюц, 2004].

Жизненный мир — это целостное, но своеобразное видение происходящих и окружающих людей событий как социально-значимой, так и обыденной жизни. Это не механическое и всеохватывающее включение в свою жизнь всевозможных ситуаций, а учет и специфическое понимание в самом различном ракурсе явлений и процессов, происходящих в глобальном, мировом и национальном масштабе, в экономике, политике и культуре [Подробнее см.: Тощенко, 2016].

Средства и методы формирования и функционирования жизненного мира многообразны и многоплановы. Помимо некоторых

общих черт, они по-разному проявляют себя у различных социальных образований — классов, слоев, общностей, групп. Что касается прекариата, особо подчеркнем то, что жизнесмысловые основы его существования отражают содержание, предназначение, стремление ориентироваться на достижение приемлемых целей, в которых с особых позиций соединяется общее, особенное и единичное в сопоставлении с требованиями окружающей действительности во всем ее многообразии. Но именно специфика этих основ закладывает серьезные различия между прекариатом и другими классами, особенно со средним и андерклассом.

Жизненный мир прекариата — это специфическое единство объективного и субъективного, что в социологической его интерпретации предполагает тщательный анализ реального общественного сознания этих социальных групп (общностей) во всем их противоречивом развитии, их действительного поведения, а также условий, в которых эти сознание и деятельность реализуются.

Жизненный мир прекарных слоев базируется в основном на краткосрочных или временных взаимодействиях в процессе решения реальных проблем, что приводит их к формированию особых форм отношения ко всему тому, что происходит в окружающем их обществе, в котором они работают и живут.

Жизненный мир прекариата не стабилен, так как в незначительной степени может опираться на ранее накопленный практический, предшествующий, а тем более исторический опыт (из-за его отсутствия, особенно в личностном выражении), что затрудняет оперировать не только пониманием и приятием окружающей его действительности, но информацией о подобных образах и стилях жизни в различных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях.

Жизненный мир прекариата — это мир краткосрочной рациональности, одобренный чувственными и эмоциональными оценками, выраженными в вербальном и/или поведенческом отношении к происходящей действительности. Этот мир отражает всю гамму субъективной (поэтому нередко неточной, ошибочной) характеристики наблюдаемых человеком происходящих процессов, в первую очередь в повседневной жизни.

И наконец, жизненный мир прекарных слоев реализует попытки обеспечить (гарантировать) выполнение ожидаемых от них действий и взаимодействий, добиться реализации первоочередных из них желаемых целей по достижению реального и приемлемого для них результата.

Осмысление жизненного мира прекариата предполагает анализ препятствий и ограничений на пути достижения планируемых целей, к которым стремятся эти социальные группы (общности).

Обобщая сказанное, можно утверждать, что *жизненный мир прекарных слоев — это мир ущемленных в социально-экономическом и правовом отношении людей, мир деформированного человеческого измерения, ограниченного функционирования человеческого потенциала*. Это мир нереализованных возможностей, а соответственно, не всегда адекватного их восприятия и реакции на происходящие в окружающей среде перемены и отсюда (не)готовность понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым обществом и государством преобразованиям.

Характеристика основных и специфических черт жизненного мира прекариата

Для прекариата, прежде всего, *характерно неустойчивое социальное положение*, обусловленное тем, что временная, частичная, неполная, сезонная и эпизодическая занятость стали отчетливо выраженным показателем уязвимости жизненного мира работника. Особо подчеркнем, что деформированная занятость, массовое лишение рабочих мест касается не только рабочих, но и всех слоев населения и даже части среднего класса, который нередко представляется как образец стабильности и ориентир для подражания.

Нынешняя реальность такова, что социальное положение многих людей в мире серьезно ухудшилось. Огромное количество безработных (в некоторых странах их численность достигает трети трудоспособного населения) постоянно пополняется молодежью после окончания учебных заведений. Это касается не только мелких и средних производителей, но и таких гигантов как Газпром, Роснефть, IBM, которые в условиях начавшегося в конце 2014 г. кризиса объявили о сокращении штата работающих почти на одну четверть, что составило только в последней из перечисленных фирм 110 тыс. работников.

Такое состояние с занятостью оправдывается неолибералами неотложной потребностью в гибком использовании трудовых ресурсов. И хотя подобный подход в технократическом толковании оправдан, эта гибкость оборачивается для работника огромными социальными издержками, выражаясь *в потере или снижении социального статуса, который всегда был важным показателем жизненного мира людей*. Угроза понижения социального статуса серьезно волнует многих. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, 2012 г., 12 регионов, 1207 чел.) 31,2% считают, что существует реальная (полностью и частично) возможность лишиться работы. Отражением отказа от пожизненного найма с одновременным привлечением временных работников

под флагом гибкости трудовой занятости, приводящей к произволу в отношении к рабочей силе, стал зафиксированный в исследованиях Минтруда факт: за последние пять лет каждый пятый работник (22%) ежегодно менял работу, 16,3% переходили к другому работодателю и еще 5,8% перемещались (и не всегда добровольно) внутри производства [Мануйлова, 2017]. Поэтому вполне понятно, почему реально существует высокий уровень неустойчивости рынка труда, когда говорить о росте производительности труда, высоком использовании интеллектуального потенциала работников просто не приходится или это можно делать с большой натяжкой.

В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, которые по своим потенциальным возможностям и способностям вправе претендовать на более удовлетворяющую их занятость, вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу [Гринберг, 2009]. Возникает *статусный диссонанс*. Особенно он характерен для молодежи, которая начинает свой жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, но в то же время с надеждой, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Но уже и в этом случае в сознание этой группы закладывается ощущение несправедливости, которая может подтвердиться, исходя из собственного опыта и наблюдений, отнюдь не вдохновляющие их ситуации. А как им думать иначе, если дети высокопоставленных родителей, минуя всякие промежуточные ступени, занимают престижные должности, да еще демонстрируют свое превосходство над окружающими? Как реагировать молодым, страдающим от статусного диссонанса, когда они узнают, что 25-летний сын главы «Роснефти» Иван не только занял пост первого заместителя директора департамента этой фирмы, но уже через 9 месяцев работы в этой организации получил орден «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени? Его он удостоен, как значится в президентском указе, «за большой вклад в развитие топливно-энергетического комплекса и за *многолетний добросовестный (?!- Ж.Т.) труд*» [Юрьева. 2015: 2]. И это не единичный факт. Сыновья и дочери министра сельского хозяйства РФ А. Ткачева, зам. пред. правительства РФ Ю. Трутнева и Д. Козака, бывшего министра обороны и бывшего руководителя администрации президента С. Иванова, зам. руководителя администрации С. Кириенко, генерального директора «Ростех» С. Чemezова и других деятелей власти, едва закончив вузы, становятся руководителями крупнейших фирм, банков, компаний, нередко своими доходами во много раз превосходя своих родителей, занимающих крупные официальные посты [Веретенникова, Поляков. 2017: 17].

И что в этой ситуации думать молодым людям, которые вынуждены искать работу или мириться с вынужденной занятостью? Ведь такие случаи не единичны. Все это свидетельствует о том, что социальные лифты перестали работать (или «заржавели»). И человеку, принадлежащему к прекарным слоям, практически закрыты все возможности для карьерного продвижения. И дело не столько в том, что выходят наверх к управлению избранные по сомнительным и весьма спорным критериям люди, а в том, что резко сужается возможность обновления общества за счет талантов из самых различных слоев, а также серьезно ограничивается социально обусловленное генерирование способных и творческих людей на следующие ступени служебной лестницы. В этой ситуации не только обедняется база для мобилизации, выдвижения и использования творческого потенциала огромного количества людей, но и порождается недовольство таким положением, что может подвигнуть их на различные формы протеста.

Не менее важной характеристикой жизненного мира прекариата является *его социальная незащищенность, лишение его многих социальных гарантий*. Это проявляется не только в более низкой оплате труда — прекариат лишен гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, в организации отдыха. Как правило, этим людям «не грозят» не только регулярные, но и эпизодические поощрения. Именно статус временного работника освобождает работодателя от излишних затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает его издержки, повышает доходность и главное (мечта неолибералов), перекладывает заботу о нынешнем положении и о будущей жизни на плечи самого работника «в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности». Прекариат, как правило, не имеет никакой правовой защиты (или она минимальна, урезана), что могло бы обеспечить гарантии занятости в обмен на согласие подчиняться, выполнять общепринятые требования и соблюдать определенную лояльность [Стэндинг, 2014: 114]. Прекарии не имеют доступа к государственным пособиям или иным формам поддержки. Это общее чувство незащищенности усугубляется тем, что они живут сами по себе, не получают социальных пособий (если они не зарегистрировались как безработные, от чего многие из них уклоняются, чтобы не прослыть неконкурентоспособными» и не записать себя в социальное дно). У этого класса нет и реально действующих правовых актов (законов), гарантирующих от произвола, что особенно наглядно проявляется в несоблюдении базовых трудовых прав. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (1207 чел. в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012 г., РГГУ) только 20,2% признали, что их работа по найму

и/или дополнительная работа были официально оформлены трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом (Подробнее см.: Тощенко, 2014).

Стоит отметить еще одну характерную черту жизненного мира прекариата — *специфические отношения распределения*. Эта форма, прежде всего, заключается в высокой степени неопределенности оплаты труда из-за разнообразия способов ее начисления в реальной практике, которая практически не зависит или мало коррелирует с требованиями трудового кодекса, но зависит от часто малопонятных и произвольных действий работодателя. Тем более, что даже оговоренный размер оплаты труда может кардинально измениться в зависимости от различных обстоятельств не только в сфере неформального сектора экономики — этим грешат и официальные, в том числе и государственные организации и учреждения. В этой ситуации прекариат может рассчитывать на получение поддержки своей жизнедеятельности только от семьи и родных (87,0%) и близких людей (99,2%) [Жизненный мир... 2016: 362]. Отметим также, что в лучшем случае возможны эпизодические формы помощи от благотворительных фондов или местного сообщества, что, однако, нередко оборачивается унижением человеческого достоинства, потерей веры в себя и государство [Маслова и др., 2007].

Признание ущербности существующих принципов распределения дополняется тем, что *доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от самых различных обстоятельств*. Особую роль играет политика государства. В России это выразилось в том, что эта политика опиралась на ложный теоретический постулат: к числу факторов, определяющих такой прекарный слой как безработные, относят рост заработной платы. Так, Дж. Сакс, долгое время работавший в России в качестве эксперта, настаивал на соблюдении принципа — чем выше уровень зарплаты, тем больше безработных [Сакс, Лоурен, 1996]. Этой точки зрения в той или иной степени придерживается и Центр стратегических разработок под руководством А. Кудрина [Российский рынок труда, 2017]. На наш взгляд, именно эта установка привела к тому, что в России до сих пор господствует неолиберальный курс — справедливость в оплате различных социальных групп и профессий устанавливается через стихийный механизм формирования равновесной цены труда. Занижение цены труда напрямую связано с тем, что минимальный размер труда (МРОТ), который устанавливается законодательно как социальный норматив, в действительности таковым не является, поскольку его размер ниже прожиточного минимума. Размер МРОТ — это произвольно заниженная величина, ничем не обоснованная и противоречащая законам стоимости рабочей силы и рав-

новесной цены труда [Кочетов, 2017]. Именно слишком низкий размер МРОТ в России был отмечен в докладе Генерального директора МБТ Х. Сомавиа на Международной конференции труда в 2003 г. [Сомавиа, 2003: 5]. Это показательно в свете данных о размерах минимальной заработной платы в других странах: во Франции — 1090 евро, Великобритании — 980 евро, в Словакии — 148 евро, Литве — 125 евро, России — 24 долл. [Человек и труд, 2005: 20].

Прекариат по сути депрофессионален, ибо ему присуща частая смена мест приложения труда. И это не внутренняя потребность, а навязанная линия поведения неолиберальной экономикой, и касается это огромной массы людей, которые во все большей мере работают не по полученной специальности. Такое состояние с занятостью ведет к «деинтеллектуализации труда», деформации трудового процесса (Гринберг, 2009: 4). Исследования, проведенные на базе данных Росстата, показали, что в середине 2000-х годов доля выполнявших работу, не требующую уровня образования, который был у работников, составляла примерно одну треть [Гимпельсон, Капелюшников, 2011]. С того времени — около 10 лет — разрыв между занятостью и соответствием уровню полученного образования лишь увеличился. Это подтверждают выборочные исследования: доля экономически активного населения, которое работает не по специальности, составляет около 20%. При движении вниз по профессиональной лестнице численность работающих не по специальности растет — от 12,4% среди специалистов высшего уровня квалификации до 37,2% среди специалистов среднего уровня и 90,1% в группе неквалифицированных рабочих. При этом женщины реже (25,6%), чем мужчины (32,7%) работают не по специальности [Мануйлова, 2017]. Отметим, что каждый раз, теряя прежнее место работы, человек в большинстве случаев получает иную сферу приложения труда, требующего некоторого усредненного знания и определенного набора навыков, чтобы выполнять поручаемую ему работу. Это особенно наглядно проявляется в судьбе выпускников университетов и других учебных заведений (из них в основном комплектуется офисный планктон), занятость которых мало различает и учитывает прежнюю профессиональную подготовку молодых людей. Большинство из них, несмотря на ранее полученную специальность, выполняет некоторый набор усредненных требований, необходимых для выполнения таких функций, как писать справки, готовить исходную информацию, собирать необходимые данные из различных источников, выполнять поручения, для реализации которых не обязательно иметь высшее образование. В этих условиях становится важным наличие диплома об образовании без особого учета, какое это образование и в чем оно заключается, и какую про-

фессию получил молодой человек. В результате происходит *массовая депрофессионализация, утрата профессиональной идентичности, потеря профессиональной культуры*. Поэтому не удивительно, что все возрастающему числу представителей прекариата присуща *потеря профессиональной самоидентификации* даже в том случае, если они в прошлом имели апробированный опыт работы по определенной специальности и занимали ответственные должности. Считается, что прекариат будет трудиться, когда и как потребуется в условиях, как правило, не зависящих от его собственного выбора. При таком подходе, несмотря на различие в целях, добиться хотя бы какой-нибудь занятости, у всех представителей прекариата есть нечто общее — ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадежная и практически часто не коррелируемая с полученной профессией [Бизюков, 2014].

Прекарии практически не принимают никакого участия в управлении страной, делами региона и того населенного пункта, в котором живет, той организации, в которой он работает. По данным исследования Высшей школы экономики «Особенности властного статуса занятого населения России» только каждый двухсотый считает, что он причастен к власти, а среди неквалифицированных работников этот процент равен 0,6%. Этот показатель коррелирует и с данными других исследователей: на вопрос «Можете ли Вы влиять на принятие важных решений?» 93,7% ответили однозначно «не могут влиять» [Жизненный мир... 2016: 356]. Такого отчуждения от власти, от осознания, что человек может повлиять на принятие управленческих решений, никогда не было в советский период, хотя и тогда многие действия людей в этом направлении скорее отражали политико-идеологическую установку. Но тем не менее примечательно то, что показатель обладания властным статусом в современной России в среднем выше у занятых на государственных предприятиях, чем на частных [Цитирую по: Мануйлова, 2017, 22 декабря]. Среди причин такого состояния можно назвать массовую деполитизацию россиян, выработку иммунитета к деятельности многочисленных политических авантюристов, процветавших в 1990–2000-е годы, когда функционировали и задавали тон особые специфические группы политиков, с калейдоскопической скоростью появлявшихся на политической арене с претенциозными рецептами и также быстро исчезавшие (или отвергавшиеся самой жизнью), но, успев сначала поманить, а затем обмануть население самыми различными посулами. В условиях функционирования этих фантомов общественного сознания и поведения формировалось неверие в предлагаемые политические рецепты, тем более что они сопровождались снижением качества жизни, отвержением желаний

и предложений населения по совершенствованию общественной и повседневной жизни [Подробнее см.: Кара-Мурза, 2003; Тощенко, 2015].

Жизненному миру прекариата присуща и такая черта — он лишен перспективы, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, от профессионального роста, от профессионального будущего. Это особенно наглядно проявляется в том факте, что люди живут сегодняшним днем, не заглядывая в будущее. По данным «Жизненного мира-2014» 42,1% никак не планируют свою жизнь при еще 30,1%, планирующих на 1—2 года [Жизненный мир...2016: 352]. А что это значит? Люди не уверены в том, что можно ориентироваться на цели, которым будет подчинена вся их жизнь и соответственно строить планы на ближайшую, а также средне- и долгосрочную перспективу.

Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, на ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения. В этой ситуации возможны различные варианты поведения: а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению; б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей жизни; в) выступить с активными действиями, начиная от акций против правящего режима, или окунуться, вступить в криминальную среду.

При определении имманентных черт прекариата надо обязательно обратить внимание на то, что его положение характеризуется просто удивительным и поразительным обстоятельством — *многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организации или предприятия, на которых они работают, не знают ни их планы по развитию или существованию, ни их будущее.* Т.е. это положение, отличное от пролетариата, делает прекариат абсолютно отстраненным от всякого возможного влияния и воздействия на органы управления, которые руководят ими. Это удивительным образом совпадает с реалиями российской действительности. Напомним, что более года официальные органы устанавливали после теракта в Домодедово, кто же является владельцем этого аэропорта. Не менее поразительны констатации случаев незаконного использования нелегалов-мигрантов на многочисленных стройках столицы и других регионов России, когда часто никак не могли установить владельцев и ответственных за эти стройки.

Вместе с тем характеризуя черты жизненного мира прекариата, на наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что прекариат являет-

ся только «страдающей» социальной группой, представляет собой «продукт распада общества труда», которое изжило себя к настоящему времени. По мнению выразителей этой точки зрения, «общество труда приближается к своему неминуемому концу», происходит «превращение труда в иррациональную самоцель», и поэтому претензия на занятость, на вовлечение всех в трудовую деятельность — это обман и заблуждение, не соответствующие современным потребностям общественного развития [Фишман, 2016: 119,121]. При такой постановке вопроса, конечно, не может идти речь о том, что прекариат станет самостоятельной общественно-политической силой и поэтому уповать на его возможности не имеет никакого смысла. Это, де, или зигзаг в развитии или его издержки, которые поэтому не имеют никакой перспективы.

Однако анализ основных черт жизненного мира прекариата позволяет сделать вывод, что прекариат столкнулся с *новым видом отчуждения*, с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. *Заняв место пролетариата, прекариат* стал во многом схож с тем положением, который занимал рабочий класс в XVIII—XX веках. Но в отличие от пролетариата, основу которого составляли работники промышленного производства, *прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоев современного общества*, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своем праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищенность, на надежду в гарантированном будущем своей семьи и своих близких в ситуации, когда неизвестно кому предъявлять претензии, кроме безымянных, расплывчатых и неопределенных групп «эффективных» менеджеров.

Таким образом, жизненный мир прекариата различен, существует в многообразии, проявляющемся как специфика индивидуального, особенного и всеобщего. Именно на сущностной характеристике жизненного мира мы остановимся, ибо этот мир, несмотря на обилие и разнообразие, все же (и здесь мы солидарны с Гуссерлем) имеет одну всеобщую структуру. И эту его объединяющую структуру образуют *смыслы жизни*, которые при всем многообразии жизненного мира прекариев выступают такими понятиями и соответственно показателями и индикаторами, которые могли бы выразить целостное видение этого мира, главные (основные, определяющие) его ориентиры [Гуссерль, 2004].

Дело в том, что практически все социальные слои прекариата, в отличие от андеркласса, устремлены на установление устойчивых

социальных связей с обществом, с окружающим их миром, не теряют надежды на достижение благополучия для себя и близких им людей, на сохранение убежденности в возможности достичь справедливости в организации своей публичной и приватной жизни. *И для них вопрос занятости — это вопрос не столько о том, что делать, а вопрос о том, кем быть в этом мире.* Именно поэтому необходимо остановиться на характеристике смысла жизни precarious, как важнейшем условии превращения precarious в социальный класс.

Литература

- Бизюков П. Диктатура precarious. http://www.gazeta.ru/comments/2014/04/29_x_6013393.shtml
- Веретенникова К., Поляков М. Золотые семьи // Версия. 2017. № 21. С. 17.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.). Российский работник: образование, профессия, квалификация. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2011.
- Гринберг Р.С. Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб: Владимир Даль, 2004.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2015.
- Кара-Мурза С.Г. Манипулирование сознанием. М., 2003.
- Кочетов А.Н. Занижение цены труда и устойчивость структурной безработицы в России // Социологические исследования. 2017. № 12.
- Лапин Н.И. Комплексное социологическое исследование жизненного мира россиян (о книге «Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)» // Социологические исследования. 2016. № 10.
- Мануйлова А. Производительность труда не обещает подъема /Коммерсантъ. 2017, 28 февраля.
- Мануйлова А. Каждый двухсотый в РФ чувствует себя властью /Коммерсантъ. 2017, 22 декабря.
- Маслова И.С., Бараненкова Т.А., Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России. М.: Наука, 2007.
- Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований /Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рошина. М.: ВШЭ, 2017.
- Сакс Л., Ларрен Ф. Макроэкономика. Глобальный подход. М.: Дело, 1996.
- Сомая Х. Труд как средство борьбы с нищетой // Человек и труд. 2003. № 3.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Экономическое сознание и поведение: четверть века спустя (конец 1980-х — начало 2010-х гг.) // Социологические исследования. 2014. № 7.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2015.
- Человек и труд. 2005. № 1.
- Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития. 2016. № 2 (82).
- Шюц А. Избранное: мир, освященный смыслом /Сост. и пер. Н.М. Смирновой. М., 2004.
- Юрева Е. Орден-бонус //Советская Россия. 2015, 24 января.

Глава 15

ПРЕКАРИЗАЦИЯ СМЫСЛОВ ЖИЗНЕННОГО МИРА НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

В большинстве случаев, когда говорят о возможности более глубокого анализа процессов формирования и роли прекариата в жизни современного общества, то, на наш взгляд, более точно утверждение, что прекаризация — это «процесс, затрагивающий все стороны жизни человека, формирующий и особую «культуру и психологическое состояние» [Шкаратан и др., 2015: 102; Neilson, 2015]. Такой подход к прекаризации олицетворяет превращение трудовых отношений из ранее устойчивых, гарантированных в незащищенные, неустойчивые, дерегулированные, характеризующиеся ограничением прав наемного работника, которые работодатель может прервать в удобное для него время или предложить иные, как правило, более ущемленные условия труда [Голенкова, Голиусова, 2015; Дружилов, 2015].

Прекаризация охватывает всю жизнь каждого наемного работника, даже если он занят постоянной трудовой деятельностью. Конечно, прекарный труд в первую очередь касается тех, кто олицетворяет его в своей повседневной деятельности, — от занятых временной работой до занимающихся такими видами неустойчивой, непостоянной работы, как сезонная, эпизодическая, случайная. Однако прекаризация распространяется и на занятых работников, тем более что их удельный вес постоянно сокращается даже в развитых странах, долгое время ориентировавшихся на установки общества благоденствия.

Исходя из данных социологических исследований, жизненный мир наемных работников ориентирован на реализацию (достижение) *основного смысла их жизни, на то, что определяет его основную сущность, заключающуюся не только в том, что делать, а кем быть* [Подробнее см.: Тошенко, 2016].

Прекаризация проявляет себя в том, что она деформирует как основной смысл жизни, так и смыслы деятельности людей в основных сферах общества — в экономической, социальной, политической и духовно-культурной.

Главные смыслы современного жизненного мира наемных работников

Характеристика основных смыслов жизни современных российских наемных работников связана с анализом тех ценностных ориентаций, которые являются определяющими их сознание и деятельность, сопоставимы с их социальным опытом, характеризуют

главные взаимоотношения с внешним миром и с пониманием своего личностного предназначения.

Таковыми главными смыслами, определяющими в целом весь их жизненный мир, как и всех россиян, всю совокупность основных видов их деятельности являются, на наш взгляд, стремление к *социальной справедливости, к социальной защищенности и гарантиям достойной жизни*. Для понимания их значимости мы будем сопоставлять со смыслами жизни тех групп наемных работников, которые в полной мере можно отнести к прекариату. Так как нет специальных исследований по этой социальной группе (общности), мы прибегаем к использованию многолетних исследований бедности и социального неравенства, осуществленных Институтом социологии РАН в 2003 г., 2006 г., 2008 г. и 2013 г. [Подробнее см.: Бедность и бедные...2014], а также данными, полученными в РГГУ, Левада-Центром, ВЦИОМ, ФОМ, газетой «Коммерсантъ» [Общественное мнение... 2015–2017; Жизненный мир ..., 2016].

Что касается *социальной справедливости*, то она понимается *по-разному*, в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в сознании людей существует много представлений – и самых разных – о справедливости. Общим является то, *как* у человека складываются взаимоотношения с государством и обществом, *какое мироощущение* формируется у него при взаимодействии с теми организациями, в которых он работает, учится или периодически контактирует. По данным Фонда Общественного мнения всего 23% россиян считают устройство российского общества справедливым, а несправедливым – 61% (среди бедных, прекарных слоев – 72%). При этом 39% уверены: власти могут, но не хотят создавать более справедливые отношения; 21% считают, что хотят, но не могут добиться большей справедливости, и еще 13% – что власти не могут и не хотят ее добиваться [ФОМ, 2017].

Обратим внимание на составляющие справедливости. Таким индикатором, прежде всего, является, по мнению 63,2% россиян, соблюдение и обеспечение государством равных прав для всех. Это желание превышает все другие ориентации, даже такие важные, как «обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций» (55%) и «возвращение России статуса великой державы» (47,2%) [Жизненный мир..., 2016: 364].

Что касается реализации идей о справедливом обществе в России со стороны части прекариев-бедняков, посмотрим на их представления о нем (табл. 5).

Итак, данные свидетельствуют о том, что наиболее высоко оценена такая характеристика как свобода (45%). Это отражает общий настрой общества, почувствовавшего возможность пользоваться раз-

**Оценка вероятности реализации в России справедливого общества
(по мнению бедных «по лишениям»), 2013 г. (в % от числа опрошенных)**

Характеристика общества	Да/весьма вероятно	Маловероятно/нет
Справедливость	27	73
Свобода	45	55
Солидарность	34	66
Социальная защищенность	23	77
Равенство всех перед законом	28	72
Благополучие всех	20	80
Равенство возможностей	22	78

Источник: [Мареева, 2014].

Примечание: Термин бедные «по лишениям» взят у Н.Е. Тихоновой, которая разделила бедных на две группы – бедные по доходам и бедные по лишениям. В первом случае бедными считались те, чей доход был ниже прожиточного минимума, а во втором – те, кто характеризовался образом жизни, ассоциировавшимся в сознании россиян в силу испытываемых лишений (необеспеченность жильем, плохое питание, отсутствие возможностей оплаты медицинских, образовательных и рекреационных услуг и др.) [См. подробнее: Тихонова, 2014: 27–28].

личным источниками информации, отсутствием ограничений поездок за границу, свободой высказывания мнения и др. Но этот индикатор можно трактовать и по-другому: свобода есть, но является ли она такой необходимой для повседневной жизни людей? Насколько она нужна, если социальная защищенность оценивается позитивно только каждым четвертым—пятым (23%). Ведь гораздо большие размышления вызывают достаточно низкие оценки (20–22%) таких характеристик, как равенство возможностей и благополучие всех. Реальная жизнь убеждает, что происходят процессы прямо в противоположном направлении – богатые богатеют, у бедных возможности сохранения достойной жизни сокращаются. Это и подтверждают итоги 7-й волны мониторинга Института социологии РАН (2017 г.). Выявлено, что каждый третий (31,4%) считает, что одно из главных противоречий в современном российском обществе состоит в существующем и все увеличивающемся неравенстве между богатыми и бедными. Более того, 54,2% полагают, что за последние 5 лет произошло снижение (ухудшение) уровня жизни населения.

Нужно отметить, что представления о справедливости как важнейшему смыслу жизни фиксируют и другие исследователи (Центр социально-политических исследований ИСПИ РАН, Левада-Центр, ВЦИОМ). На наш взгляд, это субъективная нацеленность людей, которая стала ведущей в структуре их ориентаций,

могла бы стать той национальной идеей, частью государственной идеологии, которая понятна, желаемая и убедительна для большинства, и полностью бы совпадала как в официальном, так и в сугубо личном плане. Но именно несоблюдение и слабое обеспечение прав и свобод деформирует («прекаризирует») жизненный мир людей, подталкивая их к различным формам противостояния или игнорирования государства.

Не менее показательна такая характеристика смысла жизни, как отсутствие *социальной защиты*, которая выражена во многих значениях — как соблюдение прав и свобод, гарантия общественной и личной безопасности. По данным Института социологии РАН (7-я волна мониторинга, 2017 г.) социальная защищенность была реализована в СССР при Брежнев (мнение 62,1% опрошенных), тогда как при Ельцине она существовала только для 9,3% людей, а сейчас несколько поднялась — до 27%. То, что здесь дела обстоят не так благополучно, как этого бы хотелось, говорит конкретная оценка одной из составляющих этой социальной защищенности: отсутствие безопасности тревожит, по данным «Жизненного мира-2014», 90,2% людей. А это значит, что человек измеряет ее гарантии там, где он живет и работает, применительно к себе и своей индивидуальной жизни, а не в каком-то глобальном масштабе. Поэтому, хотя основной центр обеспечения повседневной безопасности лежит на уровне регионального и муниципального управления, его гарантии все же призваны дать государственно-правовые органы, обеспечив право на существование без опасения за свою жизнь и устойчивость трудовой и повседневной жизни.

Наконец, в основе определяющих смыслов-ориентаций в жизненном мире прямо или косвенно фигурирует стремление 55% россиян жить в стабильном обществе. Причем эта нацеленность на стабильность, устойчивость касается всех без исключения уровней образовательной подготовки (минимальное значение у имеющих начальное образование — 46,3% и максимум — 60,9% — у лиц с высшим образованием); типов поселения (от 48,5% у проживающих в поселках городского типа до 57,6% у жителей районных, областных (краевых) и республиканских центров). Что касается возраста, то 51,5% 18–29-летних и 56,3% тех, кто старше 60-лет ратуют за стабильность в развитии государства и общества. Анализ этих данных позволяет обратить внимание на то, что старшее поколение, имея большой опыт проживания в годы войны, в том числе и холодной, острее реагируют на угрозы безопасности, чем более молодые поколения [Жизненный мир...2016].

Это желание целесообразно сравнить с тем, а как люди оценивают ситуацию в России в настоящее время, т.е. реальное, а не

проектируемое ими положение. Исследование показало, что существуют две противостоящие друг другу позиции, образуя антиномичную характеристику. По данным исследования «Жизненный мир-2014» 39,8% оценивают эту ситуацию как обычную и 6,6% как благоприятную при 36,6% — как кризисную плюс 5,3% — как катастрофическую. По данным Института социологии в 2017 г. нормальной и спокойной ситуацию считали только 31,4% при оценивающих ситуацию как напряженную, кризисную (52,5%) и 7,2% как катастрофическую. Раскол общественного сознания (на позитивные и негативные оценки) налицо, ибо в нем присутствуют взаимоисключающие смыслы. И каждая группа носителей этих смыслов имеет убедительные аргументы, чтобы доказать свою правоту и свою оценку. Можно только обратить внимание на то, что негатив в 2017 г. вырос, на наш взгляд, в силу непреодоленного экономического кризиса, продолжающихся санкций со стороны Запада, что существенно сказалось на качестве и уровне жизни россиян.

Анализ главных смыслов жизненного мира россиян показывает, что за последние четверть века произошли кардинальные изменения в политической и экономической сфере общества, соответственно в социальной и духовной. Это истина общеизвестная, не требующая доказательств. Совсем другое дело — в каком направлении произошли эти изменения, как они сказались на жизни людей и насколько они кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни.

Последнее можно проследить на оценке изменений в жизненных целях, имеющих наибольшую ценность для человека и его деятельности в основных сферах российского общества — в политике, в экономике, в социальной и духовной сферах.

Смыслы сознания и поведения в сфере экономики

Основные смыслы социально-экономических ориентаций современных российских наемных работников сводятся к стремлению обеспечить устойчивость своей нынешней и будущей жизни, что, прежде всего, означает решить основу основ — *трудоустройство*. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что с занятостью существуют огромные, если не сказать, колоссальные проблемы. Согласно мониторингу Института социологии РАН (2017 г.) 43,1% россиян признали, что за последние три года у них были ситуации, когда они не работали и не учились более трех месяцев подряд. Конечно, не всех заявивших об этом можно отнести к прекариату, но сам факт таких перерывов в производственной жизни знаменате-

лен, так как он подтверждает существующее напряжение с трудоустройством значительного числа людей.

О том, что для многих россиян проблемы занятости продолжают быть актуальными, говорит и тот факт, что за последний год на момент опроса в апреле 2017 г. по данным Института социологии РАН, 18,2% заявили, что они сталкивались с проблемами трудоустройства. Среди тех, кто был отнесен к группе «бедных по лишениям», ситуация значительно хуже: 36% из них утверждали, что «возможность устроиться на хорошую работу» значительно ухудшилась (только 5% придерживались противоположного мнения) [Тюрина, 2014: 84]. Все это позволяет утверждать, что ситуация с рабочей силой остается достаточно острой и более того, имеет ситуацию к ухудшению. А если к этому добавить и то, что наличие работы еще не всегда означает удовлетворенность ею, той реальностью, которая окружает людей на месте их конкретной работы. Исследование бедности в 2013 г. показало, что даже те из них, которые имеют работу, находятся в состоянии ограничения и даже игнорирования их прав: только 58% из них имеют официальное оформление на работу (трудовой контракт, приказ), 45% имеют оплату отпусков и больничных листов. Это поражение в правах касается и оплаты труда — только 40% из них получают «белую» зарплату (у других групп — 55%) [Тюрина, 2014: 91]. Становится вполне понятно, что прекаризация условий и организации труда работников, и особенно у ущемленных в правах, ведет к нестабильности рабочих мест, текучести кадров. Для многих из них такая ситуация оборачивается более низкой оплатой труда, практическим отсутствием карьерного роста и возможностей профессионального продвижения, включая перспективы повышения квалификации.

Это исследование выявило интересный факт: представители относительно благополучных (небедных) слоев населения гораздо чаще, нежели те, кто относится к российской бедноте, работают в государственном секторе экономики. В то же время удельный вес бедных, кто заявляет, что трудится на частных и акционерных предприятиях, гораздо выше, по сравнению с другими группами, особенно теми, кто относит себя к работникам преимущественно умственного труда [Тюрина, 2014: 90–91].

Трудоустройство тесно связано с такой формой стабильности положения работника, как оплата труда, так как с точки зрения жизнесмыслового содержания личной жизни она тесно коррелирует с оценкой уровня материальной обеспеченности. По данным Института социологии РАН в апреле 2017 г. только 15,9% заявили о хорошем материальном обеспечении при 21,5% давших оценку «плохо». В октябре 2014 г. — 54% (ЖМ-2014) утверждали, что жи-

вут от зарплаты до зарплаты. А 14% (2017 г.) и 10% (2014 г.) соответственно заявили, что они «еле сводят концы с концами». Несмотря на некоторую разницу в формулировках вопроса, можно сказать, что смысл — обеспечить себе достойный уровень жизненно-важного потребления — по-прежнему не реализован, хотя и произошли некоторые позитивные перемены. Анализ этих данных в то же время позволяет утверждать, что, несмотря на часто звучащие обвинения людей в «потребительстве», тем не менее, говорить о том, что люди сводят смысл своего существования только к обеспечению своего существования, желаемого уровня и качества жизни (пусть и по их меркам) — вряд ли уместно. Благосостояние и благополучие были, есть и будут важнейшим смыслом деятельности людей при организации своей жизни. Вместе с тем люди остро реагируют на изменения в материальном положении, то, что делает их жизнь неустойчивой, т.е. прекаризирует ее.

В этой связи важно заметить оценку труда как средства достижения благосостояния. Россиян волнует, как оплачивается их труд, какое место в жизни занимает трудовая деятельность, их профессия, их вписанность в экономические реалии, в иерархию социальных статусов и социального престижа. По данным ЖМ-2014 только каждый пятый (20,1%) считает, что его труд оценивается справедливо. А остальные или ставят под сомнение (39,6%) или отрицают (24,7%) справедливость его оплаты. Иначе говоря, смысл трудовой жизни, нацеленный на признание человеком достойной оплаты труда, для большинства не достигается, что также становится базой и основой для социального недовольства и напряженности.

Отметим также, что оценка материального положения значительно критичнее: 47,1% оценили его как удовлетворительное, и практически столько же — 47,3% — отнесли себя к имеющим низкие и ниже среднего доходы. Здесь мы встречаемся с любопытным фактом — если материальное положение оценивается по факту, в основе которого лежит степень реального удовлетворения потребностей, а также сравнение и сопоставление с доходами других социальных групп, в том числе и за рубежом, то при оценке социального статуса играет роль другой фактор — пафос, когда человек не хочет признавать себя проигравшим, побежденным или униженным в сложившихся жизненных обстоятельствах. В этих условиях человек как бы оправдывает себя, в своей самооценке возвышает себя в представлениях о своем месте в жизни и стремится к тому, чтобы окружение признавало его как полноценного члена общества. Этот отказ признавать себя проигравшим в сложившихся жизненных обстоятельствах характерен и для прекариев, которым дороже социальный статус, чем реальное социальное положение.

О том, как происходит унижение человеческого достоинства, можно проследить на том до сих пор не изжитом факте — задержке оплаты труда. Не только в период кризиса, но и после него, в том числе и после нынешнего, начавшегося в 2014 г., продолжается практика в основном частных предпринимателей задерживать и/или не выплачивать заработную плату работникам. СМИ постоянно сообщают о таких фактах. Но в целом они выливаются в значительную сумму. Так в 2017 г. эта задолженность достигла несколько миллиардов рублей, и практически в каждом случае потребовалось вмешательство политических органов власти, чтобы не довести эти случаи до социального взрыва. Мимикрией и искажением сути и принципов оплаты труда являются такие ситуации, когда работников принуждают к согласию получать компенсацию в виде натуральной формы, т.е. той продукцией, которую производит организация. Анализируя эти факты, Ф. Шереги делает вывод об отсутствии ответственности таких работодателей, о слабости правового регулирования трудовых отношений и о продолжающемся функционировании дикого, первобытного капитализма в России [Шереги, 2015].

Говоря о смыслах сознания и поведения в сфере экономики, следует, на наш взгляд, охарактеризовать отношение людей к экономической политике государства. Анализ эмпирических данных показывает, что оценки экономических реформ аморфны, разноречивы, дестабилизированы. Только немногим более одной трети (38,4%) заявили, то эта политика осуществляется в правильном направлении. Неудовлетворенность преобразованиями в экономике зиждется на том, что реальность далека от заявленных целей, хотя людьми признаются отдельные сдвиги — это касается, в основном, того, что произошло насыщение рынка товарами. В этом отношении показательно, что почти 40% затруднились сформулировать свою оценку осуществляемым экономическим реформам, что в совокупности с негативной оценкой более чем каждого пятого (22,7%) говорит о том, что для большинства населения происходящие изменения не совпадают с желаемым смыслом, который бы олицетворял сближение личных целей с официально провозглашенными (Жизненный мир..., 2016: 352).

О масштабах прекарного состояния многих людей можно судить и по реальным официальным взаимоотношениям работодателя и работника. По данным Института социологии РАН (2017 г.) только 51,7% были официально оформлены на работу по письменному трудовому контракту. А что это значит? Это те миллионы людей, которые, по официальным данным, работают, но неизвестно где, а соответственно, с ними не установлены правовые, социаль-

ные и другие формы взаимодействия, которые влияют на гарантии деловых и устойчивых взаимоотношений с государством. Это не может не сказаться на таком показателе, как возможности (со)участия в принятии важных решений там, где человек трудится. Данные социологических исследований показывают высокий уровень отчуждения от властных полномочий: 64,9% в 2014 г. заявили, что они никак не могут влиять на процессы управления в их трудовой организации (коллективе) [Жизненный мир..., 2016: 356].

Все это позволяет сделать вывод, что в сфере экономики для многих россиян как наемных работников характерны основные признаки прекаризации, т.е. неопределенности, неустойчивости, негарантированности в сфере труда, его организации, его условий и оплаты.

Смыслы жизненного мира прекариев в социальной сфере

Для понимания смысла жизненного мира наемных работников в его социальном измерении приобретает оценка человеком своего социального статуса. По данным ЖМ-2014 г. свое место в обществе 55,1% оценили как среднее, 34% — как низшее или ниже среднего при 10,6% убежденных в своем высоком или выше среднего статусе положении. Такое заключение коррелирует с данными Института социологии РАН, которые свидетельствуют о том, что только 40% людей относят себя к самодостаточным [Горшков, Седова, 2015]. В то же время это говорит о том, что практически треть населения скептически рассматривает свой статус — их субъективная оценка не позволяет им надеется на его позитивное изменение. И это имеет свое обоснование. Людям трудно расставаться с сознанием того, что социальное положение, которого они достигли и считали его своим достижением и/или заслугой, становится неопределенным, «плывет». Даже в той ситуации, когда ранее они не были в полной мере удовлетворены своим статусом, они начинают оценивать свое прежнее положение с нынешнего состояния своей жизни и трудовой деятельности. А если к этому они лишились работы по имеющейся профессии, заняли более низкое социальное положение, то на этой основе они начинают говорить о потерях, имеющих не столько экономический, сколько социальный и нравственный характер. И тогда на первый план выходит не столько доход, оплата труда, сколько неуверенность в нынешнем положении, осознание потери прежней стабильности. Вот почему, по данным мониторинга Института социологии РАН, 39,4% считают, что в современной России существует несправедливость (только 6,8% в то же время сказали, что несправедливость была присуща и СССР).

Говоря о смыслах сознания и поведения в социальной сфере, следует обратить внимание, что они незначительно изменились за последние 25 лет: по-прежнему первые места в ориентациях людей занимает семья и здоровье. Более того, их значимость и вес в структуре жизненных позиций, по данным «Жизненного мира-2014», выросла и составила в 2014 г. для 95% (семья) и для 87,6% (здоровье). Вместе с тем в объяснении роли и значения семьи имеется огромное противоречие, которое при всех попытках его интерпретации оставляет впечатление его неполноты и односторонности — наряду с высокой оценкой роли и значения семьи продолжается увеличение числа распавшихся брачных союзов. Иначе говоря, и для семьи характерна высокая степень неустойчивости.

Что касается здоровья, то его оценка как смысла жизни сводится к тому, что люди, особенно с увеличением возраста, все больше хотят видеть гарантированную охрану здоровья, верить в эффективное функционирование здравоохранения. Именно желание вести здоровый образ жизни (в этом смысл) подталкивает людей декларировать свои намерения, но, к сожалению, далеко не всегда претворять их в жизнь. По данным Института социологии РАН обеспокоенность людей проблемами, связанными со здоровьем, заняла первое место (54%) по сравнению с оценкой состояния материального положения как плохого (40%). И это в первую очередь касается прекариата, который практически лишен гарантированной медицинской помощи: об этом заявил каждый четвертый (24%) [Седова, 2014: 203].

По данным ЖМ-2014 55,7% россиян волнует *состояние здравоохранения*. И это не удивительно. Чехарда законодательных актов и различных местных инициатив привели к устойчивой убежденности многих людей, что все эти преобразования нацелены не столько на разумное и рациональное решение насущных и назревших проблем, сколько на реализацию пресловутого лозунга — «рынок решит все». В результате произошло неоправданное и непонятое людям увеличение оплаты за всевозможные и ненужные услуги, попытки переложить все заботы о состоянии здоровья на плечи самих россиян. Массовая ликвидация (на селе) или укрупнение и специализация (в городах) организаций здравоохранения привела к тому, что уже в 2015 г. повысилась смертность, резко ухудшились условия для поддержания здоровья у людей преклонного возраста, а также для будущих и молодых матерей при официальной провозглашенной заботе о повышении продолжительности жизни и увеличении рождаемости.

Не маловажны издержки демографической и семейной политики, которые остро ощущаются на том уровне социальной орга-

низации общества, где человек работает и живет. Однако эти виды политики — и семейная и демографическая — демонстрируют непоследовательность и непостоянство, нередко усугубляя и так сложное состояние по охране материнства и детства, по соблюдению и гарантированности заботы всего населения с особым акцентом на соблюдение прав пенсионеров, инвалидов, людей с ограниченными возможностями (Подробнее см.: Рыбаковский, 2015). А если затронуть такой вопрос как профилактика, то можно сказать, что она полностью провалилась. А ведь это та проблема, которая должна решаться в первую очередь именно там, где человек работает и живет.

Говоря об основных смыслах жизненного мира в социальной сфере, можно сказать, что важной проблемой выступают инфраструктурные показатели, обеспечивающие условия жизни. Как показало исследование ЖМ-2014, жителей как городов, так и сел волнуют те проблемы, которые обеспечивают и создают приемлемые для человека условия жизни, среди которых на первый план выступает обеспеченность элементарных базовых потребностей: 54,7% волнует плохое решение *жилищно-коммунальных проблем*. Именно эти проблемы в последние годы, по данным других исследовательских центров, фигурируют в опросах населения как наиболее актуальные и значительные для организации повседневной жизни людей наряду с ростом цен, ростом дороговизны товаров повседневного спроса [см., например, Лапин и др., 2009; Левашов, 2013].

Социальные гарантии проявляются также в удовлетворенности жильем, питанием, организацией отдыха, экологической безопасностью. Однако по данным Института социологии РАН только 8% представителей прекарных групп, которые принадлежат к бедным, заявили, что их работодатели обеспечивают поддержку в решении проблем жилья, коммунальных услуг, питания и экологии [Тюрин, 2014: 91].

Прекаризация смыслов жизненного мира в сфере политики

Интересный аспект представляет анализ изменений смыслов жизненного мира россиян в сфере политики. Мы согласны с мнением В. Петухова, что такой прекарный слой как бедные не являются сегодня самостоятельной политической силой, формирующей особую повестку дня [Петухов, 2014: 237]. Однако это не означает, что как и все наемные работники, так и этот слой не имеют своего мнения, своих суждений по общественно-политическим вопросам.

Суть смыслов поведения в политике находит отражение в конкретных оценках тех политических проблем, которые волнуют людей. Так, мониторинг Института социологии РАН 2017 г. (6-я волна) показывает, что самыми острыми противоречиями в российском обществе были названы: между властью и народом (36,2%), между чиновниками и гражданами (24,3%). Как видно, стремление к справедливости подрывается политическими (претензиями к власти предержащих) и социально-экономическими причинами (реальным противостоянием богатых и бедных), что касается в первую очередь тех, кто стоит перед нерешенной проблемой — как обеспечить достойную жизнь.

Так как часто в выступлениях политиков звучат слова о России как демократическом государстве, то важно эти слова соотнести с суждениями населения России. А реальность такова, что почти одна треть (29,3%) не удовлетворена, и 55,7% — частично удовлетворена ее состоянием в России. Это значительно меньше того, что было в общественном сознании в начале 1990-х годов, когда демократичность развития признавалась многими, за нее ратовало большинство населения, была лозунгом и ориентиром для тех, кто жаждал позитивных изменений и отвергал советское ее понимание. Но как показывают данные, достижение этого смысла оказалось далеко не таким, как ожидалось [Жизненный мир..., 2016]. Стоит особо отметить, что такое распространенное понятие как демократия перестает быть неким идеологическим штампом или прекраснодушным пожеланием, а приобретает конкретные черты — главным образом в том, обеспечивается ли реальное равенство различных социальных групп. Исследование бедности в 2013 г. показало, что 41% россиян, в том числе и те, кто относится к прекарным слоям, считают, что равенство всех перед законом является ключевой идеей модернизации страны. При этом 70% считали, что суды защищают интересы богатых чаще, чем интересы простых людей. Анализ других проблем проявления неравенства позволяет сделать вывод, что оно для бедных слоев населения имеет вполне реальные, практические основания, превращая их в состояние депривации [Мареева, 2014: 149].

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация — при высокой степени доверия к президенту страны существует весьма критическая оценка других представителей власти — при 90,3% доверии первому лицу государства, не доверяет правительству каждый пятый (19,5%), каждый третий (30,6%) — Государственной Думе. Особенно жесткой критике подвергаются правоохранительные и правообеспечивающие органы — им в полной мере доверяет только каждый шестой—седьмой человек. А ведь именно эти орга-

ны олицетворяют, по мнению людей, справедливость в обществе, защиту интересов людей в непростых жизненных ситуациях. На наш взгляд, именно правовые органы закладывают основы доверия и принципов соблюдения справедливости к российской государственности. Поэтому не удивителен тот факт, что, по мнению 41% россиян, государство защищает интересы богатых и чиновников при 33,7% затруднившихся ответить на этот вопрос и только при 21% убежденных, что политическая власть стоит на стороне всех граждан России. Отсюда вытекает и желание бедных: 34% из них считают, что «нынешняя власть должна быть заменена во чтобы то ни стало» при 63% склонных к компромиссу. Но и те и другие — а именно, 70% — убеждены, что для преодоления такой ситуации в «России необходима “твердая рука”, которая наведет в стране порядок» [Бедность и бедные..., 2014: 245].

Существуют серьезные препятствия на пути становления россиян как полноценных и полноправных членов общества. Показателем этой тревожной ситуации является тот факт, что 93,7% утверждают (убеждены), что они не могут никаким образом влиять на принятие государственных решений в стране; 80,3% отвечали, что ни в каких общественных организациях они не состоят, 53,5% не участвовали ни в каких формах политической жизни — ни в выборах, ни в демонстрациях, митингах, пикетах, ни в подписях петиций и обращений. Это контрастирует с данными 1991 г., когда только несколько процентов дистанцировались от участия в политической жизни [Жизненный мир..., 2016: 356—357].

При таких показателях можно говорить только об анонии, которая складывается только тогда, когда произошла потеря прежних гражданских ценностных ориентаций и установок и не сформировались новые, понятные и принятые на уровне самосознания себя как гражданина, как полноправного и заинтересованного члена существующего общества. Отчуждение людей проявляется и в резком снижении интереса к политической информации. В 2014 г. лишь 15,8% заявили о постоянном интересе к политике и 50,6% — к отдельным политическим проблемам, что серьезно отличает эту установку от данных конца 1980-х — начала 1990-х годов. По данным Института социологии, в 2013 г. было зафиксировано серьезное различие по отношению к политике между бедными (прекарными) слоями и другими группами населения: 62% бедных заявили об отсутствии интереса к ней, тогда как среди других групп разделяли это мнение только 42%. Отметим также, что только 9% выразили готовность участвовать в митингах и демонстрациях [Петухов, 2014: 248—249]. Такое противоречие вполне объяснимо — в конце 1980-х годов люди небезосновательно ждали серьезных политических перемен

и содействовали им в силу имеющихся у них возможностей, то политическое пространство середины 2010-х годов не дает оснований для таких выводов и предположений. А если эти ожидания и питают отдельные группы, то их удельный вес незначителен. В целом можно утверждать, что нестабильность политических ориентаций россиян также говорит об отдельных чертах, которые могут быть отнесены к прекаризации политической жизни страны.

При рассмотрении деформаций *смыслов политической жизни*, на наш взгляд, целесообразно учитывать *гражданские позиции людей*, так как они живут не только повседневными заботами — их волнуют и проблемы всего мира и своей страны, те события, в которые они непосредственно не включены, но которые не могут не затрагивать их внимания. Конечно, эти проблемы в неодинаковой степени волнуют людей — самые различные социальные группы по-разному включены в мировой и страновой контекст. Но даже те, кто дистанцируются от интереса к внешне- и внутривнутриполитическим проблемам, все равно в той или иной мере не могут не реагировать на процессы, происходящие в глобальном или региональном масштабе. Наши исследования выявили как основные смыслы существования и функционирования людей как граждан, так и специфику эволюции и деформацию их позиций на современном этапе развития российского общества.

На наш взгляд, такие позиции проявляются в характеристике человека, идентифицирующего себя как *гражданина своей страны*, как *патриота и лицо, испытывающее гордость за принадлежность к своей стране*. По данным ЖМ-14 г. 54,4% считают себя гражданами Российской Федерации, 9,1% — гражданами СССР. Надо отметить, что опросы населения в начале 1990-х годов показывали, что большинство населения не противопоставляли друг другу свою одновременную принадлежность к Советскому Союзу и РСФСР, считая их единым целым, хотя под влиянием распространявшейся пропаганды о защите национальных интересов уже обозначилась растущая группа националистов, ратовавшая только за защиту интересов России. Эта тенденция в течение четверти века стала проявляться своеобразно — в увеличении числа людей, отождествляющих себя не с гражданством, а со своей национальной принадлежностью — таких уже в 2014 г. стало 39,2%. Кроме того, по данным Левада-Центра, опрос населения в декабре 2017 г. показал, что 64% людей заявили о вере в особую роль русского народа в истории. В 1992 г. таких было 13% (<https://lenta.ru/news/2017/12/25/opros/>). Это можно объяснить всплеском и даже гиперактивизацией этнонационального сознания, росшего в значительной степени под влиянием государственной политики. Но в применении к России,

как показывают наши данные, все же гражданские, а не этнонациональные позиции преобладают в общественном сознании и соответственно в поведении, являясь гарантом соблюдения стабильного этнополитического развития.

Другой показатель смысла гражданства — патриотизм — свидетельствует о том, что практически три четвертых (72,6%) разделяют эту убежденность [Жизненный мир..., 2014: 358]. Примечательно, что, несмотря на оголтелую критику этой черты сознания и поведения в 1990-е годы (в это время либеральной пропагандой внедрялся лозунг «патриотизм — последнее прибежище негодяев»), в массовом сознании не произошло отказа от признания себя патриотами, хотя горечь и критика происходящих изменений, и соответственно несогласия и их отвержения была значительна. Однако оценка патриотизма не так однозначна — о его поддержке могут заявлять самые разные и даже противостоящие друг другу политические силы — не только обычные россияне, но и радикалы и клерикалы различных оттенков и мастей. Т.е., считать ситуацию в сфере политики стабильной и устойчивой не приходится.

В заключение хотелось бы остановиться на таком показателе политического сознания и поведения в пространстве политики, как отношение к распаду СССР. Можно утверждать, что распад СССР произошел вопреки мнению большинства населения страны (73% в марте 1991 г. проголосовали за его сохранение, что коррелирует с данными общесоюзных исследований в феврале 1991 г.). По мере развития России как самостоятельной страны все больше и больше людей стали склоняться к убеждению, что произошла геополитическая катастрофа, которая серьезно изменила их жизнь и отнюдь не в лучшую сторону. Особенно пострадали беднейшие слои. И поэтому не удивительно, что в декабре 2017 г., по данным Левада-Центра, 62–65% россиян признали, что они сожалеют о гибели такой страны [Ностальгия по СССР, 2017]. По данным Института социологии в 2017 г. 66,7% основной потерей для страны назвали отход от идеи социализма.

На политические позиции и особенно в определении будущего повлиял произошедший раскол общественного сознания на различные мировоззренческие позиции, которые в основном касаются двух противостоящих друг другу убеждений — неолиберальных и социалистических. Показательно, что с начала 1990-х годов и до начала 2010-х годов смысл политических ориентаций мало изменился. На парламентских выборах 1994 г. примерно одна треть голосовала за поддержку левых партий (коммунистических, социалистических, социал-демократических), а за правые партии (либералов, христианских демократов и др.) только каждый пятый (около 20%). Ком-

ментарии некоторых социологов ВЦИОМ (Левада-Центра) того периода сводились к тому, что это голосуют остатки приверженцев советского строя, они скоро уйдут с общественной сцены и наступит полная гегемония либеральных идей. Но вот пришли 2010-годы, которые показали, что социалистические ориентации сохранились (21,2% заявили о поддержке левых позиций, а 18,8% — правых). И эти идеи стали особенно поддерживаться теми, кто попал в стесненные, критические обстоятельства. Это лишний раз подтверждает, что классы никуда не исчезли — они изменили свое исходное содержание и восприятие происходящих изменений и катаклизмов.

Появились и некоторые другие аспекты политического сознания и поведения, которые в значительной мере касались прекарных слоев. Выросла численность тех, кто видит смысл в реализации патриотических, национальных интересов — их разделяет почти каждый третий (28,7%). Этот всплеск ориентаций на идеи патриотизма и национальной самобытности стал особым явлением, специфическим феноменом. В значительной степени это объясняется тем, что русские (как и другие народы) под влиянием происходящих катаклизмов и угроз стали в большей мере ценить уникальность своего исторического развития, свои особенные интересы, свою культуру, не желая уподобляться некоей аморфной с космополитическими убеждениями массе (по данным ЖМ-2014, только 1,6% идентифицировали себя как граждане мира). При этом обращаем внимание на то, что это стремление быть патриотом активно используется не только официальной, но и националистической пропагандой, что делает часть людей сторонниками этноэгоизма разного толка, вплоть до экстремизма. Не следует исключать и тот факт, что на рост национального (и националистического) самосознания оказала убежденность в том, что с Россией перестали считаться как с силой, утратившей свое влияние на происходящие в мире процессы, и поэтому надо проводить политику по возвращению ей статуса великой державы [Жизненный мир..., 2016: 364].

В целом анализ смыслов поведения прекарных (бедных) слоев общества показывает противоречивость их развития. С одной стороны, произошел рост анонии («политикой не интересуюсь» с 36% в 2003 г. до 62% в 2013 г.) [См.: «Бедные и бедность...2014: 248]. С другой стороны, продолжают существовать в сознании россиян националистические установки (6,7% поддерживают лозунг «Россия для русских») и клерикальные настроения (8,5% считают свои религиозные взгляды политическими) [Жизненный мир..., 2016: 357, 364].

Смыслы жизни человека в духовно-нравственной сфере

Смысл идей в сфере культуры люди, прежде всего, видят в сохранении духовности. Однако эта ориентация не воплощается в реальной жизни: большинство — 62,4% очень тревожит и 31,5% тревожит в средней степени падение морали, нравственности. Несмотря на попытки опереться на религию, на исторические традиции, желание заимствовать опыт других стран, они не дают должного эффекта. Это стремление подрывается: а) господствующей установкой (и воплощающейся в реальность), что успех в жизни обеспечивается владением капиталом, финансовыми средствами (мнение 67%); б) убежденностью, что продвижение по службе (карьере) во многом зависит от влиятельных связей (мнение 57%); в) обладанием властью или ее обслуживанием (мнение 58,2%); г) ориентацией средств массовой информации и прежде всего телевидения на коммерческий успех, результатом чего стала пропаганда ориентации на низкопробные, а иногда и извращенные вкусы; д) ликвидацией воспитательных функций во всех структурах образования — от дошкольного до высшего (мнение 93,6%) [Жизненный мир..., 2016: 352–363]. Это тем более показательно, что влияние духовно-ценностных факторов значительно принижено: роль образования и профессиональной подготовки в успешном строительстве своей жизни отметили только 19%, и практически столько же — 19,9% — роль личных качеств (привлекательности, ума, таланта).

К духовно-нравственному миру следует отнести и совокупность проблем, относящихся к социально-психологическому климату в той организации, где человек трудится, а также к оценке роли места и роли ближайшего окружения. Эти проблемы олицетворяют качество взаимоотношений с теми людьми, с которыми человек совместно трудится и общается в повседневной жизни. По месту работы человек оценивает, прежде всего, ту общую ситуацию, в которой он находится в процессе выполнения трудовых функций. Это мироощущение складывается из многих показателей — мнения об условиях и организации труда, оценки оплаты труда, отношений в первичном коллективе, контактах с руководителями. Но основным смыслом, который удерживает человека на этом рабочем месте, все же является обобщающая оценка своих взаимоотношений с производственной организацией, которая выражается в удовлетворенности содержанием труда, совпадением его с профессиональной подготовкой и его востребованностью в условиях благоприятных социально-психологических взаимоотношений.

Значение круга близких и родных тоже значительно выросло и заняло в ориентациях человека одно из ведущих мест. Показа-

тельно, что на вопрос анкеты «К кому Вы обратитесь за помощью в трудную минуту жизни?» именно эти две институции — семья и близкие — потеснили все другие адреса. В современной России ушли на задний план те организации, которые в Советском Союзе занимали ведущее место в оказании возможной помощи — руководители предприятий, советских и партийных органов власти, общественных организаций и особенно профсоюза.

Таким образом, духовность следует искать не только в сфере культуры, образования, науки, религии. Она порождается и публичной жизнью, структурой взаимоотношений с ближайшим окружением, а также тем, какие отрицательные явления видят люди в современном российском обществе. В этой связи особенно хотелось бы подчеркнуть, что человеческое измерение этих явлений присуще большинству людей — 93,6% не хотят мириться с наркоманией, 93,9% — с алкоголизмом и пьянством, 91,9% — с грубостью и хамством. Что же касается отрицательных процессов в общественном измерении, то 87,4% осуждают коррупцию и взяточничество, 84,3% — бюрократизм, 92,4% — воровство, 72,1% — страсть к обогащению. Правда, приходится констатировать, что это выражение тревог по поводу негативных явлений носит пассивный, вербальный характер и практически никак не реализуется в конкретной общественной деятельности. Об этом косвенно говорит тот факт, что 80,3% заявили, что ни в каких общественных организациях они не состоят. А еще 82,5% заявили, что в год опроса (2014) они не участвовали ни в каких культурных мероприятиях [Жизненный мир..., 2016: 350—351].

В духовно-культурном развитии всегда значительную роль играла интеллигенция. Однако ее влияние оценивается в настоящее время довольно скромно, если не сказать более точно: она потеряла роль той нравственной силы, которую играла с конца XIX и практически весь XX век. По данным ЖМ-2014 две трети россиян (68,6%) считают, что она играет незначительную роль (23,7%), практически никакой (19,7%) при 25% затруднившихся ответить. Все это позволяет заключить, что в настоящее время в России нет той силы, которая бы олицетворяла в полной мере нравственный потенциал народа, была бы ориентиром для вступающей в жизнь молодежи, судьей на пути постижения смысла жизни.

Социологические исследования также показывают, что смысл духовности в религии видят далеко не все россияне [Юревич, 2012]. Несмотря на упования о ее мобилизующей роли и укрепляющей моральные устои, дело обстоит не так, как хотелось бы ярым приверженцам православия, ислама и других конфессий. По данным ЖМ-2014 только 25,8% отнесли себя к истинно верующим.

Остальные или сомневаются в приверженности к вере (47,4%) или являются агностиками (15,7%) и атеистами (4,1%). При этом надо сравнить и с другими данными, которые подвергают сомнению полноту и объективность официальных утверждений. Оказывается, что соблюдают все религиозные каноны и догмы 6,3%, т.е. 3–4 раза в месяц посещают церковь, мечеть, синагогу и другие культовые места, 19,1% делают это нерегулярно, при 37,3% посещающих эти места редко (1–2 раза в год) и еще при 37,1% не осуществлявших этих действий (среди последних значительно число тех, кто объявил себя верующим). Очевидно, что делать ставку в духовном возрождении народа только на религию не приходится. Ибо у многих людей ответственность перед семьей, обществом, будущим, страной жидется на других, не менее веских основаниях, которые по силе убежденности не уступают надежде на Бога.

Все это позволяет сделать вывод, что видя один из смыслов своей жизни — быть духовно богатым человеком и желая иметь достойное общество, в котором они живут, люди мало делают для того, чтобы содействовать сплочению, достойному образу жизни и духовному спокойствию во имя личного и общественного будущего.

* * *

Итак, смысловые основы жизненного мира россиян как наемных работников отражают идеальное содержание, предназначение, а также стремление ориентироваться на достижение приемлемых и одобряемых ими ценностей-ориентиров, в которых органически соединяется общее, особенное (специфическое) и индивидуальное в их сопоставлении с требованиями окружающей действительности и всем многообразии общественной жизни. Однако анализ их реального жизненного мира во всех его сферах показывает, что ему во многом присущи прекарные черты с их неустойчивостью, нестабильностью, противоречивостью. Этот вывод тем более важен, что современная ситуация свидетельствует о том, что часть так называемого среднего класса стремительно приобретает такое же неустойчивое трудовое и социальное положение, как и миллионы тех, кто живет в этом нестабильном, негарантированном мире.

Литература

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре / Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый Хронограф, 2015.

Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12.

Дружилов С.А. Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/9491> (дата обращения: 12.01.2018).

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016.

Лапин Н.И. и др. Регионы России. Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.

Левашов В.К. Российское государство в период либеральных реформ. М.: ЦСПиМ, 2013.

Мареева С.В. Справедливость и неравенство в современной России в восприятии бедных // Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

Ностальгия по СССР. М.: Левада-центр. 2017, 25 декабря.

Общественное мнение. М.: Левада-Центр, 2015—2017.

Петухов В.А. Бедные в России: отношение к власти, политическое участие, протестный потенциал // Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

Рыбаковский Л.Л. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9.

Седова Н.Н. О социально-психологическом состоянии бедных // Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

Тихонова Н.Е. Гетерогенность бедности в современной России // Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

Тощенко Ж.Т. Смыслы как ключевая, качественная и сущностная характеристика жизненного мира / Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

Тюрина И.О. О бедных на рынке труда // Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

ФОМ (Фонд общественного мнения) // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2260890.html> (дата обращения: 10.04.2017).

Шереги Ф.Э. Интеграция организаций российского сектора генерации знаний и высокотехнологичных компаний: изменения за период 2011—2015 годы. М.: ЦСП и М., 2015.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994—2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99—110.

Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 70—79.

Neilson D. Class, Precarity and Anxiety under Neoliberal Global Capitalism: From Denial to resistance // Theory and Psychology 2015. Vol. 25 (2). P. 184—201.

НА ПУТИ ОТ ПРОТОКЛАССА К КЛАССУ

Прекариат — принципиально новое социоструктурное образование

1990–2000-е годы в России стали тем периодом, когда стало очевидно, что социально-классовая (стратификационная) структура по объективным и субъективным причинам серьезно изменилась, что в реальности происходят процессы, которые ломают/изменяют прежние представления о ней, в том числе и трактовки среднего класса. Наступившие рыночные отношения внесли коррективы, сформировав новые социальные группы и общности, увеличив состав и объем некоторых малых групп до значимых и заметных величин.

Конечно, первым «открытием» стал тот общепризнанный научный и практический факт, который выявил вместо провозглашенных марксизмом классов — буржуазии, рабочего класса и крестьянства — так называемые средние слои, объединенные одним основным классово-образующим признаком — доходом. Затем для убедительности и доказательности, ссылаясь на опыт развития и функционирования этих слоев в развитых странах, обратили внимание на уровень квалификации, на причастность к управлению на различных уровнях социальной организации общества, в разных его социально-экономических, социально-политических и социально-культурных ячейках. В известной мере это отражало складывающуюся и формирующуюся реальность — в эти средние слои попадали представители всех ранее существующих классов и социальных групп — и рабочих, и интеллигенции, и крестьянства, и представителей разрастающейся сферы услуг (заметим, что при таком подходе в основу аргументации брался стратификационный подход П.А. Сорокина, который делал акцент не на отношения собственности, а на такие показатели, как образование, причастность к власти, квалификация). Но доход как база и основа среднего класса оказался слишком рыхлым показателем — он мог включать очень широкий диапазон исчисления необходимых средств для «приличного» проживания. Однако проводимые социологические исследования вскоре выявили не только различные уровни дохода, но и различную степень притязаний на желаемое обеспечение не только материальных потребностей. Отметим, что эта неоднородность среднего класса была замечена на грани XX и XXI веков, что, например, нашло отражение в попытках разделить его на несколько уровней (подклассов) [Заславская, 2002]. В дальнейшем эти по-

пытки уточнить границы среднего класса были реализованы в более обстоятельных многолетних исследованиях, что привело к выводу о необходимости выделять ядро среднего класса, его периферию, а также потенциальный средний класс [Средний класс..., 2016].

Вместе с тем более глубокий и обстоятельный анализ социально-классовой структуры выявил, что наряду со средним классом существуют слои и общности, причем довольно многочисленные, которые могли бы тоже претендовать на название класса. Так, достаточно быстро сформировалось представление об андерклассе (underclass), который образовывали люмпенизированные, пауперизированные социальные группы. Но они не могли и не стали нормой развивающихся обществ, а были скорее их издержками, их деформацией. Именно эта характеристика не могла быть базой для обоснования выводов о них как классе, которые были бы вписаны в логику анализа их роли и значения как самостоятельной социальной силы общественного развития. Они были слишком разнородны, социально инертны, слабо нацеленные на проявления личной активности не только в решении общественных, но и личных потребностей и интересов [См., например, Лиходей, 2005; Римашевская, 2004].

Наряду с названными слоями/классами появились социальные общности, которые своеобразно бунтовали против существующего образа жизни и распространенных и одобряемых обществом ценностей. Они проявили себя в образовании, особенно в молодежной среде, объединениях, нацеленных на реализацию и удовлетворение специфических потребностей в общественной деятельности, в организации личной жизни, в достижении новых взаимодействий с обществом, что вылилось в формулировках: «поколение икс» [Коупленд, 2009], в потерянном поколении, первые идеи о котором прозвучали в произведениях Э. Хемингуэя, Э.М. Ремарка, У. Фолкнера, в виртуальных странах [Бляхер, 2005], в разнообразных поисках молодежных субкультур, в особенных образованиях — таких как кидалты (kidults) (молодых людей, живущих за счет родителей [Цит. по: Давыдов, 2014: 148].

В этих наступивших сдвигах в социально-классовой структуре стали формироваться специфические социальные слои, представляющие собой своеобразные, но все возрастающие по своему объему и влиянию на жизнь общества социальные группы (общности), которые обладают четко выраженными чертами, объединяющими их несмотря на их разнообразие. Мы обратим внимание главным образом на такие их характеристики, которые позволяют говорить об этих слоях как о классе или, исходя из сложившейся ситуации, как протокласе, который еще не осознал своих особых, объектив-

но обусловленных интересов и, соответственно, еще не сформулировал свою политическую программу.

Особо отметим, что возникновение прекариата иногда трактуется с позиций субъективных устремлений людей, что переход в прекариат — это намерение самих людей, не желающих иметь дела с капиталом и властью, это способ человека, имеющего определенный склад психики защитить себя от ускорившегося темпа жизни, интенсивности работы и возросшей скорости перемен [см. Давыдов, 2014: 139]. На наш взгляд, образование этого класса обусловлено объективными, а не субъективными причинами: изменившейся логикой развития социально-культурных, технико-технологических и информационных оснований развития экономики и построенной на ее основе политики владельцев капитала, нацеленной на максимизацию прибыли за счет усиления эксплуатации труда, но в уже новых ее формах. Причем эта политика приобретает не временный, преходящий характер, она нацелена на будущий длительный период функционирования производства и общества в рыночных условиях. Это особенно актуально потому, что исследование неравенства в 1990–2000-е годы подтверждает быстрый рост узкой группы сверхбогатых людей, стагнацию доходов средних групп и довольно неочевидные результаты для беднейших слоев населения, что позволяет говорить о таком новом феномене, как 3D-неравенство. Было выявлено, что неравенство по потреблению растет существенно медленнее, чем по активам и доходам [См. подробнее: Бутрин, 2018]. Этот новый поворот в реально складывающемся неравенстве нашел отражение в том, что, несмотря на кризис, в 2016 г. ряды богатейших людей в мире пополнили свыше 6,3 тыс. человек и приближаются к 200 тысячам. Только за этот год состояние мировых толстосумов увеличилось на 680 млрд долларов и достигло 19,9 триллионов. Не отстает от этих тенденций и Россия. Более того, этот тренд не миновал ее и даже показал, что неравенство в нашей стране растет более быстрыми темпами. Армия отечественных сверхбогатых людей (состояние свыше 30 млн долларов и выше) выросла на 250 человек (всего их в России эксперты насчитали 2750 человек), а их совокупный капитал увеличился на 40 млрд долларов, показав рост их состояния на 10% (напомним, что рост ВВП в 2016 г. составил около 0,7%). Есть еще один впечатляющий показатель. По количеству миллиардеров Россия входит в топ-5 после США, Китая, Великобритании и Индии. «Сейчас в руках 0,1% населения России сосредоточено две трети совокупного состояния жителей страны», отмечает управляющий партнер Knight Frank Сергей Гипш. В среднем по всему миру пропорция иная: в руках долларовых миллионеров находится около 30% общемирового бо-

гатства. Исходя из этого, по мнению Ольги Ясько из этой фирмы, тревогу вызывает тот факт, что «в России по сути нет среднего класса, а есть либо очень богатые люди, либо очень бедные» [Цит. по: Кривошапко, 2017].

Однако исследования среднего класса, бедных и богатых, а также андеркласса постепенно обнаружили наличие таких социальных групп, которые имели свои характерные черты, отличные от вышеперечисленных классов. В основе особенных специфических черт лежала возможность обеспечить себе достойную жизнь, соответствующую современным требованиям благополучия. Но в основе реализации этой возможности лежало древнейшее правило жизни всего человечества — труд, что в современных условиях нашло отражение в таком фундаментальном показателе, как занятость, которая, как показало социально-экономическое развитие, стало маркером для жизненного мира значительных групп населения. Во всем мире, в том числе и в России, стала стремительно расти численность трудоспособного населения, полноценная же занятость была поставлена под сомнение. Складывалась парадоксальная ситуация — с одной стороны, в обществе начали формироваться значительные социальные группы, обладающие квалификацией, достаточно высоким уровнем образования, опытом работы и желающие их применить для общественной и личной пользы. С другой стороны, общество стало предлагать им суррогаты занятости в виде неформальной, временной, неполной и других видов работы или платить социальную помощь по безработице. Возник огромный социальный диссонанс: на пути искреннего стремления отдать обществу накопленный интеллектуальный потенциал лежал явный или замаскированный отказ его использовать под самыми различными предлогами, самым популярным среди которых была ссылка на объективные, непреодолимые требования научно-информационной революции. Такому подходу к использованию творческих потенциалов этих групп людей, стремящихся работать, также противостояла осуществляемая как в мире, так и в России (нео)либеральная политика.

Поэтому, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что прекариат — это новый поворот в формировании нового социального класса, который объективно возник и стал олицетворением специфического социально-экономического положения миллионов людей. Он представляет собой еще достаточно рыхлое социальное образование, т.е. «класс-в-себе», в отличие от классического рабочего класса, который в вековом противостоянии с капитализмом не только отстоял свои интересы, но и приобрел навыки борьбы за свои права и постепенно добился принятия законов по защите

своих интересов. Именно неопределенное неустойчивое социальное положение делает прекариат удобным объектом для манипуляций и угнетения [Механик, 2014].

Итак, «класс-в-себе» — такая ступень развития класса, когда он еще не осознал своих особых, объективно обусловленных коренных интересов, их различия, противоположности или совпадения с интересами других классов, не выдвигает собственной социально-политической программы. Так, пролетариат на начальной ступени своего развития не противопоставлял своих интересов интересам своего антипода — буржуазии. «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса спланивается, она конституируется как класс для себя» [Маркс, Энгельс. Т. 4: 189].

Можно ли было предвидеть, что прекариат может превратиться из «класса в себе» в «класс для себя» или, по крайней мере, ощутить зачатки его организованности и определенности? Существовали ли (или появляются ли) у него хотя бы элементарные формы защиты своих интересов, иначе говоря, формы и способы классовой борьбы?

Рассмотрим это подробнее.

Новые формы классовой самоорганизации

Прекариат, в отличие от андеркласса, члены которого мирятся со своей жизненной ситуацией, ищет пути изменения своего социально-экономического положения. На наш взгляд, нельзя согласиться с точкой зрения, что прекариат «трудно считать субъектом преобразования социальных условий» [Фишман, 2016: 118]. Реальная жизнь показывает, что в его недрах начинают вызревать идеи по преодолению своего ущемленного положения, апробируются действия, которые, с учетом специфики рыночных отношений, позволили бы внести коррективы и устранить эксплуататорскую сущность сложившегося неустойчивого состояния хотя бы отдельных прекарных групп.

Что можно сказать о классовом самоощущении этих прекарных групп? Каково оно в отличие от советского прошлого и от аналогичного положения подобных слоев в других странах?

Во-первых, представители этого формирующегося класса в своем большинстве олицетворяют гражданскую ответственность и достоинство в отличие от андеркласса. Они полны желания и реше-

мости обеспечить себе полноценный жизненный мир, который предполагает достижение и сохранение качества жизни на основе трудовой деятельности, активное участие в обогащении и использовании общественного и личного материального и духовного богатства.

Во-вторых, прекарные слои не идентифицируют себя с обладанием собственностью, особенно с занятием бизнесом, так как они по тем или иным причинам обойдены в обладании первым и отстранены от второго. Поэтому у них нет и не предвидится крепких и устойчивых связей с государством и обществом, в результате чего они выступают чаще пассивной, чем активной силой сопротивления навязываемому им образу жизни.

В-третьих, они не имеют должной социальной защиты в виде постоянной занятости, социального страхования, медицинского обслуживания. Они представлены самим себе в условиях, когда новые капиталисты стремительно богатеют, и не видно никакой перспективы по изменению этого положения. Поэтому, несмотря на провозглашаемые защиту и поддержку со стороны государства, все больше и больше людей надеются только на себя и своих близких (до 80–87%). Особенно ощутимо оно проявляется среди молодежи, которая в своем большинстве, даже в прекарных группах, не идентифицируют себя с деятельностью государства, дистанцируются от него во всех возможных случаях. Только 7,9% ответили, что в случае затруднительного положения они обратятся к руководству своих организаций, и 5,9% — к местным органам власти [Жизненный мир, 2016: 362]. Это ли не показатель отчуждения от власти?

В-четвертых, очень важно понять, что *недовольство, неудовлетворенность прекариата — это реакция не бедных, а неустроенных людей*, которые претендуют (и претендуют на справедливое решение жизненно важных проблем), не рассчитывая на подачки со стороны государства, с полной уверенностью, что они могут сами удовлетворять свои потребности, но при соответствующей, не ограничивающей их политике государства [Гринберг, 2012].

В-пятых, прекариат в своем большинстве достаточно полно усвоил, что как и государство в лице его чиновников, так и работодателей интересуют профессиональные и исполнительские способности представителей прекариата, а не их социально-личностные качества и ресурсы. Творческий потенциал этих людей, необходимый для реальных социально-экономических и социально-политических преобразований, не востребован и, более того, нередко ограничивается.

В-шестых, профсоюзы долгое время были не только порождением и результатом экономической и политической борьбы проле-

тариата, но и результативной формой отстаивания его интересов в повседневной жизни, и в первую очередь в трудовой деятельности. Они в течение веков с различной степенью успеха отстаивали права и свободы работников, нередко вступали в конфликты с работодателями, добиваясь результатов и приближая наступления эры государства благоденствия. В рамках советского общественного устройства профсоюзы сосредоточили внимание на проблемах распределения социальных благ, обеспечения прав работников на отдых, на здравоохранение, на поддержку семей с детьми. В наступившей эпохе проповедуемой неолибералами индивидуальной ответственности за свое благополучие, профсоюзы как защитники коллективного благополучия утратили свою былую роль и стали стремительно терять свое влияние, тем более, что раздробленным слоям прекариата они никак не могли помочь. Из-за неустойчивого и нестабильного положения они не смогли объединить хотя бы часть прекарных слоев для совместных действий, так как среди них трудно было добиться единого понимания путей и методов решения многих жизненных проблем и, в первую очередь, занятости и соответственно образа жизни.

И наконец, есть одно принципиальное соображение. Жизненный мир прекариата как класса определяет не столько форма собственности, доход, отношение к власти и социальный престиж, сколько менталитет. Этот феномен, который всегда влиял на происходящие в мире и обществе процессы, в современную эпоху приобрел совершенное иное звучание и влияние. На жизнь общества, социальных групп и конкретного человека стали влиять историческая память, в том числе и личная, вера, симпатии/антипатии, эмоции. Они стали во многом определять основные мотивы действий людей как при решении проблем публичной, так и приватной (личной) жизни [Черныш, 1998].

В этих условиях движущей силой его грядущего сплочения становятся осознание общих социальных интересов, объединяющих надежды и чаяния по соблюдению государством справедливости, достижение гарантий права на труд, на (со)участие в управлении государством и в распределении общественного богатства, на достойное потребление материальных и духовных благ.

В основе этих социальных импульсов к действию лежит стремление к справедливости. И хотя ее соблюдение по-разному понимается не только различными социальными группами прекариев, но и даже внутри каждой из этих групп, тем не менее она обладает мощной объединяющей силой, которая лежит и будет лежать в центре всех проводящихся акций как протестного свойства, так и попыток согласительных действий по решению назревших тревог [Горшков, 2016].

Одним из первостепенных требований могла бы стать реализация требования базового дохода для каждого работоспособного гражданина. В свое время по плану Бевериджа в Великобритании сразу после Второй мировой войны был введен гарантированный прожиточный минимум, правилам которого потом последовали многие развитые страны. В современной России ведутся дискуссии по гарантиям прожиточного минимума (по официальной информации в 2018 г. произойдет повышение минимальной заработной платы до прожиточного минимума — это немногим выше 10 тыс. руб.). Но пока и до сих пор бедность остается большой проблемой — она за все годы рыночных реформ не опускалась ниже 10 млн человек, а в 2016 г. составила более 22 миллионов.

В современных условиях прекариат все в меньшей степени ориентируется на использование проверенных в прошлые времена инструментов классовой борьбы — забастовок, митингов, пикетов и т.п. По данным Левада-Центра, две трети россиян не видят смысла в протестных акциях, считая их неспособными повлиять на политику властей. Причем, если пять лет назад в действенность этих акций верили 52%, а в 2016 г. — 34%, то в 2017 г. — только 20% [Версия. 2017. № 9]. По данным ЖМ-2014, только 3% участвовали в демонстрациях и митингах, 2,6% подписывали петиции и обращения, 0,9% участвовали в пикетах и 0,1% — в забастовках [Жизненный мир...2016: 357]. Вместе с тем появились новые непривычные и мало апробированные формы сопротивления. Среди них можно отметить такие, например, как Евромай в Западной Европе и Японии, «Окупай» в США, различные флешмобы, «Монстрации» в Новосибирске и других городах, в которых прекарии наряду с другими способами и символами демонстрировали свою незащищенность, нестабильность, иррациональность своего существования, выражая таким образом протест против своего угнетенного состояния.

Все возрастающим по размаху и разнообразию средством протеста против существующего положения постепенно становятся экологические, антиглобалистские, субкультурные объединения, которые на вооружение избрали различные ранее не практиковавшиеся формы уличного протеста — столкновение с полицией, блокирование улиц, осада банков и привилегированных районов. Именно под этими лозунгами стали все чаще проводиться избирательные кампании, которые показали возможности на локальном (муниципальном) уровне решать задачи прикладного, местного значения. Именно этим можно объяснить победы «яблочников» в Петрозаводске, Пскове, приход к управлению ряда районов в Москве оппозиционных политических сил.

Стали множиться такие формы гражданских движений, которые возникали по поводу конкретных событий, послуживших основой для пристального или взволнованного внимания всего общества. Эти действия связаны с проблемами неправомерных застроек, нарушений прав граждан при создании инфраструктурных объектов, с конфликтами при строительстве дорог и других коммуникаций.

Определенный резерв для превращения социального протеста в политический представляют собой мигранты, особенно трудовые. В борьбе с российской бюрократией они создают свои организации по защите и отстаиванию своих прав. Так, еще в 1990-е годы в Вологде тысячи мигрантов сплотились вокруг благотворительного фонда «Новый берег», который начал консолидировать и координировать совместные усилия по предоставлению элементарной, законом предусмотренной помощи. После не решения актуальных для них вопросов, они стали писать письма в Федеральную миграционную службу и Президенту РФ, в котором они уже не просили, а требовали помочь им, угрожая голодовкой и всеми доступными средствами протеста [Филиппов, 1998].

Все большее распространение получают акции, которые нацелены на привлечение внимания если не всего общества, то возможно большего числа общественно-политических организаций. С этим связаны такие действия, как перекрытие железнодорожных и автомобильных трасс по принципу — нанести ощутимый и трудно скрываемый акт ущерба не только экономике конкретных производств, а всему государству. Так, протест работников трех предприятий г. Пикалево в Ленинградской области против их ликвидации в виде перекрытия важной автомобильной дороги привел к вмешательству первого лица государства, волевым методом прервавшего этот акт превращения моногорода в зону бесперспективного существования семей десятков тысяч работников. Кстати, в этом акте продемонстрирована вся ущербность проведенной командой Чубайса приватизации, когда эти три предприятия, бывшие единым звеном производственного цикла, были приобретены различными собственниками, которые в своей эгоистической корпоративной политике не могли согласовать свои интересы, кроме одного — закрыть эти предприятия как не приносящие (или мало приносящие) доход.

Вместе с тем перед прекариатом остро стоит вопрос — как перейти от случайных эпизодических актов выражения недовольства к скоординированной политической программе действий. Конечно, эти акции далеки от продуманной тактики борьбы за свои права. Тем более, что в этой борьбе еще точно не определен — кто враг? С кем надо бороться? Какими методами?

Это тем более показательно, что в своей борьбе основные претензии адресуются государству. Это своеобразное проявление патернализма. Работники, даже если они заняты на частных предприятиях, все же считают основным ответственным органом государство за то, что им, например, не выплачивают или задерживают заработную плату. Даже в этом конкретном случае эта претензия выглядит следующим образом — почему государство не воздействует на собственников по соблюдению ими элементарных норм трудового права и позволяет им творить произвол, игнорировать элементарные требования государства, провозгласившего себя, согласно Конституции РФ, социальным.

Но в становлении новых форм борьбы определенную роль начинает играть противостояние работников-исполнителей и менеджеров-руководителей. Пока это признаки тихо зреющих конфликтов, особенно тогда, когда рабочие «не понимают, зачем такое количество людей работает в офисе, почему эти люди приходят на завод и постоянно едят, пьют кофе, почему ходят в курилку на улице табуном, почему летом устраивают общие игры в волейбол» (из выводов включенного наблюдателя, социолога, ставшего на один год рабочей на производстве) [Пинчук, 2017]. Однако это не единичный случай, когда работники и обслуживающий менеджеров персонал работают и действуют в разных социальных измерениях, порождая сначала безразличие, потом напряженность с не всегда ясными перспективами ее преодоления. Интересно отметить, что такого противостояния на части сохранившихся бывших советских предприятиях не наблюдается. На взгляд, по мнению этого социолога (да и ряда других исследователей), в данном случае рабочие и офисный персонал говорят на разных языках, руководствуются разным менталитетом: рабочие живут традициями, опытом предшествующих поколений, а менеджеры пытаются руководствоваться достижениями зарубежной теории и практики, которые где-то себя положительно зарекомендовали. К этому выводу склоняется все больше исследователей: при всей привлекательности опыта американских, немецких, французских предприятий и организаций он не становится инструментом решения возникающих социальных проблем в России.

Возможна ли объединяющая идеология у прекариата?

На этот вопрос некоторые исследователи отвечают категорическим «нет». Отрицая субъектность прекариата, считая его продуктом распада «общества труда», он, мол, способен только «требовать либо возвращения к старому доброму прошлому, ибо компенса-

ции за утрату власти над собственной судьбой». Прекарные слои «могут прислушиваться к разного рода моралистической риторике (в то же время обнаруживая склонность к моральному релятивизму, если теряется перспектива непосредственной выгоды)» [Фишман, 2016:121]. Такое заранее нацеленное принижение положения и ценностных ориентаций прекариев как значительных социальных слоев работоспособного населения изначально исключает возможности выработки ими объединяющих их идей. Более того, такая постановка вопроса игнорирует исторически подтвержденный факт — всякое появившееся на исторической арене социоструктурное образование неминуемо рождает свои идейные установки, свою идеологию (осознанную или стихийную). Поэтому надо исходить не из априорного умозаключения, а рассмотреть, как происходит возникновение и формирование идеологии прекариата.

Такая постановка требует решения ряда принципиальных вопросов. Во-первых, прежде чем сформировать единое или схожее мировоззрение, для этого должна сложиться *самоидентификация, которая является основой солидарности*, что духовно объединила бы все (или большинство) слои прекариата, делала ее достоянием их трудовой и общественной жизни, демонстрировала бы намерение в достижении общих целей, связанных с благополучием людей и их уверенности в своем будущем. А предпосылки такого понимания есть: социологические исследования подтверждают факт о близком и схожем восприятии актуальных социальных проблем работниками как сферы производства, так и сферы услуг, а также представителями различных групп интеллигенции [Подробнее см.: Бедность и бедные...2014; Волков, 2017].

Во-вторых, на основе солидарности начинают формироваться *идеи*, которые могут послужить объединяющим началом. На наш взгляд, эти идеи есть. Все слои прекариата в той или иной форме хотят соблюдения и применения к ним принципов социальной справедливости, обладания правами по своей защищенности и уверенности в гарантированном будущем своей семьи, родных и близких. Конечно, эти идеи дополняются и особыми требованиями в зависимости от специфики того или иного слоя, той или иной общности, жителей той или иной территории [Покида, Зыбуновская, 2017].

В-третьих, распространение общих идей, понимание и усвоение общих объединяющих целей ведут к *сотрудничеству*, к стремлению действовать не порознь, а сплоченно, как это было в свое время у пролетариата. Это не значит, что это сразу должно коснуться всех слоев прекариата, но именно осознание и его реализация могут объединять смежные группы, как, например, преподавате-

лей и ученых, что уже нашло отражение в попытках их единения в рамках не только общественной, но и политической организации [Локосов и др., 2017].

И наконец, в настоящее время неясны *лидеры*, нет соответствующих профсоюзных, профессиональных, политических объединений, которые сплотили бы эти разнообразные ряды и руководили бы средствами и методами отстаивания своих интересов.

Иначе говоря, составляющие прекариат социальные группы еще не выработали чувство солидарности, слабо, а скорее всего, совсем не организованы, не имеют, как правило, объединяющих политических программ и адекватной идеологии.

Но несомненно одно — уровень недовольства в обществе питается в основном из этих рядов, а не из андеркласса и пауперизованных слоев населения. Стоит особо подчеркнуть, что недовольство копится и среди значительной части молодежи, которая, несмотря на внешнее благополучие и устроенность, не обладает гарантированной стабильностью, возможностью строить профессиональную карьеру и обеспечить себе защищенное будущее. Согласно социологическим данным (2014 г., 8 регионов, 898 человек) 52% негативно оценивают власть в современной России при позитивной оценке только 22% опрошенных [Шестопал, 2015: 144]. Не стоит ли в этой связи обратить внимание, что эта половина коррелирует не с 12 млн в 2014 г. и 22 млн в 2016 г. живущих ниже прожиточного минимума, а с примерной численностью так или иначе неустроенных людей?

Где искать выход? Прежде всего, нужно остановить расползание неформальных трудовых отношений. Современные формы трудового права имеют огромный потенциал для того, чтобы оформить и упорядочить правовые формы трудового взаимодействия. Нужно вернуть понятия справедливости и гуманизма в экономику. Нужно вернуть понимание, что работники не менее ценны для общества, чем предприниматели или чиновники [Бизюков, 2014]. Именно на неэкономических факторах развития экономики как решающих компонентах организации производственного процесса настаивал академик О.Т. Богомолов для того, чтобы направить развитие страны в рамках упорядоченного трудового процесса [Подробнее см.: Неэкономические грани экономики... 2010].

Но более всего — необходим ответственный диалог работников с работодателями. Можно, конечно, ничего этого не делать, можно продолжать гнаться за снижением трудовых издержек любой ценой. Но надо понимать, что мы одновременно закладываем новую социальную структуру общества. Почитаем О. Хаксли про «Дивный новый мир» или «Облачный атлас» Д. Митчелла, там написано, что будет дальше.

По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию для превращения потенции в опасное образование — будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны.

В силу такого состояния этот класс не станет и не будет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своем положении удовлетворяющее его социальное положение, которое обусловлено размытостью и неопределенностью социального статуса. Прекариат непременно будет искать, сначала стихийными, а в будущем и организованными действиями, выход из неопределенности своего положения. Одним из таких путей постепенного осознания своего положения станет его роль в олицетворении социальной напряженности. И хотя прекариат не осознал себя «классом для себя», но это может произойти точно таким же путем, как это случилось и с пролетариатом, долгое время бывшим «классом в себе».

Литература

Бедные и бедность в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

Бизюков П. Диктатура прекариата. http://www.gazeta.ru/comments/2014/04/29_x_6013393.shtml

Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 2005.

Бутрин Д. Богатство и бедность во всех проекциях // Коммерсантъ. 2018, 10 января.

Волков Ю.Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 20—29.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2016.

Гринберг Р.С. В поисках равновесия. М., 2012.

Давыдов А.П. Зинаида Голенкова и российская социология // Философские науки. 2014. № 10.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016.

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2002.

Коупленд Д. Поколение Икс. М.: АСТ, 2009.

Кривошапко Ю. Дорогие россияне // Коммерсантъ. 2017, 3 марта.

Лиходей О.А. Социальные причины и особенности роста бродяжничества и попрошайничества в постсоветской России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2005. № 11. С. 208—219.

Локосов В.В., Токсанбаева М.С., Коленникова О.А., Гузанова А.К. Кадровый потенциал организации академической науки: характеристики и социальная защищенность // Социологические исследования. 2017. № 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 183.

Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт. 2014. № 1 (929).

Неэкономические грани экономики. Непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. и научный ред. О.Т. Богомолов. М.: Институт экономических стратегий, 2010.

Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. О тенденциях занятости работающего населения // Социологические исследования. 2017. № 7.

Пинчук О. Связанные одним цехом // Огонек. 2017. № 47. С. 16–18.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016.

Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения (социальное дно) // Социологические исследования. 2004. № 4.

Филиппов В. Отвергнутые государством мигранты становятся новой политической силой // Известия. 1998, 2 сентября.

Фишман Л.Г. Закат «общества труда»; современная идеологическая констелляция // Полития. 2016. № 3(82).

Черныш М.Ф. Классовый анализ и современное российское общество // Модернизация социальной структуры российского общества. М.: ИС РАН, 1998.

Шестопал Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Политические исследования. 2015. № 1.

Глава 17

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕКАРИАТА

На пути усложнения социально-классовой структуры

Мир столкнулся с *новым видом отчуждения*, с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. *Место пролетариата занял прекариат*, который во многом схож с тем положением, который занимал рабочий класс в XVIII–XX веках. Но в отличие от пролетариата, который был олицетворением промышленного производства, *прекариат комплектуется, формируется практически из всех слоев современного общества*, представляет собой значительные социальные слои, занимающие неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. Если пролетариат был отчужден от труда, то прекариат отчужден не только от труда, но и общества. У этих людей нет уверенности в своей необходимости своей стране, своему государству, своему обществу. Они не только ограничены, но и нередко лишены права претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищенность, на надежду в гарантированном будущем своей семьи и близких им людей. Следовательно, прекариат – «не часть рабочего класса»: он состоит

из множества необеспеченных людей, занятых в случайных и нестабильных местах жизни и работы без всяких перспектив развития карьеры [Стэндинг, 2014: 9]. Прекариат – новый феномен, который говорит не об исчезновении классов, а о *возникновении иной классовой структуры*. При этом не надо его отождествлять с андер-классом, с пауперизированными и люмпенизированными слоями, существующими за гранью бедности и практически утратившими основные социальные связи с обществом.

Основу прекаризации создает порочный курс рыночных реформ, который, по мнению неолибералов, предполагает такую болезненную операцию, как шоковая терапия. Однако даже по мнению Дж. Сакса, бывшего руководителя группы американских экономических советников президента России Б. Ельцина, «это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имевшая своей целью широкомасштабное перераспределение национальных богатств в интересах узкого круга людей» [Сакс, 1998: 4]. С этим согласны и представители творческой интеллигенции: «Все содеянное под видом "экономических реформ отнюдь не было результатом поразительного недомыслия, но – хорошо продуманной системой обогащения отдельных лиц» [Солженицын, 2009: 25].

Вместе с тем отметим, что российские либералы не признают крах своих идей и ущербность результатов их практической реализации. Для оправдания и возможного продолжения своих замыслов они вышли с «концепцией неолиберализации, под которой понимается глобальный процесс изменения сложившихся форм регулирования экономики с приданием рынку дисциплинирующей роли» [Матвеев, 2015; Реск, 2010]. Как видим, под новыми словами скрываются и каммуфлируются прежние установки – снижение вмешательства государства в дела бизнеса и опять решающая рука рынка.

Надо отметить и такой факт, что российское государство в основном является выразителем интересов крупного бизнеса (хотя и не без проблем), а не среднего и малого, не говоря уже о населении. До сих пор не решен такой принципиальный вопрос, как плоская шкала налогов, которая позволяет капиталу присваивать колоссальные доходы, не делясь ими с работающим населением. Директор Института проблем глобализации М. Делягин, анализируя эту ситуацию, напомнил, что даже в США во время их наивысшей мощи максимальная ставка подоходного налога достигала 90%. В России, запредельно высокое обложение оплаты труда, замаскированное плоской школой, приводит к тому, что прекарии отчисляют около 38% дохода. Поэтому они уходят в тень, соглашаясь на оплату труда «в конвертах» или прибегая к различным ухищрениям. Именно в результате такой налоговой политики продолжается рост

количества сверхбогатых людей. Не удивительно, что за период экономического кризиса 2014–2016 гг. при уменьшении или стагнации реальных доходов значительной части населения и в основном бедных слоев, доходы миллиардеров за это время выросли более чем на 15 млрд долл, а их число увеличилось до 110 [Деягин, 2017].

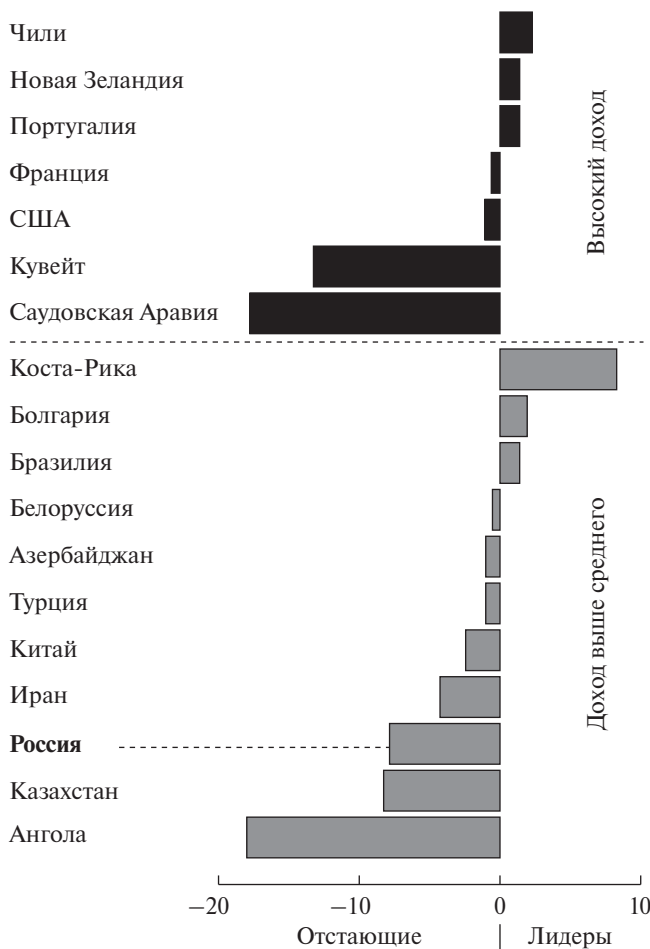
Появление прекариата на исторической арене означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по своему значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и далеко идущие последствия.

В чем это проявляется?

Экономические последствия

Современное производство в большей степени, чем ранее, претендует на быстрое, оперативное его перепрофилирование (изменение, приспособление). Гибкость технологического процесса становится ведущей потребностью многих экономик мира. В этих условиях работодатель стремится максимально уменьшить риск потерять свое место и свой доход. Поэтому наряду с технической и технологической перестройкой производства, совершенствованием управления, правовым приспособлением к требованиям рынка самый быстро приспособляемый резерв он видит в гибком использовании рабочей силы, что достигается уменьшением постоянно занятых работников и увеличением тех, которых можно держать на «поводке» путем временности работы привлекаемых кадров.

В результате деформированной экономической политики в России, в отличие от всего мира, в ближайшие годы будет увеличиваться теневой (нерегулируемый) сектор экономики: с 38,07% в 2016 г. до 39,3% в 2025 г. Эта тенденция, по данным АССА (Ассоциация специалистов в области финансов, учета и аудита), проанализировавших 28 государств, коснется только пяти стран, хотя не в такой большой пропорции, как в России – в Пакистане (с 31,78% до 33,89%), в Италии (с 26,32 до 26,37%), в Южной Африке (с 23,27 до 24,19%), в Сингапуре (с 12,54 до 14,06%), в которых произойдет рост неформального сектора [Вислогузов, 2017]. Как следствие, осуществится не уменьшение, а увеличение теневой экономики, под которой понимается «сознательно скрытая от властей экономическая деятельность, включающая в себя не только уход от налогов и социальных платежей, но и уклонение от подачи статистической отчетности и несоблюдение трудовых норм. Произойдет рост теневого рынка. По мнению главы Министерства финансов А. Силуанова, объем этого рынка зарплат составляет 10 трлн руб. в год» [Там же].

Источник: Social progress imperative.

Рис. 6. Опережающие и отстающие страны по группам дохода (баллы)
[Цит. по: Краснушкина, 2017]

Именно последнее скажется на тех социальных слоях, численность которых не сократится а, наоборот, увеличится. Поэтому возрастет количество людей, которые будут лишены защиты своих трудовых прав со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если сравнить страны из расчетов по доходу на душу населения, то картина представляется весьма противоречивой (см. рис. 6).

В последнее время в противовес этому общепринятому традиционному экономическому показателю — размеру ВВП на душу населения — предлагается Индекс социального прогресса (инициатор:

американская НКО Social Progress Imperative). Он включает в себя базовые нужды (питание, гигиена, жилище и безопасность), основы благополучия (доступ к базовому образованию, информации и средствам массовой коммуникации, здоровье и состояние окружающей среды) и возможности (права человека, личная свобода, толерантность и инклюзия, доступ к высшему образованию). Анализ 128 стран (они были разделены на 6 групп) показал, что высокий уровень по группам дохода не совпадает с данными по индексу социального прогресса: верхние строчки по этому показателю в 2017 г. заняли Дания (90,57 балла из 100), Финляндия (90,53), Исландия (90,27). Россия с 67,17 баллами занимает 67-е место из-за отставания в области прав человека, личной свободы, инклюзии и толерантности, потеряв с 2014 г. 5 баллов. Складывается своеобразная ситуация. Если базовые нужды человечества в целом удовлетворены на 73,8 балла, то развитие возможностей значительно отстает и равняется только 51,85 баллам.

Россия относится к странам с высоким уровнем социального неравенства. Если его измерять индексом Джинни, то надо исходить из того, что чем он ближе к 0, тем меньше неравенство, чем он приближается к 1, то неравенство возрастает. По данным статистики в России с середины 2010-х годов он практически не изменился и варьируется на уровне 0,42 [Социальное положение... 2013: 96]. Но по расчетам банка Credit Suisse, подготовившего доклад Global Wealth Report, он оказался самым высоким среди всех стран, попавшим в его выборку — 0,84 [Рыбакова, 2015: 25].

Все это говорит о том, что сам по себе доход на душу населения, рассчитанный по ВВП, не гарантирует уровень качества жизни. Аналитики подчеркивают, что социальный прогресс не обязательно совпадает с экономическим, так как жители богатых стран также сталкиваются с дискриминацией и ущемлением прав по самым различным показателям — этническим, социальным, религиозным, гендерным [Краснушкина, 2017]. Это усиление социального неравенства идет и по линии «руководитель (не обязательно бизнесмен) — подчиненный». После отмены Единой тарифной системы руководитель, который в советское время получал зарплату в 2—3 раза выше зарплаты квалифицированного работника, сейчас имеет ее превышение в десятки, а нередко и сотни раз [Куликов, 2017: 4].

Отметим также, что распространение прекаризации занятости приводит к тому, что у значительного количества работающего населения заработная плата является недостаточной не только в смысле обеспечения стандартов потребления. Ее величина не позволяет пополнять в необходимых размерах государственные и добровольные страховые фонды, обеспечивающие соблюдение социальных

гарантий (по временной нетрудоспособности, старости, болезни, отдыха и т.д.). В отличие от традиционной занятости, гарантирующей режим полного рабочего дня на основе бессрочных трудовых договоров, неустойчивость занятости зиждется на иных принципах, которые имеют тенденцию к экономической и правовой дерегуляции трудовых отношений и усилению принуждения к труду при одновременном демонтаже социальных гарантий. В условиях нового капитализма в России работодатель (собственник) стремится к снижению издержек по оплате труда и расширению гибкости занятости, в том числе и не оформленной трудовыми соглашениями [Бобков, 2012: 12].

Одним из последствий осуществляемых экономических преобразований является деформация структуры финансового рынка. По данным Национального бюро экономических исследований США офшорный капитал россиян в три раза превышает уровень валютных резервов страны. Богатые и сверхбогатые России хранят в офшорах сумму, равную 75% валового национального дохода (ВНД). Насколько это значительно, говорит тот факт, что объем валютных резервов России составляет почти 350 миллиардов долларов или 25% от ВНД (данные Центрального Банка РФ на 01.08.2017). Таким образом, согласно оценке, в офшорах хранится свыше триллиона долларов, или более 60 триллионов рублей. При этом объем офшорного капитала равен по величине финансовым активам внутри страны, отмечается в документе. «То есть объем состояния, хранимого богатыми русскими за рубежом — в Великобритании, Швейцарии, Кипре и других офшорных центрах, — равен активам, хранимым всем населением России внутри страны», — подчеркивают авторы исследования.

Эти глобальные макроэкономические сдвиги ведут к тому, что возрастет количество людей, попавших в состояние неопределенности. Это касается многих специальностей и профессий, когда под влиянием информационной и технологической революции исчезают или будут значительно сокращаться многие массовые профессии, а их обладатели попадут в тяжелое положение, еще не достигнув пенсионного возраста. В этой ситуации людей волнует насущная тревога по поводу стабильности своей занятости. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (октябрь 2012, 1207 чел.) 8% боятся увольнения, а еще 23,3% подтверждают, что такая угроза для них реально существует.

Эта ситуация отягощается тем, что бизнес дистанцируется от решения социальных проблем. Только 6% топ-менеджеров, по результатам всероссийского опроса, проведенного Аналитическим центром НАФИ, считают, что в их компетенцию и обязанности входит решение этих проблем. 55% из них полагают, что

это забота государства, 28% — что за них ответственность несет само население, 27% — общественные организации (<https://nafl.ru/analytics/6-rossyskikh-rompany-nazyvayut-sebya...16/11/2017>).

Что касается производства, то рыночные реформы имели своим следствием колоссальную дифференциацию занятости, которая оказала отрицательное воздействие на всю сферу социально-трудовых отношений [Бобков и др., 2011]. Особо отметим, что в таком прекарном состоянии у людей нет мотивации повышать эффективность своего труда, а у предприятий при использовании дешевой рабочей силы нет заинтересованности во внедрении новой техники и в совершенствовании технологии. Именно прекарный труд становится на пути роста производительности труда, что обрекает российское национальное хозяйство на постоянное отставание от развитых экономик мира. Массовое распространение прекарного труда, никак не заинтересованного в росте производительности труда, привело к тому, что в настоящее время в автомобилестроении в России, по сравнению с США, она ниже в 13 раз, в электроэнергетике — в 18,6 раза, в производстве цемента — в 11 раз [Темп роста..., 2017].

В решении этих проблем многое зависит от управления во всех его проявлениях — экономических, политико-административных, социальных и социально-психологических [Тихонов, 2000]. Специальный анализ реального роста производительности труда показал, что попытка государства (в майских 2012 г. Указах президента) решить эту проблему не выполняется. Уже в 2016 г. Минэкономики зафиксировало отставание прироста производительности труда от запланированных темпов: оно составило в 2015 г. 97,7% к показателям 2014 г., хотя планом было предусмотрено 102,1%. Этот же анализ показал, что реализуются в основном требования технико-экономического характера (инвестиции, капиталовложения, налоги) и игнорируется такая основополагающая характеристика российского рынка труда, как использование и инвестирование средств в творческий потенциал работников [Мануйлова, 2017].

Ошибочная государственная политика дополняется и усиливается позицией работодателей. Опрос 500 собственников, проведенный Центром мониторинга развития промышленности, показал господство порочных установок руководителей предприятий: даже по собственному их признанию только 58% из них тратят время и деньги на наращивание производительности, но считают ее первоочередной задачей только 33% опрошенных. Технократический подход продолжает господствовать: по их мнению, рост производительности труда сдерживают доступность финансирования (65%), налоговых льгот, ориентированных на эти цели (44%), де-

фицит навыков и компетенций персонала (42%), отсутствие доступа к технологиям (10%). К тому же они склонны обвинять государство, которое, по их мнению, должно быть драйвером роста производительности через специальные меры поддержки. И самое печальное состоит в том, что 51% из них намерено сокращать сотрудников, в то же время практически никак не определяя меры по росту их интеллектуального и производственного потенциала (повышение квалификации, совершенствование оплаты труда) [Николаева, 2017]. Отсюда становится понятным, почему бедный и нищий труд не позволяет решить стратегические задачи по резкому прорыву как в целом в области модернизации и достижению рубежей нового этапа технологической революции, так и в конкретной сфере — в повышении производительности труда.

Социоструктурные последствия

Социальные последствия все увеличивающейся массы precariousного труда проявляются в не уменьшающихся размерах бедности, которые отражают экстремальный уровень социального неравенства. В настоящее время перекося в распределении доходов в России выражается в том, что 1% граждан получают 20–25% всех доходов в стране [Экономика и бизнес, 2017].

В результате по данным аналитического центра при правительстве «Работающие бедные в России и за рубежом» шестая часть всех работников не может обеспечить себя и свои семьи, и (по данным 2016 г.) их доходы были ниже прожиточного минимума [Эксперты...2017]. Острота этой необеспеченности особенно наглядно проявляется при характеристике прожиточного минимума (ПМ) трудоспособного населения и минимального размера оплаты труда (МРОТ) (см. рис. 7).

Сложность этой ситуации и неясность перспектив уменьшения бедности трудоспособного населения наглядно видна на фоне имеющихся статистических данных: их численность достаточно устойчива, так как колеблется в незначительных размерах (см. рис. 8).

Исследователи констатируют такой факт: принимаемые меры по стабилизации экономики и уменьшению прекаризации труда работающих не приносят реальных социальных результатов. В этих условиях бедность стимулирует занятость, которая, однако, не приводит к росту доходов и выходу из ее зоны. Чтобы покинуть эту зону, государство не создало условий (или приложило минимум усилий) для образования механизма по приобретению новых профессий, повышению квалификации и модернизации экономики, сохранению профессионального статуса, нередко связанного с пе-

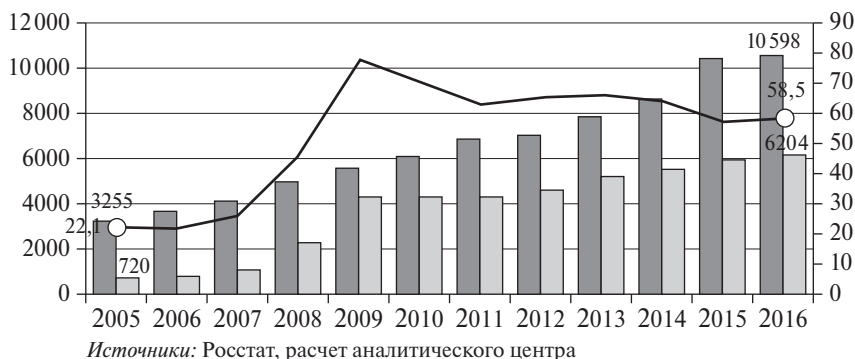

Рис. 7. Соотношение прожиточного минимума и минимального размера оплаты трудоспособного населения

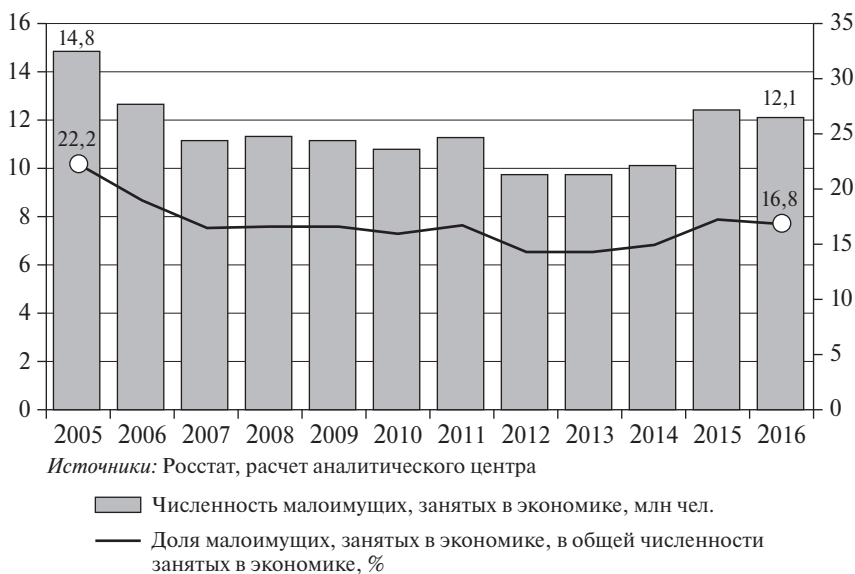

Рис. 8. Количество и доля работающих бедных в экономике

реездом туда, где требуется рабочая сила с более высокой оплатой труда.

Так как минимальная заработная плата работающих равна 7800 руб., очевидно, что нет такой профессии и работы, которые бы удовлетворяли их носителей. Особенно эта ситуация касает-

ся работников бюджетной сферы. В настоящее время доля бедных в госсекторе в 4 раза больше, чем в частном, хотя на частных предприятиях и трудятся две трети занятых [Эксперты...2017]. Возможно, намечающееся в 2018 г. приравнивание минимального размера оплаты труда к прожиточному минимуму уменьшит разрыв в оплате труда между государственным и частным сектором.

Как результат, социальные последствия precarious труда проявляются в том, что в такой ситуации многие уходят в теневую занятость, предпочитая более высокую оплату труда, пусть и с нарушением трудового законодательства.

Усилению социального неравенства способствует распространение политики гибкой занятости, которая все больше похожа на пассивную констатацию сложившегося положения. Отсутствие стратегической корректирующей политики государства привела к искажению и деформации профессиональной структуры, что вызывает сомнение в выполнении планов модернизации страны. Если судить на основе данных Обследований населения по проблемам занятости, проводимых Росстатом, то самые большие массивы образуют две группы — водители автомобилей (чуть более 7% общей занятости) и продавцы магазинов и палаток (около 7%). Почти 1,3 млн — это охранники. При том что в высокотехнологических отраслях, таких как микроэлектроника и фармацевтика, доля занятых составляет всего лишь 1%. Более того, наблюдается уменьшение занятых в производстве электро-, электронного и оптического оборудования — с 780 тыс. в 2005 г. до 630 тыс. в 2016 г., т.е. сокращение составляет 20% за 11 лет [Гимпельсон, 2016: 133—134].

Следствием изменений социально-профессиональной структуры, характерной для индустриального общества, стало формирование более примитивной, но не менее классово-обусловленной структуры. Это привело к тому, что все материальные и финансовые ресурсы во все большей мере сосредоточиваются в руках небольшой группы людей, как в мире, так и в России. Официальный децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых без учета доходов топ-менеджеров и олигархов) составляет 1:16, хотя, по экспертным данным, он достигает 1:30, а в Москве — 1:45/50. В 2017 г. 10% наиболее состоятельных россиян владели 77% богатств страны. 2,1 млн россиян входят в 10% богатейшего населения мира, а 175 тыс. — в 1% [Мануйлова, 2017]. Эти показатели имеют устойчивую тенденцию к увеличению: в распоряжении 110 российских олигархов находится 35% активов. Что касается официальной инфляции, то она за последние 10 лет составила 19%, а реальная, социальная (рост цен на питание, услуги ЖКХ, проезд в общественном транспорте и т.д.) — 32% [Зайцев,

Викулин, 2015]. Для представления о масштабах неопределенности и обездоленности говорит и тот факт, что, хотя масштабы бедности сначала в 2010-е годы несколько уменьшились (в 2014 г. 12% населения жило ниже прожиточного минимума), то в 2016 г. в ситуации экономического кризиса, санкций против России, эта численность выросла, по официальным и экспертным данным, до 20–22 млн человек.

К социальным последствиям следует отнести и то, что происходят значительные сдвиги в структуре среднего класса, который долго считали залогом устойчивости и стабильности общества. Но сегодня и он является потенциальным источником прекариата, так его значительная часть все чаще сталкивается с таким явлением, как временная, неполная или частичная занятость, которая практикуется во все возрастающих масштабах. Эта участь постигла многих преподавателей в процессе реализации реформы высшего и среднего образования. Аналогичные процессы происходят и в сфере здравоохранения, которое тоже подверглось «оптимизации». Иначе говоря, все большее и большее количество работников переходят в подвешенное состояние, образуя некую рыхлую, неопределенную и неустойчивую массу, которую волнует все возрастающая нестабильность и неустойчивость ее социального положения. Особенно от этого страдает молодежь, число неустроенных на работу молодых людей, в том числе по специальности, растет. Отметим, что это характерно для многих развитых стран Европы: так, например, в Испании и Греции от 40 до 50% выпускников университетов не могут получить работу. Достаточно противоречива и ситуация в России. Устройство на работу стало испытанием для многих молодых людей, вступающих в жизнь [См. подробнее: Варшавская, 2016].

Прекаризация социальной структуры проявляется и в том, что люди отказываются от квалифицированного труда в пользу неквалифицированного, переходят в сферу услуг, где можно получать больше денег, или уходят в теневую экономику. Выполнение квалифицированного и высококвалифицированного труда практически никак не поощряется. Врач в России зарабатывает в среднем на 20% больше водителя, тогда как в США эта разница составляет 261%, в Германии – 172%, в развивающейся Бразилии – 174% [Эксперты..., 2017]. В результате происходит не просто недооценка труда специалистов, но и их депрофессионализация, когда ученые, инженеры, учителя уходят из своей профессии ради более высоких заработков даже при потере своей квалификации. В результате в числе работников торговли, охраны, среди водителей автомобилей, т.е. там, где достаточно общего среднего образования, около 40% имеют высшее образование [Гимпельсон, 2016: 134]. Кроме того, такая

ситуация создает дефицит кадров в организациях, выполняющих важные социальные функции, но с низкой оплатой труда.

К социальным последствиям следует отнести отсутствие или неуверенность в личной безопасности. Это проявляется в том, что люди выражают тревогу по поводу ее отсутствия применительно к личной жизни, к своему поведению и присутствию в общественных местах. По данным ЖМ-2014 50% заявили о большой степени тревоги и еще 40,2% — о средней степени обеспокоенности гарантиями защиты личности [Жизненный мир... 2016: 351].

Такая неуверенность в своей нынешней жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на «потом», когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Политические последствия

Многие социальные группы, входящие в состав прекариата, вследствие неустойчивости, неопределенности своих гражданских позиций обладают размытым деформированным сознанием. Это проявляется в самых различных действиях — от аномичного поведения до деструктивной деятельности, связанной с девиантным и даже криминальным поведением.

Прекариат отчужден не только от труда, но и общества. Это особенно наглядно проявляется в том, что (по данным ЖМ-2014) более 80% россиян не принимают участие ни в каких акциях по высказыванию своих претензий и пожеланий, более 90% не состоят ни в каких общественных и политических организациях [Жизненный мир... 2016: 359]. При опросе Левада-Центром россиян, 68% ответили (6% затруднились ответить), что они совершенно не могут повлиять на то, что происходит в стране (<https://www.levada.ru/2017/117/17013/print/>).

Так как прекариат не доверяет власти и не надеется на нее, это проявляется в уклонении от участия в избирательных кампаниях, многие отказываются принимать участие в голосовании. По данным исследования 6-й волны мониторинга Института социологии РАН (апрель 2017 г.) значительное недоверие (за исключением президента) высказано Государственной Думе (48,5%), Совету Федерации (39,6%), органам местного самоуправления (48%), руководителям областей, краев, республик (41,8%), правительству России (37,9%). О росте отчуждения от власти можно судить и по снижению доверия к партии власти — «Единой России». Несмотря на то, что, согласно официальным данным, «Единая Россия» при каж-

дых парламентских выборах уверенно побеждает, нельзя не обратить внимания на тот факт, что при этом количество голосующих за нее постоянно уменьшается. В 2007 г. за эту партию проголосовало 44,7 млн избирателей (при явке 64%), в 2011 г. — 32,5 млн (при явке 60%), в 2016 г. 28,5 млн (при явке 47,9%). Т.е. доля голосовавших за «Единую Россию» сократилась на 40%. При этом Государственной Думе, где большинство мест принадлежало этой партии, в октябре 2016 г. доверяли всего 22% россиян [Гудков 2016].

На наш взгляд, уменьшению авторитета и влияния правящих кругов способствовало их отношение к такой мере, как налоговая политика, которая осуществляется во всех социальных государствах (это записано и в Конституции РФ). «Ключевой инновацией XX века в налоговой сфере стало создание и развитие прогрессивного подоходного налога...Налог — это вопрос не технический, а прежде всего политический и философский, притом самый важный из всех. Без налогов не может быть общности судьбы и коллективной способности действовать...Взимая налоги в размере 7–8% национального дохода, можно финансировать основные государственные институты (полицию, правосудие, армию, внешнюю политику, общую администрацию и т.д.), но не более того. ... Все богатые страны без исключения в XX веке перешли от баланса, в рамках которого налоги и государственные расходы составляли менее десятой части национального дохода, к новому балансу, в рамках которого на эти цели уходит от трети до половины национального дохода... Вне зависимости от предвыборных баталий и партийных политических игр относительно этих социальных сил имеется широкий консенсус, особенно в Европе, где преобладает очень сильная привязанность к тому, что воспринимается как “европейская социальная модель”. Нет ни одного значимого общественного течения, ни одной политической силы, имеющей хоть какое-нибудь значение, которая всерьез стремилась бы вернуться в мир, где доля отчислений составляла бы до 10 или 20% национального дохода, а государство ограничивало бы себя исполнением своих базовых функций» [Пикетти, 2016: 494, 472, 480]. А между тем, упорное сопротивление введению такого принципиального закона, направленного на справедливое перераспределение доходов, продолжается, как и продолжается рост доходов олигархов, в то время как доходы большинства россиян за этот период уменьшились на 12%. По данным Н.И. Лапина, население ждет этого решения (напоминаем, не национализации), а именно введения прогрессивного подоходного налога, которое бы внесло бы определенную ясность в ожидание установления справедливости в российском государстве [Лапин, 2016: 3].

Причем претензии возникают не только к олигархам. Придание огласке данных о доходах и бонусах топ-менеджеров компаний, работающих в России, может усилить социальную напряженность, они находятся в вопиющем контрасте с доходами большинства трудоспособного населения России, тем более что эти доходы постоянно сокращаются. О неравенстве в оплате труда говорит такой факт: 1% наиболее оплачиваемых работников зарабатывают в 63 раза больше, чем 1% наименее оплачиваемых. Этот показатель сопоставим с Китаем (70 раз), в то время как в Европе эта разница составляет 22 раза [Мануйлова, 2017]. И это происходит в условиях, когда снижение реальных доходов в РФ наблюдается четвертый год подряд. В 2014 г. их показатель упал на 0,7%, в 2015 г. — на 3,2%, в 2016 г. — на 5,9% [Ростовский, 2017].

Однако в настоящее время прекариат пассивен. Его конфликтогенные акции против создавшегося социального положения еще редки, стихийны, слабо скоординированы. Вместе с тем имеются и определенные сдвиги, говорящие об активизации протеста. В недавние годы очень серьезно заявили о себе забастовки протеста дальнобойщиков, движение «синих ведерок», конфликтные ситуации по ЖКХ. На наш взгляд, это пока молчаливое большинство в известной степени, образно говоря, «находится в засаде». Но оно начинает выходить из тени. Так, победу Трампа на президентских выборах в США обеспечил американский прекариат — люди глубинки (малых городов и сельской местности), которые находятся в высокой степени неопределенности своего нынешнего и будущего положения и у которых произошла стагнация доходов.

Хотелось бы в этой связи еще раз подчеркнуть, что такие акции — это не проявление позиции андеркласса — это позиция людей квалифицированного труда, имеющих богатый профессиональный и гражданский опыт, и действия которых направлены на достижение социальной справедливости.

Политическая незащищенность и неопределенность может иметь и другой крайне неблагоприятный выход — это приобщение к различным формам экстремизма, поддержка деструктивных политических сил, вплоть до неонацизма и неофашизма, что показал опыт западноевропейских стран. Да и Россия уже имеет такой опыт — несколько тысяч человек из мусульманских регионов страны уехали на поддержку Исламского государства — ИГИЛ. И это отнюдь не всегда низы общества — эти люди по-своему восприняли призывы к достижению справедливости при реальной убежденности, что ее невозможно достичь в их нынешнем — российском — жизненном мире.

Духовно-культурные последствия

В современных обществах происходят значительные деструктивные сдвиги и изменения и в сфере культуры. Это выражается, прежде всего, в высоком уровне неопределенности, при которой происходит духовно-нравственная деградация, потеря идеалов, отсутствие веры в справедливость и справедливое же жизнеустройство мира. Иначе говоря, налицо прекаризация сознания, когда человек, хотя он и относит себя к окружающему его миру, но к той его части, которая ущемлена в своем социальном положении, помимо его воли и стремления сохранить в себе качества и черты полноценного гражданина своей страны, жителя своего региона, полноправного участника общественной и повседневной жизни.

Нужно сказать, что в отличие от андеркласса прекариат стремится обеспечить гражданское и личное достоинство, часто всеми силами стремясь сохранить стиль и образ жизни, к которому его приучили и согласно которому он хотел бы продолжать жить. Но, тем не менее, его неустойчивое положение приводит к тому, что у него резко сокращается активность в социально-культурной сфере. По данным ЖМ-2014, процент тех, кто в свободное время просто расслабляется (29,1%) или проводит время на природе, просто отдыхает (гуляет) (6,5%) очень велик. Об этой пассивности особенно наглядно говорит тот факт, что 82,5% россиян заявили, что они не участвуют в работе каких-либо культурно-спортивных организаций [Жизненный мир... 2016: 363–364].

Есть и другие негативные последствия, касающиеся в основном личной жизни людей. Из-за неуверенности в своем нынешнем и будущем положении большинство людей, относящихся к прекариату, испытывают страх, неверие, разочарование и отсутствие гарантий личной безопасности. Многие ощущают себя жертвой обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. В начале 2000-х «общий коэффициент насильственных смертей в России достиг запредельной величины — 70–80 убийств на 100 тыс. жителей, что на порядок больше, чем в США, и на два порядка больше, чем в государствах Евросоюза» [Зорькин, 2005: 35]. О криминализации говорит и такой факт — ежегодно в стране пропадают без вести 70 тыс. человек [Ключников, 2006]. Именно такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает 4-е место в мире (36 самоубийств в год на 100 тысяч населения). По мнению экспертов, социальные причины начинают преобладать над медицинскими. Самоубийства все чаще связывают с возросшим уровнем тревоги, наступающим кризисом, когда люди

не видят выхода из жизненного, экономического или финансового тупика [Мишина, 2015: 15–16].

Как выйти из этого духовно-нравственного кризиса?

Ориентиром для всех здравомыслящих людей всегда были идеалы, связанные с совершенствованием общества, кардинальным улучшением своей жизни и жизненного мира окружающих. Именно эти идеи вдохновляли людей на творческие свершения, на открытия, на стремление сделать значительное в своей жизни, участвовать в значимых преобразованиях. В известном смысле должна быть если не вера, то глубокая убежденность в своей миссии на земле, причем такой, которая неразрывно связана с материальным и духовным обогащением людей, постоянным личным возвышением над текущей повседневностью. Как бы критически не оценивалась идеология в Советском Союзе, но именно она вдохновляла людей на достижение кардинальной цели – строительство самого справедливого общества на земле – социалистического. Эта идея в целом долгое время соединяла в себе и общественные и групповые, и индивидуальные цели и интересы. Эта предельно общая цель успешно дополнялась конкретными долгосрочными программами, будь то освоение целины, планом по преобразованию природы, строительства новых городов и предприятий Сибири и Дальнего Востока, освоением Арктики. Именно эти программы вдохновляли значительное количество людей и особенно молодежь, которая видела в них органично значимые задачи и одновременно реализацию личных устремлений по достижению профессионального мастерства и карьеры, возможностей проявить себя и построить стабильную обеспеченную (пусть по более чем скромным советским меркам) жизнь [Воеводина, 2017].

Нынешняя российская духовно-нравственная атмосфера бедна. Выше уже говорилось, что для большинства россиян до сих пор непонятно, какое общество строит Россия. Общих слов – социальное государство, модернизация, – недостаточно, ибо они слишком абстрактны, похожи на всеохватывающие обещания, присущие практически каждой современной стране. Все это дополняется отсутствием конкретных вдохновляющих людей целей, выполнение которых бы демонстрировало достижения как общества, так и всех вовлеченных в них. Это тем более важно, что так называемые национальные проекты – по селу, по здравоохранению и т.д., провозглашенные правительством Медведева в середине 2000-х годов, не были выполнены не только в силу их недостаточной продуманности, сколько из-за того, что люди не увидели в них приемлемого и удовлетворяющего их смысла. На наш взгляд, такой привлекательностью обладает сравнительно новая программа – огромная

и в то же время конкретная — решение проблемы с мусором. Это не общие призывы «зеленого движения» — беречь природу, бороться за экологию, призывать к чистоте воды, воздуха, почвы, с чем все соглашаются, но мало кого они увлекают. Здесь поставлена конкретная и вполне очевидная проблема, которая волнует многих людей. Иначе говоря, без программ, которые бы служили мощным импульсом для возвышения человека, невозможно представить дальнейшее развитие страны. И чем больше их будет, тем меньше людей будут хотя бы в духовно-нравственном отношении чувствовать себя прекариями.

В этой связи следует сказать, что надо окончательно признать порочной установку российских неолибералов — избавить общество и особенно молодежь, от «советского порочного воспитательного процесса». Именно с их инициативы были ликвидированы все те институты и организации во всех учебных заведениях, в армии, в производственных организациях, в обязанность которых входило содействие поддержанию и формированию таких черт, как ответственность, сочувствие, добродетель, желание помочь другому в трудную минуту, переживание за будущее страны и ее ближайшее окружение. Сегодня пришло время осознания того, что была совершена крупная стратегическая ошибка. Без воспитательного процесса не будет ни гражданина, ни патриота Родины, не будет готовности разделить судьбы народа в любых, особенно сложных ситуациях. Иначе страна получит равнодушных людей, без сердца, без стремления быть россиянами и болеть за Россию. А такая ситуация чрезвычайно опасна, так как она может стимулировать не только безразличие к делам общества, в котором человек живет, но и стать его противником, не дорожить национальными интересами страны, быть склонным к принятию деструктивных ориентаций. То есть малообеспеченный человек, лишенный или стесненный в своих правах, в гарантиях социальной защищенности, может занять деструктивную, девиантную позицию, быть питательной почвой для возникновения социальных конфликтов и разрушительных протестов. Поэтому формирование и забота о гражданской позиции индивида должна осуществляться во всех слоях населения, начиная со школьного возраста и завершая людьми старшего поколения, которые, каждый по-своему, могут способствовать поддержанию, укреплению и сохранению высоких духовно-нравственных ориентиров.

В заключение необходимо отметить, что прекариат далек от того, как мы уже говорили, чтобы воспользоваться или рассчитывать на участие в выполнении стратегического вывода К. Маркса о том, что в будущем обществе богатство каждого человека будет

измеряться именно величиной свободного времени. В условиях, когда у прекариев не решен вопрос об основополагающих принципах личного и общественного бытия, такая постановка вопроса может показаться нонсенсом.

* * *

Все эти социальные последствия — экономические, социальные, политические и духовно-культурные — в конечном счете, приводят к тому, что *прекариат не имеет отчетливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости по завершению трудовой деятельности*. В этой ситуации изменяется отношение к труду, к служебным обязанностям. Стремясь сохранить свои рабочие места, часть работников, для того чтобы удержаться на плаву, трудятся на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, свою значимость и пользу, свою приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к профессиональным заболеваниям, потере здоровья и истощению моральных и физических сил человека.

Литература

Бобков В. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. 2012. № 2.

Бобков В., Черных Е., Алиев У., Курильченко Е. Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 5.

Варшавская Е.Я. Успешность перехода «учеба—работа»: для кого дорога легче? // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 39—46.

Вислогузов В. Теневой сектор будет расти вместе с ВВП // Коммерсантъ. 2017, 3 июля.

Воеводина Т. К станку, ребята! / Литературная газета. 2017. № 24.

Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики, 2016. № 10. С. 129—143.

Гудков Л. Кризис понимания «реальности» // Вестник общественного мнения. 2016. № 3—4 (122). С. 29—51.

Деягин М. Налоговый рай для богатых и ад для бедных / Регнум.ru. 2017, 1 декабря.

Зайцев Л.Н., Викулин Я.Н. В сейфах богачей и «народной казне» // Советская Россия. 2015, 24 января.

Зорькин В. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.

Ключников А. Не бомжи и не психи / Аргументы и факты. 2006. № 20.

Краснушкина Н. Высокий ВВП на душу населения не гарантирует качества жизни // Коммерсантъ. 2017, 23 июня.

Куликов Е. Что скрывает средняя зарплата? // Аргументы и факты. 2017. № 32.

- Лапин Н.И.* Как остановить социогуманитарную рецессию? // Независимая газета. 2016, 10 февраля.
- Мануйлова А.* Богатому и кризис в доход / Коммерсантъ. 2017, 15 ноября.
- Мануйлова А.* Производительность труда не обещает подъема / Коммерсантъ. 2017, 28 февраля.
- Матвеев И.А.* Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // Полития. 2015. № 4 (79). С. 25–44.
- Мишина И.* Вопрос жизни и смерти // Версия. 2015. № 3. С. 15–16.
- Николаева Д.* Производительный труд стоит дорого / Коммерсантъ. 2017, 27 февраля.
- Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Ростовский В.* Экономика растет, карманы худеют / Политика — объективный полноценный взгляд. Newsland. 2017, 6 сентября.
- Рыбакова Т.* Яхтунг // Совершенно секретно. 2015, 6–13 октября.
- Сакс Дж.* Интервью // Независимая газета. 1998, 31 декабря.
- Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 2009.
- Социальное положение и уровень жизни населения России в 2013 г. Статистич. сборник. М.: Росстат, 2013.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- Темп роста производительности труда за пять лет, по данным Росстата: URL: http://www.caipr.lab.pf/index.php?catid=47:2011-10-19-09-43-57&id=90:2011-11-02-05-06-54&Itemid=75&option=com_content&view=article (дата обращения 14.06.2017)
- Тихонов А.В.* Социология управления. Теоретико-методологические основы. СПб., 2000.
- Экономика и бизнес / Newsland. 2017, 22 августа.
- Эксперты правительства назвали точное число бедных работающих россиян // Ведомости. 2017, 31 октября.
- Peck J.* Constructions of Neoliberal Reason. Oxford, 2010.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что общество столкнулось с новым видом отчуждения, которое в таком обличье и в таком масштабе в истории ранее не встречалось. Прекариат воспроизводит многие черты мануфактурного рабочего XVIII столетия. Став массовым социальным слоем внутри класса наёмных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда, этот слой демонстрирует противоречивую тенденцию в развитии современного общества. Прекарии представляют собой огромную массу людей, которые, с одной стороны, сохраняют сущностные признаки эксплуатируемого класса, с другой – занимают в общественном производстве неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своём праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищённость, на гарантированное будущее для своей семьи и своих близких. Этих людей капитал и политическая власть поставили в такое положение, когда неизвестно кому предъявлять претензии, кроме безымянных организационных институтов современного общества.

Следовательно, мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием – прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные слои и группы не выработали еще чувство самоидентификации, солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей, а только еще смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат все еще есть «класс в себе», который стоит на пороге превращения в «класс для себя». Но он уже постепенно образует устойчивые социально-классовые образования, которые объединяют огромные массы людей и закрепляют их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей.

Как и другие слои работников на рынке труда, подвергающиеся все более жестокой эксплуатации, прекариат начал использовать проверенные в прошлом такие инструменты классовой борьбы, как забастовки, митинги, демонстрации и т.п., искать новые, непривычные и мало апробированные ее формы. Набирают вес

и влияние такие формы протеста, как участие в природоохранных, экологических, инфраструктурных, историко-культурно-защитных мероприятиях. Несомненно одно: уровень недовольства в обществе питается сегодня и из этих рядов. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию для превращения из потенции в грозное образование — будущий класс, названный Г. Стэндингом (М., 2014) опасным.

Сегодня перед политической властью с особой остротой встает вопрос — что делать в сложившейся ситуации. И хотя в анализируемых главах основное внимание уделяется такой острой проблеме, как занятость, считая ее основополагающей для решения существующих социально-экономических проблем, нельзя не согласиться с технократическими утверждениями, которые основываются и базируются на том, что происходящая модернизация с ее гибкими технологиями вытесняет живую рабочую силу, заменяя ее роботами и различными автоматизированными системами. Более того, этими утверждениями они совместно с (нео)либералами прикрывают узость мышления, пугая окружающих (в том числе и политическую власть) неизбежностью существования такого социального слоя, как прекариат. Между тем, если окинуть взглядом историю развития капиталистического общества с XVIII в., то мы не увидим устойчивого снижения уровня занятости. Конечно, были кризисы, были спады производства, кардинально менялись техника и технологии, но в целом объемы вовлеченных в общественное производство не только не уменьшались, а наоборот, росли. Технологические революции в прошлом, как и кардинальные информационные и цифровые преобразования в настоящем, меняют не столько количество, сколько качество рабочей силы, порождая новые профессии взамен устаревших и не соответствующих требованиям времени. Поэтому нужны не оправдания существующей ситуации с проблемами занятости, не ссылки на непреодолимый объективный характер научно-технического прогресса, а приведение в соответствие проводимой экономической политики потребностям и интересам населения и главным образом рабочей силы. Для этого нужны не ухищрения и манипуляции с занятостью, а политическая воля, которая бы избавила множество людей от унизительной роли просителей и приспособленцев.

А может быть, эта политическая воля в лице государства, опирающаяся на научный анализ и на научное предвидение, вернется к прогнозу, высказанному еще в середине XIX в., о будущем общества, когда «мерилом богатства будет уже не рабочее, а свободное время [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46. Ч. 2. С. 217]. *Может быть, вернуться к этой мудрой идее, когда государство и об-*

щество должны и способны обеспечить работой всех стремящихся трудиться несколько часов в день, что устраним нынешние проблемы неопределенности занятости и в той же мере обеспечит высокое качество жизни и реализацию духовных устремлений, возвышающих человека.

Над всеми этими социально-экономическими проблемами, на наш взгляд, довлеет более значимый, стратегический и судьбоносный выбор, который следует осуществить российской власти: кому отдать приоритет в определении будущего страны — программе социально ориентированного государства, рыночным разработкам (нео)либералов или претендующим на надпартийность технократическим проектам. Пока же страна в том или ином варианте стремится продолжать дискредитировавший себя курс неолибералов, который команда Кудрина пытается модернизировать в противовес предложениям о внесение кардинальных изменений, на чем настаивают их оппоненты, в значительной мере ориентирующиеся на левые, социал-демократические идеи. Или, иначе говоря, рассматривать трудоспособное население не как ресурс власти, а реализовать власти свое истинное предназначение — служение народу.

Очевидно, что решение противоречий обусловлено не только появлением прекариата, но и другими противоречиями, возникшими в процессе либеральных реформ, и связано оно с необходимостью принципиальной коренной перестройки существующих общественных отношений, с созданием новой модели социально-экономического, социально-политического и социально-культурного устройства современного российского общества. Иначе, при существующей модели, по прогнозу Лондонского Центра исследований экономики и бизнеса, к 2032 г., т.е. через 15 лет, среди первых десяти стран по объему ВВП России не окажется (цепочка будет такая — Китай, США, Индия, Япония, Германия, Бразилия, Великобритания, Южная Корея, Франция, Индонезия), поскольку экономика России при нынешнем ее курсе будет расти на 1,5–2%, в то время как мировая экономика в среднем — на 3,7%, при том, что в Китае этот рост будет измеряться 6,6% и 2,5% в США. Все это остро ставит вопрос о многих параметрах развития, среди которых рациональное решение проблем трудовых отношений, занятости трудоспособного населения, роста производительности труда занимают ключевую роль.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАНЯТОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА

С января 2017 г. Росстат проводит выборочное обследование рабочей силы среди населения в возрасте 15 лет и старше. По итогам обследования в январе 2017 г. **численность рабочей силы** составила 76,1 млн человек, или 52% от общей численности населения страны, в их числе 71,8 млн человек были заняты в экономике и 4,3 млн человек не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной Организации Труда они классифицируются как безработные). Уровень занятости населения в возрасте 15 лет и старше сложился в размере 59,1%, уровень безработицы — 5,6%. В государственных учреждениях службы занятости населения зарегистрированы в качестве безработных 0,9 млн человек.

До 2017 г. обследовалось население в возрасте 15–72 лет. В целях продолжения динамического ряда последующая информация приводится по численности и составу рабочей силы в указанном возрасте.

По данным выборочного обследования рабочей силы, проведенного по состоянию на вторую неделю января 2017 г., **уровень занятости населения** экономической деятельностью (доля занятого населения в общей численности населения в возрасте 15–72 лет) составил 65,0%.

Таблица 1

Динамика численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет

Временной интервал	Рабочая сила		В том числе				Уровень безрабо- тицы, %	Безработные,		Уровень зарегист- рирован- ной без- работицы (на конец месяца), %
	млн человек	в % к со- ответствую- щему периоду предыду- щего года	занятые		безработные			зарегистрированные в государственных учреждениях службы занятости на- селения (на конец месяца)	млн человек	
			млн человек	в % к соот- ветствующе- му периоду предыдуще- го года	млн человек	в % к соот- ветствующе- му периоду предыдушего года				
2016 г.										
Январь	75,8	99,8	71,3	99,4	4,4	106,2	5,8	1,0	110,1	1,3
Февраль	75,9	100,2	71,5	100,2	4,4	100,4	5,8	1,1	108,0	1,4
Март	76,1	100,0	71,6	99,9	4,6	101,4	6,0	1,1	106,0	1,4
I квартал (в среднем за месяц)	76,0	100,0	71,5	99,8	4,5	102,6	5,9	1,0	108,0	1,4
Апрель	76,3	100,3	71,8	100,2	4,5	102,3	5,9	1,1	103,8	1,4
Май	76,5	99,4	72,2	99,3	4,3	100,3	5,6	1,0	100,5	1,3
Июнь	76,9	100,5	72,7	100,4	4,2	102,1	5,4	1,0	99,4	1,3
II квартал (в среднем за месяц)	76,6	100,1	72,2	100,0	4,3	101,5	5,7	1,0	101,2	1,3

Июль	77,3	100,1	73,1	100,0	4,1	101,4	5,3	0,9	96,9	1,2
Август	77,5	100,1	73,5	100,2	4,0	99,3	5,2	0,9	95,0	1,2
Сентябрь	77,1	100,2	73,1	100,2	4,0	99,6	5,2	0,9	93,8	1,1
III кварта л	77,3	100,1	73,2	100,2	4,1	100,1	5,3	0,9	95,3	1,2
(в среднем за месяц)										
Октябрь	76,6	99,8	72,5	100,0	4,1	96,4	5,4	0,8	91,5	1,1
Ноябрь	76,7	100,2	72,6	100,6	4,1	92,8	5,4	0,8	90,1	1,1
Декабрь	76,9	100,2	72,8	100,6	4,1	92,7	5,3	0,9	89,4	1,2
IV кварта л	76,7	100,0	72,6	100,4	4,1	93,9	5,4	0,9	90,3	1,1
(в среднем за месяц)										
Год	76,6	100,1	72,4	100,1	4,2	99,5	5,5	1,0	98,8	1,2
(в среднем за месяц)										
2017 г.										
Январь	75,9	100,2	71,6	100,4	4,3	96,8	5,6	0,9	88,2	1,2

**Динамика уровня занятости населения
в возрасте 15–72 лет (в %)**

Временной интервал	Уровень занятости					Удельный вес женщин в численности занятого населения
	всего	мужчины	женщины	город	село	
2016 г.						
Январь	64,7	70,6	59,5	66,6	59,1	48,6
Февраль	64,9	70,5	59,9	66,7	59,3	48,7
Март	64,9	70,5	59,9	66,7	59,6	48,8
Апрель	65,1	70,8	60,0	67,0	59,5	48,7
Май	65,5	71,3	60,4	67,2	60,5	48,7
Июнь	65,9	72,0	60,5	67,2	62,0	48,5
Июль	66,4	72,7	60,7	68,0	61,5	48,4
Август	66,6	72,5	61,4	68,1	62,2	48,7
Сентябрь	66,3	72,1	61,2	68,0	61,3	48,8
Октябрь	65,8	71,9	60,4	67,3	61,4	48,5
Ноябрь	65,9	72,0	60,4	67,4	61,2	48,5
Декабрь	66,0	72,0	60,7	67,7	60,8	48,6
2017 г.						
Январь	65,0	70,9	59,8	67,3	58,0	48,6

В 2016 г. в общей численности занятого в экономике населения 32,6 млн человек, или 45,1% составляли штатные (без учета совместителей) работники организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. На условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекалось еще 1,4 млн человек (в эквиваленте полной занятости). Число замещенных рабочих мест работниками списочного состава, совместителями и лицами, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера, в организациях (без субъектов малого предпринимательства) в 2016 г. составило 34,0 млн человек и было меньше, чем в 2015 г., на 195 тыс. человек, или на 0,6%.

Таблица 3

**Динамика числа замещенных рабочих мест в организациях
(без субъектов малого предпринимательства)**

Замещенные рабочие места	2016 г.		Де-кабрь 2016 г., млн	В % к		Справочно		
	млн	в % к 2015 г.		дека-брю 2015 г.	нояб-рю 2016 г.	2015 г. в % к* 2014 г.	декабрь 2015 г. в % к	
							дека-брю 2014 г. ¹⁾	ноябрю 2015 г.
Всего замещенных рабочих мест	34,0	99,4	34,0	99,7	100,1	98,3	97,6	100,0
в том числе: работниками списочного состава (без внешних совместителей);	32,6	99,5	32,5	99,7	100,0	98,6	97,9	99,8
внешними совместителями;	0,6	97,5	0,6	98,0	100,1	94,0	94,5	100,5
работниками, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера	0,8	98,5	0,9	97,4	106,1	89,9	91,3	107,7

* Показатели рассчитаны без учета сведений по Республике Крым и г. Севастополю.

Динамика числа замещенных рабочих мест в организациях
(без субъектов малого предпринимательства)
в % к соответствующему месяцу предыдущего года

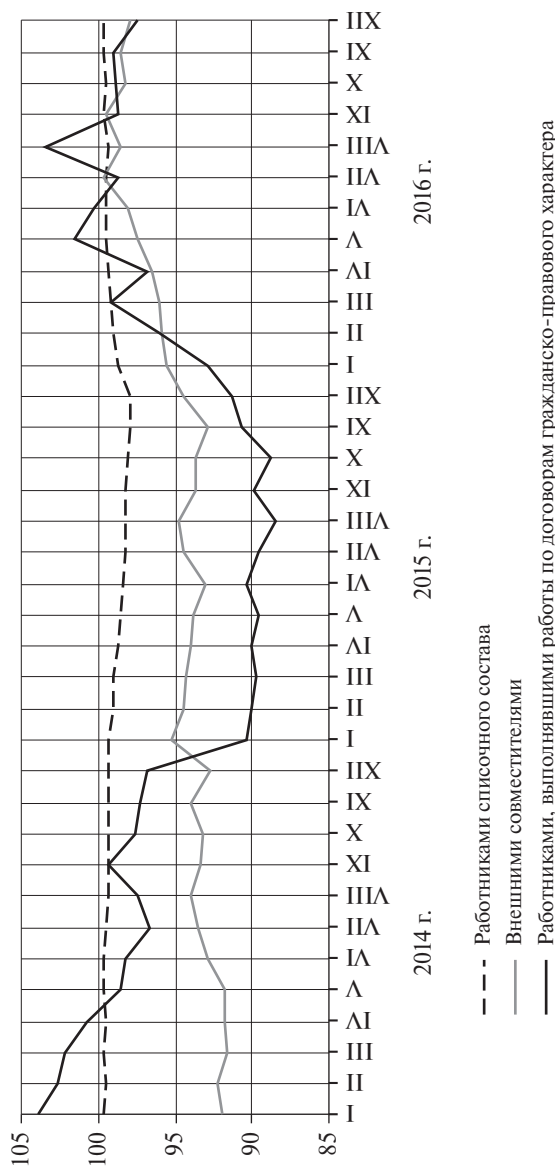

Рис. 1

В 2016 г. в общем количестве замещенных рабочих мест в организациях удельный вес рабочих мест внешних совместителей составлял 1,7%; лиц, выполнявших работы по гражданско-правовым договорам — 2,4%.

Таблица 4

**Число замещенных рабочих мест в организациях
по видам экономической деятельности
(без субъектов малого предпринимательства) в 2016 году**

Виды экономической деятельности	Всего	В том числе работниками			Число
	замещенных рабочих мест, тысяч	списочного состава (без внешних совместителей)	внешними совместителями	выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера	замещенных рабочих мест, в % к 2015 г.
Всего	34029,6	32632,9	591,3	805,4	99,4
из них:					
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1017,2	986,6	6,1	24,5	99,3
рыболовство, рыбоводство	33,0	32,1	0,4	0,5	104,7
добыча полезных ископаемых	895,0	887,2	2,1	5,8	100,8
в том числе:					
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	617,4	613,0	1,1	3,3	101,7
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	277,6	274,2	1,0	2,4	98,9
из нее добыча металлических руд	180,5	178,9	0,4	1,1	99,6
обрабатывающие производства	5493,3	5405,8	30,7	56,8	98,5
из них:					
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	892,2	877,5	4,9	9,8	100,2
текстильное и швейное производство	144,2	141,8	0,8	1,5	99,9
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	29,1	28,9	0,1	0,2	99,9

Таблица 4 (продолжение)

Виды экономической деятельности	Всего	В том числе работниками			Число
	замененных рабочих мест, тысяч	списочного состава (без внешних совместителей)	внешними совместителями	выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера	замененных рабочих мест, в % к 2015 г.
обработка древесины и производство изделий из дерева	129,0	126,2	0,5	2,3	99,8
целлюлозно-бумажное производство	171,7	157,2	1,9	12,6	97,6
в том числе: производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	80,7	79,7	0,3	0,7	100,5
издательская и полиграфическая деятельность, тиражирование записанных носителей информации	91,0	77,4	1,6	12,0	95,2
производство кокса и нефтепродуктов	120,4	119,8	0,2	0,4	101,2
в том числе: производство кокса	12,4	12,4	0,0	0,0	95,3
производство нефтепродуктов	107,9	107,4	0,2	0,4	101,9
химическое производство	346,8	340,7	1,8	4,2	102,9
производство резиновых и пластмассовых изделий	134,7	132,9	0,9	0,9	100,8
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	364,8	359,5	1,9	3,4	90,9
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	720,3	712,5	3,1	4,6	97,7
в том числе: металлургическое производство	432,0	429,5	1,0	1,5	97,1

Таблица 4 (продолжение)

Виды экономической деятельности	Всего	В том числе работниками			Число
	замененных рабочих мест, тысяч	списочного состава (без внешних совместителей)	внешними совместителями	выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера	замененных рабочих мест, в % к 2015 г.
производство готовых металлических изделий	288,2	283,0	2,1	3,1	98,5
производство машин и оборудования	493,8	486,0	3,4	4,4	96,5
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	638,5	625,5	6,6	6,3	99,6
производство транспортных средств и оборудования	902,0	895,2	2,8	4,0	97,4
прочие производства	116,7	114,7	0,8	1,2	98,1
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1619,4	1591,6	8,9	18,9	97,6
из них производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды из них:	1379,9	1357,8	7,1	14,9	97,2
производство, передача и распределение электроэнергии	686,0	676,7	2,5	6,8	99,1
производство и распределение газообразного топлива	161,3	159,0	0,6	1,7	99,1
Строительство	1073,2	1034,3	10,3	28,6	96,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2411,8	2353,5	21,1	37,1	103,7
в том числе:					
торговля автотранспортными средствами и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт	244,2	239,8	2,8	1,6	102,3
оптовая торговля, включая торговлю через агентов, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	719,1	688,9	11,4	18,8	104,6

Таблица 4 (окончание)

Виды экономической деятельности	Всего	В том числе работниками			Число
	замененных рабочих мест, тысяч	списочного состава (без внешних совместителей)	внешними совместителями	выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера	замененных рабочих мест, в % к 2015 г.
розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования	1448,5	1424,9	6,9	16,7	103,5
гостиницы и рестораны	388,4	374,7	5,8	7,8	106,2
транспорт и связь	3057,2	2984,5	14,7	58,0	98,7
из них:					
деятельность железнодорожного транспорта	624,5	614,4	0,5	9,6	95,7
транспортирование по трубопроводам	200,8	200,0	0,2	0,7	100,7
Связь	681,7	649,0	4,0	28,7	98,8
финансовая деятельность	1146,7	952,5	8,2	186,0	96,2
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2756,1	2610,6	65,8	79,6	103,4
из них:					
научные исследования и разработки	726,0	688,1	24,5	13,4	96,6
государственное управление и обеспечение военной безопасности;	3328,7	3249,1	10,4	69,2	98,1
Образование	5177,8	4872,9	223,4	81,5	98,9
здравоохранение и предоставление социальных услуг	4283,1	4080,8	119,7	82,6	99,4
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1348,2	1216,2	63,6	68,5	99,7
из них:					
деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	930,7	830,8	54,7	45,2	98,9

Использование рабочего времени. Средняя фактическая продолжительность рабочего дня в 2016 г. составила 7,03 часа и была выше, чем в 2015 г. на 0,4%.

Таблица 5

**Динамика фактической продолжительности рабочего времени
работников списочного состава организаций
(без субъектов малого предпринимательства)**

Временной интервал	Отработано в среднем на одного работника	Средняя продолжительность рабочего дня	Прирост (+), снижение (–) по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года, %	
	часов	часов	отработанного времени	средней продолжительности рабочего дня
2015 г.				
I квартал	407,6	7,41	–2,8	+0,7
I полугодие	835,6	7,20	–1,1	–0,1
Январь–сентябрь	1268,2	6,97	–1,0	–0,4
Год	1728,3	7,00	–0,9	–0,8
2016 г.				
I квартал	415,3	7,42	+1,9	+0,1
I полугодие	845,9	7,23	+1,1	+0,3
Январь–сентябрь	1279,6	6,99	+0,8	+0,3
Год	1736,8	7,03	+0,4	+0,4

Таблица 6

**Средняя фактическая продолжительность рабочего времени
работников списочного состава организаций
по видам экономической деятельности
(без субъектов малого предпринимательства)
в 2016 году**

Виды экономической деятельности	Отработано в среднем на одного работника, часов	Средняя продолжительность рабочего дня, часов
Всего	1736,8	7,03
из них: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1842,8	7,46

Таблица 6 (продолжение)

Виды экономической деятельности	Отработано в среднем на одного работ- ника, часов	Средняя продолжитель- ность рабочего дня, часов
рыболовство, рыбоводство	1910,7	7,74
добыча полезных ископаемых	1733,8	7,02
в том числе:		
добыча топливно-энергетических полез- ных ископаемых	1711,8	6,93
добыча полезных ископаемых, кроме то- пливно-энергетических	1783,2	7,22
из нее добыча металлических руд	1819,4	7,37
обрабатывающие производства	1713,7	6,94
из них:		
производство пищевых продуктов, вклю- чая напитки, и табака	1787,0	7,23
текстильное и швейное производство	1732,8	7,02
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	1728,9	7,00
обработка древесины и производство из- делий из дерева	1760,5	7,13
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятель- ность	1757,3	7,11
в том числе:		
производство целлюлозы, древесной мас- сы, бумаги, картона и изделий из них	1786,1	7,23
издательская и полиграфическая деятель- ность, тиражирование записанных носи- телей информации	1727,6	6,99
производство кокса и нефтепродуктов	1706,4	6,91
в том числе:		
производство кокса	1732,7	7,01
производство нефтепродуктов	1703,4	6,90
химическое производство	1728,8	7,00
производство резиновых и пластмассовых изделий	1718,6	6,96
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1701,0	6,89
металлургическое производство и произ- водство	1682,3	6,81
готовых металлических изделий		

Таблица 6 (продолжение)

Виды экономической деятельности	Отработано в среднем на одного работ- ника, часов	Средняя продолжитель- ность рабочего дня, часов
в том числе:		
металлургическое производство	1681,4	6,81
производство готовых металлических из- делий	1683,7	6,82
производство машин и оборудования	1696,1	6,87
производство электрооборудования, элек- тронного и оптического оборудования	1710,6	6,93
производство транспортных средств и оборудования	1665,9	6,74
прочие производства	1684,4	6,82
производство и распределение электро- энергии, газа и воды	1755,2	7,11
из них:		
производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	1755,1	7,11
из них:		
производство, передача и распределение электроэнергии	1732,2	7,01
производство и распределение газообраз- ного топлива	1755,6	7,11
Строительство	1720,9	6,97
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мо- тоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1740,3	7,05
в том числе:		
торговля автотранспортными средствами и мотоциклами,	1778,0	7,20
их техническое обслуживание и ремонт		
оптовая торговля, включая торговлю через агентов,	1753,0	7,10
кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами		
розничная торговля, кроме торговли авто- транспортными средствами и мотоцикла- ми; ремонт бытовых изделий	1727,8	7,00
и предметов личного пользования		
гостиницы и рестораны	1713,4	6,94

Таблица 6 (окончание)

Виды экономической деятельности	Отработано в среднем на одного работ- ника, часов	Средняя продолжитель- ность рабочего дня, часов
транспорт и связь	1733,4	7,02
из них:		
деятельность железнодорожного транспорта	1694,2	6,86
транспортирование по трубопроводам	1697,9	6,87
Связь	1735,6	7,03
финансовая деятельность	1727,0	6,99
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1750,1	7,09
из них:		
научные исследования и разработки	1732,6	7,01
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1769,8	7,17
Образование	1670,0	6,76
здравоохранение и предоставление социальных услуг	1781,6	7,21
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1758,1	7,12
из них:		
деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	1754,9	7,10

Прием, увольнение и неполная занятость работников организаций. Прием и увольнение работников. В IV квартале 2016 г. в организациях (без субъектов малого предпринимательства) численность выбывших работников превысила численность принятых работников на 163,7 тыс. человек.

По сведениям обследованных организаций в IV квартале 2016 г. было принято на работу 6,7% работников списочного состава, выбыло по различным причинам 7,2% работников списочного состава.

**Прием и выбытие работников по видам экономической деятельности
в IV квартале 2016 года**

Виды экономической деятельности	Принято работников		Из них на дополнительно введенные рабочие места		Выбыло работников		Из них			
							в связи с		по собственному желанию	
	тыс. человек	в % к спичисленности			тыс. человек	в % к принятым				
			тыс. человек	в % к принятым			тыс. человек	в % к спичисленности	тыс. человек	в % к выбывшим
	тыс. человек	в % к спичисленности			тыс. человек	в % к принятым				
Всего	2262,0	6,7	139,6	6,2	2425,7	7,2	86,9	3,6	1715,7	70,7
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	84,0	7,9	2,8	3,3	125,8	11,8	2,0	1,6	94,2	74,9
рыбоводство	8,2	21,5	0,1	1,4	9,9	26,1	0,1	0,8	4,8	47,8
добыча полезных ископаемых	48,9	5,2	3,3	6,6	68,3	7,2	1,1	1,6	36,2	53,1
обрабатывающие производства	313,8	5,7	16,9	5,4	360,4	6,6	11,2	3,1	246,9	68,5
из них:										
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	77,9	9,1	4,6	5,9	91,5	10,7	1,0	1,1	66,2	72,3
текстильное и швейное производство	8,4	7,7	0,5	5,5	10,2	9,4	0,1	0,6	8,6	84,2
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	2,5	8,8	0,1	3,0	2,4	8,6	0,0	0,2	1,9	79,0
обработка древесины и производство изделий из дерева	9,8	8,6	0,2	2,5	11,8	10,4	0,4	3,1	8,9	75,9

Таблица 7 (продолжение)

Виды экономической деятельности	Принято работников		Из них на дополнительно введенные рабочие места		Выбыло работников		Из них			
							в связи с		по собственному желанию	
	тыс. человек	в % к спичной численности	тыс. человек	в % к принятым	тыс. человек	в % к спичной численности	сокращением численности работников		тыс. человек	в % к выбывшим
							тыс. человек	в % к вы-бывшим		
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	9,2	5,4	0,4	4,7	10,4	6,2	0,3	3,3	7,5	72,1
	16,3	4,7	1,3	7,8	17,2	4,9	0,5	2,8	11,8	68,3
	8,9	6,6	0,3	3,1	11,0	8,2	0,1	1,0	9,2	83,7
	22,7	6,7	0,6	2,7	34,3	10,2	1,0	2,9	25,1	73,0
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	35,0	4,6	2,0	5,8	41,9	5,5	1,4	3,3	26,0	62,0
	26,0	5,5	1,4	5,5	30,5	6,5	1,3	4,3	19,8	65,1
	25,6	4,1	1,6	6,4	27,7	4,4	1,4	5,2	18,4	66,4

производство транспортных средств и оборудования	45,7	4,9	2,5	5,4	45,0	4,8	2,7	5,9	25,9	57,5
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	124,8	7,4	13,1	10,5	91,8	5,4	4,7	5,1	53,4	58,2
Строительство	111,7	11,2	6,9	6,2	162,2	16,3	2,4	1,5	123,9	76,4
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	358,6	14,0	21,2	5,9	309,8	12,1	3,0	1,0	263,8	85,2
гостиницы и рестораны	48,5	15,5	5,4	11,1	52,4	16,7	0,6	1,1	42,6	81,3
транспорт и связь	192,9	6,5	9,7	5,0	226,2	7,6	6,4	2,8	137,4	60,8
из них:										
деятельность железнодорожного транспорта	17,2	2,9	0,6	3,7	31,3	5,2	1,5	4,9	13,6	43,5
деятельность водного транспорта	3,4	7,2	0,1	2,8	8,6	18,1	0,1	1,6	5,6	64,7
деятельность воздушного и космического транспорта	3,0	4,6	0,1	2,8	3,9	6,0	0,2	6,0	2,0	52,1
Связь	68,2	9,4	2,2	3,2	69,7	9,6	1,5	2,1	39,9	57,3
финансовая деятельность	77,7	7,5	6,2	8,0	82,1	7,9	6,1	7,4	56,2	68,4
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	211,3	7,7	24,6	11,7	261,5	9,6	9,4	3,6	157,5	60,2
из них:										
научные исследования и разработки	27,7	3,5	3,5	12,6	29,7	3,8	1,0	3,4	18,4	61,8

Таблица 7 (окончание)

Виды экономической деятельности	Принято работников		Из них на дополнительно введенные рабочие места		Выбыло работников		Из них			
							в связи с		по собственному желанию	
	тыс. человек	в % к спичной численности	тыс. человек	в % к принятым	тыс. человек	в % к спичной численности	сокращением численности работников		тыс. человек	в % к выбывшим
							тыс. человек	в % к выбывшим		
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	161,0	4,9	16,6	10,3	173,2	5,3	24,6	14,2	97,9	56,5
	246,9	4,7	6,4	2,6	216,1	4,1	5,7	2,6	176,0	81,4
	186,3	4,4	2,5	1,3	196,5	4,6	7,4	3,8	160,1	81,5
	87,4	7,5	3,9	4,4	89,4	7,7	2,3	2,5	64,7	72,4
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг										
из них:										
деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	59,4	6,8	2,5	4,2	59,3	6,7	1,5	2,5	43,3	73,0

Распределение численности выбывших работников организаций
в IV квартале 2016 года

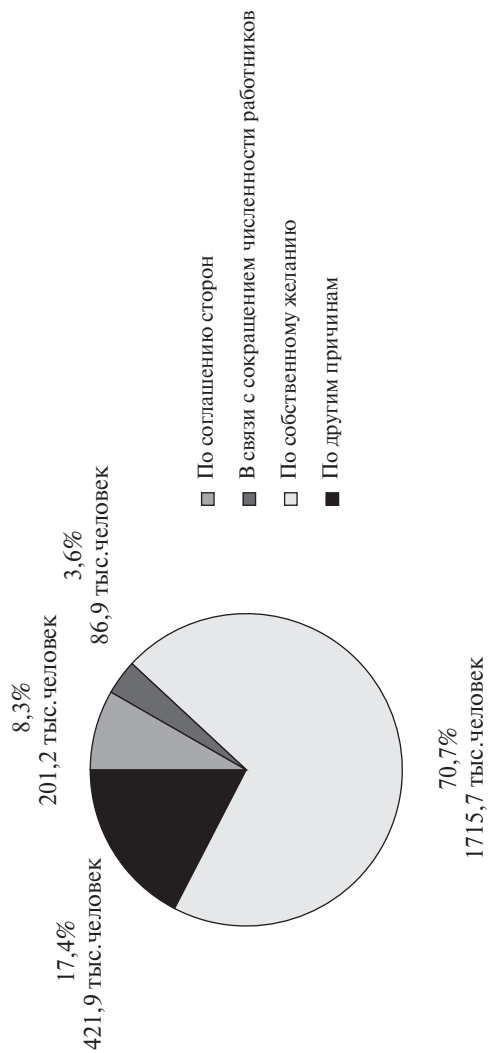

Рис. 2

Доля приема на дополнительно введенные рабочие места в общей численности принятых работников составила 6,2%, в том числе в организациях, занимающихся научными исследованиями и разработками – 12,6%.

В общей численности выбывших работников наибольший удельный вес (70,7%) составляют уволившиеся по собственному желанию.

Наибольшая доля работников, выбывших по собственному желанию (13,6% списочной численности), наблюдалась в гостиницах и ресторанах, наименьшая (2,2%) – в организациях железнодорожного транспорта.

На конец IV квартала 2016 г. численность требуемых работников на вакантные рабочие места составила 2,4% от списочной численности работников. По видам экономической деятельности этот показатель колеблется от 0,9% – в организациях образования до 5,2% – в организациях государственного управления и обеспечения военной безопасности; социального страхования.

Неполная занятость. В IV квартале 2016 г. из списочной численности работников 2,6% работали неполное рабочее время и 0,5% находились в простое.

**Численность работников, работавших неполное рабочее время,
по видам экономической деятельности в IV квартале 2016 года**

Виды экономической деятельности	Работали неполное рабочее время				Находились в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника		Имели отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника	
	по инициативе работодателя		по соглашению между работником и работодателем					
	тыс. человек	в % к списочной численности	тыс. человек	в % к списочной численности	тыс. человек	в % к списочной численности	тыс. человек	в % к списочной численности
Всего сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство рыболовство, рыбоводство добыча полезных ископаемых обрабатывающие производства из них:	111,7	0,3	765,0	2,3	182,8	0,5	2484,0	7,4
	2,6	0,2	10,5	1,0	3,1	0,3	79,2	7,4
	-	-	0,3	0,8	0,0	-	4,4	11,5
	3,3	0,3	2,6	0,3	17,6	1,9	66,3	7,0
	78,0	1,4	88,8	1,6	133,1	2,4	873,9	15,9
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака текстильное и швейное производство	0,8	0,1	7,1	0,8	10,7	1,2	121,2	14,2
	1,2	1,1	1,4	1,3	2,7	2,5	15,6	14,4

Таблица 8 (продолжение)

Виды экономической деятельности	Работали неполное рабочее время				Находились в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника		Имели отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника	
	по инициативе работодателя		по соглашению между работником и работодателем					
	тыс. человек	в % к спичисл-ности	тыс. человек	в % к спичисл-ности	тыс. человек	в % к спичисл-ности	тыс. человек	в % к спичисл-ности
обработка древесины и производство изделий из дерева	0,5	0,4	0,6	0,5	2,8	2,5	17,7	15,6
	0,5	0,3	4,0	2,4	1,8	1,1	18,0	10,7
	0,1	0,0	2,0	0,6	3,5	1,0	44,4	12,7
	3,3	2,5	1,7	1,3	7,3	5,4	19,3	14,3
	5,6	1,7	5,6	1,6	6,3	1,9	63,7	18,9
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	7,4	1,0	9,1	1,2	29,0	3,8	137,0	18,1
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий								

производство машин и оборудования	6,1	1,3	9,1	1,9	11,8	2,5	87,9	18,6
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	7,6	1,2	17,3	2,7	9,3	1,5	106,7	16,9
производство транспортных средств и оборудования	42,7	4,6	21,9	2,3	42,4	4,6	152,5	16,4
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,5	0,0	11,7	0,7	0,8	0,0	97,2	5,8
Строительство	4,1	0,4	15,8	1,6	8,0	0,8	159,3	16,0
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,6	0,1	46,4	1,8	2,7	0,1	165,2	6,5
гостиницы и рестораны	0,7	0,2	34,7	11,1	2,5	0,8	44,4	14,2
транспорт и связь	6,6	0,2	117,5	3,9	4,0	0,1	220,6	7,4
из них: деятельность железнодорожного транспорта	1,5	0,2	65,4	10,8	0,8	0,1	50,9	8,4
деятельность водного транспорта	0,1	0,3	0,3	0,6	0,1	0,1	6,5	13,7
деятельность воздушного транспорта	0,3	0,5	0,3	0,5	0,1	0,2	2,7	4,1
и космического транспорта	1,7	0,2	32,1	4,4	0,1	0,0	31,1	4,3
Связь	0,8	0,1	14,5	1,4	1,2	0,1	60,1	5,8
финансовая деятельность	6,2	0,2	90,2	3,3	3,3	0,1	221,0	8,1
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг								

Таблица 8 (окончание)

Виды экономической деятельности	Работали неполное рабочее время				Находились в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника			Имели отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника		
	по инициативе работодателя		по соглашению между работником и работодателем		в % к списочной численности		тыс. человек	в % к списочной численности		
	тыс. человек	в % к списочной численности	тыс. человек	в % к списочной численности	тыс. человек	в % к списочной численности				
							тыс. человек	в % к списочной численности	тыс. человек	в % к списочной численности
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,6	0,0	15,4	0,5	0,1	0,0	64,6	2,0		
	2,7	0,1	174,0	3,3	3,3	0,1	156,5	3,0		
	2,1	0,0	93,6	2,2	2,2	0,1	214,7	5,0		
	1,8	0,2	49,1	4,2	1,0	0,1	56,7	4,9		
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг										
из них: деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	0,9	0,1	42,0	4,8	0,5	0,1	34,6	3,9		

Численность иностранных трудовых мигрантов. По предварительным данным МВД России, численность иностранных граждан, **имевших действующее разрешение на работу**, на конец IV квартала 2016 г. составила 143,9 тыс. человек. В IV квартале 2016 г. получили разрешение на работу 21,0 тыс. иностранных граждан, из них большинство (91,5%) – на срок от 9 до 12 месяцев.

Наиболее крупными поставщиками рабочей силы из стран дальнего зарубежья в IV квартале 2016 г. являлись Китай, Корея (КНДР), Вьетнам, Турция, Сербия.

Из общей численности иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу, численность иностранных граждан-высококвалифицированных специалистов составила 41,3 тыс. человек, или 28,7%.

Численность иностранных граждан, имевших действующий патент на осуществление трудовой деятельности, на конец IV квартала 2016 г. составила 1543,4 тыс. человек. В IV квартале 2016 г. получили патент 322,1 тыс. иностранных граждан. Большинство (92,6%) иностранных граждан, имевших действующий патент на осуществление трудовой деятельности, являлись гражданами Узбекистана, Таджикистана, Украины.

Таблица 9

**Численность иностранных граждан,
осуществлявших трудовую деятельность в России
на конец IV квартала 2016 года, тыс. человек**

Страны	Имевших действующее разрешение на работу	Имевших действующий патент
Всего*	143,9	1543,4
из них из:		
государств-участников СНГ	25,0	1542,6
из них:		
Азербайджан	2,0	48,2
Армения	1,5	0,0
Казахстан	0,2	0,2
Киргизия	1,1	0,2
Республика Молдова	0,9	64,3
Таджикистан	8,3	393,4
Туркмения	0,5	—
Узбекистан	7,8	871,7
Украина	2,7	164,6
стран дальнего зарубежья	118,6	—
из них:		
Китай	40,5	—
Корея (КНДР)	29,1	—
Турция	9,9	—

*Включая лиц без гражданства; без трудящихся-мигрантов из Республики Беларусь.

Наибольшая численность иностранных трудовых мигрантов привлечена в экономику Москвы – 25,5%, Санкт-Петербурга – 12,0%, Московской области – 10,6%, Ленинградской области – 3,4%, Краснодарского края – 2,8%, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра – 2,5%, Свердловской области и Самарской области – по 2,4%, Иркутской области – 2,0%.

Основными участниками внешней трудовой миграции были мужчины, которые преобладали во всех возрастных группах. Доля мужчин среди иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу, составляла 83,2%; среди лиц, имевших действующий патент на осуществление трудовой деятельности – 85,5%. Среди женщин эти показатели составляли соответственно 16,8% и 14,5%.

Среди мужчин-трудовых мигрантов наибольший удельный вес приходился на возрастную группу 18–29 лет, среди женщин-трудовых мигрантов – на возрастную группу 30–39 лет.

Доля молодежи в возрасте от 18 до 29 лет среди иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность на основании действующих разрешений на работу, и среди иностранных граждан, имевших действующий патент на осуществление трудовой деятельности, составляла соответственно 19,2% и 40,8%.

Таблица 10

**Численность иностранных граждан,
осуществлявших трудовую деятельность в России, по полу
и возрастным группам на конец IV квартала 2016 года, тыс. человек**

Половозрастные группы	Имевших действующее разрешение на работу	Имевших действующий патент
Всего	143,9	1543,4
в том числе в возрасте, лет:		
18–29	27,6	630,4
30–39	40,7	452,0
40–49	46,9	320,0
50–59	25,4	130,1
60 и старше	3,3	10,9
Мужчины	119,7	1319,1
в том числе в возрасте, лет:		
18–29	21,3	571,1
30–39	33,4	376,8
40–49	39,7	257,5
50–59	22,5	105,4
60 и старше	2,9	8,4
Женщины	24,1	224,3

Таблица 10 (окончание)

Половозрастные группы	Имевших действующее разрешение на работу	Имевших действующий патент
в том числе в возрасте, лет:		
18—29	6,3	59,4
30—39	7,3	75,2
40—49	7,2	62,4
50—59	2,9	24,7
60 и старше	0,4	2,5

Основная часть иностранных граждан получила разрешение на работу для осуществления трудовой деятельности по профессиям рабочих строительства, занятых на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах (25,5%); по профессиям руководителей учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (служб) (14,4%); по профессиям специалистов в области естественных и инженерных наук (7,5%).

Таблица 11

**Распределение численности иностранных граждан,
имевших действующее разрешение на работу,
по профессиональным группам, тыс. человек**

Профессиональные группы	На конец IV квартала 2016 г.
Всего	143,9
в том числе:	
руководители учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (служб)	20,7
специалисты в области естественных и инженерных наук	10,8
специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности	2,8
средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности	3,0
работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности	2,5
продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды	0,7
квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства, лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию	3,6

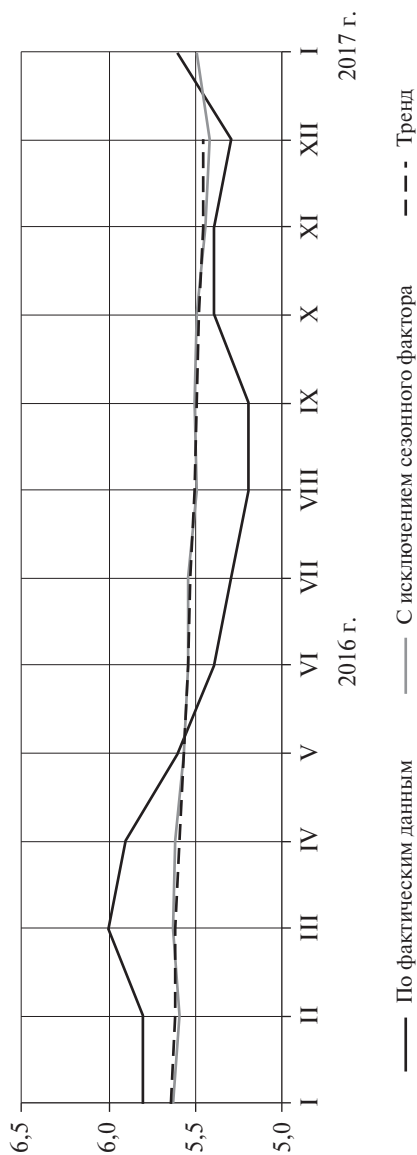
Таблица 11 (окончание)

Профессиональные группы	На конец IV квартала 2016 г.
рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах	36,7
рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	3,5
другие профессии квалифицированных рабочих промышленных предприятий	8,6
операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок	2,1
операторы, аппаратчики, машинисты промышленного оборудования и сборщики изделий	5,0
водители и машинисты подвижного оборудования	2,5
неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	6,5
иные профессионально-квалификационные группы	34,9

Безработица. В январе 2017 г., по итогам выборочного обследования рабочей силы, 4,3 млн человек в возрасте 15–72 лет классифицировались как безработные (в соответствии с методологией Международной Организации Труда). В государственных учреждениях службы занятости населения в качестве безработных было зарегистрировано 0,9 млн человек, в том числе 0,8 млн человек получали пособие по безработице.

Уровень безработицы в январе 2017 г. составил 5,6% (без исключения сезонного фактора).

Уровень безработицы¹⁾ населения в возрасте 15–72 лет
по методологии МОТ
в % от численности рабочей силы

1) Оценка данных с исключением сезонного фактора осуществлена с использованием программы "DEMETRA 2.2".
При поступлении новых данных статистических наблюдений динамика может быть уточнена.

Рис. 3

Средний возраст безработных в возрасте 15–72 лет в январе 2017 г. составил 36,9 года. Молодежь до 25 лет составляет среди безработных 19,8%, лица в возрасте 50–72 лет – 20,4%.

Средняя продолжительность поиска работы безработными в январе 2017 г. у женщин составила 7,9 месяца, у мужчин – 7,8 месяца.

Таблица 12

**Динамика численности безработных в возрасте 15–72 лет
по продолжительности поиска работы**

Временной интервал	Общая числен- ность безработ- ных, тыс. человек	Из них ищут работу, в % к общей числен- ности безработных						Среднее время поиска работы, месяцев
		менее 1 ме- сяца	от 1 до 3 меся- цев	от 3 до 6 меся- цев	от 6 до 9 меся- цев	от 9 до 12 меся- цев	12 ме- сяцев и более	
2016 г.								
Январь	4428	9,3	21,7	21,0	11,3	8,4	28,2	7,4
Февраль	4429	8,2	21,3	20,7	11,2	9,6	29,1	7,6
Март	4567	7,9	21,1	17,8	12,5	11,7	29,1	7,8
Апрель	4520	8,8	18,4	18,8	10,8	11,4	32,0	8,1
Май	4303	9,7	19,3	17,7	12,6	10,9	29,8	7,8
Июнь	4177	13,2	19,1	16,1	9,6	11,0	31,0	7,7
Июль	4125	16,6	18,5	15,3	9,0	10,9	29,8	7,4
Август	4037	10,4	23,5	15,8	9,8	10,9	29,6	7,6
Сентябрь	4018	9,7	23,7	16,1	10,2	10,5	29,8	7,6
Октябрь	4103	10,8	24,0	16,2	8,5	11,5	28,8	7,4
Ноябрь	4114	9,5	23,2	19,1	10,3	10,2	27,8	7,4
Декабрь	4103	10,3	19,2	20,3	10,5	10,0	29,8	7,6
2017 г.								
Январь	4288	9,1	19,9	19,6	10,3	9,6	31,5	7,8

Безработица в значительной степени является застойной. Из 1,6 млн безработных сельских жителей 37,5% находились в ситуации застойной безработицы (искали работу 12 месяцев и более), из 2,7 млн безработных городских жителей – 27,9%.

По данным проведенного обследования, в январе 2017 г. 27,9% безработных использовали в качестве способа поиска работы обращение в государственные учреждения службы занятости населения, 69,6% безработных – обращение к друзьям, родственникам и знакомым.

Численность не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в государственных учреждениях службы занятости насе-

ления. К концу января 2017 г. в государственных учреждениях службы занятости населения состояли на учете 1,1 млн не занятых трудовой деятельностью граждан, из них 0,9 млн человек имели статус безработного, в том числе 0,8 млн человек получали пособие по безработице.

Таблица 13

Динамика численности не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в государственных учреждениях службы занятости населения, на конец месяца (по данным Федеральной службы по труду и занятости)

Временной интервал	Численность не занятых трудовой деятельностью граждан, тыс. человек	Из них зарегистрированные безработные		
		тыс. человек	в % к	
			соответствующему периоду предыдущего года	преды- дущему периоду
2016 г.				
Январь	1217	1017	110,1	101,6
Февраль	1270	1070	108,0	105,2
Март	1267	1062	106,0	99,3
Апрель	1253	1056	103,8	99,4
Май	1193	1009	100,5	95,6
Июнь	1138	968	99,4	95,9
Июль	1111	945	96,9	97,6
Август	1079	909	95,0	96,2
Сентябрь	1029	862	93,8	94,8
Октябрь	1013	833	91,5	96,7
Ноябрь	1032	848	90,1	101,7
Декабрь	1021	895	89,4	105,5
Год (в среднем за месяц)	1135	956	98,8	
2017 г.				
Январь	1077	897	88,2	100,3

В январе 2017 г. получили статус безработного 113,7 тыс. человек, трудоустроено за месяц 49,4 тыс. человек. Размеры трудоустройства безработных были на 1,6 тыс. человек, или на 3,4% больше, чем в январе 2016 г.

В январе 2017 г. **нагрузка не занятого трудовой деятельностью населения**, зарегистрированного в государственных учреждениях служ-

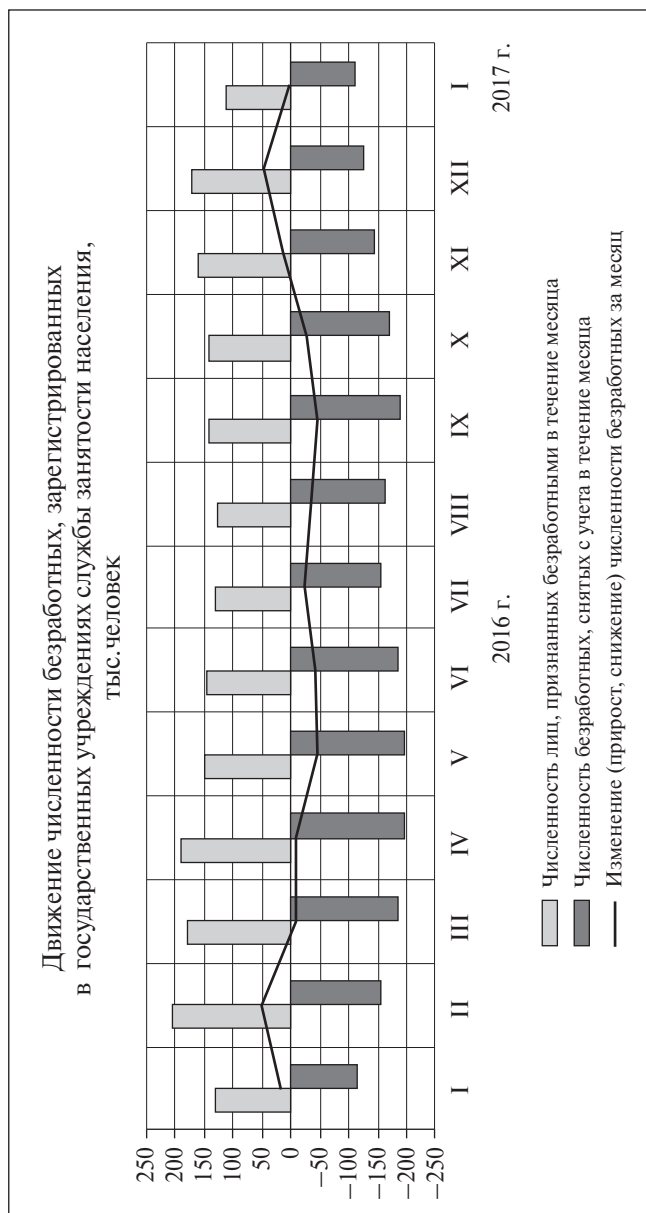

Рис. 4

бы занятости населения, на 100 заявленных вакансий составила 89,1 человека.

Таблица 14

**Динамика потребности работодателей в работниках,
заявленной в государственные учреждения
службы занятости населения, на конец месяца**

Временной интервал	Потребность рабо- тодателей в работниках, заявленная в государственные учреждения службы занятости населе- ния, тыс. человек	Нагрузка не занятого трудовой деятельно- стью населения на 100 заявленных вакансий		
		человек	в % к	
			соответству- ющему месяцу пре- дыдущего года	предыдущему месяцу
2016 г.				
Январь	1116	109,1	127,0	107,7
Февраль	1124	113,0	113,3	103,6
Март	1167	108,6	107,8	96,1
Апрель	1231	101,8	102,7	93,7
Май	1419	84,1	96,4	82,6
Июнь	1419	80,2	95,5	95,4
Июль	1426	78,0	90,7	97,3
Август	1407	76,7	89,0	98,3
Сентябрь	1406	73,2	87,2	95,4
Октябрь	1360	74,5	86,4	101,8
Ноябрь	1267	81,5	85,6	109,4
Декабрь	1176	86,8	85,7	106,5
2017 г.				
Январь	1208	89,1	81,7	102,6

В настоящем Приложении представлены данные социологических всероссийских исследований, проведенных автором, а также Институтом социологии РАН под руководством М.К. Горшкова. Эти данные характеризуют проблемы трудовой деятельности в широком смысле слова.

Часть 1

**Экономическое сознание населения России
(рук. Тощенко Ж.Т.)**

Опрошены 1201 человек в возрасте 18 лет и старше в 12 субъектах Российской Федерации по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности. Опрос проведен с 5 по 10 октября 2012 г. в Красноярском, Ставропольском, Хабаровском краях, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Челябинской областях, гг.Москва и Санкт-Петербург.

Данные приведены выборочно в процентах от общего количества опрошенных.

Как Вы оцениваете уровень своего материального положения?

Высокий, материальных затруднений нет	5,6
Сравнительно высокий, хотя некоторые покупки не по карману	24,6
Средний, денег хватает лишь на основные продукты и одежду	57,4
Денег не хватает на продукты и одежду	7,9
Очень низкий, живу в крайней нужде	1,7
Затруднились ответить	2,8

**Как Вы оцениваете степень своей защищенности
от возможных экономических потрясений и кризисов?**

Очень низкая	10,6
Низкая	27,0
Средняя	40,7
Относительно высокая	10,3
Высокая	5,2
Затруднились ответить	6,2

Опасаетесь ли Вы потерять нажитое Вами или Вашей семьей?

Очень опасаясь	21,9
Опасаясь, но не очень	36,5
Не опасаясь, так как ничего плохого не произойдет	28,7
Не опасаясь, так как нечего терять	10,0
Затруднились ответить	2,9

Есть ли угроза потери Вами нынешней работы?

Да, очень реальная	7,9
В определенной мере такая угроза существует	23,3
Потеря работы возможна, но маловероятна	33,5
Такой угрозы нет	30,1
Затруднились ответить	5,2

Если Вы опасаетесь потерять работу, каковы основные причины этого?
(Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Данные приведены в % от количества опасующихся потерять работу.)

Сокращение персонала (штата)	48,3
Ликвидация организации	25,3
Возрастные ограничения	20,3
Трудовой конфликт	17,9
Сложности в отношениях с начальством	17,9
Несоответствие профессиональной подготовки требованиям работы	12,5
Изменение производственного профиля организации	6,1
Другое	4,0

Что бы Вы предпочли в случае потери работы?

Трудоустройство на государственном предприятии	18,0
Трудоустройство на частном предприятии	13,6
Работу в любом месте за хорошую зарплату	46,0
Основал(а) бы индивидуальное предприятие или собственную фирму	9,9
Работу по частным заказам без официального оформления трудовым соглашением с работодателем или уполномоченными органами (например, строительные или ремонтные работы, извоз, бытовые услуги, репетиторство и т.д.)	5,2
Поиск работы в другой стране	2,2
Другое	0,9
Затруднились ответить	4,2

Что для Вас наиболее важно в работе, которой Вы заняты?
(Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания количества ответивших.)

Величина заработка	74,1
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	35,1
Условия труда	35,1
Полезность работы для общества	19,3
Близость предприятия (организации) к месту жительства	17,6
Возможность быть в коллективе	14,7
Возможность занимать определенное положение в обществе	14,2
Другое	1,4
Ничего важного в работе для меня нет	2,5
Затруднились ответить	2,4

В полную ли меру своих сил Вы работаете?

Да	58,0
Не всегда	32,9
Нет	5,6
Затруднились ответить	3,5

Если Вы будете работать с большей отдачей сил на основной работе, Ваш заработок увеличится?

Значительно увеличится	17,4
Немного увеличится	24,1
Не изменится	51,7
Затруднились ответить	6,8

А если, напротив, Вы будете работать с меньшей отдачей сил на основной работе, Ваш заработок уменьшится?

Значительно уменьшится	20,1
Немного уменьшится	23,5
Не изменится	44,4
Затруднились ответить	12,0

Приходится ли Вам для увеличения своего заработка работать дополнительно на основной работе или работать на стороне?

Да, регулярно	11,9
Довольно часто	12,1
От случая к случаю	26,6
Нет	49,4

Если Вы подрабатываете где-то по найму или занимаетесь частным предпринимательством, оформлена или нет дополнительная работа официально трудовым соглашением с работодателем или уполномоченными органами? (Данные приведены в % от количества подрабатывающих дополнительно.)

Всегда оформлена	20,2
Не всегда оформлена	26,0
Не оформлена	42,8
Затруднились ответить	11,0

Если Вы оказались в затруднительном (сложном) положении, к кому обратитесь в первую очередь за помощью? (Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания количества ответивших.)

К членам семьи, родным	74,2
К друзьям	49,1
К товарищам (коллегам) по работе	21,1
К руководителям предприятия (организации)	18,1
К местным органам власти	8,6
В профсоюзную организацию	8,2
В политическую партию	2,1
Другое	1,6

Как Вы оцениваете экономическое положение предприятия (организации), где работаете?

Хорошее	34,3
Есть сложности, но неплохое	40,2
Скорее плохое, чем хорошее	12,7
Очень плохое	2,6
Затруднились ответить	10,2

Как Вы оцениваете состояние дел в Вашей организации?

Показатели трудового климата	Улучшается	Ухудшается	Затруднились ответить
Организация труда	53,5	24,4	22,1
Санитарно-гигиенические условия	51,0	20,2	28,8
Трудовая дисциплина	53,3	23,4	23,3
Оплата труда	46,5	33,9	19,6
Социально-психологический климат	41,8	29,6	28,6

Чувствуете ли Вы себя хозяином на своем рабочем месте, в подразделении и в Вашей организации в целом? Имеется в виду Ваше желание беречь оборудование, успешно работать, заботиться о конкурентоспособности Вашей организации и др.

Микроклимат в организации	Да	Отча- сти	Нет	Не от- ветили
На своем рабочем месте	60,1	30,5	9,2	0,2
В подразделении (отделе, цехе и др.)	41,9	36,7	21,0	0,4
В своей организации	32,6	36,9	30,1	0,4

Насколько часто наблюдаются в Вашей организации следующие факты?

Состояние дел в организации	Часто	Редко	Такого нет	Не от- ветили
Изображение мнимой занятости	25,1	36,6	38,0	0,3
Деление работников на «своих» и «чужих»	22,4	33,0	44,3	0,3
Несправедливость в оплате труда	30,0	35,3	34,4	0,3
Выполнение «левых» заказов	8,8	25,4	65,3	0,5

Как Вы оцениваете нынешнее экономическое положение в России?

Хорошее	16,6
Есть сложности, но неплохое	29,5
Скорее плохое, чем хорошее	35,5
Очень плохое	10,7
Затруднились ответить	7,7

Какие из следующих обстоятельств, на Ваш взгляд, мешают экономическому развитию в нашей стране?

(Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания количества ответивших.)

Круговая порука и коррупция	48,4
Безнаказанность нарушителей законов	36,8
Ошибки в экономической политике	34,9
Бесхозяйственность	30,4
Административный произвол властей в управлении экономикой	24,6
Нехватка квалифицированных руководителей	18,7
Отсутствие условий для свободного предпринимательства	14,2
Монополизм производителей товаров и услуг	10,4
Уравниловка в оплате труда работников, занятых по найму	7,8
Влияние преступных группировок на экономику	7,4

Зависимость экономики от политических и идеологических догм	7,3
Превращение производства и сферы услуг в «богательню» для лентяев	4,8
Другое	0,7
Затруднились ответить	3,2

Как в принципе Вы оцениваете частный сектор производства товаров и услуг?

Очень хорошо, что он развивается	53,5
Лучше бы обходиться без него, но деваться некуда	19,1
Очень плохо, что он имеет место в нашей жизни	5,2
Затруднились ответить	22,2

Способствовал ли переход к рыночным отношениям изменению в лучшую сторону следующих экономических показателей?

Показатели	Да	Нет	Затруднились ответить
Укрепился авторитет честного труда	30,6	47,0	22,4
Преодолена уравниловка в оплате труда	32,6	44,7	22,7
Лучше используются природные ресурсы	22,2	54,2	23,6
Стали доступней товары и услуги	65,0	25,6	9,4
Укрепился рубль, снизилась инфляция	26,6	53,2	20,2
Снизилась тарифы услуг и цены на товары	13,7	75,0	11,3
Преодолена спекуляция и воровство	14,5	69,6	15,9
Улучшен контроль над доходами	24,7	52,6	22,7
Повысилось благосостояние населения	29,4	48,0	22,6

Или, наоборот, переход к рыночным отношениям обусловил следующие отрицательные следствия?

Следствия	Да	Нет	Затруднились ответить
Усилилась несправедливость в оплате труда	45,5	31,7	22,8
Усилилось расхищение природных ресурсов	54,5	21,1	24,4
Многие товары стали недоступными для обычных людей	40,6	44,8	14,6
Усилилась инфляция	52,9	23,1	24,0
Выросли тарифы услуг и цены на товары	78,1	12,1	9,8

Следствия	Да	Нет	Затруд- нились ответить
Появилась массовая безработица	40,7	27,8	31,5
Увеличилось число экономических пре- ступлений	56,4	17,6	26,0
Выиграли только богатые люди	54,3	20,4	25,3
Снизился уровень благосостояния на- селения	47,9	27,7	24,4

**Какие отрицательные явления в экономической жизни вызывают
у Вас особое беспокойство?**

*(Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было
выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания
количества ответивших.)*

Подкуп работников правоохранительных органов	53,5
Взяточничество	52,7
Блат	32,1
Обман	29,9
Рэкет, грабеж	17,6
Подпольное предпринимательство	14,2
Кражи на производстве	13,7
Махинации с акциями, ценными бумагами	12,5
Спекуляция	11,0
Другое	2,9

Ваш пол

Мужской	50,5
Женский	49,5

Ваш возраст

18—24 года	10,7
25—29 лет	13,4
30—39 лет	25,8
40—49 лет	25,5
50—59 лет	20,1
50 лет и старше	4,5

Ваше образование

Высшее или незаконченное высшее	39,2
Среднее специальное (техникум, профтехучилище и др.)	40,5
Полное среднее (средняя школа)	18,0
Неполное среднее, начальное	2,3

Занимаетесь ли Вы предпринимательской деятельностью?

Являюсь индивидуальным предпринимателем или учредителем фирмы	6,6
Занимаюсь предпринимательской деятельностью и одновременно работаю по найму	7,5
Не занимаюсь	85,9

К какому виду экономической деятельности относится Ваше предприятие по основному месту работы?

Промышленность	20,1
Сельское и лесное хозяйство, рыбоводство	6,7
Строительство	8,7
Транспорт и связь	8,3
Торговля, гостиницы и рестораны, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий	23,8
Здравоохранение, образование, предоставление социальных услуг, культура, искусство, наука	20,6
Государственное управление, обеспечение военной безопасности, социальное страхование, финансовая деятельность	11,4
Другое	0,4

Населенный пункт, в котором проведен опрос

Столичный, краевой или областной центр	52,5
Город, но не краевой или областной центр	24,9
Село, деревня	22,6

Форма собственности организации, в которой вы работаете

Государственная и муниципальная	32,3
Смешанная (государственно-частная)	7,2
Частная	60,5

Часть 2

Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы) (рук. Ж.Т. Тощенко)

Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны (21 населенном пункте) 25–30 октября 2014 г. с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форме собственности и трудовому стажу. Опросы проведены во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг Страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса — Москву и С.-Петербург. Выборка сегментируется пропорционально населению мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург), административных центров субъектов РФ, поселков городского типа, районных городов и сел (деревень). Далее были определены квоты по 10 социально-профессиональным группам населения (занятого, пенсионеров и студентов вузов) в соответствии с градацией, принятой Росстатом и с учетом их данных. Это основной признак, обеспечивающий репрезентативность мнений и точность данных, так как именно социальный и материальный статус влияет сильнее всего на вариацию ориентаций и установок населения. При использовании этого признака в группировке Росстата получаем точность опросов с погрешностью 1–1,5%.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР

1. Вы удовлетворены своей жизнью?

41,7 — Удовлетворены

17,6 — Не удовлетворены

40,7 — Бывает по-разному

2. Как Вы думаете, Ваша жизнь в ближайшем будущем улучшится?

37,4 — Улучшится

28,5 — Не улучшится

34,2 — Затруднились ответить

3. Что является наиболее важным для Вас в Вашей жизни?

(Дайте ответ в каждой строке)

Жизненные ценности	Очень важно	Не очень важно	Не важно	Затруднились ответить
1. Семья	95,0	4,1	0,7	0,1
2. Работа	69,4	20,0	8,5	2,1
3. Политика	16,2	49,8	33,4	0,6
4. Друзья	60,1	34,7	4,9	0,3
5. Культурный досуг	33,4	52,7	13,4	0,6
6. Религия	27,7	48,6	23,1	0,6
7. Здоровье	87,6	10,5	1,8	0,1
8. Общественное признание	24,8	47,8	26,7	0,7
Что еще? (любовь — 1, самовыражение — 1, помощь обществу — 1)				

...

7. Если Вы работаете (обучающиеся переходят к вопросу 8!), ответьте, пожалуйста, на вопрос: Какие проблемы в первую очередь Вас волнуют по месту работы (в вашей организации, учреждении)?
(Отметьте не более трех позиций)

22,7 — Неясность в оплате труда

7,9 — Нет нормальных отношений с руководством

6,6 — Работа не нравится (однообразный, неинтересный труд)

12,5 — Отсутствие льгот социальных, медицинского обслуживания

4,4 — Плохие взаимоотношения в коллективе

15,4 — Нет перспективы в работе, профессиональной карьере

19,7 — Опасение потерять работу

10,9 — Плохие условия труда

8,5 — Плохая организация труда

13,6 — Отдаленность работы от дома

4,6 — Что еще? (мало хороших работников — 1, кризис — 3, маленькая зарплата — 1)

30,9 — Не ответили

8. Планируете ли Вы свою жизнь?

30,1 — Планируют на 1–2 года

15,5 — Планируют на 3–5 лет

3,3 — Планируют на 6–10 лет

8,4 — Есть планы на всю жизнь

42,1 — Не планируют

0,7 — Затруднились ответить

9. По Вашему мнению, в каком направлении идут экономические реформы в России?

- 38,4 – В правильном направлении
 22,7 – В неправильном направлении
 38,9 – Затруднились ответить

10. Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, определяют сегодня социальное положение и престиж человека в нашем обществе?

(Можно выбрать несколько вариантов ответа)

- 67,0 – Владение деньгами, материальными или другими ценностями
 58,2 – Обладание властью или доступ к ней
 57,0 – Связи с нужными людьми
 19,0 – Личные достижения в образовании и профессиональной подготовке
 19,9 – Личные качества (ум, привлекательность, сила и др.)
 19,8 – Социальное положение семьи
 0,7 – Другое (что именно?)
 0,6 – Затруднились ответить

11. Насколько Вы удовлетворены своей работой?

- 18,1 – Полностью удовлетворены
 45,4 – В целом удовлетворены, но не во всем
 15,8 – Не удовлетворены
 20,7 – Не ответили

...

13. Укажите, пожалуйста, на приведенных числовых шкалах (от 1 до 10), каким Вы считаете свой социальный статус и материальное положение:

(Отметьте по одному числу в каждом из двух столбцов)

1. <u>Свое место в обществе</u>		2. <u>Свое материальное положение</u>	
<i>Высокое</i>	<u>Среднее значение 5,1</u>	<u>Среднее значение 4,5</u>	<i>Высокое</i>
10	1,9	0,8	10
9	2,1	0,9	9
8	6,6	3,7	8
7	10,3	8,0	7
6	17,8	11,9	6
5	27,0	27,2	5
4	15,4	15,4	4
3	11,1	19,2	3
2	4,4	8,2	2
1	3,1	4,5	1
Низкое			Низкое

14. Согласны ли Вы со следующими утверждениями?*(Выберите один ответ в каждой строке)*

Утверждения	Полностью согласны	Не совсем согласны	Не согласны	Затруд- нились ответить
1. Работа есть обязанность перед обществом	36,3	43,3	19,8	0,6
2. Работа должна занимать первое место в жизни человека	18,5	54,9	26,4	0,3
3. Способности человека могут проявиться только в работе	18,5	50,1	31,0	0,3
4. Любые деньги, полученные не за работу, преступные	18,2	44,0	37,1	0,7
5. Без работы человек становится лентяем, нахлебником	63,8	27,2	8,6	0,4
6. Если люди не хотят работать, пусть не работают	24,9	36,9	37,6	0,6

15. Как Вы считаете,**Ваше образование соответствует выполняемой Вами работе?**

36,6 – Соответствует полностью

26,6 – Частично соответствует

12,2 – Не соответствует

24,6 – Затруднились ответить

16. Из каких источников формируются Ваши доходы?*(Укажите, пожалуйста, все источники)*

70,3 – Заработная плата на основном месте работы

3,2 – Собственный бизнес

19,0 – Подработка, совместительство

26,3 – Пенсия

13,4 – Помогают родственники, друзья

2,2 – Сдают в аренду жилье, дачу, иную недвижимость

1,9 – Получают проценты от сбережений, акций

26,6 – Обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)

2,4 – Другое (*Стипендия – 8*)

17. Как изменилось за последние 3 года Ваше материальное положение?

- 29,0 – Улучшилось
- 18,4 – Ухудшилось
- 52,6 – Осталось без изменений

18. Как Вы считаете, справедливо ли оплачивается Ваш труд?

- 20,1 – Справедливо
- 39,6 – Не всегда справедливо
- 24,7 – Несправедливо
- 15,5 – Затруднились ответить

19. Приходится ли Вам для увеличения своего заработка работать дополнительно на основной работе или подрабатывать на стороне?

- 18,7 – Приходится регулярно
- 29,5 – Приходится, но нерегулярно
- 39,5 – Не приходится
- 12,3 – Не ответили

...

21. Как вы относитесь к людям, которые приезжают из других государств для работы в России?

- 15,4 – Следует разрешать работать всем, кто хочет
- 20,0 – Следует разрешать работать только тем, кто имеет профессию, специальность
- 35,0 – Следует установить лимит (ограничение) для рабочих-мигрантов
- 17,4 – Следует запретить привлечение рабочих-мигрантов из других государств
- 12,2 – Затруднились ответить

Часть 3

Сельская жизнь

Исследование проведено в августе 2015 г. во всех 9 федеральных округах в 22 областях, краях и республиках и в 71 селе (см. приложение к анкете), охвативших по всероссийской выборке 1000 человек

1. Вы удовлетворены своей жизнью?

- 44,8 – Удовлетворены
- 20,8 – Не удовлетворены
- 34,4 – Бывает по-разному

...

3. Как изменилось за последние 3 года Ваше материальное положение?

- 21,8 – Улучшилось
- 32,0 – Ухудшилось
- 45,5 – Осталось без изменений
- 0,7 – Не ответили

4. Хотели бы Вы уехать из села в город?

- 9,6 – Хотели бы, но только работать
- 20,0 – Хотели бы переехать в город жить постоянно
- 58,9 – Не хотели бы
- 11,5 – Затруднились ответить

5. Если Вы планируете уехать в город, то почему?*

(Укажите все основные причины)

- 41,9 – На селе (в деревне) нет никакой работы
- 29,7 – На селе (в деревне) нет работы по моей профессии
- 16,2 – На селе (в деревне) работа тяжелая
- 19,3 – На селе (в деревне) работа не интересная
- 63,2 – Здесь заработки низкие
- 4,1 – Нет школы
- 4,4 – Нет детского сада
- 11,1 – Нет условий для получения профессии
- 11,8 – Не могу устроить личную жизнь
- 33,8 – Скучно, негде отдохнуть, развлечься
- 18,2 – Имеются проблемы с медицинской помощью
- 1,4 – Нет торговых точек
- 4,7 – Нет организаций бытового обслуживания
- 13,9 – Имеется проблема с жильем
- 2,7 – Село (деревня) не газифицировано
- 21,3 – Плохие дороги
- 4,7 – Хотят организовать свой бизнес, но ничего не получается
- 3,0 – В селе (деревне) почти никого не осталось
- 5,4 – Другая причина (*Нет кружков, секций для детей – 3 ответа, нет перспектив для детей – 2 ответа, нет питьевой воды – 3 ответа, плохое транспортное сообщение – 3 ответа, необходима помощь детям в городе – 2 ответа*)
- 2,7 – Затруднились ответить
- ...

* Базу 100% расчета в вопросе № 5 составляют те респонденты, которые хотели бы уехать из села в город, т.е. 29,6% от общего числа опрошенных.

**8. По Вашему мнению, в каком направлении
идут экономические реформы в России?**

- 33,4 — В правильном направлении
- 30,8 — В неправильном направлении
- 35,8 — Затруднились ответить

**9. Получили ли Вы, Ваша семья земельный надел
(пай) во время реформы в 1990-х годах?**

- 32,0 — Получили (*Пожалуйста, укажите размер пая. В среднем 824,8 сотки*)
- 67,0 — Не получили
- 1,0 — Затруднились ответить

10. Каким образом Ваша семья распоряжается паем?

- 16,9 — Используется семьей только для семейных нужд
- 8,1 — Используется семьей для производства и продажи сельхозпродукции
- 19,7 — Сдается в аренду сельхозпредприятию
- 21,9 — Сдается в аренду фермерам, частным лицам
- 18,1 — Никак не распоряжаются
- 3,4 — Другое (*пай отобрали*)
- 10,3 — Продали
- 1,9 — Затруднились ответить

**11. Как используется земля сельскохозяйственного назначения
в Вашем селе, деревне за последние 5 лет?**

- 23,4 — Вся земля обрабатывается, как ранее
- 49,7 — Обрабатывается частично
- 25,1 — Земля в основном заброшена
- 1,8 — Не ответили

12. Каково Ваше основное занятие в настоящее время?

- 41,1 — Работают по найму официально, по трудовому договору
- 13,6 — Работают по найму без заключения официального трудового договора
- 3,4 — Занимаются предпринимательством, бизнесом
- 1,5 — Ведут свое фермерское хозяйство
- 2,4 — Самозанятость (имеют свое подсобное хозяйство)
- 10,6 — Временно не работают
- 5,3 — Учатся
- 21,5 — Находятся на пенсии
- 0,6 — Другое (*находятся на инвалидности — 3 ответа; занимаются домашним хозяйством*)

13. Где находится место Вашей работы?

- 59,3 – В том же селе, где живут
- 7,4 – В другом селе
- 28,9 – В близлежащем райцентре, в поселке, в городе
- 2,3 – Работают далеко от места жительства (вахтовым методом, сезонно)
- 2,1 – Не ответили

14. Вы работаете круглый год или временно, сезонно?

- 89,2 – Круглый год
- 9,0 – Время от времени, сезонно *(в среднем сколько месяцев в году? В среднем 6,9 месяца)*
- 1,8 – Не ответили

15. Как Вы охарактеризовали бы Ваше материальное положение?

- 2,0 – Живу в нищете
- 16,7 – Еле свожу концы с концами
- 54,9 – Хватает на еду и одежду, в остальном приходится экономить
- 24,4 – Могу себе позволить покупку холодильника, компьютера..., но не более
- 1,5 – Могу себе позволить крупные расходы (квартира, дом, машина...)
- 0,5 – Не ответили

16. Из каких источников формируются Ваши доходы?

(Укажите, пожалуйста, все источники)

- 64,9 – Заработная плата
- 30,3 – Собственное хозяйство
- 13,6 – Подработка, совместительство
- 31,4 – Пенсия
- 17,2 – Помогают родственники, друзья
- 1,3 – Сдаю в аренду жилье, дачу
- 1,5 – Получаю проценты от сбережений, акций
- 48,0 – Обеспечиваю себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)
- 0,0 – Другой источник *(какой? пожалуйста, напишите)*
- 1,6 – Стипендия
- 2,3 – Детские пособия
- 0,4 – Не ответили

17. Если у Вас есть личное хозяйство, то как Вы используете продукцию?

- 48,3 – Только для своей семьи и родственников
- 12,8 – В основном для семьи и немного для продажи

- 5,2 — Примерно половину продаем, а половину оставляем себе
- 3,0 — Большую часть продукции продаем
- 27,7 — Нет личного хозяйства
- 3,0 — Не ответили
- ...

20. Ваша семья могла бы прожить только за счет своего хозяйства?

- 7,4 — Да, вполне
- 21,6 — Трудно, но можно
- 62,3 — Нет
- 8,7 — Затрудняюсь ответить

Часть 4

ЖИЗНЕННЫЙ МИР (Как живешь, интеллигенция?) (рук. Тощенко Ж.Т.)

N = 1350

Объекты проведения исследования (всего 14) выбраны как типичные для основных территориально-экономических регионов Российской Федерации, а также два мегаполиса: Москва, Санкт-Петербург, Новгородская, Архангельская, Ярославская, Воронежская области, Владимир, Нижегородская область, Ставропольский край, Республика Крым, Свердловская, Новосибирская области, Красноярский и Хабаровский края.

Обследованы 3 группы представителей интеллигенции: занятые в сфере образования, занятые в сфере здравоохранения, занятые в сфере культуры.

Наличие статистических данных по перечисленным группам интеллигенции позволили рассчитать параметры квот, которые легли в основу персонального интервью респондентов, проведенного профессиональными интервьюерами.

...

**6. Если Вы работаете, ответьте, пожалуйста, на вопрос:
Какие проблемы в первую очередь Вас волнуют по месту работы
(в вашей организации, учреждении)?
(Отметьте не более трех позиций)**

- 30,0 — Неясность в оплате труда
- 11,5 — Нет нормальных отношений с руководством
- 2,8 — Работа не нравится
- 10,0 — Отсутствие социальных льгот, медицинского обслуживания
- 4,7 — Плохие взаимоотношения в коллективе

- 18,9 – Нет перспективы в работе
- 33,3 – Опасение потерять работу
- 8,7 – Плохие условия труда
- 10,8 – Плохая организация труда
- 15,2 – Отдаленность работы от дома
- 1,1 – Что еще? (*Постоянные реформы – 2, двойная мораль, недостаточное финансирование – 3*)
- 4,1 – Низкая зарплата
- 8,8 – Затруднились ответить

7. Где вы работаете? Каково основное место работы?

- 78,7 – Государственное учреждение
- 20,0 – Частное, коммерческое
- 1,0 – Индивидуальная деятельность
- 0,2 – Другое (*Разовые, Временные контракты – 2*)

8. Насколько Вы удовлетворены своей работой?

- 22,7 – Полностью удовлетворены
- 65,8 – В целом удовлетворены, но не во всем
- 11,5 – Не удовлетворены

9. Как Вы считаете, Ваша квалификация соответствует выполняемой Вами работе и занимаемой Вами должности?

- 72,8 – Соответствует занимаемой должности
- 16,1 – Должность ниже моих возможностей
- 3,3 – Квалификации не хватает для выполнения работы в полном объеме
- 7,8 – Квалификация позволяет претендовать на более высокие должности

10. Что для Вас наиболее важно в работе, которой Вы заняты? (*Можно выбрать несколько вариантов ответа*)

- 58,9 – Величина заработка
- 38,7 – Чтобы работа была интересной по своему содержанию
- 43,6 – Условия труда
- 30,1 – Полезность работы для общества
- 18,4 – Близость работы к месту жительства
- 16,5 – Возможность быть в коллективе
- 9,5 – Возможность занимать определенное положение в обществе
- 0,8 – Другое (*Самореализация – 3*)
- 23,6 – В работе все важно для меня
- 0,7 – Затруднились ответить

11. Как оформлены у вас трудовые отношения?

- 67,5 – Бессрочный договор
6,4 – Срочный договор (до 1 года)
21,7 – Срочный договор (от 1 и более года)
2,4 – Временный договор (несколько недель или месяцев)
2,1 – Без оформления договора

12. Собираетесь ли Вы и дальше оставаться на своей нынешней работе или собираетесь уйти с нее?

- 69,3 – Собираются остаться
6,1 – Собираются уйти
14,0 – Ушли бы, но некуда
10,6 – Не знают

...

14. Укажите, пожалуйста, на приведенных числовых шкалах (от 1 до 10), каким Вы считаете свой социальный статус и материальное положение:

(Отметьте по одному числу в каждом из двух столбцов)

1. Свое место в обществе

Высокое

1,0
2,7
8,1
10,1
19,3
30,9
16,6
8,8
1,5
0,9
<i>Низкое</i>

2. Свое материальное положение

Высокое

0,0
1,1
3,6
6,2
14,1
25,2
22,3
18,0
7,0
2,5
<i>Низкое</i>

15. Из каких источников формируются Ваши доходы?

(Укажите, пожалуйста, все источники)

- 99,0 – Заработная плата на основном месте работы
1,6 – Собственный бизнес
40,0 – Подработка, совместительство
10,2 – Пенсия
11,3 – Помогают родственники, друзья
5,3 – Сдают в аренду жилье, дачу, иную недвижимость
5,2 – Получают проценты от сбережений, акций
26,4 – Обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)
0,7 – Другое (Алименты – 8)

16. Как Вы считаете, справедливо ли оплачивается Ваш труд?

- 21,8 – Справедливо
41,2 – Не всегда справедливо
30,1 – Несправедливо
6,9 – Затруднились ответить

17. Каков примерный среднемесячный доход на каждого члена Вашей семьи? В доход включаются все виды доходов и исключаются выплачиваемые алименты и налоги.

Для расчета необходимо просуммировать все доходы членов семьи и разделить их на общее число членов семьи, включая детей

Среднее значение 24076,0 рублей

18. Какие условия жизни гарантирует Вам семейный бюджет?

- 2,4 – Могут себе позволить любые крупные расходы (квартира, дом, машина...)
32,1 – Живут в достатке, но крупные расходы не могут себе позволить
43,9 – Хватает в основном на еду и одежду, на остальном приходится экономить
17,7 – Живут от зарплаты до зарплаты
3,9 – Еле сводят концы с концами, экономят на всем

Часть 5

Жизнь на пенсии (рук. Тощенко Ж.Т.)

Опрос проведен в 8 регионах страны в сентябре 2015 г. Число опрошенных – 900.

Таблица 1

Если говорить в целом, Ваша жизнь стала лучше или хуже после выхода на пенсию?	Даль-ний Вос-ток	Мо-сква	По-вол-жье	Респу-блики Север-ного Кавказа	Си-бирь	Урал	Цен-траль-ная Россия (не Москва)	Юг Рос-сии	Общий итог
Лучше	7	21	23	8	17	16	25	16	17
Хуже	60	39	47	55	54	52	45	54	49
Осталась прежней	28	37	25	34	26	27	26	25	29
Затрудняюсь ответить	5	5	5	3	3	5	4	5	4
Общий итог	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 2

Если Ваша жизнь улучшилась после выхода на пенсию, то в чем?	В натуральных величинах	В % от числа ответов	В % от числа опрошенных
Больше возможности уделять внимание себе, своему здоровью	61	24	40
Уделяю больше внимания семье, близким	56	22	37
Стало спокойнее, меньше стрессов, ответственности	57	23	37
Больше возможности заниматься любимым делом	28	11	18
Затрудняюсь ответить	6	2	4
Другое	43	17	28
Общий итог	251	100	164

Таблица 3

Если Ваша жизнь ухудшилась после выхода на пенсию, то в чем?	В натуральных величинах	В % от числа ответов	В % от числа опрошенных
Маленькая пенсия, материальные трудности	377	58	85
Скука, недостаток общения	55	9	12
Ухудшение здоровья	183	28	41
Затрудняюсь ответить	4	1	1
Другое	26	4	6
Общий итог	645	100	145

Таблица 4

Что больше всего Вас тревожит (пугает) в нынешней жизни?	В натуральных величинах	В % от числа ответов	В % от числа опрошенных
Болезни	74	22	28
Беспомощность, опасность быть обузой для близких	20	6	8
Одиночество	13	4	5
Бедность, нужда	31	9	12
Неопределенность, нестабильность	58	17	22
Старости не боюсь	40	12	15
Не задумывался над этим	38	11	14
Затрудняюсь ответить	9	3	3
Другое	56	17	21
Общий итог	339	100	128

Таблица 5

Вы сейчас работаете?	В % от числа опрошенных
Да	20
Нет	80
Общий итог	100

Таблица 6

Вы сейчас работаете?	Дальний Восток	Москва	Поволжье	Республики Северного Кавказа	Сибирь	Урал	Центральная Россия (не Москва)	Юг России	Общий итог
Да	26	25	14	16	17	22	30	9	20
Нет	74	76	86	84	83	78	70	91	80
Общий итог	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 7

Почему Вы продолжаете работать на пенсии?	В натуральных величинах	В % от числа ответов	В % от числа опрошенных
Недостаточный размер пенсии	135	50	74
Стремление материально помочь детям, внукам	40	15	22
Желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе	19	7	10
Привычка работать	27	10	15
Интерес к работе, желание работать	46	17	25
Затрудняюсь ответить	0	0	0
Другое	4	1,5	2
Общий итог	271	100	148

Таблица 8

Если Вы в настоящее время не трудитесь, согласитесь ли Вы работать, если Вам поступит такое предложение?	В % от числа опрошенных
Да	24
Нет	4
Затрудняюсь ответить	72
Общий итог	100

Таблица 9

Из каких источников складываются Ваши доходы?	В натуральных величинах	В % от числа ответов	В % от числа опрошенных
Пенсия	881	62	98
Помогают дети	169	12	19
Помогают родственники, друзья	35	2	4
Подработка, совместительство	75	5	8
Сдаю в аренду жилье, дачу, иную недвижимость	2	0	0
Проценты от банковских вкладов (сбережений), акций	12	1	1
Заработная плата на основном месте работы	111	8	12
Собственный бизнес	3	0	0
Обеспечиваю себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)	113	8	13
Другое	30	2	3
Общий итог	1431	100	159

Часть 6

О НАСУЩНЫХ ВОПРОСАХ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Шестая волна мониторинга Института социологии РАН,

апрель 2017

(рук. Горшков М.К.)

N = 4000

...

7. Как изменилось Ваше материальное положение за последний год?

(Дайте один ответ)

Материальное положение	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ (поселки городского типа)	Село
Улучшилось	8,3	9,2	14,8	9,6	11,3
Ухудшилось	41,1	37,4	33,1	37,5	31
Осталось без изменений	50,6	53,4	52,1	52,9	57,7

...

28. А как Вы оцениваете свои перспективы в этом плане на ближайший год? (Дайте один ответ)

Материальное положение (перспективы)	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ (поселки городского типа)	Село
Должны улучшиться	46,9	26,0	30,3	25,8	30,7
Скорее ухудшатся, чем улучшатся	24,0	21,7	25,6	21,3	23,8
Останутся без изменений	29,1	52,3	44,1	52,9	45,6

...

39. Что изменилось в Вашей жизни в настоящее время по сравнению с докризисным периодом 2010–2013 гг.? *(Отметьте все, что Вам подходит)*

	Улучшилась				Ухудшилась				Затруднились ответить						
	Мегало- лисы	Област- ные, кра- еспу- бликан- ские центры	Район- ные центры	ПГТ	Село	Мета- поли- сы	Област- ные, кра- еспу- бликан- ские центры	Район- ные центры	ПГТ	Село	Ме- гапо- лисы	Област- ные, кра- еспу- бликан- ские центры	Рай- он- ные цен- тры	ПГТ	Село
Изме- нения в жизни	18,9	30,7	32,9	22,1	28,5	23,1	19,5	17,8	14,6	18,2	58,0	49,7	49,3	63,3	53,3
	15,2	20,7	21,3	16,7	15	11,1	15,9	16,0	12,5	15,5	73,7	63,3	62,7	70,8	69,5
	11,5	17,0	18,8	12,9	19	38,8	36,4	38,5	42,5	33,8	49,7	46,6	42,6	44,6	47,2
	12,0	16,9	20,4	13,3	17,9	56,1	55,4	46,8	53,3	44,1	31,9	27,7	32,7	33,3	38
	13,2	22,0	19,1	10,8	13,9	13,4	14,9	12,5	14,2	11	73,4	63,1	68,5	75,0	75,2
разования															

6. Общая ситуация на работе	9,9	17,9	19,2	16,4	29,6	27,4	26,3		21,7	60,5	54,5			61,9	
7. Возможность получить необходимую медицинскую помощь и лекарства	8,8	14,6	12,1	8,8	9,9	43,6	38,1	35,6	37,5	32,1	47,6	47,2	52,4	53,8	58
8. Жилищная ситуация	16,6	22,1	22,9	19,2	18,2	10,9	16,5	16,3	14,6	14,1	72,5	61,4	60,7	66,3	67,7
9. Надежды и ожидания	20,3	21,9	21,8	16,7	21,1	47,6	40,3	34,9	40,4	29	32,1	37,9	43,3	42,9	49,9
10. Возможность отдыха в период отпуска	9,5	11,8	12,6	7,5	8,7	41,8	40,9	40,1	50,4	35	48,7	47,3	47,4	42,1	56,3
11. Жизнь в целом	14,3	24,9	25,4	15,8	27	39,3	40,8	35,4	38,3	32,3	46,4	34,3	39,2	45,8	40,8

Работа в Вашей жизни

46. Если Вы сейчас работаете, то сколько в среднем часов в неделю Вы тратите на работу, включая все виды приработков? (Дайте один ответ)

Время трудового дня в неделю в целом	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ	Село
В среднем	71,8	59,7	75,5	85,8	65,4
Не работают, так как находятся на пенсии (в том числе пенсии по инвалидности)	17,3	23,5	18,7	9,6	21,8
Не работают, так как находятся в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребёнком	0,2	0,1	0,3	0,8	3,6
Не работают, так как учатся в вузе	8,3	13,6	4,4	3,3	1,8
Не работают, так как учатся в среднем специальном учебном заведении	0,2	0,9	0,1	0,4	0,5
Не работают по иным причинам	2,1	2,2	1,0	85,8	6,8

47. Кем Вы работаете в настоящее время? (Работающие в нескольких местах указывают работу, на которой получают основной доход; работающие пенсионеры отмечают, кем они сейчас работают)

Профессия	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ	Село
Предприниматель, имеющий наемных работников	0	0,3	0,2	0,4	1,1
Руководитель, заместитель руководителя предприятия или учреждения	0,5	0,7	1,5	1,7	1,0
Руководитель среднего или низшего звена	0,9	3,7	1,6	2,9	3,6

Таблица (окончание)

Профессия	Мегало- полисы	Областные, краевые, рес- публиканские центры	Рай- онные центры	ПГТ	Село
Специалист на долж- ности, предполага- ющей высшее обра- зование, в том числе офицеры	25,2	22,1	19,7	15,4	10,7
«Самозанятый» (ИП) или имеющий чисто семейный бизнес	0,2	1,0	0,5	2,1	3,7
Служащий на долж- ностях, не требующих высшего образования (в том числе офисный работник, неофицер- ский состав силовых структур, лаборант, библиотекарь и т.п.)	12,0	4,6	9,7	10,8	11,1
Рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг (про- давец, приемщица химчистки и т.д.)	9,2	8,3	11,5	15,4	10,2
Рабочий (в том числе электрик, оператор станков, механизатор, водитель и т.д.) от 5 разряда	7,2	7,7	16,1	21,3	12,0
Рабочий (3—4 разряд)	13,9	8,0	8,8	8,8	4,4
Рабочий (1—2 разряд и без разряда)	2,8	2,9	5,6	7,1	7,0
Другое (<i>Творчество</i>)	0	0,3	0,2	0	0,5
В настоящее время не работают	28,2	40,3	24,5	14,2	34,6

48. Укажите, пожалуйста, тип собственности предприятия, где Вы работаете: (Дайте один ответ)

Тип собственности	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ	Село
Государственное	33,3	23,1	31,4	27,5	22,0
Приватизированное	22,6	14,5	21,8	14,2	16,5
Созданное в период с начала 1990-х гг. частное (включая фермеров)	12,2	15,0	13,9	25,4	15,6
Иное	3,7	7,1	8,4	18,8	11,3
В настоящее время не работают	28,2	40,3	24,5	14,2	34,6

49. Сколько примерно человек работает на этом предприятии? (Дайте один ответ)

Численный состав работающих	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ (поселки городского типа)	Село
	722	466	193	180	144

50. Если говорить о Вашей нынешней работе, то можете ли Вы сказать, что Вы: (Дайте один ответ)

Индивидуальная и коллективная активность	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ	Село
Способны повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия	4,4	6,2	5,5	5,4	7,7
Способны повлиять на принятие решений в масштабах Вашего подразделения	28,2	16,5	18,6	22,1	16,3
От Вашего мнения у Вас на работе практически ничего не зависит	39,3	37,0	51,4	58,3	41,4
В настоящее время не работают	28,2	40,3	24,5	14,2	34,6

51. Обеспечивает ли Вам работодатель (Отметьте все, что Вам подходит)

Услуги работодателя	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ	Село
Своевременную выплату заработной платы	66,5	53,3	61,1	73,8	51,6
Официальное оформление на работу по письменному трудовому контракту или по приказу	62,1	46,9	55,8	61,7	44,6
«Белую» зарплату	61,4	41,0	52,2	45,8	38,9
Оплату отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размерах	49,2	39,6	47,5	52,5	33,8
Оплату сверхурочных в случае их наличия	22,9	18,9	26,8	29,6	18,8
Дополнительные социальные блага (жилье, транспорт, медицинскую помощь, питание, ссуды и т.п.)	6,9	5,9	7,0	5,0	4,3
В настоящее время не работают	28,2	40,2	24,7	14,2	34,6

52. Оказывались ли Вы за последние три года (включая нынешний момент) в ситуации, когда Вы нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд?

Не работали и не учились	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ	Село
Да	36,3	51,0	36,1	32,5	48,6
Нет	61,2	47,7	61,3	62,9	48,5
Не ответили	2,5	1,3	2,6	4,6	2,9

53. Насколько Вы удовлетворены (Дайте один ответ по каждой строке)

Степень удовлетворенности	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ (поселки городского типа)	Село
1. Содержанием своего труда (работа интересная)					
Да	28,0	41,9	41,9	39,8	38,5
Отчасти	59,5	45,2	45,6	46,1	46,8
Нет	7,1	11,2	10,7	13,1	12,6
Это не важно	5,5	1,6	1,8	1,0	2,2
2. Условиями труда					
Да	43,1	42,8	39,3	36,4	38,1
Отчасти	48,9	44,1	45,2	52,9	45,4
Нет	8,0	12,5	14,1	10,7	14,9
Это не важно	0	0,6	1,4	0	1,5
3. Оплатой своего труда					
Да	23,2	21,3	23,3	14,1	27,4
Отчасти	54,0	45,8	42,6	47,6	38,5
Нет	22,5	32,4	33,5	38,3	33,7
Это не важно	0,3	0,4	0,5	0	0,5
4. Своими возможностями сделать карьеру					
Да	10,6	19,5	24,9	19,4	20,6
Отчасти	50,5	37,6	37,0	36,4	34,2
Нет	28,9	33,3	29,4	36,4	29,4
Это не важно	10,0	9,7	8,6	7,8	15,9
5. Стабильностью своей работы					
Да	44,4	44,4	44,5	37,4	42,8
Отчасти	47,3	38,5	40,1	42,2	38,5
Нет	8,4	16,3	14,3	19,4	17,2
Это не важно	0	0,9	1,2	1,0	1,5

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов Н.Н. 143, 155
Абалкин Л.И. 60
Аверин А.Н. 181, 187
Авраамова Е.М. 67, 74, 75, 76, 142, 155, 196, 207
Агеев Н. 27
Айдарова И.А. 124
Айрапетова Н. 186, 187
Алиев У. 270
Амбарова П.А. 115
Андрушак Г.В. 189, 207
Анисимов Р.И. 30, 64, 75, 108, 114, 119, 126
Антропов С. 159, 170
Ахмедиев А.Ш. 52, 54, 60, 100, 114
Ашин Г.К. 43, 44
- Бабурин С.Н. 174, 177
Балабанова Е.С. 40, 44
Бараненкова Т.А. 115, 219
Барсукова С.Ю. 52, 60, 113, 114
Бауман З. 35, 41, 44, 78
Беверидж У. 247
Бек У. 35, 44, 160, 170
Белоусов О.А. 42, 44, 160
Белых Н. 23
Беляева Л.А. 38, 48, 56, 60
Бенукидзе К. 143
Берендеева А.Б. 105, 114
Бернхем М. 34
Бессокирная Г.П. 115
Бизюков П. 43, 80, 87, 130, 139, 216, 219, 251, 252
Бирюков А.А. 77, 78, 80, 81, 87
Блинова Т.В. 207
Бляхер Л.Е. 241, 252
Бобков В.Н. 38, 48, 60, 62, 104, 115, 130, 131, 138, 158, 258, 270
Богомоллов О.Т. 17, 30, 233, 251
Бодрунов С.Д. 18, 22, 30
Болдырев Ю.Ю. 12
- Большакова О.А. 192, 207
Бондаренко Л.В. 20, 26, 30, 119, 126
Бородин И.И. 113, 114
Боуттке П. 156
Бочаров В.Ю. 71, 75
Бочарова Е.Б. 126
Брайер К.Х. 146, 155
Бреев Б.Д. 141, 144, 155
Брежнев Л.И. 123
Брутенц К. 14, 30
Брутер В.И. 14, 30
Бубнов И.Б. 159, 170
Бузгалин А.В. 18, 30
Булатова Г.А. 137, 139
Бурдые П. 41, 44, 79, 118
Бурлуцкая М.Г. 165, 170
Бусыгина И.М. 81, 87
Бутрин Д. 19, 30, 52, 60, 242, 252
- Валлерстайн И. 36, 37, 44
Ваннах М. 201, 207
Варшавер Е.А. 180, 187
Варшавская Е.Я. 188, 189, 192, 200, 207, 263, 270
Ваховский Е.В. 50, 62
Вебер М. 33, 44
Великий П.П. 74, 75, 119, 126, 144, 155
Веретенникова К. 212, 219
Верпаховская Ю.Б. 142, 155, 196, 207
Вередюк О.В. 48, 51, 61, 108, 114
Викулин Я.Н. 263, 270
Винтер Э. 128
Вислогузов В. 53, 61, 255, 270
Витковская Г.С. 188
Вишневская Н.Т. 111, 114
Вознесенская Е.Д. 207
Воеводина Т. 268, 270
Волков Ю.Г. 37, 44, 250, 252
Воловская Н.М. 83, 87, 108, 111, 114

- Воркман С. 128
 Воротников В.И. 20
 Восленский М.С. 36, 44
 Волох В.А. 171, 187
 Воробьев И.В. 176
 Вьяльшина А.А. 207
- Гайдар Е.Т. 20, 22, 30
 Гаман-Голутвина О. 43
 Гарифуллина А.Ф. 124, 126
 Гасюкова Е.Н. 87, 155, 156, 238, 239
 Герасимов Е.С. 130, 139
 Герчиков В.И. 192, 207
 Гидденс Э. 36, 44
 Гимпельсон В.Е. 42, 44, 48, 50, 51, 52, 61, 68, 75, 91, 92, 103, 115, 170, 219, 215, 262, 263, 270
 Гипш С. 242
 Глазьев С.Ю. 12, 17, 30, 84, 141
 Глезер В. 23
 Греф Г. 28
 Голенкова З.Т. 38, 43, 44, 48, 56, 61, 80, 87, 219, 220, 238
 Голиусова Ю.В. 41, 44, 87, 219, 220, 238
 Голодец О.Ю. 85, 87
 Гонтмахер Е.Ш. 40, 44, 56, 61, 86, 87
 Горбачева Т.Л. 91, 104
 Гордилова О.А. 144, 155
 Горц А. 35
 Горшков М.К. 12, 38, 40, 44, 48, 56, 61, 75, 108, 115, 158, 170, 228, 246, 252, 310, 333
 Гринберг Р.С. 12, 17, 30, 69, 75, 212, 215, 219, 245, 252
 Грэм Л. 27, 28, 30
 Гудков Л. 265, 270
 Гузанова А.К. 252
 Гурова М.И. 170
 Гуссерль Э. 219
- Давыдов А.П. 241, 242
 Дадаева Т.М. 86, 87
 Дарендорф Р. 36, 44
 Десягин М.Г. 12, 23, 25, 254, 255, 270
- Демушкина Е.А. 160, 170
 Денисова-Шмидт Е.В. 197, 207
 Дэн Сяопин 20
 Дерре Е. 82
 Дехант Д.К. 44, 45
 Джилаз М. 36, 44
 Дмитриев А.В. 143, 152, 155, 174, 187
 Дмитриева М.В. 148, 155
 Достоевский Ф.М. 64
 Дружилов С.А. 220, 239
 Дубровская Т.А. 114
- Ельцин Б.Н. 17, 20, 29, 30, 182, 184, 223, 254
 Евгеньева Т.В. 23, 30
 Емцов Р. 155
- Жвиташвили А.Ш. 40, 44
 Жидкевич Н.Н. 76, 127, 155, 156
- Загашвили В. 25, 30
 Зазулина М.Р. 127
 Зайончковская Ж.А. 188
 Зайцев Л.Н. 262, 270
 Закалюжная Н. В. 51, 61, 129, 136, 139
 Запесоцкий А.С. 12
 Заславская Т.И. 28, 30, 54, 56, 61, 112, 115, 232, 240
 Заусаева Я.Д. 127, 155, 156
 Захаров М.И. 105, 115
 Зборовский Г.Е. 106, 115
 Зиятдинова Ф.Г. 119, 127
 Зорькин В. 267, 270
 Зубок Ю.А. 198, 207
 Зудина А.А. 51, 61, 203, 204, 206, 207
 Зыбуновская Н.В. 250, 253
- Иванов С.Б. 212
 Иванова Н.С. 180, 187
 Ивахнюк И.В. 176, 187
 Ильин В.И. 36, 44, 123, 127
 Ильина М. 123, 127
 Иноземцева А.В. 87
 Исмаилов Т. 28

Истомин В. 84, 87, 127, 141, 155

Калугина З.И. 119, 127

Каменский А.Н. 171, 187

Капелюшников Р.И. 42, 48, 50, 51,
61, 89, 91, 92, 97, 98, 101, 103, 110,
115, 136, 139, 144, 155, 170, 215,
219

Капралова Н.Л. 123, 127

Карабчук Т.С. 51, 61, 90, 104

Кара-Мурза С.Г. 13, 31, 219, 227

Карасева Л.А. 123, 127

Карачаровский В.В. 87, 155, 156,
238, 239

Кастель Р. 56, 61

Кейнс Д.М. 34, 35, 44, 155

Келли У. 128

Кибанов А.Я. 144, 156

Кириенко С.В. 212

Киселев И.Я. 130, 136, 139

Кларк С. 131, 139

Клеман К. 47, 61, 170

Клопов Э.В. 111, 115

Ключарев Г.А. 191, 195, 196, 197,
198, 207

Ключников А. 267, 270

Козак Д.Н. 212

Козина И.М. 42, 45, 83, 87, 131, 134,
139

Кокин Ю.П. 57, 61

Коконцева А.А. 199, 207

Колганов А.И. 18, 30

Коленникова О.А. 252

Колодко Гж. 17

Коммандер С. 155

Константиновский Д.Л. 106, 115,
190, 191, 192, 207

Корабельников Б. 139

Кордонский С.Г. 42, 45, 72, 75

Коричелли Ф. 155

Коршунова Т. 137, 139

Космодемьянская З. 23

Коупленд Д. 85, 241, 251

Кочетов А.Н. 219

Кравченко С.А. 10, 31

Красинец Е.С. 176, 187

Краснушкина Н. 256, 257, 270

Кривенко И.А. 52, 61

Кривошапко Ю. 243, 252

Крылова М. 132, 140

Крыштановская О.В. 43, 45

Кубишин Е.С. 92, 104, 115, 219

Кудрин А.Л. 18, 19, 25, 149, 156, 214,
274

Кукса С. 139

Куликов Е. 257, 270

Курильченко Е. 270

Кучаева Е.И. 119, 127

Къеза Д. 13, 31

Кязимов К.Г. 111, 115

Лапаева В.В. 30, 31

Лапин Н.И. 27, 65, 31, 75, 95, 104,
112, 219, 230, 239, 265, 271

Лапкин В.В. 21, 26, 31

Ларрен Ф. 219

Лебедева К. 129, 140

Левашов В.К. 12, 21, 31, 230, 239

Лейн Д. 45

Леманн Х. 51

Ленин В.И. 33, 45

Леонов А. 139

Леонтьева Э.О. 197, 207

Лившиц А. 22, 31

Ли Куан Ю 20

Линецкий А.И. 22, 31

Лиходей О.А. 241, 252

Локосов В.В. 251, 252

Лоурен 214

Лушников А.М. 61, 91, 137, 140

Лушникова М.В. 61, 91, 137, 140

Любимов И. 66, 75

Макеева А. 83, 87

Малахов А. 84, 87, 184

Малева Т.М. 67, 74, 76, 153, 156

Малкова М.А. 126, 127

Малоун Т.У. 160, 170

Мальцева А.В. 43, 45

Мануйлова А. 49, 50, 55, 61, 81, 82,
151, 156, 204, 207, 212, 215, 216,
219, 259, 262, 266

Мареева С.В. 39, 45, 222, 231

Маркос Ф. 22

- Маркс К. 33, 36, 152, 168, 244, 252, 269, 273
 Мармер Э. 43, 45, 80, 87
 Масленникова Е.В. 71, 76
 Маслова И.С. 114, 115, 214, 219
 Матвеев М.А. 18, 29, 31, 254, 271
 Махатхир М. 20
 Махныткина О.В. 45
 Медведев Д.А. 27, 268
 Мелкумян А. 142, 155
 Мельник Е. 43, 80, 87
 Мельников В.П. 124, 127
 Механик А. 43, 80, 87, 145, 244, 252
 Милибанд Э. 251
 Минаева Л.А. 113, 114
 Митчелл Д. 251
 Михайлова М.Н. 43, 45, 92, 104
 Михеев В. 174, 187
 Мишина И. 268, 271
 Моисеенко В.М. 174, 187
 Моляренко О.А. 44, 45
 Мореханова М.Ю. 127
 Мосолова М.В. 141, 156
 Мукомель В.И. 173, 177, 178, 188
 Мурадова А. 159, 170
- Набиуллина Э.С. 17, 31
 Нагимова А.М. 193, 207
 Найденов А.С. 52, 61
 Негри А. 41
 Немировский В.Г. 42, 45
 Нефедова Т.Г. 119, 127
 Нечипуренко О.В. 119, 127
 Никитина М.В. 61, 90, 104
 Николаева Д. 54, 62, 260, 271
 Николаева Е.Е. 114
 Никулин А. 119, 127
 Нуреев Р.М. 100, 114
- Осейчук В.И. 26, 31
 Охотский Е.В. 43, 44
- Павленков В.А. 110, 115
 Павлова А.А. 99, 104
 Панищев А.П. 132, 140
 Панченко 194
- Паркин М. 36
 Передерин С.В. 62
 Пескова Д. 52, 62
 Петров В.Н. 176, 182
 Петухов В.А. 230, 232, 239
 Пикетти Т. 265, 271
 Пинк Д. 79, 157, 168, 169, 170
 Пинчук Д. 249, 253
 Плаксы В.И. 143, 156
 Платонов Д.В. 52, 62
 Плюснин Ю.М. 74, 76, 119, 127, 136, 144
 Плюснина Л.К. 87, 114
 Позаненко А.А. 76, 127, 156
 Покида А.Н. 54, 62, 250, 253
 Покровский Н.Е. 42, 119, 127
 Половинко 176, 187
 Поляков М. 212, 219
 Полякова Н.Л. 12, 31
 Понедельков А.В. 43, 45
 Пономарева Е.Г. 13, 31
 Попов Г.Х. 28, 31
 Попова Е.С. 112, 115, 191, 192, 207
 Попова И.П. 112, 115, 136, 145
 Портнягина М. 198, 207
 Притворова Т.П. 92, 104
 Приходько А.В. 136, 145
 Причитко Д. 156
 Прокопов Ф.Т. 153, 156
 Прудникова А.Е. 207
 Путин В.В. 121
- Радаев В.В. 40, 41, 45
 Райт Е.О. 78
 Ратай Т. 25, 31
 Резник Т.Е. 42, 45
 Резник Ю.М. 42, 45
 Рейган Р. 71
 Ремарк Э.М. 241
 Репринцева 176, 187
 Ржаницына Л.С. 136, 142
 Рикка С. 156
 Римашевская Н. 233, 241
 Родионова А.В. 193, 195, 207
 Ромашов О.В. 58, 62, 105, 115
 Ромодановский К.О. 173, 177, 178, 188

- Ростовский В. 266, 271
 Ростоу 64
 Роуз Р. 113, 115
 Рочева А.Л. 180, 187
 Рошин Ю.В. 181, 188, 192, 205, 207
 Рошина Я.М. 126, 127
 Рудаков В.Н. 192, 205, 207
 Рузвельт Ф.Д. 149
 Русина А.В. 87, 114
 Рыбакова Т. 257, 271
 Рыбаковский Л.Л. 174, 188, 230, 239
 Рыжикова З.А. 91, 104
 Рычева Е. 113, 115
 Рязанцев С.В. 171, 188
- Садовая Е. 138, 140
 Садовничий В.А. 25, 31
 Сакс Д. 144, 155, 156, 214, 219, 254, 271
 Салахутдинова Р.Р. 119, 127
 Самсонов В.В. 117
 Санкова Л.В. 65, 76
 Саурин С.А. 130, 139
 Сафиуллина Ф.Р. 193, 207
 Сахаров А.Д. 64
 Свечкаренко В. 139
 Седова Н.Н. 112, 115, 158, 170, 228, 229, 238
 Селезнева А.В. 30, 31
 Семенюта Н.Н. 62
 Сенчагов В. 17, 31
 Сергеев А.М. 25
 Силласте Г.Г. 124, 127
 Силуанов А.Г. 255
 Симонян Р.Х. 23, 31, 40, 41, 45
 Симявская О.В. 47, 51, 62, 90, 104
 Скобелкин В.Н. 51, 62
 Славин Б.Ф. 24, 31
 Слепцов Н.С. 174, 187
 Слонимчик Ф. 90
 Смирнов С.Н. 74, 76
 Смирных Л. 130, 140
 Смит А. 46
 Смолин О.Н. 12, 102, 106, 115
 Солженицын А.И. 20, 31, 254, 271
- Сомавиа Х. 215
 Сорокин П.А. 29, 31, 34, 45, 64, 240
 Спиридонова К.М. 86, 87
 Стребков Г.Н. 72, 84, 87, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 167, 170
 Стрелков Д.О. 42, 45, 76
 Стэндинг Г. 29, 32, 43, 45, 63, 65, 76, 77, 87, 219, 254, 271, 273
 Сукарно 22
 Суханов Л. 20
 Сычев Г.Н. 152, 155, 156
- Тарошина С. 23
 Темницкий А.Л. 111, 115
 Тихонов А.В. 259, 271
 Тихонова Н.Е. 38, 39, 40, 45, 48, 56, 62, 222, 239
 Ткачев А. 212
 Токсанбаева М.С. 252
 Тоффлер Э. 35, 45
 Тощенко Ж.Т. 25, 43, 47, 64, 72, 138, 169, 209, 214, 217, 220, 310, 318, 329
 Трамп Д. 71, 266
 Трутнев Ю. 212
 Трушин А. 201, 207
 Тюрина И.О. 225, 230, 239
 Тюрюканова 175, 188
- Узун В.Я. 26, 32, 114, 119, 127
 Ульянова Н. 125, 127
 Улюкаев А.В. 23
- Фадеева О. 119, 127
 Фей Чуа 92
 Филиппов В. 185, 188, 233, 248
 Фишман Л.Г. 70, 76, 218, 244, 250, 253
 Флорида Р. 37, 45
 Фолкнер У. 241
- Хабермас Ю. 41
 Хагуров А.А. 119, 127
 Хазанс М. 90
 Хаксли О. 251

- Хальбвакс М. 35, 45
Хард К. 36, 89
Хардт М. 41
Харченко В.С. 84, 87, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 170, 201, 208
Хатингтон С.Ф. 35, 46
Хейнс 148
Холостова Е.И. 124, 127
Хорев Б.С. 187
Хорошавин А. 23
Хэнди Ч. 157, 158, 163, 165, 166, 170
Хэмингуэй Э. 241
- Цапенко И.** 176, 188
- Чаплашкин Н.** 160, 170
Чванов М. 186, 188
Чемезов С. 212
Чепуренко А.Ю. 158, 170
Чередниченко Г.А. 192, 207, 208
Черкасов В.Е. 50, 62
Черкасова Э. 139
Черникова Е.В. 114
Черных Е. 270
Черныш М.Ф. 246, 253
Четвернина Т. 141, 153, 155, 156
Чечулина М.Ю. 158, 171
Чубайс А.Б. 22, 71, 248
Чупров В.И. 198, 207
Чуча С.Ю. 62
- Шабанова М.А.** 45, 54, 61, 66, 112, 115
Шагайда Н.И. 26, 32, 119, 127
Шаповалов А. 26, 32
Шевчук А.В. 42, 45, 72, 76, 84, 87, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 167, 170
Шейнфилд А. 128
Шендлер П.Э. 57, 61
Шереги Ф.Э. 227, 239
Шестопад Е.Б. 251, 253
Шилкина Н.Е. 45
Широкалова Г.С. 119, 127
Шкаратан О.И. 38, 40, 41, 43, 45, 48, 62, 66, 76, 78, 80, 87, 111, 113, 115, 141, 146, 147, 156, 220, 239
- Шляков А.В.** 86, 88, 126, 127
Штомпка П. 11, 12, 20, 27, 32
Шугаль Н.Б. 207
Шумпетер Й. 13, 32
Шюц А. 209, 219
- Энгельс Ф.** 33, 152, 168, 244, 252, 273
- Юдина Т.Н.** 175, 188
Юдкин В. 139
Юревич А.В. 237, 239
Юрьева Е. 212, 219
- Явлинский Г.А.** 24, 32
Ясин Е.Г. 19, 32
Ястребов Г.А. 37, 45, 62
Ясько О. 243
- Alexander J.C.** 11, 32
Alfieri S. 203, 204, 208
- Bauman Z.** 11, 32, 41, 46
Bertola G. 47, 62
Bourdieu P. 41, 46, 68, 79, 118, 127
- Carcillo C.** 203, 204
Caruth C. 11, 32
Chen 51
Coles B. et al. 203, 204
- Davis S.J.** 47, 62
- Eyerman R.** 11, 208
- Faberman J.** 62
- Garibaldi P.** 47, 62
Garies K. 160, 171
Garneiro P. 203, 204
Gilladwell D. 203, 204, 208
Gorz A. 35, 46, 88
- Habermas J.** 11, 32, 41, 46
Haltiwager J. 47, 62
Hardt M. 41, 46, 88
Hart K. 36, 46, 89

Hazans M. 90, 104
Heckman J. 203, 204, 208
Hochschild A. 42, 46

Lehmann H. 51, 62

Negri A. 41, 88
Neilson D. 220, 239
Nesporova A. 141, 156

O'Learly Ch. 141, 156

Peck J. 254, 274
Pink D. 79, 88
Pissarides C. 47, 62
Popli G. 203, 204, 208

Razzolini T. 51, 62
Rogerson R. 47, 62

Samorodov A. 141, 156
Seymour R. 77, 88
Slonimczyk F. 90, 104, 122, 127
Standing G. 77, 88
Sztompka P. 11, 12, 20, 27

Tsuchiya A. 203, 204

Weber M. 33, 46
Wright E.O. 79, 88, 171

Vosko Leach F. 47, 62

Zaiceva A. 51, 62

Научное издание

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич

ПРЕКАРИАТ

От протокласса к новому классу

Утверждено к печати

Ученым советом

Института социологии

*Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук*